

№ 2 (46)
2025

ТОБОЛ

литературно-публицистический
журнал

Курган

№ 2 (46) 2025

ТОБОЛ

ЛИТЕРАТУРНО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Курган
2025

Литературно-
публицистический
журнал

ТОБОЛ

г. Курган, 2025 г., стр. 240.

Учредитель:
Государственное автономное
учреждение
«Издательский дом “Новый мир”».

Главный редактор:
Бабушкина Ольга Юрьевна.

Редакционная коллегия:
Васильева Александра Михайловна,
Даниил, митрополит Курганский
и Белозерский,
Жукова Ирина Максимовна,
Захаров Алексей Анатольевич,
Катайцева Наталья Александровна,
Кокорин Сергей Аркадьевич,
Кулакова Светлана Ивановна,
Портнягин Валерий Иванович,
Потанин Виктор Фёдорович,
Речкалова Наталья Викторовна,
Рухлов Александр Владимирович,
Травников Герман Алексеевич,
Филимонов Владимир Иванович.

**Дизайн обложки,
компьютерная вёрстка,
корректор:**
Кустова Юлия Владимировна.

Фотографии:
редакционный и писательский архивы,
а также авторов материалов.

На обложке:
фрагмент картины Германа Травникова
«Вечер у Нарышкиных. Курган, 1837 г.».

Набор и вёрстка:
отдел внешних коммуникаций
ГБУК «КОУНБ им. А. К. Югова».

© «Новый мир»
Журнал издан при содействии
правительства Курганской области.
Издатель: ГАУ «Издательский Дом
“Новый мир”».
Адрес редакции и издателя: 640000,
г. Курган, ул. М. Горького, 84.

Журнал зарегистрирован Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Курганской
области. Регистрационный номер
ПИ № ТУ45-00203 от 3 декабря 2013 года.
В запись о регистрации СМИ внесены
изменения Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Курганской
области в связи с изменением вида издания –
регистрационный номер ПИ № ТУ45-00321
от 15 мая 2024 года – периодическое
печатное издание, журнал.

Распространяется по адресной
рассылке и в розничной продаже.
Цена договорная.

Подписано в печать:
Дата выхода:
Отпечатано в ООО «Типография “Дамми”».
640007, Курган,
пр. Машиностроителей, 13А.
Тел. 8(3522) 25-55-40.
Формат 170×270.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ №
Усл. печ. л. 21,5.
Тираж 250 экз.
Выходит два раза в год.

16+

ISBN 978-5-906602-30-5

Слово главного редактора

Существует особого рода преемственность – не только между поколениями, но и между историями, которые вплетаются в нашу повседневность внезапно и крепко держат всю жизнь. Мы спаяны личными историями о войне, которые передаются из уст в уста, как заклинания. И им веришь, потому что в них была, детская боль, невыплаканная за долгие десятилетия, от которой невозможно избавиться, пока не передашь другому. Именно такой силой обладают рассказы Виктора Потанина и Владимира Марфина.

Слова побеждают горе и печаль, даже те, которые описывают жизнь человека в экстремальной ситуации. Именно от таких слов, по меткому выражению Марины Цветаевой, «душа растёт». Об этом – документально-художественные произведения Валентины Астафьевой, Марьям Исаковой, Виталия Носкова, Сергея Виниченко, Валерия Портнягина, Алексея Куренева. Любовью к малой родине и душевным теплом наполнены рассказы зауральских писателей Татьяны Коростелевой, Георгия Ефимова и Екатерины Пермяковой.

Поэзия в этом номере представлена профессионалами, имеющими за спиной не один лирический сборник. Среди них известные курганским читателям авторы – Николай Покидышев, Владимир Филимонов, Анастасия Менщикова, Николай Анощенко, а также поэты, чьи произведения публикуются в «Тоболе» впервые – Анатолий Арестов (г. Рубцовск, Алтайский край), Роман Башкардин (г. Йошкар-Ола), Екатерина Грушихина (г. Красногорск, Московская область), Елена Колесникова (г. Воронеж), Инвер Шеуджен (г. Краснодар), Кристина Денисенко (г. Юнокоммунаровск, ДНР).

Для жителей Кургана 200-летие восстания на Сенатской площади – не пустой звук. Почти три десятилетия находились в нашем городе ссыльные декабристы, оказавшие влияние на его культурное развитие. Этому посвящена отдельная рубрика, в которой Владимир Ага, Александр Бондаренко, Александра Васильева и Борис Карсонов знакомят с судьбами людей, чьи имена навсегда останутся в истории Кургана. О значимости темы свидетельствует и картина Германа Травникова «Вечер у Нарышкиных. Курган, 1837 г.» на обложке журнала.

Впервые рубрика «Искусство» знакомит сразу с тремя мастерами живописи, раскрывая их творческие биографии и представляя цветные репродукции их работ. 90-летие в этом году отмечают курганские художники – Вячеслав Пичугин, Борис Синицын и Фаина Ланина.

Строительству железной дороги, связавшей 70 лет назад РСФСР и Казахскую ССР, посвящена статья Виктора Буддашова. Об истории Курганского отделения Союза писателей России рассказывает в своём очерке Николай Покидышев.

Особенность нового номера – удивительное переплетение имён и географических названий, тем и сюжетных линий. Читайте журнал до конца, чтобы почувствовать эту крепко спаянную великим русским языком живую связь времён.

ПОЭЗИЯ

**Покидышев
Николай Александрович**

Член Союза писателей России.
Автор поэтических сборников: «Отголоски», «С тобою навсегда», «Неразделимость», «Звательный падеж» и книг «Осколок в памяти», «За Красными горами». Майор в отставке. Проживает в Кургане.

Сны

История из неотправленных писем

*(При печати расположены в том порядке,
в каком были найдены.
Хранились без конвертов, в перевязанной
старым шпагатом пачке.
Даты и имена не указаны)*

Пролог

Откинув голову назад,
На неразложенном диване
Он сидя спал, как люди спят,
Устав от снов-воспоминаний.

Сжимали пальцы карандаш,
Уткнувшийся в листок бумаги.
Из-под руки читалось «Ваш...»,
В углах у глаз – две капли влаги.

За шторами царила ночь,
Царапал окна снегом ветер.
И Время из сегодня прочь
Неслось куда-то по планете.

А он так беспокойно спал,
И брови вздрагивали чутко,
Как будто его кто-то звал
В неповторимую минуту...

Письма

1 (неоконченное)

...Ночь в декабре нескончаемо длится,
Прошлого тени теснятся за ней.
Ты мне сегодня опять будешь сниться,
С неповторимой улыбкой твоей.

Молча придёшь, всё такая же юная,
В строгом костюме воскресного дня.
Смолкнет за окнами улица шумная
И поведёт за собою, маня,

Той же знакомой аллеей заснеженной,
К звону трамваев, сверканью огней.
Ветер навстречу порывисто, бережно
Обнимет, умчится дорогой своей...

Приснилось вновь: на стареньком мосту,
 Уже сбежав из людного трамвая,
 Твои ладони подношу ко рту,
 В весне далёкой их отогревая.

А ты смеёшься: «Ведь и сам замёрз!..»
 ...Так – было. Было, хоть поверить трудно:
 Ты пахла свежестью морозно-колких звёзд,
 Твоей родною воркутинской тундрой.

Ресницы, брови, мех воротника,
 Искрились снегом. Даже звёзды стыли.
 И как мы были счастливы, пока...
 Любимая! Ну что́ мы натворили!

Во сне опять бегу к тому мосту,
 Как будто он для нас – всего опасней;
 Кричу – но ты уходишь в пустоту,
 И я зову, зову тебя напрасно...

До мелочей мой сон на явь похож,
 И ты опять – неповторимо близко,
 Как в ту весну, которой не вернёшь,
 Но снег её всю жизнь зачем-то снится...

Памяти привычным бездорожьем,
 Без надёжных путеводных карт,
 Вновь умчусь в предчувствии тревожном
 В юность, где всегда бушует март.

Обгоняя эха голос гулкий,
 Сбив своё дыханье на бегу,
 Вдруг замру в знакомом переулке
 И ни шагу дальше не смогу:

Всё никак не насмотрюсь на окна
 В комнате на пятом этаже,
 Где живёт она, чей рыжий локон
 Целый месяц снится мне уже.

А в моем конспекте по термеху
 Два билета ждут свой день и час.
 Только есть серьёзная помеха:
 Взять и подойти к ней в первый раз.

Самого себя не узнавая, –
 Лишь бы не сорваться на фальцет! –
 Предложить, почти не заикаясь:
 – Может, сходим вместе на концерт?..

И – влюбиться: как сорваться в бездну!
 Не разбиться – взмыть под небеса,
 Торжествуя, всюду видеть сердцем
 Рыжий локон и её глаза...

А потом, годами, бездорожьем,
Без надёжных путеводных карт,
Улетать из снов о ней тревожных
В юность, где всегда бушует март...

4 (с обгоревшим нижним краем)

«Не приходи»...

Так вот как убивает
Нежданных слов под сердце остриё!
Лишь крик немой у тишины над краем:
«Но почему?..

Ведь я люблю её!..»

Здесь у окна – и не прошло недели! –
Её глаза и пальцы целовал.
Плыл месяц в небесах – тому свидетель –
И, кажется, завистливо вздыхал.

Здесь у окна скрип каждой половицы
Пел гимны счастья у меня в душе.
И вместе с ней всегда мне будет сниться
Наш коридор на пятом этаже.

И вдруг – «Не приходи» слепой карточью,
А ты, открытый весь, к ней так спешил.
«Не приходи» – пощёчина навстречу
От той, кем больше жизни дорожил...

Я уходил прямой и напряжённый,
Не понимая, в чём моя вина.
Со скрипом пол качался коридорный,
Качалась в такт ему в окне луна.

И свет её был празднично-фальшивым,
В углах дверей ломая мою тень.
Я уходил – отныне нелюбимый,
Отвергнутый, как промелькнувший день...

5

Каким я виделся тебе
В последний день перед разрывом?
И что дотла должно сгореть
В прощанья час с вчера любимым?

Что я ужасное свершил?
Чем скушен стал так нестерпимо?
Чем навсегда опустошил
Себя в глазах своей любимой?

Скажи, что ты пережила?
Ступала по каким обломкам
Там, где вчера весна цвела,
Наутро – лишь золы каёмка?

А может, было всё не так?
И только зря терзаюсь снова?
Вдруг *это* – в сущности, пустяк:
Забыть и полюбить другого?

И мне – вот так же позабыть,
Судьбы причуде рассмеяться:
Да мало ли что может быть,
Когда тебе лишь восемнадцать?

Но если я убил мечту,
Прости все вины в давнем мае.
Особенно прости за ту,
Которой за собой не знаю...

6

Целую всю тебя во сне.
Со скрытой нежностью целую
В ночной безглазой тишине
Тебя – далёкую такую.

Целую, как давным-давно,
В дни юности неповторимой,
Где ты осталась всё равно
Моею первою любимой.

Порою сон лукаво лжёт,
Но точно помнит дни и даты.
Так археолог бережёт
Осколок, лишь ему понятный.

Ах, эти сны! Какой с них спрос?
Ну мало ли кому что снится?
Но почему влажны от слёз
И снов непрощенных ресницы?..

7

И так всегда:

когда встречались мы,
Ты молча слушала меня с полуулыбкой.
Весомость доводов теряла всякий смысл,
Незыблемое – становилось зыбким.

Мне то хотелось остроумием блистать,
То вдруг уйти, не услышав ответа,
То, наклонившись, твои руки целовать,
Касаясь их губами чуть заметно.

То как на штурм, на самый главный бой
Слова построив, вновь идти в атаку.
Разгромленно шептать: «Смотри, я – твой...»,
И, если б мог, от безнадёжности заплакать.

И каждый раз, молчанья не поняв,
Всё проклиная и стыдясь признаний,
Давать обеты: с завтрашнего дня
Забывать о наших встречах-наказаниях.

...Был затяжным, мучительным разрыв,
А ты, как прежде, странно улыбалась.
Я понял, твоей тайны не открыв:
Ты – жизнь.

А остальное – что осталось...

8

Зачем вдруг помнить женщину чужую,
Ту, что когда-то в юности любил?
Она ушла к другому, в жизнь другую,
А ты забыть старался – не забыл.

Скажи, зачем надеяться впустую,
Хотя того, другого, с нею нет,
И среди всех искать одну такую,
И ждать её так много-много лет?

Скажи, зачем вдруг обмирать от взгляда
Пусть незнакомых, но похожих глаз,
Как будто с нею ты, как прежде, рядом
В неповторимый самый первый раз?

Зачем всё помнить так предельно точно:
Ведь *ничего* уже не повторить!
И почему внезапно среди ночи
Вновь прошлое взрывается в груди?

Я сжёг её единственное фото,
Но память – не бумага: не сожжёшь,
И вместе с пеплом не развеешь просто,
А если лгу – то это сердца ложь.

Так кто же лжёт? Я не нашёл ответа.
Но снова будут сниться мне порой
На пепле от сожжённого портрета
Слова: «Тебе, мой самый дорогой!..»

9

Давным-давно твой сердца стук
Я слышал у груди своей.
Порою снится это вдруг,
И кажется: любить сильнее

Уже нельзя. Но в ярком сне
Так больно, остро и светло
Всплывут те дни. Наверно, мне
Необъяснимо повезло

На сотни тысяч всех других,
Кто тихо плыл в ладье судьбы:
Ведь каждому свой звёздный миг
Когда-то предоставлен был.

Но замыкая жизни круг
Среди прожитых многих дней,
Дай Бог твой мягкий сердца стук
Услышать у груди своей...

10

Здравствуй, сердцем любимая!
Здравствуй!

Так давно от тебя вдалеке
Я целую почти по-братски
Твой мизинец на левой руке.

Сколько раз я во сне целую
Пальцы, волосы, губы, глаза...
И судьбу не хочу иную!
Ни на миг не хочу назад!

Расставания все и встречи –
Только наши, без права на суд.
На путях, уходящих в Вечность,
Нас дороги опять сведут.

Параллели сольются в точке,
Где усталое время замрёт.
Всё, что снилось когда-то ночью,
Неожиданно оживёт.

Ничего не бывает напрасным.
Даже если во сне, вдалеке,
Я целую почти по-братски
Твой мизинец на левой руке...

11

Вот и день уже на закате.
Даже дождь перестал моросить.
И деревьев промокшие платя
Тёплый ветер успел осушить.

Тёмным пологом небо завесив,
Поздний вечер возник за окном:
Гость привычный на прежнем месте
Заглянул молчаливо в дом

И, шагнув на асфальтовый глянец,
Заспешил по своим делам.
Если он и к тебе заглянет,
Расскажи ему, как ты там...

Подари мне себя в этот вечер
Всю до капли. Хотя бы раз!
Расставанье и время не лечат –
Просто ждут свой заветный час.
Ждут всю жизнь, не теряя надежды,
Как коснутся руки рука.
И сольются сердца, как прежде,
В неразрывности на века...
Подари мне себя в этот вечер.
Сколько я не успел сказать!
На краю в необъятную Вечность
Так легко навсегда опоздать.
Лягут в чашу весов Господних
Мои строки за много лет.
Подари мне себя сегодня!
...Тишина.
Но я жду ответ...

12

Снова снится покинутый дом,
Жаркий полдень в начале лета.
Окна настежь. Всё пахнет теплом
И улыбкой с лица портрета.
Я когда-то давно целовал
Эти брови и губы эти.
И годами во сне их искал,
А зачем – не смогу ответить...
Здесь всё было совсем не так:
Радость, солнце, порывы ветра...
Мириады пылинок не в такт
Танцевали везде с рассвета.
Были двое, юность, весна.
Каждый миг был от счастья огромным...
А сейчас – ни души, тишина,
Лишь сквозняк в анфиладах комнат.
Вот и сумерки. День на закат?
Или сон незаметно кончается?
Но зачем столько лет подряд
Мне с портрета лицо улыбается?..

13

Ты мне приснилась в свадебном платье
С длинной, откинутой ветром, фатою,
В шумной толпе, у другого в объятьях,
Ты уходила опять стороною.

Снова молчала и снова смотрела,
Словно ждала моих слов самых важных,
Взвилась фата рядом облаком белым:
Так уходила во сне моём каждом.

Даже во сне нас с тобой разлучает
Что-то, чего никогда не узнаю.
Вьётся фата на ветру пленной чайкой
В шумной толпе над твоими глазами.

Сердце вдогонку рванулось: слепое,
С горя не видит другого объятий,
Хочет всё время быть рядом с тобою!
Цвета разлуки белое платье...

Юность врывается в сны к нам без спроса.
С нею любовь вдруг ворвалась однажды,
Но улетела прочь ночью беззвёздной,
Слов не услышав от нас самых важных...

14

Рыжая девушка в чёрном костюме,
Белая блузка, скромная брошь.
Моя промелькнувшая облаком юность,
Скажи без утайки: как ты живёшь?
Чем переполнены годы минувшие?
Верность себе – к разлукам подчас.
Что сердцем хранимо как светлое, лучшее?
Часто ль о нём вспоминаешь сейчас?

Жизни пространство – поле огромное
Из расставаний и встреч невзначай.
Лучше остаться в пометках «знакомые»,
Чем «не звони мне» или «прощай»...

15

Как там море у вас? Штормит?
Да и то: на дворе не лето.
А у нас здесь весною сквозит:
Много солнца и много света.

И январь так на март похож –
На тот первый для нас с тобою.
Никуда от него не уйдёшь.
Эта правда зовётся судьбою.

Можно врозь и с другими жить.
С ними миг свой последний встретить.
Только память всегда дорожит
Самой первой весной на свете.

Даже если её не вернёшь,
Не звонишь и давно не пишешь,
Всё равно ты ею живёшь,
Всё равно её воздухом дышишь.

И не нужно об этом вслух:
Тайны сердца живут в одиночку.
Если сердце взорвётся вдруг,
Его тайна останется точной.

Я отвлёкся немного. Прости!
Ночь уже. Фонари и месяц.
Как там море у вас? Штормит,
Оставляя неясные «Если»?...

16

Сейчас ты снишься мне другой:
Разрыва нет, нет прежней боли.
И ты по-прежнему – со мной,
И лишь от счастья сердце колет.

Ты снишься мне моей женой,
И ждешь меня домой в халате
Такой желанной и родной,
Какой не знал в парадных платьях...

А ночь спешит свершить свой круг
Паломником прилежным в Мекку.
И я проснусь зачем-то вдруг:
А за окном прошло полвека.

Зима – другая, снег – другой,
И я под стать: седой и белый.
И снова нет тебя со мной,
И жизнь уже не переделать.

Но есть на свете ты и я,
Твой голос в телефонной трубке.
Всё так же кружится Земля,
С судьбою затевая шутки...

17

Мне снится иногда наш сын,
И дочь порою снится тоже.
А ты? Ты видишь эти сны:
Как дети на тебя похожи...
Сын – то серьёзен, молчалив,
То искренне вдруг рассмеётся,
Как может только он один,
Как будто выглянуло солнце.
А дочь? Дочь – копия твоя,
Лишь волосы чуть-чуть светлее,
Спокойна, ласкова. А я
От сходства вашего немею.
Мы вместе бродим, говорим,
Легко друг друга понимая,
А глянув на часы, звоним:
«Прости! Мы едем. Жди, родная...»
Как жаль! Ведь даже много снов
На явь не подлежит обмену.
И день минувший так же строг,
Ошибок воздвигая стены.
Но если Время в миг ночной
Склоняет голову устало,
То я встречаюсь в нём с судьбой,
Где жизнь с тобою состоялась...

18

Мои строки к тебе –
Перелётные птицы
Из мгновений и дней
Прочь умчавшихся лет.
Долетая, они
Превращаются в письма –
В стаи белых страниц,
Запечатанных прошлым в конверт.
Надорви тонкий край –
К небу вырвутся песни:
О тебе, для тебя –
Каждым звуком своим.
Только сердце твоё
Не взлетит с ними вместе:
Улетело оно
Вслед зовущим напевам другим.

Ты прости нежных птах:
Неразумные птицы
Могут жить лишь в краях,
Где родились, росли,
Где навстречу с утра
Им взлетали ресницы:
В дорогих мне глазах
Плыло море бездонной любви.

Мои строки к тебе –
Перелётные птицы –
Вдруг сорвались опять
В край до боли родной,
В край, где я целовал
Глаз любимых ресницы,
В край, где встреча с тобой
Оказалась нежданно судьбой...

19 (последнее, без начала)

...Редкая радость – голос твой
В трубке после звонка.
Словно вернулась молодость,
И снова в руке рука.

Идём сквозь апрель по городу.
В аллеях под клёнами снег.
Солнца сквозь ветви полосы.
Твой ласковый тёплый смех...

Р. С.: Скоро с этой земли навсегда уходить.
Ничего не поделаешь: возраст.
Только сердце по-прежнему хочет любить,
Даже если порой невозможно...

Финал

Так он любил или не так:
В своей душе порой потёмки.
Солжёт и очевидный факт,
А правда ждёт свой час в сторонке.

Звон телефона утром ранним
Не пробудил его от сна.
Светились буквы на экране
Короткой надписью «Она»...

И кто-то вновь и вновь звонил,
Как будто чувствуя тревогу.
Незримо ангел шестикрыл
Двух этих душ лечил ожоги.

И в триединстве странном том
Таилось чьё-то позволение:
С ним птица путь находит в дом
Из стран далёких без сомненья.

Эпилог

1

Руки с набухшими венами.
Письменный стол у окна.
В жизни с её переменами
Старость тоже одна.

Долгая иль недолгая:
Как кому повезёт.
А за незримым пологом
Ответ неизбежный ждёт...

2

А где-то розовели облака,
И медленно всплывало к небу солнце.
Но карандаш не выпустит рука:
Её хозяин больше не проснётся.

3

Лишь сны, не ведая беды,
Слетались вновь и вновь присниться,
Незримые, как лёгкий дым,
И оседали на ресницах...

И – словно платья тихий всплеск:
Тень женщины метнулась с кресла.
А может, наши сны и есть
Случайный дар любви небесной?

И в легкомыслии своём
Беспечно выбранных касаясь,
Умчится. Но ей вслед потом
Рождается любовь земная...

ПОЭЗИЯ

**Филимонов
Владимир Иванович**

Поэт, писатель, член Союза писателей России. Автор книг: «Все мы родом из детства», «Пора цветения», «Капелька жизни», «Письма с фронта. Святое имя – Учитель» и другие. Майор в отставке. Член редколлегии литературно-публицистического журнала «Тобол».

Однокласснику Коле Пономарёву

Мой друг, скажи-ка мне на милость –
Что толку в осени сырой?
Теплынь случается порой,
А так – одна вода и гнилость,

Чуть горьковатый дым костров,
Кающихся вновь на огородах,
И еле слышный запах мёда
В сосновом омуте боров.

Как в осень скромненький наш удел,
Как никуда из стен не манит,
Как мы растеряны в тумане
Не очень-то любимых дел.

Ещё три осени – и нам
Пойдёт уже восьмой десяток,
На души не нашить заплаток,
Не сниться больше детским снам.

И как бы грустно нам ни стало,
Тут – возражай не возражай –
Пойдём встречать с тобою старость
И собирать свой урожай.

На 70-летие Ивана Ягана

Ошибок вновь не повторить
И беззаботно не смеяться,
И безрассудно не влюбляться,
И нежных слов не говорить.

И трав душистых не косить,
И, уходя, не обещаться,
И боль уже не приносить,
И бессердечно не прощаться.

Пора цветения прошла...
И надо браться так за дело,
Чтобы душа не только пела,
Но и всплакнула, чуть дыша,

О том, что сделать позабыла
В разгуле беспокойных дней.
Ведь то, что было – это БЫЛО,
А то, что БУДЕТ, – посложней.

Однокласснице Ане Зубаревой

Под гитарный перезвон,
Лёгкую беседочку
В детстве был и я влюблён
В бойкую соседочку.
Помню, думывал не раз:
Кто ей больше глянется,
И к кому, к кому из нас
Её чувство тянется.
А она, едва взглянув,
Бросив шутку колкую,
Уходила прочь, тряхнув
Белобрысой чёлкою.
Много лет прошло с тех дней
Тропочкой туманною,
Только сохнет всё по ней
Сердце окаянное.

Прощание

Зимний день свечой растаял
Над горячею трубой.
Посумерничаем, Таня,
Побеседуем с тобой.
Пыл словесного пожара
Через полчаса угас.
Жилка нервная дрожала
У твоих уставших глаз.
Но когда слова непрямы –
Они тлеют и горчат.
То ль стучится кто-то в раму?
То ль сердца наши стучат?
За окном пурге не спится,
В вихре белых отрубей
Ты – заморская синица,
Я – российский воробей.
Есть великой силы тайна
В холодке любимых глаз.
Посумерничаем, Таня,
Может быть, в последний раз.

Однокласснику Пете Бирюкову

Когда в озёрах лунные дорожки
Блестели в дорассветные часы –
По сёлах незатейливой гармошки
Вздыхали вдохновенные басы.
Они страдали, верили, любили,
В ладах звучали радость и тоска,
Заимствуя из небыли и были
Суровый быт и замки из песка.
Заслушавшись и плясовой, и плавной
Мелодией – нечаянно пойму,
Что гармонист на свадьбе – самый главный,
И первая рюмашечка – ему!
«Послушай, гармонист, скажи – откуда
В игре твоей задоринка и стать?
Я, слушая, как в детстве, верю в чудо,
Коль хочется и плакать, и плясать!
Как ты живёшь и что тебя тревожит?» –
И он сказал, сверкнув латунью блях:
«Бездействие крестьян мне сердце глохнет...
Ведь не рожают сгибшие поля.
Ты глянь вокруг, как вымирают сёла,
Сыны бегут от матушки-земли,

И оттого всё чаще невесёлы
Аккорды беспокойные мои.
Отдохновенья нет душе и телу,
Истерзана бурьянами земля...»
И он умолк, с локтя попутно сделав
Жест неприличный...

...Я уезжал. Нелепые останки
Строений на окраине села
Рыдали от «Прощания славянки»
Со мною вместе. А страна жила,
Жила назло разрухе и потерям,
Вразнос, хмельно и, как в последний раз,
В саму себя почти что и не веря,
С надеждою оглядывала нас.

**Памяти Бориса Ивановича Новикова,
основателя журнала «Сибирский край»**

На земле мы врёменные гости,
И хотя в смерть верится с трудом,
Всё-таки на сумрачном погосте
Место выбираем как под дом:
Чтоб на дне могилки было сухо,
Травка не бурьянная росла,
Сосны да берёзки, а для слуха –
Ласковая песенка щегла;
Чтобы от рассвета до заката
Солнце пригревало бугорок.
Таинство кладбища так же свято,
Как и первый бабушкин урок.
Как бы мы ни жили – бедно, звёздно,
Праздно иль в объятиях труда, –
Срок настанет – рано или поздно
Все мы переселимся туда.
И когда один из нас уходит
Незаметно, ласково, не зло, –
Очень стыдно плакать при народе,
Всё же плачем – значит, проняло.

**Геннадию Воронину,
Заслуженному работнику культуры РФ**

Когда услышу я басы трёхрядки,
Когда увижу девок перегляд –
Мгновенно и на сердце всё в порядке,
И ноженьки на месте не стоят.

Играй, гармонь!
Поплачь со мной, посмейся!
По деревням ты всё ещё в чести,
Игривыми руладами залейся
И птахою лесною засвисти.

Кто породил тебя: Господь, любовь, природа?
С тобою знаю, что ждёт впереди,
Ты, как душа русского народа,
Застонешь – до мурашек холодит.

В тебе так много радости и злости,
Добра и нежной трели соловья,
Что, кажется, уснувши на погосте,
Из-под земли тебя услышу я!

Я без тебя, как павший лист, засохну,
Берёзкою замёрзну поутру...
Играй, гармонь, чтобы душа не сдохла
Собакою бездомной на ветру!

На 75-летие Николая Аксёнова

Поэтов на Руси не так уж много,
Но коль выросли – то это на века.
Им силы придаёт река Отнога,
Которая не больше ручейка,

Но в ней такая мощь и сила страсти,
Такой пример для песен соловья,
Что мелкие житейские напасти
Пасуют пред величием ея!

И я там был, и волны нежно трогал,
Как чуткую и звучную струну.
Здесь, в Митино, живёт поэт от Бога,
С которым я пошёл бы на войну,

За лес, что вырубается и жгётся,
За степь, что будто мёртвая лежит,
За связь с землёй, что гнётся, но не рвётся,
За честь её, чем русский дорожит.

И станет поспокойнее на сердце:
Защитник есть – и горе не беда.
Откроет он перед прекрасным дверцу,
Очистится им мутная вода.

Уж он-то скажет, очень громко скажет,
Вдобавок хрипловато пропоёт –
И станет меньше на душе заморской сажу
И нечисти, что жить нам не даёт.

Ведь в песнь из стихотворных перезвонов
На склоне умудрённых жизнью лет
Вписал куплет наш Николай Аксёнов –
Поэт крестьянский. Больше чем поэт.

Люде Ф.

Ничего ты не забыла,
В ноги падала листом,
Уж любила – так любила,
Ненавидела потом.
«Для тебя я», – говорила
В стоге сена у села,
Что имела – подарила,
До венца не берегла.
Только я любил в полвздоха,
Будто ждал какой беды...
И твоя любовь засохла,
Как ромашка без воды.
Всё, что вечно, – тоже тленно
От обиды, не со зла.
Осень – подлая измена –
Жёлтой змейкой подползла.
Развели нас, подкупая,
Пересуды да молва.
Эх, ты, молодость глупая –
Годовалая сова...
Я живу теперь повинно,
Чтоб произнести хоть раз:
Гали, Люды, Раи, Нины –
Девочки, простите нас
За бездушное ненастье,
За взгляд вдаль из-под руки...
Вы достойны в жизни счастья
Больше, чем мы – мужики.

Незрячему баянисту на Центральном рынке

Играет он судьбе назло –
Тут не прибавишь, не убавишь, –
И пальцы чувствуют тепло
Зовущих и манящих клавиш.
Который день, не первый год,
Он славит песней лес и доли,
И молча слушает народ
Мотив мелодии весёлой.
А баянист взалел поёт,
Он «видит» дальше, лучше, чётче:
«Вертушки» прерванный полёт
И трассы торопливый росчерк,
И взрыв, что просто, на бегу
Глаза в ладони резко вышиб.
Не уберёт ни тот, кто свыше,
Ни тот, кто ниже, – там, в аду.
Как трудно жить, коль впереди
Заведомо – одни лишь крохи.
На вздохе булькает в груди
У сына брежневской эпохи.
Замолк. И замер, чуть дыша,
Наедине с бесцветной болью...
И в этот миг его душа,
Казалось, вырвалась на волю.

Валерию Портнягину в год его 70-летия

За строку – за цветочек аленький –
Он, в заботах семью обкрадывая,
В перехожего рядится калику
И вперёд через годы заглядывает.

Слово звонкое гаркнет кóчетом –
И разбудится Родина вешняя,
Многоточья, вопросы и прочерки
Не прощая живущему здешнему.

Городище как огородище:
Здесь присвистнешь, а там – аукнется,
Ведь людская молва – убродище,
Не захочешь – а надо стукнуться.

Потому и строка не пенная,
Потому и всех нас касается
Та душа, что, как рухлядь бесценная,
Растранижилась пером-палицей.

Ты прости его, свет-Антонинушка,
Скрозь курящего, не дебелого,
Ведь такая у мужа судьбинушка –
Всё по полюшку, да по белому.

Не жилось на Руси осияненно,
Всё туманисто да касательно,
Потому на ноле расстояние
От Портнягина до писателя.

Мы берём твои книжки душевные
И ласкаем рукой благодарною
За стихи, будто сказки, волшебные,
За рассказы про нас небездарные.

Ты из сердца их повыплёскивал
И пришил к нам словесной дра́твою,
Потому и становятся тёзками
Эти очерки благодатные.

Нам не жить без душевного лепета,
Не морозить стихов соцветия!
Друг и брат наш, шагни бестрепетно
Ты в восьмое десятилетие.

Однокласснику Пете Емельянову

Старый домишко под толевой крышей,
Тёмные сени и пол земляной,
Где-то под печкою шепчутся мыши...
С кем это было? С тобою? Со мной?

И прилегло почти вровень с землицей
В трещинках древних седое окно,
Глядя на озеро.
Русские лица
Ближих твоих позабыл я давно.

Но, прорываясь сквозь годы упрямо,
Снова у дома стою твоего,
Ломоть ржанухи несёт твоя мама,
Сахаром щедро посыпав его:

«Кушайте, детки, ведь в хлебушке сила,
Боженька видит, за вас помолюсь...»
Сколько б по жизни судьба ни носила –
Помню из глаз её тихую грусть.

Вторит ей верно отцова гармошка,
Падают звуки в незрячую тьму...
...Светит за озером в детство окошко
И никогда не погаснуть ему.

Татарочке из с. Шарипово

По улице спокойно, неприметно
Проходит – не твоя и не моя –
Прекрасная, как первый луч рассвета,
Красавица-татарка Дания.

Она идёт походкой чуткой серны,
Сменившая всего двадцатый снег,
И чужды ей обман и липкость скверны,
Родивших этот беспокойный век.

Любая ей работушка подвластна,
Всё делает разумно, не спеша,
Глядят глаза застенчиво и ясно,
И кажется – сквозь них видна душа.

Не модница она – дитя природы,
Любимица знакомых и подруг,
И веруют сады и огороды
В надёжность тонких полудетских рук.

Ей незнаком дождь изречений бранных
И смысл жизни, если есть таков...
Когда мулла читает из Корана,
То тихо так, что видишь сны веков.

Ольге М.

Молчание бывает громче слов,
Страшнее глуби горного обрыва.
Молчала ты весь вечер на Покров –
И это было так красноречиво.

Я целовал безмолвные уста,
Я разговоры заводил сначала,
Но выразительно была твоя душа пуста,
В окно смотрела. И опять молчала.

Ничто не сшевелинуло немоты:
Ни речи сладкие, ни небо голубое.
Позвенькивали мёрзлые кусты
Под ветерком, играя меж собою.

Живём мы испытаньям вопреки
С сомнением и верою в Отчизну,
И все обиды наши – пустяки
В сравнении с великим чудом – жизнью.

Давай с тобой увидим облака,
Почувствуем, что небо – голубое,
За горизонт пойдём – в руке рука –
С тобою только, только лишь с тобою.

Суровый мир вновь краски обретёт,
Как в песне об изменчивой погоде,
А кто до горизонта не дойдёт –
Оставшийся в последний путь проводит.

Вновь запоют весенние ручьи
Назло зимой остуженному сердцу,
Ведь друг от друга нам уже не деться,
И ты, коль сможешь, больше не молчи.

ПОЭЗИЯ

**Шеуджен
Инвер Интеханович**

Российский и адыгский поэт и публицист, родился 22 февраля 1970 г. в г. Краснодаре. В поэзию пришёл уже в зрелом возрасте. Лауреат Международных конкурсов и Национальной премии «Золотое перо Руси», дважды лауреат Всероссийского поэтического конкурса имени С. Есенина, обладатель серебряной медали VIII Всероссийского литературного фестиваля «ЛифФт», действительный член Европейской академии литературы и искусств, лауреат премии «Триумф». Стихи автора представлены во многих российских («Север», «Смена», «Аргмак», «Невский альманах», «Сура», «Александр», «Камертон», «Литературные знакомства») и зарубежных литературных изданиях. Автор поэтических сборников «Звезда упала на ладонь» (2018), «Откровение...» (2021) и «Избранное» (2025). Живёт в г. Краснодаре. В журнале «Тобол» публикуется впервые.

Выйду в поле, время закатное

Выйду в поле, время закатное,
Ветер кудри рассыплет линиялые.
Воля вольная, жизнь перекатная,
Я вернулся на родину малую...
Степь пылает полынью взъерошенной,
Небо тучи закрыли суровые.
Я по миру бродил, гость непрощенный,
В уголки забредая бедовые...
Рвутся с повода кони ретивые,
Эх, пустить бы их вскачь, позабавиться.
На пригорке поодаль – стыдливая,
Как невеста, берёза-красавица.
Даже дышится здесь мне особенно,
Все тропинки, до боли, исхожены.
Дом отцовский, кустами смородина,
И погосты родные ухожены –
Но не мною.
Простите, не хаживал,
Поклониться бы оземь, покаяться.
Постоять пред могилою каждого,
И поплакать, душа коли мается...
Выйду в поле, время закатное,
Ветер кудри рассылет мне, балуя.
В алом зареве степь необъятная.
Я вернулся на родину малую...

Я брожу по ночному городу

Я брожу по ночному городу,
Душу вывернув, словно на суд.
Помню – так же гулял я здесь смолоду,
Находя и покой, и приют;
Среди улочек тихих, исхоженных
Выбирая места потемней.
Тает вечер, дождём потревоженный,
В полусвете сонных фонарей...
Что ж ты, память моя, неуступчива:
Отпустить не отпустишь года,
Когда девушки были улыбчивы,
И в кармане пятак – не беда...
Там сиренью так пахло за окнами,
И в саду колдовали шмели.
А луна, полукругом изогнута,
В поднебесной бледнела дали...
Дождь стихает, и небо не хмурится,
Мотыльки одиноких огней,
Разлетаясь, желтеют на улицах,
Словно в пору опавших аллей...

Когда небо прольётся дождём

Когда небо прольётся дождём,
В полумраке, размытым пятном –
Не во время дневной суеты,
Когда город во власти толпы, –
Мне по нраву бродить одному,
Погружаясь в дождливую тьму.
И в раздумьях стоять под столбом,
Под бледнеющим жёлтым огнём.
И узрев озаренья черты,
И ликуя, что выбран им ты,
Строчки первые вслух в темноту
Бросить нежно, лелея мечту.
Барабанит по крышам вода,
А мне слышится голос дождя.
Одинокие бродят зонты,
И под каждым мне грезишься ты.
А душа в этот миг так хрупка –
Откликаясь ей, вторит строка,
Собираясь дождливым стихом
Под забытым фонарным столбом.
Средь дождя, погружаясь во тьму,
Мне по нраву бродить одному.
Не люблю я дневной суеты,
Когда город ворует мечты...

Согрев дыханьем лиры след

Когда в сознание озарённом
Рождается внезапно стих,
И мир, доселе окаймлённый
Обыденностью, станет тих;
Когда строка рождает чувство,
Небесной нежностью плена,
И поэтическое буйство
В пылу бросает в полымя, –
Быть по-другому и не может,
Коль даром к лире наделён, –
Циничности срезая кожу,
Ты явишь мир со всех сторон,
Незримые представив грани,
Рождённых строф полутона,
В азарте, как на поле брани,
Срывая лоск, как ордена.
Когда в колокола набатом
Мир оглашая, словом бьёшь, –
Стихосложения солдатом
Ты с гордостью себя зовёшь.
Миг проживая словно вечность,
Расхожих не приемля фраз,
Бросаешь строки свои в вечность,

В них умирая каждый раз
И воскрешаясь. В этом счастье!
Ты шёл к нему так много лет
Сквозь годы, муки и ненастья,
Согрев дыханьем лиры след...

Глаза ласкает позолота

Глаза ласкает позолота
Пейзажей.
Яблоки в саду
Опали, и наотмашь кто-то,
Как кистью, осень по холсту
Мазками набросал.
Фламандцы
Могли такое написать...
А старый патефон романсы
Всё крутит, сея благодать...
Мне перестало лето сниться,
По нраву мне лесов парад.
Как в осень можно не влюбиться,
В её соломенный закат!
В её этюды и туманы,
И поредевшие поля
В изысканных тонах шафрана
До дней последних ноября;
В дожди завернутое небо,
Берёзок чёрно-белых строй
И запах снега, что так цепок
Туманной зябкою порой.
Глаза ласкает позолота
Опавшей осени, ау!
Нарисовал как будто кто-то
Мою давнишнюю мечту...

Как в молодости горячи объятья

Как в молодости горячи объятья!
А мне казалось – счастье позади...
Меняет осень, обнажаясь, платья:
Какое краше – разбери поди.
Терраса, чай, вишнёвое варенье,
По саду бродит яблок павших дух.
Озябших рук твоих прикосновение,
А вечер блюз наигрывает вслух...
Завернутое в непогоду небо,
Как лодка утлая, течёт – не залатать.
Твой взгляд уносит в сказочную небыль,
И снова мне в душе лишь двадцать пять.
Листая память в книге многолетней,
Я о тебе так часто вспоминал.

Седи́ны становились всё заметней,
А мир в окне предательски мельчал...
Но манят ещё пылкие объятия,
Забьёт тебя – превыше моих сил.
Меняет осень, обнажаясь, платья.
Я о любви её опять просил...

Небо на ладони, шапки гор седы...

Небо на ладони, шапки гор седы.
Вьётся змейкой речка – чище нет воды.
Девушка с кувшином, чёрные глаза;
Гордые мужчины, янтарём – лоза...
В яблонях долины. Хо́женой тропой
Кони с чёрной гривой мчат на водопой.
Шёлковые травы в росах поутру.
Тут детей с рожденья учат лишь добру...
Ледяные скалы памятью полны,
На стене кинжалы – с давней той войны.
Здесь народ адыгский издавна живёт,
За столом лишь старший голос подаёт...
В поднебесье беркут крылья распростёр.
Как молитвы – песни, а в груди – костёр.
Танец – отражение жизни без прикрас,
Честь и уважение – так живёт Кавказ...
Горы-исполины, как века, седы,
А в Лабе хрустальной чище нет воды.
Девушка с кувшином, чёрные глаза;
В виноградных бусах алая лоза...

Закончилась войны эпоха

80-летию Великой Победы посвящается...

Закончилась войны эпоха,
И смыли горечь всю дожди.
Но почему не сделать вдоха
Без боли, что живёт в груди?
И почему в цветущем мае,
То у Поклонной ли горы,
То на Мамаевом кургане
Полно с цветами детворы...
И отчего так плачут души
У ветеранов до сих пор?
И ветер времени не глушит
Судьбы жестокий приговор...
А память снова воскрешает
Пороховые те года,
Где мать солдата всё встречает –
И не дождётся никогда;
До основания где разрушен
Непокорённый Сталинград;

Где разрывали ночь «Катюши»,
И каждый залп – за Ленинград;
Где клич гремел – «Всё для Победы!»;
Краюха хлеба – пополам;
Где умирали наши деды,
Чтобы жилось сегодня нам...
Такая участь им досталась –
Солдатам тех, сороковых.
Нам поклониться им осталось,
Всем поимённо, за живых...
Закончилась войны эпоха,
Забылись грозные черты.
Но до сих пор не сделать вдоха
Без боли, что живёт в груди...

Два друга

«Ну вот и всё, мой друг-товарищ:
Остались мы вдвоём с тобой
Из роты, что в дыму пожарищ
Легла под этой высотой...
Нам жить осталось до рассвета,
Но умирать ведь не впервой.
Отсыпь махорки из кисета,
Давай закурим по одной...
В дыму испаханное поле,
Умолк разбитый пулемёт.
И небо хмурится от смоли
Дымящих танков. Наш черёд.
В подсумке – лишь одна граната,
Но силы есть для штыковой.
В последний раз подняться надо,
Мой друг, товарищ боевой...
За тех ребят, что здесь остались,
Земли родной не отдав пядь,
Под “Фердинанды” что бросались,
Пришла пора нам долг отдать...»
Застыли в белом обелиске
Два друга – вместе на века.
До смерти было им так близко,
Как и до славы – два шага!

Ты слышишь ли меня, солдат

Как в сорок первом, смерть стократ
Грозна, и небеса горят.
В аду, средь боли и огня,
Солдат, ты слышишь ли меня?
Ты посмотри – с тобой в строю
Ребята, пали что в бою:
Чуваши, татарин и бурят –
Все те, кто был тебе как брат.

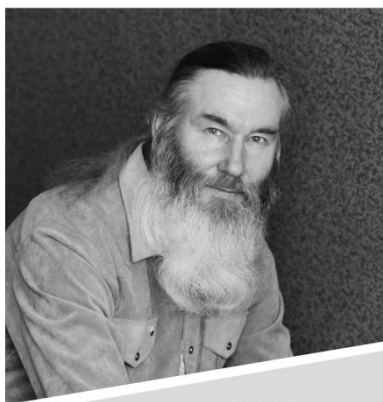
С тобой, запомни, Ленинград,
И город славы – Сталинград!
И дед, что в поле под Москвой
Остался вечно молодой.
С тобой шагает мать-страна,
Пожаром войн опалена,
Не зачерствав и не предав,
И голову склонить не дав.
А ночь от взрывов горяча...
Застыла над письмом свеча –
Но надо пережить рассвет,
Мальчишка, сколько тебе лет?
И поднимая в цепь ребят,
Ты знай: любимые не спят
И ждут – а матери в мольбе
Седуют в думах о тебе.
И чей-то сын, и чей-то брат...
«Огонь!..» – кричит, хрипя, комбат.
Над полем в копоти луна,
Опять кресты, опять война.
Пусть смерть грозит в прицел стократ,
Но правда за тобой, солдат!
Чеченец, русский и бурят,
И каждый – мне отныне брат...

Прострелено сердце

Прострелено сердце.
Мальчишка безусый.
Рифлёные берцы
И капли, как бусы,
Запёкшейся крови
На левом предплечье.
И горе не внове,
Уже и в Заречье.
Упал он, срываясь
С ротой в атаку.
А жизнь, обрываясь,
Кинула в маки...
Придёт извещение:
«Долг выполнил с честью».
И мама в смятенье
Осядет на месте...

И тихо заплачет:
«Ну как же, сыночек?..»
У глаз полузрячих
Застынет платочек...
И вздрогнет земля
От нахлынувшей боли.
Затихнут поля,
Что не знали неволи.
Война – испытанье:
Кому-то – во славу,
Кому – в наказание,
Где честь не по нраву...
Мальчишка безусый
Вдруг замер в атаке.
И капли, как бусы,
Упали на маки...

ПОЭЗИЯ

**Анощенко
Николай Петрович**

Член Союза писателей России, заместитель председателя Курганской областной писательской организации, активный член Кетовского литературного объединения «Тобол». Автор поэтических сборников «Судьбы и слов переплетение» (2019) и «Анатомия души» (2020). Регулярно печатается в журнале «Родник» Кетовского литобъединения «Тобол».

* * *

Пока зима не началась,
Давай по осени походим,
Воздушных замков повозводим,
Пейзажем серым вдохновясь.

Пока не началась зима,
Осенним солнцем насладимся,
Высоким слогом изъяснимся
В избытке чувств, сходя с ума.

Пока снега не взяли власть,
Повластвуем над нашей грустью.
Исток всегда стремится к устью,
Боясь в протоках запропасть.

Пока зима не началась,
Почувствуем тепло объятий.
Боль расставаний, как распятий,
На сердце коркой запеклась.

Покуда есть тепло души –
Над нами и зима не властна.
Пусть легкомысленность опасна,
Ты мне навстречу поспеши.

* * *

По жёлтому платью скучая,
Берёзка набросила белую шаль.
Серебряный иней, блистая,
На ветках её не удержится, жаль.
Подует неласковый ветер,
Осыплется всё волшебство.
Но чудо возможно на свете
Под будущее Рождество.
Творите своими руками
Заветно-волшебную нить.
И будете счастливы сами,
И Небо вас будет любить.

* * *

Я пережил по возрасту Рубцова,
А только-только начинаю понимать –
Как из души вдруг вылетает слово,
И кровоточат чувства на тетрадь.
А Николаю было тридцать пять,
Четыре книжки лишь успел издать,
Но так писать – не многим по плечу.
А о себе я вовсе промолчу...

О стихах Алексея Еранцева

Запели стихи, как речной перекат,
А в них – разнотравьем повеет закат.
Они звездопадом по кронам шуршат
И ветром полуденный зной ворошат.

Незримо идут за моею спиной
Походкою лёгкой, до боли родной.
Душевно их голос в тиши зазвучит,
А ночь свою лунную пряжу сучит.

И слушают эти стихи небеса,
А утром на строчках заблещет роса.
Когда они рядом – уходит беда.
И больше не будет таких никогда...

* * *

«Я вас любил...» От Пушкина
до Бродского
нелёгко путь строки. Меня прости,
но от возвышенного до уродского –
так близко, только руку протяни.
«Я вас любил...» Кто так напишет ныне?
Какой тинейджер, муж или старик?
По выцветшей от времени причине
я не открою этот материк.
Скитаясь в океане слов беспечно
по вóлнам строчек ямбом бороздя,
жизнь пролетит бездарно, скоротечно,
впитавшись в землю каплями дождя.
«Я вас любил...» останется потомкам.
Дай Бог, чтоб искушённая душа,
эмоции свои в волненьи скомкав,
внимала этим строкам чуть дыша.
И во Вселенной радостью и мукой
с тех пор пульсирует: «Я вас любил...»
летающей безголовой и безрукой,
победной Никой, вечно полной сил.

* * *

Гулкий голос Японского моря
Ветерок лёгкокрылый принёс,
И сосна, заскужав от покоя,
Ударяет ветвями в утёс.
Собирая столетия в вечность,
Крону тянет она к облакам.
Её манит небес бесконечность,
Она рвётся навстречу ветрам.
А внизу, под утёсом, в ложбинке,
Тянет к солнышку стебель бамбук.
Он играет себе на волынке
Перезвоном коленчатых рук.
И не грезит о звёздах высоких –
Необъятность ему не нужна,
Лишь бы только из недр глубоких
До корней поднималась вода.
Лишь бы ветры ему подыграли,
Чтобы листья могли танцевать.
Он не смотрит на дальние дали,
Он хоть завтра готов умирать.
Так сольётся в звучанье Вселенной
Пенье каждого из голосов.
Ведь дыхание жизни нетленно,
Если сам для бессмертья готов.

Прощёное Воскресенье

Прости, что не могу забыть.
Прости, но надо как-то жить.
Прости за тех, кто виноват.
Прости, но не вернёшь назад
Всё то, что было,
иль могло бы быть,
Но ничего не изменить...
Прости меня, что я вдали
Так жду прощенья твоего.
Прости, что помню и люблю.
Прости назойливость мою.
Прости сумбурные стихи...
За всё прости.
За всех прости.
Прости, и Бог тебя храни.

* * *

Под гул колёс и стыков перебой
Вагон, качаясь, движется вперёд
По рельсам, убегающим домой,
Где круг забот меня привычный ждёт.

А позади – мятежная Москва,
Многомашинность улиц, площадей,
И многоликая вокзальная толпа,
А выше – что-то светлое над ней.

Невзрачный вид вагонного окна,
Российские глубинные просторы,
Заснеженных пейзажей красота,
Холмы, и перелески, и заборы...

И пятьдесят, и двести лет назад
Наверняка почти всё так же было.
Скользит с любовью трепетный мой взгляд,
А на душе и сладко и уныло.

О Родина, ты каждому своя,
Великая, убогая, святая.
Просторы из вагонного окна
Бескрайние – от края и до края.

Моя Россия, ты встречай весну,
И пусть она опять ПОБЕДНОЙ будет!
Я вечером под шум колёс усну,
И в будущем рассвет меня разбудит.

02.03.2025

**Менщикова
Анастасия Викторовна**

Член Союза писателей России, автор поэтических сборников «Первоцвет», «Продиктовано любовью», «Пока не поздно». Печаталась в газетах «Вечерний Курган» и «Новый мир», в журналах «Сибирский край» и «Тобол» (Курган), «Воскресенье» (Екатеринбург), «Слово талантам» (Барнаул), «Москва». Участница международного совещания молодых писателей в 2011 году, дипломант многих поэтических конкурсов и фестивалей. Ведущий методист Курганской областной детско-юношеской библиотеки им. В. Ф. Потанина. Возглавляет литературный клуб «Приют поэтов». В данной публикации представлен фрагмент из новой книги «Пока не поздно».

Поэтический сборник Анастасии Менщиковой «Пока не поздно»

Все мы знаем, что такое информационный голод. Человеческий мозг, лишённый какой-либо информации, живого общения и внешних раздражителей, начинает быстро деградировать.

Со времени изобретения письменности наивысшей формой человеческого общения стало общение человека пишущего со своими читателями. Хорошо известно, что писать «в стол» – дело скучное и бесперспективное: у писателя, тем более у поэта, начнётся информационный голод.

Ему нужна обратная связь с читателем. Без этого невозможен творческий рост. Ведь автор, пишущий художественные тексты, делится с читателем не только своими знаниями и взглядами – он делится своими эмоциями, состоянием души, своими переживаниями. Вдвойне это относится к авторам поэтических текстов.

С этой точки зрения поэт, работающий в библиотеке, находится как раз на своём месте, как нельзя ближе к читателю. Анастасия Менщикова ведёт разговор по душам со своими читателями постоянно. Она – победитель и дипломант многих поэтических конкурсов.

Сборник стихов «Пока не поздно» – третья книга Анастасии Менщиковой. Она похожа на поэтический дневник, а в названии – и поэтическая, и чисто человеческая философия автора.

Предисловие к нему написал В. Ф. Потанин – это уже говорит о многом: *«В поэтических строчках – вся её женская душа, страницы её судьбы и повседневная жизнь. И, конечно же, раздумья не только о том, как “стать собой”, – но и о Родине, которую она называет несравненной и милой... Буквально в каждом слове, в каждой строке мы чувствуем ожидание счастья, и во имя этого ожидания автор ткёт “узор из букв и строчек...”»*, – написал Виктор Фёдорович.

Это действительно так. Стихи наполнены светлым лирическим чувством. Они мелодичны и часто сближаются с песней:

*В нежно-изумрудном одеянье
Утром нас встречают тополя,
Родина – и боль, и состраданье,
Нити рек и чёрные поля...*

В этих лирических строчках много надежд и предчувствий:

*Родина, и дни твои, и ночи
Ищем мы заветные пути...*

Или другой стих:

*А парк хранит свои преданья
И вдохновенья сладкий миг...*

Ещё:

*И я очнусь и буду помнить
И плач дождей, и крик ветров...*

А с какой нежностью она пишет о родной природе:

*Соберём рассыпанные звёзды,
Как грибы, в лукошко и подол,
Этот вечер для того и создан,
Чтоб луну укачивал Тобол...*

Именно так и нужно писать о самом святом и дорогом для человека – малой родине (есть люди, которые большую Родину ненавидят, но тех, кто ненавидел бы родину малую, я не встречал), – находя нужные слова из всего богатства нашего языка, пронзительно до глубины души и без показного пафоса.

Не ставить в каждой строчке по три восклицательных знака (типа, посмотрите, как чувства меня переполняют!), забывая, что восклицательный знак говорит не о глубине эмоции, а всего лишь о децибелах.

Когда читаешь эти строки, не оставляет ощущение глотка свежего предвесеннего воздуха, настолько близки и понятны мысли и литературные образы. А ведь этого невозможно добиться, не чувствуя поэтику русского художественного слова. Анастасия её хорошо чувствует:

*Шумит и шепчет, и щекочет,
И в окна яростно стучит.
Зима ещё гуляет ночью,
А утром вырвутся ручьи...
Февраль, измученный ветрами,
Оставит снежные следы,
А утром март споёт над нами
Гимн вновь разбуженной воды...*

Лично я верю и в будущие успехи автора – ведь, несмотря на то, что это уже третья книга и Анастасия состоялась как автор, она ещё в начале поэтического пути. Потому в её стихах столько чистоты и любви ко всему сущему и живому. Она любит этот мир и зовёт своего читателя принять эту любовь и сохранить навсегда.

*Принимаю яркость я и серость,
Мира нежность и мятеж борьбы,
Пусть не всё, как этого хотелось,
Каждый день – подарок от судьбы.*

Но делится и другой любовью – той, что напополам с печалью, от которой и читателю грустно:

*Напрасно оголёнными корнями
Тянулась к неоттаявшей земле,
Теперь ночами длинными и днями
Ищу я уголёк в пустой золе...*

Стихи её нельзя не оценить, ведь поэтические строки не просто будят ответные эмоции и «души прекрасные порывы», но заставляют размышлять, ибо идут они не только от начитанности и эрудиции, но более – от жизни.

Новая книга (хорошая книга) – всегда новое открытие. Я люблю сравнивать писателя или поэта с планетой, ведь у каждого свой мир. Артистов сравнивают со звёздами. Но создают их теперь на фабрике звёзд, где с помощью компьютеров делают музыку и голос. А поэтический дар ни в институте, ни на фабрике не создашь, коли Господь не прикоснулся.

Если душа человеческая – целый мир, то душа поэта – такая планета, что голова кружится, когда берёшь в руки поэтический сборник и погружаешься в тайны этой удивительной планеты. И душа твоя откликается живо на всё, что тебе открывается. А открывается многое, главное – увидеть: не пролистнуть бездумно важную страницу, остановиться и осмыслить. А поэтические строки Анастасии этого требуют...

Перед внимательным читателем открывается путь поэта, а точнее – путь, что прошла его душа от строчки к строчке, от стиха к стиху, от откровения к откровению, – и он видит и понимает автора с его позицией, гармонией, поэтической философией.

В поэтической душе уместается очень многое – особенно если автор стихов имеет большой духовный багаж, а оттого – понимание жизни, разнообразие тем и глубина мыслей. А главное, конечно, – любовь. Любовь автора к людям, к природе, к родной земле.

Это и есть тот стержень, что соединяет в сборник все стихи и скрепляет все темы, что поднимает автор. А способность слышать голос родины и простота изложения вечных вопросов делают стихотворения по-человечески предельно привлекательными и понятными. Конечно, любовь к родном краю, к его природе свойственна любому нормальному человеку – не только поэту, но только поэт может сказать так о том, о чём, кажется, уже всё сказано:

*И сотни разных городов
Не обогреют счастьем душу,
Курган – мой дом, моя любовь,
Курган – мой город самый лучший!*

И уверен я: кто пишет такие строки, тот истинно русский поэт. Говоря словами другой поэтессы, Инны Кабыш: «...Уж тот не уедет на Запад и в Штаты не купит билет, тот будет по мёртвым сугробам ползти на смородинный запах...»

Именно это чувство родных корней и позволяет автору уверенно идти по жизненной и поэтической дороге. Но путь не в тягость, когда видишь впереди цель и когда ведёт тебя главная путеводная нить – любовь ко всему существу.

Прочитав сборник стихов, можно сказать, что на поэтическом небосклоне тёплой звёздочкой светит планета – планета поэзии Анастасии Менщиковой. Зажглась однажды, а светить будет всегда.

А в общем, о стихах не рассказывают, стихи читают и проникаются ими. Так что открывайте книгу, здесь на каждой странице – новое, неизведанное, сокровенное и дорогое, чем готова щедро делиться автор поэтических строк, что формирует человеческую душу и наполняет её теплом. А потому, уверен, книгу с благодарностью примут, и продолжится духовное общение поэта и читателя.

Название книги Анастасии заставило меня вспомнить рифмованные строчки моей юности, когда я писал, как говорят, «для себя» и не думал, что кто-то их будет читать:

*Живите каждый день, как маленькую жизнь,
И близких всех вокруг себя любите.
Не опоздайте одарить вниманием их.
Тепла души своей не погасите...*

Ещё хотелось бы сказать, что тепло души своей Анастасия уделяет и литературному клубу «Приют поэтов». Надо отметить, что традиционно в нашей Ассоциации наиболее активно работают литобъединения, которые возглавляют библиотекари.

Кто может сплотить и повести за собой пишущих людей? Конечно, библиотекарь. Тем более – библиотекарь, пишущий стихи. Он может и подсказать, и литературным опытом поделиться.

Ведь через поэзию лежит кратчайший путь к душе человека, который ищет свой положительный идеал, гармоничное мировосприятие. Поэзия даёт бесценный опыт понимания гармонии и музыки русского художественного слова и вдумчивого к нему, к слову, отношения. Так что пожелаем Анастасии Викторовне успехов и на этом поприще!

*Сергей Кокорин,
председатель Курганского отделения Союза писателей России*

Анастасия Менщикова

Молитва

Я прошу тебя – только бы НЕ:
Не забыть видеть лучшее в буднях,
Не дрожать от кошмаров во сне
И не слушать наставников нудных.
И, читая о смертных грехах,
Чётко следовать правилам этим:
Не убить, не солгать, не предать,
Мы за всё в нашей жизни ответим.
Не смотреть на богатство других,
И врагам не желать бурной мести,
И не думать, пусть даже на миг,
Что есть лучше страны нашей место.
Несравненная Родина – Русь!
Невозможно в неё не влюбиться,
Родилась здесь, живу и горжусь,
Здесь лечу я свободною птицей!
Пусть банально, но жизнь я отдам
За Россию, её нет дороже,
Не забыть, не уйти, не предать,
Только вместе мы выстоять сможем!

Цените близких!

Цените близких! Время быстротечно,
Я больше не войду в родимый дом,
Где детство проходило так беспечно,
Где пахло свежим хлебом и теплом.
Там папа приносил улов огромный:
Казалось – щука вдруг заговорит;
Восторг и страх от яростного грома;
Сидишь под одеялом, дождь шумит...
А мама вяжет разноцветный коврик,
Рассказывает, кто такой Христос,
Сияет чистотой умытый дворик...
Как жаль, что детство быстро пронеслось...

Родные нас не встретят на пороге,
И двор уютный мне теперь чужой,
У каждого из нас своя дорога,
Лишь память режет душу мне ножом
До боли дикой, когда слёзы душат,
И, кажется, к земле я прирасту.
Но знаю – где бы ни были их души,
Они за нас помолятся Христу...

Послевкусие

Не успел прикрыть снег травы русые,
Шаль не может довязать зима,
Я живу, наверно, послевкусием,
Выбрав настроение сама.
После кофе долго философствую,
После дня рождения грустна,
Лето вспоминаю тусклой осенью,
После встреч с тобою не до сна.
Помню поцелуи земляничные –
Вкус ещё остался на губах;
Помню все мелодии лиричные,
Знаю – так задумала судьба.
Только наслаждаться послевкусием
Долго не получится, увя...
Спрятаны мечты в нём и иллюзии,
Красота падения листвы.
Принимать как данность настоящее –
Знаю – постепенно научусь,
И зима, морозами звенящая,
Новый год подарит, новый вкус.

У каждого из нас есть особенно грустные и тяжёлые дни. И это время обычно выпадает на осень – на конец августа и сентябрь. В такие дни душа испытывает какое-то смутное беспокойство, стремление куда-то уехать, забыться, переменить свою жизнь.

Что-то подобное, мы знаем, бывает у птиц. Каждую осень они собираются в стаи – видимо, советуются, прежде чем отправиться в долгий путь. Они, конечно, знают, куда им лететь, чего достигать, – но мы-то, люди, часто не знаем. И это тревожное чувство походит на то, будто кто-то молоточком постукивает по сердцу и сразу делается больно и горько, и хочется переключиться на что-то другое – одним словом, спастись.

Есть такое спасение и у меня. И это моя родная деревня. Туда я отправляюсь в летние месяцы, и здесь душа моя оживает. Да, это правда, ведь нет ничего лучше, чем сидеть на крыльце родного дома и смотреть на ближний бор, над которым умирает последний закатный луч. А уже через час будут полные сумерки, и наступит тягучая тьма... Но пока всё ещё дышит, волнуется, отдавая все запахи и всю красоту. Да, это правда, – но всё равно почему-то грустно и сжимается горло. Но почему? Может, это уже старость стучится в двери, и оттого печаль. Но глаза всё равно всё видят и всё замечают, особенно если рядом твоя семья, твои самые родные люди. И это тоже правда, чистая правда. Ведь жива ещё бабушка Катерина – наша главная надежда, наша опора. Правда, за ней уже ходят по пятам разные болезни и хвори, но она не сдаётся, и это для всех пример. Конечно, здоровье уже не вернуть, но всё равно надо благодарить Бога за каждый прожитый день.

А я опять думаю о своей бабушке Катерине. В последние месяцы своей жизни она сидела на том самом крыльце нашего дома и смотрела на закат. Я подойду, бывало, присяду рядом и тихо спрошу:

– Бабушка, куда тымотришь?

– Я не смотрю, маленький, я вспоминаю...

А у самой глаза опять тянутся туда, где гаснет над бором последний луч.

И вот уж погас он, как будто и не был, а бабушка всё сидит и сидит. И я приглашаю её в дом, – но она как не слышит. И я догадываюсь, что она вспоминает сейчас свои прошлые годы и прощается с ними перед дальней дорогой. А вспомнить можно о разном. К тому же в жизни радости как бы обходили её стороной и словно бы прятались по тёмным углам. Зато горя – всегда с бугром: ведь шла тогда большая и страшная война, она и принесла в нашу семью это великое горе. Да, великое, – иначе не скажешь. Ведь вначале пришла похоронка на моего отца, а потом и на дядю Женю. Но в похоронки эти не верилось. Да и как поверить, если буквально на каждой неделе от Фёдора Потанина приходили письма, открытки и телеграммы. И среди этих сердечных посланий были даже письма, адресованные

**Потанин
Виктор Фёдорович**

Писатель, член Высшего творческого совета при Союзе писателей России, член Приёмной коллегии Союза писателей России, член Общественно-редакционного совета литературно-художественного журнала «Вертикаль XXI век», лауреат премий имени И. Бунина, В. Шукшина, Д. Мамина-Сибиряка и других. Его проза переведена на многие европейские языки и включена в школьные хрестоматии. Заслуженный работник культуры России, почётный гражданин города Кургана и Курганской области, делегат многих съездов Союза писателей СССР и России. Награждён орденом «Знак Почёта», орденом Дружбы, орденом Почёта. Всего им издано более 50 книг, общий тираж которых составляет около 7 миллионов экземпляров.

мне – дорогому и единственному сыночку, а ведь мне тогда было всего четыре года. Но отца это не смущало, и он разговаривал со мной, как со взрослым. А служил он на границе в Западной Украине, и там в самом начале войны шли особенно тяжёлые бои, и пограничники стояли насмерть. Думаю, они совершили как бы коллективный подвиг Александра Матросова. И среди этих героев был и мой отец – моя гордость, моя любовь. И вот его не стало...

А потом пришла похоронная и на дядю Женю. Как это пережить?! Ведь только что была похоронка – и следом другая. И мы даже не говорили бабушке об этом известии – ведь дядя Женя был её любимым сыном. А случилось так, что перед самой войной он жил в Тюмени и преподавал в пединституте. Из этой Тюмени и пришло к нам то роковое письмо. И написала его жена дяди Жени – тётя Лена. Она и сообщила, что его уже нет на свете, и его похоронили в деревне Мхи в братской могиле. А эта деревня совсем недалеко от Ленинграда. И ещё тётя Лена написала, что она всё равно будет ждать своего дорогого мужа. И, может, даже военный писарь что-то напутал, и погиб его однофамилец. Так что надо ждать и надеяться... А теперь признаюсь, что я хорошо запомнил это письмо из Тюмени, хотя был ещё несмышлёныш – как говорится, от горшка два вершка. Но всё равно я хорошо запомнил, что это письмо лежало в конверте из плотной жёлтой бумаги. И я видел, как мама надорвала этот конверт и стала читать. Но читала недолго, – в глазах проступили слёзы, и бабушка сразу обо всём догадалась и в ту же секунду выхватила письмо:

– Значит, убили?..

– Нет, нет!.. – встрепелась мама, а потом тихо-тихо сказала: – Лена пишет, что от Жени давно нет писем, и она очень страдает, и видит плохие сны...

Но бабушку не обманешь. Лицо её враз потемнело, а ладони трясутся. А потом они передают маме письмо:

– Давай читай! А не то худо будет!

И мама подносит письмо к лицу, а бабушка смотрит на письмо тяжёлым, остановившимся взглядом. Хорошо, что она не умеет читать. А мама начинает её опять успокаивать и переводит разговор на другое:

– А может, нашего Женю перевели в какое-то секретное место, где переписка запрещена. Мало ли на войне бывает...

А наша бабушка сидит всё ещё молча, а глаза у неё наливаются тёмной кровью и смотрят на нас, как на чужих, и словно не узнают. Такое с ней ещё не бывало, и мне её жаль, нестерпимо жаль, но меня никто не слышит, не понимает, и я выбегаю в ограду. Но куда дальше – не знаю. А потом вдруг вспоминаю про нашу корову – корову, и бегу к ней в пригон. Здесь тихо, пахнет сеном и тёплым навозом, и я спрашиваю робким, чуть дрогнувшим голосом: «Как, Маня, здоровье?» – а сам смотрю корове прямо в глаза. Она лежит на подстилке и тихонько помыкивает, будто что-то спрашивает у меня или, наоборот, сообщает. И я хочу понять её и снова лезу с вопросами: «Ну что ты, Маня, всё “му” да “му”? Хотя бы одно слово сказала, утешила...» Но корова снова мычит и водит рогами – она как будто зовёт к себе, и я подчиняюсь. И вот уже лежу рядом с ней на тёплой подстилке, и все волнения и страхи куда-то уходят, проваливаются и приходят надежды. И мне уже кажется – я даже уверен, что скоро-скоро мы получим письмо от отца, а похоронка – это, конечно, ошибка, случайность. И ещё я думаю, что и дядя Женя тоже скоро объявится и напишет, – и наша бабушка сразу выздоровеет и придёт в себя...

И я так размышлял, что забыл, где нахожусь. А корове вроде того и надо. Она хрустит жвачкою и сонно отпыхивает. А где-то рядом земля трещит от мороза. Она и в самом деле трещит, точно лопается яичная скорлупа. И совсем по-страшному гудят телефонные провода. Когда тёплая погода – они почему-то молчат, а когда

морозы – то хоть затыкай уши. И всё-таки я начинаю дремать, да и корова меня бережёт, согревает. И я бы, наверно, крепко заснул, но меня отвлекает мамин голос:

– Витя-я! Куда ты пропал? Пойдём в дом, я картошки пожарила...

И я иду на этот родной голос, хотя и жаль расставаться с коровой. А она поглядывает на меня как-то печально и жалобно, точно жалеет, что я ухожу...

А потом приходит долгая и тоскливая ночь, и эта тоска ещё от того, что мы сидим в темноте. У нас давно уже закончился керосин, и лампа теперь не нужна. Но мы нашли выход: мама по ночам зажигает лучину и при этом тусклом свете даже проверяет школьные тетради. Она ведёт в школе уроки литературы и русского языка...

А потом наступает утро и новый день, но у нас ничего не случается, совсем ничего. Но скоро заканчивается и этот день, а потом проходит и вся неделя, а потом и месяц. И дни бегут, куда-то торопятся, а писем всё нет и нет. И вот теперь-то настоящее горе, прямо беда, – ведь с нашей бабушкой творится что-то неладное: иногда ей почудится даже голос дяди Жени, и она начинает с ним разговаривать. А то в дверях он встанет, будто живой и здоровый, – и она протягивает к нему ладони, а сама что-то шепчет, но слов не понять. А самое тяжёлое время – это утро, потому что бабушка начинает свои допросы. Она смотрит исподлобья на маму и говорит тяжело, с остановками:

– Ты признайся, о чём Лена писала?.. Ты скажи, не таись, а то худо будет...

Бедная моя мама. Она, конечно, снова что-то сочиняет, придумывает, но по глазам видно – всё это обман. И бабушка, конечно, не верила. Наконец, нервы её не выдержали. Как-то схватила графин со стола и со всей мочи ударила им об стену. Осколки взлетели до потолка. Мама схватила бабушку за плечи, и та взглянула на неё белыми безумными глазами – наверное, не узнала дочь. А через несколько дней и того хуже: мама пришла под вечер из школы, а бабушка открыла ей дверь с крючка и ударила валенком по голове. Мама закрылась руками, а та и по рукам бьёт, по лицу. Бьёт и без конца повторяет: «Это тебе за Женю! За Женю!..»

Но чем же мама моя виновата? Может, только тем, что ещё живая, что ходит ещё на своих ногах, а тот лежит в братской могиле где-то под Ленинградом... Всё это так, – только с бабушкой с каждым днём всё хуже и хуже. Иногда взглянет пристально на меня и спросит:

– Ты что, Женя, вроде в печали? Может, болеешь?..

– Я не Женя, я – Витя... – отвечаю ей тихим, сдавленным голосом.

Но она снова за то же:

– Ты бы, Женя, хоть в огород сходил. Нарвал бы морковки...

Я слушаю бабушку и ничего не могу возразить. Да и пугают меня её белые, безумные глаза. Что поделаешь, если она уже путает меня с дядей Женей. А ведь тот был вполне взрослый мужчина, а я – мальчишка... И была бы жизнь наша совсем невыносимой, но нас не бросали соседи. Да и часто навещали мамыны подружки-учителя. Каждый с собой что-нибудь приносил: то картошки на целое варено, то лепёшек из сушёной клубники, то пару яиц. А бабушка наша всё ещё была, как говорят, не в своём уме.

А время всё бежало и бежало вперёд, и нет ему остановки. И вот уже март за окном, и весной в деревне запахло. И каждый день теперь солнечный, и с крыш бьёт капель. А скоро и по Тоболу двинулись льдины, и вешняя вода вышла из берегов. Но самое главное – и у нас в семье начались перемены. У мамы моей немного посветлело лицо, да и бабушка тоже стала оттаивать. Иногда даже взглянет в окошко и вздохнет с облегчением: «Слава Богу, опять ручейки. А я-то ждала, что по ручьям уберусь от вас, но, видно, ещё задержалась...» – и ещё что-то говорит, говорит, но я уже плохо слушаю: радуюсь, что бабушка ожила. Да и соседи нас не бросают.

Особенно Павел Васильевич Волков. Он любил нашу семью давно и помогал чем мог: часто и свежей рыбой нас угощал, и заходил почти каждый день. Для нашей бабушки его приход – настоящая радость. Она с головой погружается в эти разговоры с соседом, и мы видим, что она возвращается к жизни.

Ах, к жизни – иначе не скажешь! Часто эта жизнь начиналась прямо с утра. Ведь ещё солнышко не взошло над моей деревней, – и вдруг стук в окошко. Осторожный стук – какой-то вежливый, с перерывами: точно котёнок задевает лапками о стекло и сейчас ждёт, что будет. А дальше – всё как обычно. На этот стук, как правило, выходит бабушка и вдруг громко охает – ведь за дверью стоит сосед, а в руках у него блюдо с рыбой. И сразу же голос Павла Васильевича: «Вот, на ушку принёс для вас. Сильно добры будут карасики». Бабушка вначале от рыбы отказывается, но сосед и слышать не хочет: «Помолчи давай, Катерина Егоровна! Вот помру – так хоть вспомните. Жил, мол, на свете такой дядя Павел...» И бабушка соглашается, и сосед, довольный, посмеивается и начинает доставать папиросу. (Правда, курил он редко, табак доставал лишь тогда, когда волновался.)

Он и днём заходил частенько. Я и сейчас все подробности вспоминаю: зайдёт, бывало, покашляет, повздыхает возле порога, потом осторожно придвинет стул, точно впервые зашёл и хочет познакомиться. Но мы-то уже знаем, что он ждёт приглашения, и мама говорит приветливым голосом:

– Проходите в передний угол, Павел Васильевич. Мы же с вами, считай, как одна семья. Вот и сынок мой у вас постоянно гостит, только что не ночует..

– А мы и ночевать пустим. Сынок-то у тебя золотой, послушный. Пошли в воду – и пойдёт парнишечка хоть бы хоба... Покажи дерево и скажи – полезай на вершину, – и он полезет на дерево, не остановишь... – Гость смеётся, а глаза так и сверкают. И вдруг предлагает: – Ему бы, парнишке-то вашему, хорошо бы попасть в большой город, там бы живо образовался.

– Куда попасть? – переспрашивает бабушка и покачивает головой: – О каких ты говоришь городах, наш дорогой соседушко? У него вон – у внука-то – ни одеть, ни обуть. Так что отложим все наши поездки до окончания войны.

– Всё знаю, всё ведаю, Катерина Егоровна. Сам вижу, какие калачики у вас на столе. Но дойдёт дело и до калачиков. Не вечно же пусто у нас... А что? Будет и густо, – вот погодите, припомните. Только бы пожить подоле. Но я уверен, что поживу.

И тут бабушка его перебивает:

– А почто ты такой уверенный, Павел Васильевич?

– А потому, Егоровна, что мы со своей Катериной даже «наплевать» друг другу никогда не говаривали, а жили дружно, как голубки. Да я ещё солодку пью – это травка такая, лучше любого лекарства. Как поплюю настой из неё – так сразу как молодой. Как говорят, из грязи да прямо в князи. – И Павел Васильевич смеётся, потом смотрит внимательно на меня:

– Ты на демонстрацию-то вчера ходил?

– А как же!

– Вот и хорошо. Такую войну свалили – не приведи Господи. А вы с отцом-то, поди, попрощались, не ждёте?

– Устали ждать... – отвечает мама тихим сдавленным голосом.

– Как же так? Раньше времени надели смертную рубашу. Нехорошо. И после похоронки, бывает, приходят домой наши солдатики. А там, глядишь, и ваш папаня зайвится... – И Павел Васильевич осторожно, чуть прикасаясь, гладит меня по голове. И я радуюсь этим словам, и сердечко моё стучит и волнуется где-то у самого горла.

А потом пришла ночь – самая первая ночь после Победы. И я хорошо запомнил те часы, те минуты. А мама моя, кажется, совсем не спала. Она часто вставала с постели и пила воду маленькими глотками. Наверное, болело сердце. Хорошо помню и все свои думы. Господи, какие же у мальчишки думы! Но они были, конечно, были – точнее, не думы, а скорее мечты... Я лежал тогда в уголке на диване и мечтал с упоением, самозабвенно – поехать бы куда-нибудь большой город и там остаться жить навсегда. Как мне хотелось поехать! Я ведь нигде ещё не был, потому и мечтал о Кургане или даже Свердловске. Я хотел жить в этих городах и мечтал стать музыкантом. И мне хотелось, чтобы кто-нибудь научил меня там играть на гармошке или даже на скрипке. Правда, скрипку я видел только в кино. Но звуки поразили меня, удивили. Они и в ту ночь звучали во мне, напрягали нервы и мучили, считай, до утра...

Но вот прошла ночь, я открыл глаза и увидел: возле меня стоит мама и что-то шепчет. Но я всё равно услышал: «Как же нам дальше-то жить, мой сынок? Подскажи, давай, посоветуй...» А в глазах у неё были слёзы.

Потом раздался осторожный стук в дверь. Это был, конечно, Павел Васильевич. И голос у него был громкий, уверенный:

– Хватит, граждане, слёзы лить. Ведь Победа у нас, и надо бы нам отметить. Ведь скоро солдатики наши прикатят с фронтов. Кому нужны теперь эти фронты. Всех фашистов в глубокую яму загнали да там и засыпали. Вот и приедут наши ребята, встречайте! Глядишь, и ваш папаня прикатит, а мы всех встретим, поклонимся в ноги. Как было бы хорошо!..

Но не прикатил мой отец, никто из моей родни не приехал. Да и бабушка моя уже не вставала с постели, и лекарства не помогали. Да и мама моя стала постоянно болеть, особенно тяжело жить по ночам. Да и какая уж это жизнь – одно сплошное мученье. А время всё равно бежало вперёд – и попробуй останови его, удержи. Но ничего не получится, как ни старайся...

И вот уже нет на свете моей бабушки и моей дорогой мамы, нет на свете и Павла Васильевича, и многих-многих моих земляков. Но зато жива моя родная улица, мой деревянный домик и то крылечко, где сидела перед последним прощанием с землёй моя бабушка Катерина. К тому же крылечко то не пустует, потому что его полюбил один очень знакомый, очень близкий мне человек. О Господи, зачем притворяться, уходить в какие-то чувства, ведь этот человек – я сам со всеми своими мечтами, надеждами. И это я, постаревший уже и уставший человек, приехал снова на свою Родину и сижу теперь на родном крыльце и смотрю, как над бором, над ближними соснами дрожит в розовом мареве последний закатный луч. И душа моя вновь оживает и благодарит Бога за эти минуты. А самое главное – стряхнуть с себя все печали, волнения, и хочется жить ещё долго-долго и не расставаться с дорогими людьми. А эти люди сейчас рядом со мной, на расстоянии ладони. И это правда, я не придумал. Ведь совсем рядом, на нижней ступеньке, притаился мой внучек Коленька и хочет меня о чём-то спросить. Проходит минута-другая, и он не выдерживает:

– Деда, куда ты всё смотришь? Куда? Там же одни сосны и небо...

– Я не смотрю, Коленька, я вспоминаю. Я всю свою жизнь перебираю в уме. И прошли уже многие-многие годы, а всё равно хочется жить.

– Вот и живи! Хоть ещё сто лет, а может, и больше... – смеётся внук, и мне хочется его крепко-крепко обнять.

**Марфин
Владимир Семёнович**

Член Союза писателей России, Заслуженный работник культуры РФ. Родился в 1934 г. в Москве. Работал директором и художественным руководителем клубов, домов и дворца культуры, руководителем литературных объединений. Автор 22 книг стихов и прозы, среди которых «Год Чёрного Петуха» (1995), «И мёртвые спросят» (1998), «За всё и за всех», «Уйти и не вернуться», «Время бешеных псов», «Аз воздам», «Пост ГАИ. 4-й километр», «Когда страна бить прикажет». Лауреат литературных премий. Стихи переводились на молдавский, латышский, болгарский, польский, немецкий языки. Проживает в г. Москва.

С августа 1941 г. почти два года находился в эвакуации с матерью и младшим братом в с. Сумки Половинского района Курганской области. Рассказ «Детский дом «Интурист»» в основе своей — автобиографический и адресован прежде всего жителям Курганской области. В «Тоболе» публикуется впервые.

Такого красивого села Вадька ещё не видел. Обрамлённое двумя озёрами, оно лежало на взгорье между ними, отражаясь в воде своими крепкими, добротными избами, окна которых серебристо излучали небесный свет.

За тот месяц, что прошёл со дня эвакуации из Москвы, Вадька повидал и Волгу, и Агидель, и легендарную реку Урал, с младенчества связанную у него с гибелью Чапаева. Были затем город Курган и неприметная станция Варгаши, районный центр Половинное — тоже с огромным, как показалось мальчишке, озером, на берегу которого он долго стоял, вглядываясь в подбегающие к ногам мутноватые тяжёлые волны. И наконец, как завершение дороги и конечный привал, это село с неожиданно побирушечьим, сиротским названием — Сумки.

Жалкое имя и богатый сельский уклад бесконечно противоречили друг другу, однако местные жители на это внимания не обращали, и когда однажды Вадькина мать сказала об этом квартирной хозяйке, та только усмехнулась и печально махнула рукой.

— Сумки, Котомки... не всё ли равно. Если война затянется, так и название будет в самый раз. Все с сумками пойдём, как в двадцатых и тридцатых ходили...

Что происходило в двадцатых и тридцатых годах, Вадька не знал. Его жизнь была светла и прекрасна. И песни, которые тогда звучали над страной, были его песнями. В его памяти жили воспоминания о парадах и демонстрациях на Красной площади, каруселях и горках в парке имени Горького, волшебных лабиринтах Зоопарка, увлекательных прогулках по Москве-реке, соловьиной даче

в Кунцеве, шоколадных бомбах из Елисеевского, внутри которых обнаруживались забавные деревянные медвежата, зайчата или птички.

Это был мир детства, неожиданно нарушенного войной. И было неизвестно, вернётся ли он когда-нибудь, и если вернётся, то возвратит ли ощущение счастья и радости, которые сопутствовали ему.

Война, от которой они с матерью бежали в глубокий тыл, тоже помнилась мальчишке. Последняя декада июня, а затем июль и август, — каких-то семьдесят дней, но боли и горечи их, видно, хватит надолго. Правда, сейчас всё это казалось таким далёким и давним, что даже не верилось, что оно существовало в действительности и в судьбе.

Молчаливая осень в дождях и туманах, золотые, багряные пряные листья, увядающие травы и отражающийся в сером небе оловянный озёрный свет возбуждали печаль и страдание. Мать часто плакала, пытаясь скрыть слёзы, но припухшие красивые глаза выдавали её, и Вадька, не зная, как помочь ей и успокоить, сам нередко ревел от тоски и отчаяния, забираясь на зады огорода, где никто не мог его обнаружить.

Школа, в которую он впервые пошёл в этом году, располагалась в двух бревенчатых зданиях, стоявших друг против друга на центральной улице села. Правда, здесь была почти окраина, за которой лежало кладбище с одинокими обелисками и крестами над могилами бывших людей. Однако это соседство не мешало детворе, чьи задорные голоса на переменах разносились окрест, быстро и слываясь с голосами пичуг, беззаботно щебечущих над тихим прахом.

Читать и писать в свои восемь лет Вадька уже умел. И чрезвычайно поразил этим умением всех первоклашек, возбудив в сердцах некоторых девочек законный интерес и длительную симпатию. Из-за этих симпатий ему пришлось трижды драться с ревнивым соперником Лаврушкой Пузенцовым, не по возрасту рослым и сильным. У Лаврушки были крепкие кулаки, а у Вадьки ловкость. Кроме того, он знал несколько приёмов самбо, которым когда-то в шутку обучил его отец. Теперь эти приёмы облегчали ему жизнь, хотя то разбитый нос, то синяк под глазом неизменно свидетельствовали об удачных Лаврухиных попаданиях.

На уроках, когда все, в том числе и Пузенцов, высунувший от напряжения язык, выводили в тетрадах палочки и буковки, Вадька или отрешённо смотрел в окно, или же, с разрешения учительницы Анны Павловны, читал какую-нибудь книгу из небогатой школьной библиотеки.

От отца письма приходили редко. Как военный журналист, он мотался по переловым, и иногда в доходящих до села газетах Вадька с замиранием сердца читал его очередную корреспонденцию. Правда, определить, где он находится в данный момент было трудно. «Населённый пункт Н.», «высота 420», «город К.» – всё это были иероглифы не только для восьмилетнего пацана. Однако многоопытный учитель географии Прон Иванович расшифровал их, и Вадька с матерью попеременно испытывали то горе, то облегчение при уточнении засекреченных отцовских координат.

По вечерам у конторы, где с утра до ночи хрипела «тарелка», собирался народ, жаждущий новостей и желанного перелома военных событий. Мужиков в селе почти не осталось. Райвоенкомат забирал в Действующую армию и на «трудовую повинность» не только призывников и резервистов, но даже и белобилетников. Первого ноября, наплевав на свою застарелую язву и гипертонию, добровольно ушёл на фронт и Прон Иванович, последний учитель-мужчина. Провожали его скромно, без цветов и приветствий. Только робко всхлипывала жена, да утирали рукавами пальтишек заплаканные глаза близнецы Анжелика и Лёдик.

А через неделю радио принесло торжественную весть – 7 ноября на Красной площади в Москве состоялся военный парад.

В этот день мать впервые со дня эвакуации взяла в руки карандаши и кисти. Усадив перед собой квартирную хозяйку тётку Ульяну, она с ожесточённым вдохновением принялась писать её. Тётка сидела не шевелясь, очумев от восторга и значительности происходящего. А когда через несколько дней увидела себя, воплощённую в масле, то разрыдалась, разнежилась и, навсегда отказавшись от платы за проживание, притащила из погреба кулёк муки и мешок картошки и вручила всё это матери.

– Вот вам за труды. И не надо, не надо отказываться!..

Слух о необыкновенном таланте эвакуированной разнёсся по селу. Тут уже и стар и мал посчитали своим долгом навестить Ульяну Тихоновну и полюбоваться творением рук человеческих.

Портрет получился ясный, высокий, и глядела с него на сограждан обыкновенная русская женщина, мать солдата, схожая с иконописными изображениями великомучениц и Богородицы.

Екатерину Фёдоровну тут же одолели заказами. Женщины приносили фотокарточки мужей и сынов, умоляя «срисовать» и обессмертить любимый облик. Полу-

чив готовый рисунок, они долго сравнивали его с оригиналом, а затем заключали в рамочку и вешали в «красном углу», рядом с почерневшими от времени иконами и иными фамильными реликвиями.

За добро же и безотказность эвакуированной платили добром. От денег мать категорически отрекалась, а продукты брала, смущаясь и краснея от необходимости брать их от постыдной нищеты своей. Краски, привезённые ею, со временем кончились, и теперь она работала карандашами, которые берегла пуще ока, не позволяя Вадьке даже мечтать о них.

Так прошли зима и весна. Наступило лето. За это время Вадька перезнакомился со всей деревенской ребятнёй, научился плавать, безвозбранно освоив оба озера, шастал по окрестным лесам, добывая грибы и ягоды, собирал вместе с классом колоски на колхозных полях, гонял задрипанных бригадных лошадёнок в ночное, лазил на спор августовской полночью в старую заброшенную мельницу, и поочерёдно «дружил» с первыми классными красотками Розой Поляновой, Ниной Ковровой и Галей Веткиной.

От отца писем не было чуть не полгода. Мать вконец извелась, плакала в подушку, а однажды, по совету тётки Ульяны, презрев своё академическое образование и неверие в чёрную и белую магию, сходила к гадалке. Что ей наворожила колдунья, Вадьке было неведомо, но только свет надежды загорелся в материнских глазах и расцвёл васильково и радостно, когда, наконец, из Москвы до Сумок дотащилося долгожданное отцовское письмо.

Было оно передано с оказией, долго переходило из рук в руки, минуя почтовые отделения и военную цензуру, и когда оказалось на столе перед матерью, у неё не хватило сил распечатать его.

Отец сообщал, что три месяца находился в партизанском отряде, был ранен, но теперь подлечился и чувствует себя хорошо. Ещё он писал, что страшно соскучился «по своим драгоценным и верит, что недалёк тот день, когда они снова соберутся все вместе в любимой Москве...»

Жить, между тем, с каждым днём становилось труднее. Небогатый урожай, что созрел на полях, был торопко вывезен районными заготовителями, и колхозники на свои трудодни не получили ничего. Огороды на личных подворьях тоже не радовали: неизвестные жучки и какая-то тля повредили картофель и овощи, и теперь у многих хозяев продуктовые запасы подходили к концу.

Ожидая голодную и холодную зиму, народ бросился по грибы да по ягоды. Но поскольку уборочная страда требовала безраздельной трудовой отдачи, то и времени для себя совсем не оставалось. А тут ещё различные уполномоченные наезжали один за другим, принуждая подписываться то на очередной военный заём, то на сдачу тёплого белья и одежды для фронта и тыла.

Временами то тут, то там раздавался истошный крик, — то в одну, то в другую избу приходили проклятые похоронки. С каждым месяцем село всё заметнее чернело от скорбных вдовьих одежд и усталых трагических лиц, с ввалившимися щеками и тёмными пугающими подглазьями.

Среди общих народных надломов и горестей детвора выросла быстро. Хмурый сырой август облетал с календаря безоглядными числами. Учителя и старшеклассники ремонтировали и красили парты, завозили и пилили дрова, складывая их в высокие длинные поленницы за угольным сараем. Мальшня, сгорая от нетерпения и желания помочь, вертелась на подхвате, посильно и радостно исполняя любое поручение старших. До начала занятий оставалось пятнадцать... одиннадцать... девять дней. И вот тут-то пришёл приказ из области срочно освободить оба школьных здания и подготовить их под эвакуированный из Москвы какой-то детский дом...

Село изнемогало от вестей. Слухи расползались по дворам, обрастая по пути подробностями, томящими и жуткими. Возбуждённые старухи, прилежно крестясь, рассуждали о дьявольских кознях и каре Господней, ниспосланной народу за грехи и безверие лютые.

– И-и-и, Акимовна, – шелестела соседка соседке, торопливо усаживаясь на лавку и пугая наперсницу новостью так, как недавно пугали её. – Свят, свят, свят!.. Мало нам войны, дак ишло и юродов привезли в наказание общее. Я намедни глядела, как их выгружали, – так, поверишь ли, чуть не преставилась. У одного башка, что котёл банный! У другого язычишше до пояса вывален! Как он глянул на меня, да как гаркнул, так я тут и сомлела. Спасибо, Енька конторская меня сзади схватила. Бежи, говорит, бабка, от напасти подальше, потому как антихристы это, и они тебе блазниться почнут...

– А-а-ай!.. А-ах! – всплескивала руками Акимовна, не чая, как избавиться от товарки, чтобы самой на рысках рвануть к какой-нибудь Перфильевне или Сазоньевне и пострадать и её натурально явленными ужасами.

Изнывая от подобных новостей и понятного любопытства, народ валом валил к реквизированному школьному подворью. Однако там царила тишина, двери в зданиях были закрыты, а окна классов, превращенных в палаты, замазаны известкой так, что ни поднявшись на цыпочки, ни подставив под ноги что-либо, заглянуть в них было невозможно.

Изредка от кухни к палатам, горделиво косясь на смятенное сборище, проносились одетые в белые халаты санитарки, таща накрытые крышками ведёрные кастрюли и чайники. Деревенский интерес к любой из них был им не безразличен, но, укрепляя престиж, девки стойко держали фасон и желанных поводов к обоюдному сближению не подавали.

Потрясённые бабки, стойко помнящие царя, по-собачьи водили носами, дегустируя запахи кухни.

– Вроде маслом животным тянет... И как будто какавой.

– Да какой там какавой! Кофий это, соседка. Я его ишло по тринадцатому году помню!

– Значит, не простая кумпания к нам понаехала. Наши сироты и картохе рады. Я намедни лепёх из кожуры напекла, дак слотили любезные за милую душу!

– Э-эх, везде хорошо, игде нас нет. А ну, Митрошка, прочитай, что у них над дверью написано. У тебя глаза молодые, зоркие. Вон там... доска со стекляшкой. Про что она?

– На-а-арод-ны-ый ко-о-мисса-ри-ат зд-ра-во-ох-ра-не-ни-я... – по складам расшифровывал вывеску грамотей-третьекласник. – Дэ-ет-ыс-кий до-ом «Ин-ту-ри-ст»... «Интурист»! Это что же такое?

– Да лешак его знает. Может, как колхоз «Коминтерн», или фабрика «Маяк»? У них в Москве, что ни есть, всё засекречено.

– Точно! Ни детей, ни начальства... А игде ж они все? Игде-е?..

Эта осень была лучезарной. Бабье лето затянулось. И бесчисленные паутинки цвели на кустах и деревьях, прихотливо штрихуя свежающий воздух.

На Ефимию-великомученицу село наконец познакомилось с приезжими. Посмотрело – и стихло в печали, так как очень уж непривычным был вид несчастных детей. Полиомиелитчики, олигофрены, рахиты... За какие родительские грехи и на какие страдания произвела их природа, гадать не хотелось. Женщины вздыхали, плакали и уводили своих от унылого зрелища, настрого наказывая им сюда не бегать и убогих не обижать.

Солнце грело почти по-весеннему. И детдомовцев, кто был ещё в относительном здравии и сознании, выводили или выносили на улицу, и они мирно гуляли, сидели, лежали, воспалённо и жадно вбирая в себя золотые и синие краски земли и небес.

Школяры, несмотря на запреты родителей, продолжали ходить сюда. Их никто не гонял, не стыдил, не спроваживал. К ним уже привыкли, и они привыкли ко всем, даже к страшному горбатому Васе, который скрюченно слонялся у детдомовской кухни, обличая поваров и грозя им укороченными и вывернутыми, словно на пыточной дыбе, руками.

– Ууууу! Ууууу! – разобижено мычал он. – Сами-то едят, едят, а мне не дают!

Подбираясь к дверям кухни, он подолгу стоял возле них, опираясь на короткий железный костылик, и с его жутко вываленного, непослушного языка истощённо стекали голодные струйки слюны...

В эти дни всю страну волновала судьба Сталинграда. В коридоре новой школы, здание которой до этого занимало правление колхоза, висела карта СССР, утыканная флажками. И уже с утра возле неё толпились учителя и ученики, обсуждая положение на фронтах и боевые возможности наших войск.

Не хватало тетрадей, чернил, керосина. Но с чернилами приспособились: поджигали старые резиновые подмётки и полученную сажу разводили водой. Кроме того, многие ученики, и Вадька в их числе, выполняли домашние задания на полях газет, аккуратно разлиновывая их в полоску и клеточку.

Приближалась зима. Тётка Ульяна жгла лампадку перед иконостасом и перед сном молилась долго и истово Богородице и всем святым.

– Матерь Божия, заступница наша, помилуй нас, грешных... Господи Иисусе Христе, спаси и охрани честна воина Михаила, дай ему надежду возвратиться в родительский дом...

Под её монотонное, таинственное бормотание и вздохи Вадька быстро задрёмывал, но среди ночи просыпался и подолгу лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к писку мышей в подполе и шуршанию тараканов за печкой, шелесту облетающих черёмуховых кустов под окном.

Ночи были тёмные, беззвёздные. Иногда из-за тяжёлых туч ненадолго высывалась луна, заливая избу изумрудным искусственным светом. Дымно чадила копилка. Пламенный язычок слабо колебался от движения воздуха, и Вадьке казалось, что с икон на него взирают не терпеливые лики святых, а какие-то чудища с отвратительно высунутыми, как у Васи, языками. Он испуганно зажмурился, с головой залезал под одеяло, чувствуя, как торопливо и болезненно колотится сердце.

Сердце он чувствовал теперь постоянно. Что-то, видно, скovyрнулось у него внутри, что-то сдвинулось, причиняя непонятное беспокойство и частую боль. То ли от затяжного недоедания, то ли от какой-то инфекции заработал он и язвенный стоматит. А затем ни с того ни с сего стали опухать ноги в коленях и суставы в локтях и пальцах.

Фельдшерница из местной санчасти прижигала дёсны ляписом, а в отношении остального предположила ревматизм, посоветовав глотать аспирин, если кто-то и где-то сумеет его достать. Правда, теперь это было несбыточное желание. Точно так же сейчас можно было мечтать о бананах и бланманже.

Мать ломала руки в отчаянии. И тётка Ульяна принялась лечить Вадьку домашними средствами. То она поила его травяными отварами, то сгоняла по семь потов в примостившейся возле сарая курной тесной баньке, а затем, закутав в старый тулуп, заставляла подолгу «греть косточки» на полатах, куда поднимался от жарко натопленной печи густой и знойный дух.

А за окном уже искрился снег, и однажды под вечер, когда сквозь замороженные стёкла ещё пробивался неуверенный льдистый свет, кто-то осторожно повозился в сениях, затем стукнул в дверь и шагнул на порог вместе с облаком пара, ворвавшимся в избу.

Гости в доме всегда желанны. Тётка Улья засветила коптилку и радушно пристала со стула, подслеповато вглядываясь в вошедшего.

Это оказалась женщина лет сорока, одетая в короткую беличью шубку, белый пуховый платок и высокие фетровые ботинки – вожделенную мечту модниц довоенных счастливых лет.

– Здравствуйте, – сказала она голосом простуженным и твёрдым. – Мне сказали, что здесь живёт художница из Москвы. Так я к ней.

– К вам, – протянула Ульяна, как всегда уважительно обращаясь к квартирантке на «вы». – Проходите, пожалуйста. Милости просим!

– Спасибо, – сказала женщина и, сняв шубку, отряхнула от снега ботики и прошла к столу. – Меня зовут Маргарита Михайловна. Я директор детского дома «Интурист».

К сожалению, угостить гостью было нечем. Однако тётка Ульяна быстро приготовила морковный чай и подала к нему несколько кусочков остуженной пареной репы.

– Чем богаты, тем и рады. Вы уж не обессудьте...

Доверительный тихий женский разговор был нетороплив и задушевен, перескакивая от предвоенной Москвы, театров, выставок, к сегодняшней жалкой действительности, общим болям, утратам и разочарованиям. Ах, о скольком ещё нужно было переговорить, сколько всякого вспомнить. Но Маргарита Михайловна неожиданно взглянула на ходики, громко тикающие на стене, и торопливо поднялась.

– Ой, и засиделась же я у вас! – сказала она и, чуть-чуть помолчав, поинтересовалась: – А что, кроме нас, москвичей в селе нет?

– Увы! – Екатерина Фёдоровна развела руками. – Две семьи, как я знаю, живут в Половинках, ещё три в Варгашах... Нас вот только сюда занесло. Но мы уже привыкли.

– Да и нас побросало. Сначала эвакуировали в Омск, затем в Челябинск. Эти эшелоны, дороги, тупики. А у меня дети, знаете, какие? Помещений приспособленных нет, питание не обеспечивается... Я – в один обком, во второй... Телеграмму за телеграммой в Москву! Наконец сюда распределили. Вот и кручусь, как белка в колесе. Всё приходится делать самой! Но от фронта не оторвёшь, от рабочих тоже. Вы не представляете, как тяжело.

– Представляю. – Екатерина Фёдоровна слабо улыбнулась. – Тут с одним не знаешь, как прожить, а у вас их, вероятно, сотня...

– Даже с гаком, как говорят украинцы. Но вы бы на них посмотрели! Это же с ума сойти... И в основном все – дети иностранцев, работающих в СССР. Я когда к ним из Моссовета впервые пришла... спать не могла, жить не хотела!

– Понимаю. – Екатерина Фёдоровна зябко потёрла руки и спрятала ладони под мышки. – Мне о них рассказывали. Да и сама изучала. Нам в Строгановке чего только не преподавали. Только... – Она запнулась, раздумывая, продолжать ли начатый разговор. – Только ведь какая война идёт! И здоровые дети гибнут! Вот недавно двое школьников, брат и сестричка, с голодухи наелись каких-то корней и – всё... Мать на похоронах с ума сходила, в могилу кидалась. А чем ей поможешь? И как всё это можно пережить?

Екатерина Фёдоровна смущённо замолчала, ожидая гневной отповеди гостью. Но та слушала её внимательно и только изредка, словно бы соглашаясь, покачивала головой.

– Понимаю всё ваше невысказанное. И не осуждаю... Не вы первая, не вы последняя. Многие меня упрекали в том, что... *таких* вот выхаживаю, трачу на них и продукты, и средства... Большинство же из них никогда не станет ЛЮДЬМИ! Всё – животное... инстинкты, действия... Но ведь мы не фашисты! – с отчаянием выкрикнула она. – Это Гитлер в Германии всех неполноценных истребил. Ну а мы... мы-то... мы разве сможем... безвинных?! Ой, не то говорю, не о том надо думать... Я зачем-то пришла к вам, а теперь позабыла. Извините, пожалуйста...

Маргарита Михайловна подошла к утыканной гвоздями доске, заменявшей в избе вешалку, и суетливо стала натягивать шубку.

– А! Вот вспомнила... Ну не память, а решето... Сына вашего мы решили забрать.

– Ку-уда-а? – округлила очи художница.

– К нам. В детдом. Фельдшерница мне о нём говорила. Ревматизм – это дело жестокое. Чем ему вы поможете? А у нас какой-никакой уход, лечение посильное... Нет, нет, нет, и не возражайте! – властно выставила она руки перед собой. – Мы же люди, и друг другу помогать должны.

– Но... в детдом, – в замешательстве забормотала Екатерина Фёдоровна. – При живой матери?.. Что я мужу скажу, когда он узнает?

– А то и скажете. Мальчишку надо спасать. Поэтому утром санитарок пришлю. А вечером ко мне приходите, буду рада. Я ведь тоже одна... Совсем одна... и интеллигентный человек для меня – как свет в окне! А тем более – землячка, родная душа... До свидания! Жду вас!..

Палата, в которую поместили Вадьку, была узкой и длинной, как коридор. Справа, возле двери, выпирала боком круглая железная печь, а дальше стояли три кровати, две из которых были заняты.

На одной из них лежал вихрастый подросток с гордым и красивым лицом, а возле второй, у окна, опираясь на костыли, стоял мальчишка с необыкновенно огромной, похожей на тыкву, головой, которая каким-то чудом держалась на его тонкой шейке.

Увидев его, Вадька невольно отступил и упёрся в тёплые колени приведшей его медсестры.

– Ну что ты, что ты, – мягко сказала женщина и погладила его по коротко стриженной голове. – Ты не смущайся. Это теперь будут твои друзья.

– Да он боится, – улыбнулся большеголовый, с нескрываемой насмешкой разглядывая Вадьку. – Может, Гражина Рогнедовна, его к кому-то другому поселить?

– Да куда же, Серёженька? – пожала плечами медсестра. – Всё забито. Да и Маргарита Михайловна велела к вам. Он ведь тоже москвич.

– Ну, тогда законно, – снова улыбнулся головастик. – Проходи, человек, мы тебя не съедим!

– А я и... это... не боюсь, – независимо пробасил Вадька, напускной грубоватостью пытаясь скрыть свою застенчивость. – Я даже Васю вашего не пугался.

– Васю? – живо сверкнул глазами Серёжа. – Так вон же он, у калитки, с каким-то стариком плешивым... Чудеса! На дворе снег, мороз, а мужик в одних штанах и босиком...

– Так это, наверное, деревенский Илюша, – неуверенно предположил Вадька. – А ну, дай погляжу.

Преодолевая робость, он приблизился к окну и заглянул в продушанный Серёжей ледяной кружок.

– Точно, он. Зимой и летом одним цветом. Закалённый!

–Ах, глядите, глядите, – вдруг закричал Серёжа. – Старичок с Васей хлебушком делится! Нищий нищему подаёт. До чего же мы дожили...

– Ну, опять запричитал, – недовольно сказал лежащий на койке подросток. – И чего ты, Серёга, всему поражаешься? Что ты на мир вечно из окна смотришь?

– Да потому, что этот мир удивительный! И кроме этого окна, мне, к сожалению, ничего не светит, – миролюбиво ответил Серёжа и, осторожно подвинувшись на костылях, присел на свою койку.

Теперь Вадька мог отлично разглядеть обоих.

На прозрачном, нежном лице Серёжи приветливо светились голубые глаза, полные капризные губы шевелились в летящем изгибе, и когда он улыбался, на щеках, как у девочки, возникали глубокие ямки. Если бы не огромный, раздувшийся череп, совершенно голый и жёлтый, как бильярдный шар, его можно было бы считать красавцем.

Лежащий напротив него сосед был совершенно иным. Туго сдвинутые брови и строгие, неподкупные очи, которыми он исподлобья буравил ребят, выдавали характер. Плечи его были хорошо развиты, грудь дышала бурно и часто, словно одолевала его какие-то глубоко скрытые страсти и томления.

«Вот кого надо бояться, – подумал Вадька. – Этот, если что, пришибёт... А Серёжа – он славный, и совсем не урод. Зря я так шарахнулся от него...»

Вадька оглянулся на дверь, чтобы поблагодарить медсестру, но её уже не было. Ноги его по-прежнему ныли, и сердце неопределённо и сладко покалывало. Тяжело вздохнув, он направился к своей кровати, но был сразу же остановлен преградившей ему путь рукой подростка.

– Ты чего раскис? – неожиданно добрым голосом сказал паренёк. – За Серёгу обиделся? Так мы с ним ежедневно так схватываемся. Но не думай, мы не враги. И с тобой подружимся, если ты человек. Так, Серёжа?

– Так, так, – серебряно прозвенел Сергей. – На тебя просто невозможно обижаться. Хотя очень ты прямолинейный. Прямо Павка Корчагин.

– А я и не скрываю этого. И на Павку равняюсь. Ты читал «Как закалялась сталь»? – обратился он к Вадьке.

– Нет, – растерянно ответил новичок.

– Ну так скоро прочтёшь. Это у меня настольная книга. А теперь давай знакомиться. – Он протянул руку. – Я – Леонид Куликов.

– Я – Серёжа Новиков, – приятно улыбнулся Серёжа.

– А я Вадька, – сказал Вадька и тут же поправился. – Вадим. Ученик второго класса...

– О-о! – засмеялся Леонид. – Это уже звание!.. Ну располагайся, Вадим. Время до обеда есть, так что можешь рассказывать.

– О чём? – вытаращился на него Вадька. – Или про что?

– А про что хочешь! Кто ты, что ты, с чем тебя едят?

– Ну-у... – Вадька прошёл, наконец, к своей койке, осторожно попрыгал на ней, проверяя пружины. – Ну-у, – продолжал он. Мне девять с половиной лет. Папа у меня на фронте, а мама – художниц... А теперь ещё и ревматизм...

– Да-а, – покачал головой Леонид. – Биография сложная. – Он уже отошёл от своих дум, оттаял, и теперь явно хотел понравиться мальчишке. – Ну а я из Иванова. Слышал про Иваново-Вознесенск? Родину Первого Совета?

– Конечно, – сказал Вадька. – У нас Васька Федотов в Москву из Иванова переехал.

– Ну так вот. Мама у меня учительница. Работает в вашей школе. А дед – большевик, один из тех, кто Советскую власть организовывал. И я думаю, придёт время, когда его именем в Иванове улицу назовут... Обязательно назовут!

– А сейчас разве нельзя? – глубокомысленно поинтересовался Вадька, не понимая, от чего это Серёжа вдруг испуганно заморгал и приложил палец к губам: молчи, мол.

– Нельзя, – вздохнул Леонид. – Сейчас он во врагах народа числится... А я не верю! Не верю! – яростно стукнул он кулаком о бортик койки. – Всю жизнь человек отдал Революции, а теперь вдруг враг-а?!

– Тише ты! – предупреждаяще одернул его Серёжа. – Услышат...

– А-а, – Леня бессильно махнул рукой. – Пусть слышат...

– А вот я своих не знаю, – сказал Сергей и снова уставился в окно. – Ни отца, ни матери... Видно, выродили урода и напугались... Пока в Москве жил, посылки и переводы откуда-то приходили, а теперь... Ой, да что мы всё о грустном да о грустном? Новый год скоро. Новые удачи придут. Не успеем оглянуться, как война закончится.

– Ага... Жди, – мрачно усмехнулся Леонид. – Если даже в Сталинграде развернёмся, до Берлина ещё шагать и шагать.

– Ну и дойдём! Я даже день могу назвать, когда война кончится. Я целый месяц его высчитывал. Не верите, не верите?

– Ну назови, – великодушно разрешил Леонид.

– Значит, так... Так, – Серёжа весь как-то сжался и стал похож на нахохлившегося цыплёнка, затем собрался с мыслями и, раскачиваясь на кровати взад-вперёд, забормотал: – Сорок третий отскочит... трудно, больно отскочит... В сорок четвёртом мы границу перейдём... Ну, может, не в начале, а в конце... А весной сорок пятого... Обязательно весной в апреле, или в мае... Скорее в мае... второго или первого настоящая победа придёт! И если это не сбудется, плюнете мне в глаза. Я вот верю, верю в это! Обязательно *первого* или *второго*!

– Что ж, запомним, – усмехнулся Леонид.

– Только надо, чтоб и ты поверил. И Вадик... Наша вера передастся бойцам, всему народу... А если не верить, то и надеяться нечего. Ты же ведь уверен, что вылечишь свой паралич? Вот и в это поверь!.. А когда мы встретимся лет через двадцать, вспомним и сегодняшний день, и как тут горевали. Ты, Лёнька, станешь писателем. А Вадька, наверное, – артистом. Будет выступать на сцене МХАТ! Или в кино сниматься. А мы зазнаемся важно, что знакомы с такой знаменитостью.

Серёжа рассмеялся. Однако смех его был невесел. И от этого надрывного, жуткого смеха у Вадьки поползли мурашки по ногам и спине. Ничего не ответив Серёже, он упал на кровать, засунул голову под подушку и мгновенно заснул.

...Пролетела неделя, вторая... В новом обществе Вадька освоился быстро. По натуре дружелюбный и искренний, он доверчиво тянулся к ребятам, поражаясь их многоопытности и знаниям, которые они успели приобрести за свои недолгие годы. Всякую свободную минуту и Серёжа, и Лёня отдавали книгам. Обмениваясь мыслями о прочитанном, они иногда спорили яростно, до слёз, и Вадька с упоением и жадностью впитывал в себя услышанное. Правда, во многом ориентироваться ему приходилось с трудом, но, тем не менее, добрые зёрна познания падали на благодатную почву. Многое из того, о чём говорили ребята, было до того интересно, что Вадька сидел, разинув рот, чувствуя себя тупым и жалким болваном.

В детские годы даже небольшое различие в возрасте имеет значение. А тут разница составляла пять и шесть лет, и лишь природный ум да способность всё усваивать на лету позволяли мальчишке оставаться терпимым членом этого общества.

По утрам их обязательно навещали Маргарита Михайловна и старенький, неугомонно бодрый врач Александр Антонович. Начавший свою деятельность ещё при земстве, Александр Антонович сохранил и повадки и внешность тех лет. По-

сверкивая черепашьим пенсне, сползающим с носа, и золотыми зубами, смешно задирая аккуратную, с проседью, бородку он со смехом и шуточками прямо-таки втискивался в палату.

–А-а-а, голубчики, – трескучим «волжским» тенорком смешливо выкрикивал он. – Попались! Опять не думаете о здравии! А ну, быстренько, общий подъём и на зарядку! Побежали, побежали, поползли, запрыгали!.. Так... так... Ого! Куликов у меня стометровку рекордно прошёл! А Серёжа, Серёжа его догоняет... Молодец, Серёжа, работай, двигайся!..

Желая доставить удовольствие старику, ребята изображали бурную физическую деятельность. Лёня исступленно крутил и размахивал руками, Серёжа вставал на костыли и тоже двигался, как мог, а Вадька неизменно пытался побегать, но Александр Антонович лёгким щелчком укрощал его желание.

– Не спеши, ещё успеешь их догнать. У тебя, голубчик, всё впереди. А пока салицилку прими... Открывай рот... бери водичку... а-ап! А теперь витамин на закуску – ням-ням! Ну и этим лентяям, как приз, по горошинке... А-ап!.. Ап! На здоровье. Поправляйтесь, мошенники! И – двигайтесь, двигайтесь. В движении – жизнь!..

В движении – жизнь. Вадька понимал это как никто. С малолетства шустрый и вёрткий, он болезненно переживал своё нынешнее положение и при каждом удобном случае норовил удрать из палаты. Многодневный приём аспирина и терапевтические прогревания «синим светом» привели его в некую норму: опухоли на ногах сошли, и сердце почти не беспокоило. Организм требовал нагрузок, хотелось бегать, прыгать, но на улицу не выпускали, а в палате не разгуляешься: стыдно было ребят, их прикованности и обречённости.

После завтрака и обхода начиналось «великое чтение». Только шелестели страницы книг, да время от времени скрипело перо Леонида, заносащего возникавшие мысли в свой заветный толстый дневник. Начитавшись до чёртиков, Вадька надевал широкий и длинный не по росту халат и, чтобы не мешать ребятам, выходил в коридор.

Это был даже не коридор, а фойе, где ещё недавно на переменах звучали оживлённые голоса школьников. Сейчас здесь было тихо и пусто. Лишь изредка проковыляет из процедурной в палату маленькое неуклюжее существо, пробежит санитарка с судном, или неторопливо прошествует медсестра Гражина Рогнедовна, высоко держа свою прелестную головку, гордо увенчанную короной аккуратно уложенных золотых толстых кос.

Почти все двери бывших классов выходили в фойе. И за ними шла таинственная, странная жизнь, воплощённая в формах вычурных и извращённых. Иногда, набравшись смелости, Вадька открывал дверь в ту или иную палату, и, замирая от ужаса, разглядывал её обитателей.

Лёгкий скрип двери возбуждал острый слух и любопытство жильцов, и десятки глаз тот час же обращались к мальчишке, словно бы спрашивая: кто он такой и чего хочет от них? Вадька молчал. И они молчали. Лишь однажды чья-то громадная, раза в три большая, чем у Серёжи, голова, не выдержав этого молчания, показала язык и злобно плюнула. Правда, плевок оказался слабым и упал на одеяло, под которым беспомощно шевелилось маленькое хилое тельце безбородого сказочного Черномора.

В другой раз, когда Вадька находился в фойе, одна из дверей неожиданно распахнулась, и мальчишка увидел прямо перед собой яйцеголового, почти взрослого парня, сладострастно пожиравшего собственные испражнения. В ту же секунду до слуха донёсся чей-то женский плач и знакомый утешающий голос Маргариты Михайловны.

– Не могу, не могу-у! – навзрыд кричала женщина. – Отпустите меня, сил больше нет! Я в колхоз пойду, на ферму. Там хоть свиньи, им всё положено. А тут облик человеческий, и я с ума сойду!

– Успокойся, Наташа, держи себя в руках, – мягко уговаривала санитарку Маргарита Михайловна. – Ты думаешь, мне легко и я железная? Так я тоже ночами не сплю! Но ты представь, что это *госпиталь*. И все дети наши – жертвы войны. А они и так жертвы, всем обделённые, и если мы им не послужим – то кто, кроме нас?.. Я тебя прошу, Наташенька, стисни зубы и терпи. Мы не смеем их бросить, нам Родина поручила. А твой подвиг человеческий не забудется. Потому что милосердие – это главное. И если мы ожесточимся, то зачем тогда жить? Мы же люди, лю-у-ди! И доброту твою дети чувствуют, даже эти несчастные, эти больные...

Конец диалога Вадька не дослушал. Он опрометью бросился в палату и, упав на койку, разрыдался в истерике.

– Да ты больше не ходи туда, – строго сказал Серёжа, сообразивший, что могло так потрясти мальчишку. – Я вот сам искорёженный, а туда не рискую. Страшусь! Больно уж жестоко природа над нами подшутила. А ты человек нормальный, тебе всё это видеть нельзя. Ты о будущем думай! Оно у тебя хорошее, я знаю...

Как ни странно, но Серёжа действительно многое знал и предвидел. Этот удивительный дар прорезался у него в самом начале войны, когда он случайно предсказал судьбу сына одной из нянечек. Придя в палату, няня показала ребятам фотокарточку солдата и поплакалась, что уже три месяца от него ни слуху, ни духу.

Серёжа долго вглядывался в фотографию, затем вдруг нахохлился, закатил глаза и, спустя некоторое время, уверил женщину, что сын её жив. Нянечка, испугавшись поначалу, что с ним начинается припадок, приободрилась, разулыбилась, и стала допытываться подробностей.

– Жив он, жив, – подтвердил Сергей. – Только находится за какой-то проволокой, среди множества солдат. Может быть, это плен.

– Пле-ен? – в страхе ахнула женщина.

– Ну, не знаю, не знаю... Только дальше я его видел в красноармейской форме...

– А-а-а...

Поражённая женщина ушла в полном смятении. А спустя несколько месяцев ворвалась в палату с криком и солдатским «треугольником» в руке. Сын писал, что действительно две недели находился в плену, потом чудом бежал, возвратился к своим и теперь находится в новой воинской части, которая скоро уходит на фронт.

С той поры к Серёже началось паломничество вдов и матерей. Некоторых он счастливо успокаивал, другим велел надеяться и ждать, хотя точно знал, что ждать было некого.

– Слушай, как ты определяешь, живой или мёртвый солдат? – как-то поинтересовался Лёня.

– Сам не знаю, – пожал плечами Сережа. – Я его *вижу* среди тысяч других. Вот так... сосредоточусь и... ищу. Сначала в небе, может, где-то летает. Потом на земле – в окопах, в землянках... в поездах, в госпиталях... Мысленно всё сразу охватываю и вдруг... среди лиц, лиц, лиц таких неразборчивых, его лицо появляется. Если он живой, конечно. А если убитый – так ищи не ищи... – Он растерянно развёл руками.

– Чудеса! – восхищённо сказал Вадька. – Значит, ты и будущее можешь увидеть?

– Так я же вам его предсказал. И про окончание войны, и кем вы станете. Чем чёрт не шутит: может, и сбудется. Вон – Островский... Погибал человек. А стал писать – и обрёл бессмертие! Ну и Лёнька так сможет. Он умный, ему выход мысли нужен. А как эту мысль людям передать? Только через бумагу...

– Ну а я что, действительно стану артистом?

– Ты-ы... – Серёжа внимательно посмотрел на Вадьку, словно бы увидел его впервые. – С тобою сложнее. Очень ты неустоявшийся ещё. И, наверное, будешь шараться из стороны в сторону, расшибаться, раскаиваться... Но потом придёшь к чему-то основному, важному. И это обязательно будет связано с искусством, потому что ты здесь как на ладони. Артистизм в тебе проглядывает. И хоть пацан пацаном, ничего о себе не знаешь, но печать на лбу уже горит. И это как судьба. А от неё не уйдёшь!

– Странно, – сказал Вадька. – И страшно. Как будто в пропасть заглянул.

– Ничего, – улыбнулся Серёжа. – Это пройдёт. Особенно когда жизнь крутить станет, а ты будешь отбиваться. Главное – стержень не потеряй. Или точку опоры, на которой всё держится...

Он замолчал, подошёл к окну и, уткнувшись лбом в ледяное, покрытое морозными узорами, стекло, стал вглядываться в какие-то открытые только ему одному запредельные дальние дали.

...Прошло двадцать лет. Тридцать лет... Почти всё предсказанное Серёжей сбылось.

Леонид Иванович Куликов действительно стал прекрасным детским писателем. До последней минуты он боролся с недугом, став в своей нелёгкой судьбе младшим братом Николая Островского. До сих пор его книжки радуют детвору, и память о нём живёт в душах людей, которым он бескорыстно и нежно отдавал тепло своего сердца. И ещё он *дожил* до того дня, когда имя его деда засияло освобождённо и чисто, и в Иванове этим именем действительно назвали одну из улиц.

Ну а Вадька, Вадим... Жизнь неистово крутила его. И кем он только не был. В том числе и актёром – правда, не мхатовцем и не кинокумиром. Увы!

Бурное пережитое требовало выхода из души. И сначала робко, а затем всё увереннее он стал писать об этом пережитом, и неожиданно издал книгу, вторую, о которых заговорили требовательно, всерьёз, примеряя на других ту высокую планку, которую он поднял для себя.

Теперь он уже не мыслил себя вне этого творчества и этой судьбы, хотя иногда годами приходилось молчать. И не гневаться, получая из журналов и издательств отвергнутые рукописи с дикими рецензиями о том, что «всё это очернительство и клевета на нашу действительность».

Всё сбылось, как и должно было сбыться.

Ибо «Всему свой час, и время всякому делу под небесами,

Время родиться и время умирать,

Время насаждать и время вырывать насаждения,

Время убивать и время исцелять,

Время разрушать и время строить...»

Так говорит Экклезиаст, и так часто и задумчиво говорил Лёня, исповедующий в жизни высочайшую религию милосердия, которое он впервые познал в том военном инвалидном детском доме.

А в отношении Дня Победы Серёжа ошибся всего лишь на неделю. Победа пришла к нам 9 мая 1945 года, вся в цветах и салютах, слезах и поцелуях...

Этот день был, наверное, самым дорогим из всех прожитых дней человечества.

Но Серёжа до него не дожил...

**Астафьева
Валентина Васильевна**

Член студии В. Ф. Потанина, член Кетовского литературного объединения «Тобол», член редакционного совета журнала «Родник». Номинант национальных конкурсов «Поэт года – 2017», «Писатель года – 2017», «Поэт года – 2019», «Георгиевская лента – 2020». Стихи и проза напечатаны в альманахах ООО «Издательство РСП» в Москве. Награждена РСП медалью к 130-летию Анны Ахматовой. Получила II место в областном литературном конкурсе «Пишем о СВОих» (2025).

Автор сборников стихов «Алая заря» (2020) «Утоли мои печали» (2025), сборников рассказов для детей «Жираф за печкой» (2021), «Камчатское лето» (2024), сборника рассказов «Инопланетянка» (2023), «ЗаМЕЧ-ТАтельный роман» (2024). Автор публикаций в сборниках «ОСВОих» (2024), журналов «Тобол» и «Родник», Половинской газете «Вестник района».

Великая Отечественная война для рядового Василия Колесникова началась в июне сорок первого и окончилась в декабре сорок восьмого. Дорога домой оказалась длиною в семь лет и восемь месяцев. Он прошёл этот трудный путь без единого ранения, как будто заговорённый от пуль и осколков снарядов...

– Вася, ты куда собрался-то? Ты уж отслужил своё, – заплакала Вера. – Ведь мне рожать скоро. Как я одна останусь?..

– «Куда, куда»... В военкомат, конечно. Ты же сама видишь: все мужики пошли, и я должен. И хорошо, что отслужил: значит – обученный боец. Не реви! Если что, тебе тятя поможет.

– Как он мне поможет?! Его новая жена готова съесть меня. Была бы мама жива – тогда другое дело. Я бы вернулась к родителям, а так даже не знаю, что делать. Живот огромный, будто двойня там у меня...

– Ну, не ты первая, не ты последняя. Все бабы рожают, и ты справишься. Ты же вон какая боевая у меня! Ладно, давай прощаться. Пожелай мне удачи и провожать не ходи! Долгие проводы – лишние слёзы, а тебе волноваться нельзя, это для ребёнка вредно, – нарочито сурово сказал Василий.

В этот момент, чувствуя волнение матери, малыш в утробе начал сильно толкаться. Это отрезвило Веру – она тут же перестала плакать, поняв, что ей действительно надо думать сейчас прежде всего о ребёнке.

– Ну вот и ладно, вот и молодец! Береги себя и сына!

– А, может, дочку! – улыбаясь сквозь слёзы, сказала Вера.

– Всё равно – береги! – улыбаясь только глазами, настойчиво повторил Василий, бережно обнял жену, поцеловал и, не оглядываясь, вышел.

Вера осталась дома, понимая, что муж прав. С первых дней совместной жизни он был главным в семье, будучи старше неё на целых шесть лет, а значит, умнее и опытнее. Она выглянула в окно, увидела, что Василий уверенным шагом пошёл в противоположную от военкомата сторону. «К матери пошёл прощаться», – вытирая заплаканные глаза, догадалась молодая женщина.

А за окном цвело июньское лето. Было тепло и солнечно, в палисадниках цвели разноцветные мальвы. В синем-синем небе плыли белоснежные облака. Весело щебетали птицы. Было так мирно и спокойно вокруг, что совсем не верилось, что где-то далеко гремит война и гибнут люди.

Вася зашёл в родительский дом, низко склонившись в дверях, чтобы не стукнуться лбом.

– Ну, здравствуйте, матушка, Федосья Константиновна! – как обычно, с лукавой улыбкой произнёс сын.

Он всегда величал мать по имени-отчеству, подчеркивая своё уважение и сыновнюю любовь. Она всплеснула руками, едва не заревела, но сдержалась, вытерла набежавшие слёзы и подошла с ладанкой в руках:

– Не отказывайся, сынок. Носи, не показывай никому, а знай, что это оберег твой. Храни тебя Господь во всех путях твоих! – сказала она строго, перекрестив младшего сына, и обняла, прижав к большой материнской груди. – Да пиши, не забывай! Я молюсь за тебя. И ты молись! Тихонько, али совсем про себя, чтоб никто не слышал. Вася, кто верит и молится, тому Бог-от в помощь! Ангела тебе в дорогу!

Василий спрятал ладанку под рубаху, снова обнял мать, при этом Федосья увидела, что в глазах его сверкнула набежавшая, но не пролившаяся, скупая мужская слеза. Она вышла его проводить за калитку и долго смотрела вслед, шепча молитвы, а когда сын дошёл до поворота, снова перекрестила его и зашла в ограду, вытерев слёзы уголком ситцевого платка, который носила летом, чтобы голову не напекло солнцем, снова и снова повторяя про себя: «Господи! Спаси, сохрани и помилуй раба твоего Василия!»

А Василий быстрым шагом дошёл до райвоенкомата, находившегося почти в конце Береговой улицы, что тянулась вокруг большого озера, поздоровался с ближними мужиками за руку, спросил, кто крайний в очереди. Толпа перед входом была солидная. Мужчины тихо переговаривались, а женщины одна за другой принимались голосить, как по покойникам, обнимая своих мужей и братьев.

«Хорошо, что Вера не пошла со мной, а то от волнения, не дай Бог, родила бы тут раньше времени», – подумал Василий. Он огляделся, увидел своего друга Ивана Кисленко.

– Здорово, Ваня!

– Здорово! Вставай рядом, попросим, чтобы нас в одну часть отправили. Вместе воевать сподручнее.

– Попросить-то, конечно, можно. Только когда я действительную службу пошёл, никто никого не спрашивал. Куда направили, туда и поехал. Так это в мирное время было, а сейчас – не знаю. Сомневаюсь, что пойдут навстречу.

– Ну, попытка не пытка. За спрос в лоб не ударят, – засмеялся Иван, вечный балагур и весельчак, которого Вася частенько называл хохлом. А он и был хохол, много лет назад переехавший с женой, красавицей Марусей, из Украины, но так и не избавившийся от хохляцкого говора.

Кисленки и Колесниковы дружили семьями. Иван и Василий всегда подшучивали и друг над другом, и над своими жёнами. Маруся, уже совсем обрусевшая, говорила по-русски без акцента и совсем не обижалась на шутки мужчин, могла и сама ответить колко, если что. Другое дело Вера. Она в силу своего юного возраста и «интересного положения» шуток не понимала, принимала их за насмешки и по-детски, до слёз, обижалась. Правда, после одного случая мужчины перестали её доносить. Однажды Иван шутя назвал её колобком, намекая на большой живот беременной женщины. Вера тогда так разрыдалась, что все испугались, что она родит, не дожидаясь срока. Маруся кинулась успокаивать её и ругательски ругала своего мужа такими словами, от которых мужики оторопели. Всё, с тех пор шутить с Верой на эту тему никто не решался. И на другие темы тоже старались особо не шутить. Мало ли что, а то потом весь век грехи не отмогить.

Друзья переживали не напрасно. Всех, кто в этот день пришёл в военкомат, вечером отправили поездом в Челябинск, а оттуда – в Москву, где команду расформировали по разным частям, и пути-дорожки друзей разошлись...

Срочную службу Василий служил в автобате, водил полторку. На этот раз он попал в пехоту. Перед самой отправкой на фронт, после недолгой учебки в воинской части, расположенной где-то в Подмосковье, их обмундировали. Вместо сапог выдали ботинки на два размера больше нужного, по два отреза плотной бязи на портянки. Кому лопатка сапёрная досталась, кому – только армейский нож. Выдали плащ-палатки. Шинелей на складе не оказалось, но никто даже не спросил про них. Все думали, что война скоро закончится. Месяц-два – и все домой вернутся, как после учений. Когда вдобавок и винтовок всем не хватило (их получил каждый второй или третий боец, и патронов только по горсти), то солдаты недовольно зароптали, а Василий, не робея, задал вопрос:

– Товарищ старшина! Рядовой Колесников. Разрешите обратиться?

– Разрешаю.

– А как же воевать без оружия и боеприпасов?

Командир взвода, седой коренастый мужчина лет пятидесяти, невесело усмехнулся:

– Ориентируйтесь на месте. Если товарища ранят или убьют, берите его оружие – и вперёд на врага! Да что вам объяснять – прибудете на фронт, сами всё поймёте, а сейчас по списку получите сухие пайки в дорогу.

Солдаты притихли. Куражу как-то сразу поубавилось. Вопросов больше не задавали. Услышав команду «Становись!», быстро встали в шеренгу.

– Взвод! Равняйся! Смирно! Товарищ лейтенант, взвод для отправки на фронт построен! Докладывал старшина Матвеев!

Немолодой лейтенант, уставший от проблем из-за недостатка оружия, боеприпасов, обмундирования, с лицом, серым от тяжёлого груза ответственности за возложенные на него заведомо невыполнимые задачи, обратился к бойцам, сурово чеканя каждое слово:

– Товарищи солдаты! Вы все знаете, что Германия вероломно напала на нашу страну. Родина в опасности. Немцы топчут нашу землю, бомбят города, убивают мирных жителей. В это тяжёлое для страны время все мужчины должны встать за защиту Отечества. Наша задача – остановить врага любой ценой. Времени для долгих речей нет. Сейчас вы отправитесь на вокзал. Там вас погрузят в вагоны и повезут на фронт. С Богом, сынки! Старшина, командуй!

– Взвод! В колонну по два становись! Шагом марш!

Железнодорожный состав вёз бойцов на фронт, к западной границе Советского Союза. Поезд ехал медленно, подолгу стоял на узловых станциях, ожидая своей очереди. Солдаты из вагона, в котором ехал рядовой Колесников, где-то раздобыли школьную тетрадку и химический карандаш. Те счастливики, кому достался листок, по очереди написали письма домой, а старшина передал их начальнику станции. Кто мог тогда знать, что единственное письмо от Василия заблудится в хаосе войны и придёт к его матери только в декабре сорок первого, когда он, как многие тысячи советских солдат, нежданно-негаданно попавших в окружение в самом её начале, уже окажется в немецком плену?..

Через пять суток война стала реальностью. Рано утром на незнакомом полустанке поезд попал под бомбёжку. Первый снаряд попал в головной вагон. Послышался гул самолётов и новые разрывы. Солдаты прыгали из вагонов и бросались враспынную, стараясь как можно дальше убежать от поезда.

– Ложись! На землю! – закричал старшина.

Но многие и так уже легли, прошитые пулемётными очередями. Навечно. Василий тоже упал, прикрыв голову руками. Пули просвистели совсем рядом, подняв фонтанчики земли в нескольких сантиметрах от него. Немецкие самолёты удали-

лись от железнодорожного состава, заходя на второй круг. Василий чуть приподнялся, увидел, что рядом с убитым товарищем из его взвода лежит винтовка, схватил её и, пригнувшись, побежал вслед за другими солдатами в сторону леса, что был метрах в пятнадцати от поезда.

Пикирующие бомбардировщики утюжили состав, добивая раненых, а когда наступила оглушительная тишина, то все, кто остался в живых, сами не поверили в это чудо. Смерть покружила над ними чёрным вороном, погрозилась и, бог весть почему, улетела. Из всего состава уцелел единственный вагон – тот, в котором ехал Василий. Железнодорожная насыпь и почти всё пространство от неё до самого леса было устлано телами бойцов. Из всей роты в живых остался только взвод старшины Матвеева (и то в неполном составе) и десятка два солдат из других вагонов, оставшихся без командиров.

– Ну, что, сынки, с боевым крещением! – произнёс старшина охрипшим голосом. – Фронт, похоже, далеко. Орудий не слышать. Потому слушай мою команду – похоронить погибших с воинскими почестями. Делимся на две группы. Первую возглавит рядовой Колесников. Приказываю собрать тела убитых товарищей, достать из карманов гимнастёрок документы, и передать их мне. Если найдёте живых, окажите первую помощь. Перенесите всех ближе к лесу, в тенёк. Заберите оружие и патроны. Им уже ни к чему, а вам пригодится. Вторая группа, главный – рядовой Михайлов. Как можно быстрее выкопать большую могилу возле леса и обозначить место захоронения.

Все работали молча, потрясённые смертью такого количества боевых товарищей, фамилий которых даже не успели узнать. Когда тела были положены в братскую могилу и прозвучал оружейный салют в честь погибших бойцов, оставшиеся в живых долго стояли, обнажив головы, и молчали, не в силах осознать того, что произошло.

Гнетущую тишину нарушил голос командира, выведший солдат из оцепенения:

– В колонну по два становись! За мной шагом марш! – сурово скомандовал старшина, и колонна двинулась на запад в сторону фронта.

Так Василий Колесников первый раз избежал смерти на войне. Он шёл следом за старшиной и думал, что это Ангел-Хранитель его спас, и проверил, на месте ли материнский берег. Ладанка висела как раз напротив сердца.

– Шире шаг! – скомандовал старшина.

Услышав уверенный голос командира, солдаты пришли в себя, приободрились, взвод пошёл более слаженно. Примерно через час быстрого марша по просёлочной дороге Василий слышал впереди по ходу движения колонны едва различимый звук моторов.

– Товарищ старшина! Шум... Слышите?.. – спросил Василий.

– Нет, не слышу! Тебе показалось.

– Нет, не показалось. У меня слух охотничий. Я моторы по звуку могу определить. Колонна идёт. Моторы не наши, похоже, немцы, товарищ старшина.

– Взвод, стой! Всем молча слушать!

Бойцы прислушались, а Василий уверенно произнёс:

– Точно! Колонна немцев примерно в километре от нас. Просто ветер в их сторону, да ещё шум деревьев звук заглушает.

Старшина, имевший боевой опыт, мгновенно принял решение:

– Бойцы, слушай мою команду! Углубляемся в лес с правой стороны. Занимаем позицию и ждём приближения колонны. Сначала подпускаем её, а потом блокируем огнём первую и последнюю машину. Бейте по покрышкам и моторам, а потом по живой силе. Задача ясна? Молча к лесу бегом марш!

Когда взвод укрылся за деревьями, старшина громко скомандовал:

– Рассредоточиться вдоль опушки! Огонь без моей команды не открывать!

Большинство солдат во взводе до начала войны не имели армейского опыта и боялись предстоящего боя. Но и тем, кто уже отслужил, тоже было тревожно. Одно дело стрелять по мишеням, и совсем другое – по живым людям, хоть и фашистам.

Едва бойцы успели занять позицию, как послышался шум приближающейся колонны машин.

– Не стрелять! Ждать, когда колонна зайдёт в зону обстрела! – громким шёпотом передал по цепочке старшина.

Но у кого-то из необстрелянных солдат сдали нервы. Головная машина немцев не дошла ещё до середины, как прозвучал первый ружейный выстрел, за ним, как по команде, другие. Стреляли хаотично и практически всё время мимо. В ответ застрочил немецкий пулемёт, затрепали автоматы, прицельно бившие по опушке леса. Немцы попрыгали из машин и открыли шквальный огонь, двинувшись в сторону взвода. Старшина, увидев превосходящую силу противника, вооружённого до зубов, принял решение отступить, чтобы сохранить взвод, и громко скомандовал:

– Прекратить огонь! Отходим в лес! Собрать винтовки и патроны! Отходим!

Оставшиеся в живых побежали в глубину чащи вслед за командиром, который, чтобы обмануть немцев, шедших строем перпендикулярно дороге, свернул влево, уводя взвод из-под обстрела. Немцы в глубину леса не полезли.

Минут десять слышалось только тяжёлое дыхание бегущих солдат, петляющих между деревьями. Они остановились, как по команде. Просто выдохлись все разом, поняв, что автоматных очередей больше не слышно.

– Ну что, сынки! Как вам пробежка? – сурово усмехаясь, сказал старшина. – Это вам не у мамы на печке сидеть, семечки щёлкать! Война, мать её! Становись!

Когда бойцы встали в строй, оказалось, что от выживших под бомбёжкой осталась лишь половина. «И на этот раз повезло, – подумал тогда каждый про себя. – А что дальше будет – один Бог знает».

– Бойцы! Мы отступили, чтобы сохранить взвод как боевую единицу, чтобы снова бить врага. Приказываю проверить оружие: винтовки, патроны, лопатки и ножи. Кто знает: возможно, придётся вступить в рукопашный бой. Чтобы сориентироваться на местности, отправим разведку. Рядовые Михайлов, Иванов, Петренко! Шаг вперёд! Вы пойдёте влево от большой сосны. Ваша задача – определить границу леса и найти ближайшую дорогу! Вторая группа – рядовые Колесников, Ефанов и Долгуша. Шаг вперёд! Ваша задача – разведать обстановку, углубившись в лес вправо от сосны. Слушайте, смотрите, есть ли движение немцев с той стороны. Постарайтесь вернуться, действуйте по обстановке. Взвод поменяет дислокацию через полчаса.

Первая группа, ушедшая влево, погибла, наравшись на немцев. Вторая, в составе которой был Василий, вернулась в полном составе, сообщив, что впереди нескончаемый лес. Взвод двинулся в указанном направлении и шёл довольно долго. Солдаты устали и уже изнемогали от жары и жажды, когда впереди под полуденным солнцем засверкала водная гладь небольшого озера.

– Привал! Напиться, умыться, перекусить тем, что осталось от сухого пайка. Купаться запрещаю, чтобы воду не баламутить. Набрать воды! Путь предстоит долгий. На отдых даю тридцать минут. Разойдись! – охрипшим голосом скомандовал старшина.

Солдаты разбрелись по берегу озера, чтобы скорее смочить водой пересохшие глотки. Пили жадно: одни – зачерпывая воду ладонями, другие – лёжа на берегу прямо из озера, как пьют животные, и только потом, утолив жажду и наполнив свои фляжки, легли отдыхать в тени деревьев, сняв ботинки со стёртых в кровь ног. Василий, едва его голова коснулась подложенной под неё руки, мгновенно уснул. Ещё

несколько солдат последовали его примеру. Остальные бойцы, вытянув натруженные ноги, отдыхали, тихо переговариваясь.

Старшина, достав планшет, оставшийся от погибшего командира роты, стал определять по карте направление движения к фронту. Судя по всему, взвод находился на территории Белоруссии, и фронт должен быть западнее места привала. Но канонады не было слышно ни с запада, ни с востока. Старшина подумал: «Как ни крути, а без разведки не обойтись». Решив, что даст солдатам ещё немного отдохнуть, он разбудил рядового Колесникова, надеясь, что опытный охотник хорошо ориентируется в лесу, и сможет прояснить обстановку.

Василий углубился в лес, обламывая по пути веточки деревьев, чтобы по ним найти дорогу обратно. Через некоторое время он вышел на просёлочную дорогу и вернулся. Отдохнувшие солдаты двинулись в путь. Идти по дороге было гораздо легче, да и солнце уже давно перевалило за полдень. Взвод шёл на запад быстрым маршем, ожидая, что идёт врагам навстречу, но, как только солдаты зашли на широкий перекрёсток, сзади, из лесной чащи, внезапно раздалась автоматные очереди и резкие крики:

– Halt! Hände hoch!¹

Немцы, сидя в засаде, подкарауливали разрозненные группы советских солдат, оставшиеся после бомбёжек железнодорожных составов, и брали их в плен. Тех, кто из взвода успел выстрелить в немцев, убили. Остальных, отобрав оружие, под конвоем повели в ту же сторону, в которую шёл взвод, – на запад. Василий, у которого винтовка была без патронов, оказался в колонне пленных. Толстый очкастый немец без конца толкал его в спину прикладом и орал:

– Weg! Weg! Schneller!²

Василий шёл и думал только об одном – как сбежать от немцев. В это время один из его товарищей выскочил из колонны, но его тут же застрелили. «Не надо спешить: осмотреться надо, и если бежать, то наверняка. Вон там побегу, где деревья совсем рядом. Хотя, конечно, не факт, что за ними можно скрыться. Ну да ладно. Или пан, или пропал!» – эти мысли промелькнули в голове Василия в одно мгновение, и когда конвоиры отвлеклись на следующего беглеца, он изо всей силы толкнул идущего чуть позади и справа от него немца, и кинулся в лес, петляя, как заяц. Тут же вслед зазвучали автоматные очереди, но, к счастью, все пули пролетели мимо.

Василий бежал долго, пока совсем не выбился из сил. Лес впереди стал понемногу редеть, послышался лай собак и потянуло дымком. «Жильё рядом», – подумал он. Прячась, подошёл к опушке леса, пригляделся и прислушался к доносившимся голосам. Понял, что вышел к небольшой деревне. Затаился, прилёг за кустарником, чтобы, дождавшись ночи, зайти в ближайшую к лесу хату, попросить воды и еды, и узнать, в какой стороне фронт. Однако ждать пришлось очень долго – до самых сумерек.

Василий очень хотел пить, и голод – не тётка, – давал о себе знать. В животе так урчало, что, казалось, слышно было за версту. Голод обострил обоняние, заглушив чувство самосохранения. Василий глотал слюнки, учуяв запах жареной картошки с луком. Молодой организм требовал еды, и солдат сдался. Он осторожно перелез через прясло³ огорода и крадучись, как тень, двинулся к сараю, который стоял недалеко от избы. Собака, почуяв чужого, громко залаяла. Тотчас вышел хозяин. Уви-

---

¹ Стой! Руки вверх! (нем.)

² Пошёл! Пошёл! Быстрее! (нем.)

³ Прясло – изгородь из длинных жердей, протянутых между столбами.

дев солдата, он поманил его, жестами показав, что пройти нужно возле стены сарая, пригнувшись, чтобы соседи не заметили.

Когда зашли в избу, крестьянин велел дочке задёрнуть шторы на окнах и погасить лампу. Хозяйка жалостливо смотрела, пока усталый, худенький, как подросток, солдатик ковшиком за ковшиком жадно пил воду, потом, торопясь, практически не жуя, глотал жареную картошку. У него смешно, как у её младшего сына, шевелились уши, которые казались большими на обритой наголо голове. Мария покачала головой, видя, что у парня слипаются глаза. Почувствовав себя в относительной безопасности, солдат заснул прямо за столом, положив голову на руки, но тут же вскинулся, услышав голос хозяйки:

– Вася, ему надо поспать.

– Да, не мешало бы, – ответил боец.

– Да не тебе говорю, а мужу своему, Василию.

– Дак я тоже Василий.

– Вот те на! Тёзка, значит, – вступил в разговор хозяин. – Поспать обязательно надо, а к утру я тебя выведу в лес. Оставаться тебе здесь опасно. Немцы в деревне. И полицаев навалом. Я тоже полицей, только оставлен для работы в подполье. Нашу семью в прежние годы раскулачили, хоть не были мы кулаками. Своим горбом всё заработали, без наёмной силы. Семья была большая. У меня тоже девять детей. На это и расчёт, что немцы поверят. Ты не первый, кого я в лес вывел. Главное, чтобы соседи не увидали, – а то они всё приглядываются да принимают, боюсь, немцам донесут.

Потихоньку все улеглись спать. Солдату постелили на полу. Он тут же провалился в сон, устав от тревог тяжёлого дня. Прошло часа два. Пёс на цепи начал громко рычать. Услышав, хозяин метнулся к окну и увидел тёмные силуэты вооружённых людей.

– Немцы! – приглушенно вскрикнул он. – Боец, просыпайся! Немцы! Из хаты нельзя выходить. Тебя пристрелят и нас всех заодно с тобой положат. Прятаться надо. Куда? В подполе найдут. На чердак – не получится, надо наружу выходить, а поздно уже. Стоп! Давай в подпечек лезь, а я тебя дровами заложу! Сможешь?

– Смогу! – ответил солдат. Отбросил поленья, сложенные для просушки в углублении плиты, и рыбкой нырнул в подпечек.

Хозяин тут же завалил его дровами.

В это время раздался громкий стук в дверь, послышались немецкая речь и голоса полицаев:

– Рус, выходи, сдавайся!

– Эй, Васька, а ну отворяй дверь! Показывай, где солдата спрятал!

– Какого солдата? Да вы что, господа полицаи, перепили горилки? – улыбаясь, ответил хозяин уверенным голосом (а у самого душа в пятки ушла, как представил, что будет, если найдут солдатику: всех ребятишек и жену расстреляют, а самого повесят прилюдно для устрашения местных жителей).

Трое полицаев и двое немцев зашли в хату, заглянули во все углы, под кровати, на печку и на полаты, где спали дети. Открыли подпол, осветив его фонариком.

– Айда посмотрим на чердаке: может, там спрятался, – сказал Трифон – самый злой среди полицаев, люто ненавидевший советскую власть.

Проверили и чердак. Нет никого. В сарае тоже. Даже в будку к собаке заглянули. Пусто.

– И кого вы тут искали? – сохраняя выдержку, спросил Василий.

– Ну, видно, померещилось твоим соседям, – ответил Трифон, – хотя ты у нас всё равно под подозрением. Если что – сразу расстрел! Понял? И всю семью твою вырежем, как всех краснопузых. Имей в виду!

– Имею. Да разве ж я пошёл бы в полицаи, если бы был краснопузым? Хватит меня пугать. Пуганый я. Идите по домам и господ офицеров проводите – им тоже спать не дали, – да извинитесь перед ними за беспокойство.

– Без тебя разберёмся, умник! Уходим! Не в этот раз, видно.

Немцы и полицаи ушли, а испуганные, проснувшиеся от шума ребятишки даже заплакать боялись. Мария же только крестилась на икону – благодарила Бога, что все остались живы.

Когда стихли голоса приходивших с обыском, хозяева спохватились.

– Вась! Ты живой? – громко спросил хозяин, убрав дрова от плиты.

Но солдат молчал и не шевелился. Он задохнулся в подпечке, зажатый кирпичами в таком маленьком пространстве, где человек поместиться не мог, разве только собаке хватило бы места. Туда проскользнул, как селёдка в банку, а обратно уже выбраться не мог.

Супруги, боясь не успеть, разломали плиту, выбивая кирпичи, чтобы вызволить уже не дышавшего солдатику. Он был весь синий. Мария обливала его холодной водой, била по щекам, давила руками на грудь, чтобы задышал. Едва-едва он очнулся, не понимая, где он и что произошло.

– Ну, тёзка! В рубашке ты родился, не иначе! Дважды мог сегодня умереть, а живой остался! – обрадовался хозяин.

– Это Ангел-Хранитель у него такой сильный, – перекрестив солдата, уверенно сказала Мария, а ослабевший Василий только молча потрогал на груди матушкин оберег.

Перед самым рассветом, когда сон особенно сладок, рискуя жизнью детей, жены и своей собственной жизнью, белорус вывел солдата в лес, снабдив его водой и хлебом.

Двое суток Василий плутал по лесу, пока не прибил к группе солдат (так же, как и он, оказавшихся в тылу врага за линией фронта), и вместе с ними снова был взят в плен – теперь уже безоружным. Немцы согнали всех выловленных в лесах Белоруссии русских солдат во временный лагерь, построенный руками военнопленных. На его территории было несколько дощатых бараков с двухъярусными нарами, но места для всех там не хватало, а потому большинство солдат спали прямо на земле: летом – под палящим солнцем, осенью – под дождём, а зимой – на снегу.

Лагерь был большой. Утром и вечером пленных пересчитывали, выстроив в шеренгу. Немцы вели себя нагло. Тех, кто пытался сбежать (а таких было немало), показательно расстреливали перед строем или вешали для устрашения остальных, оставляя трупы на виселицах, пока они не начинали смердеть. Кормили несъедобной баландой один раз в день, но и её хватало не всем.

Многие солдаты умирали от дизентерии и истощения. Трупы свозили в кучу в дальний угол, ближе к колючей проволоке, которой этот лагерь был обнесён. Василий тоже заболел дизентерией, но у него был крепкий организм, и он одолел её. В раннем детстве ему удалось выжить даже во время эпидемии тифа. В нечеловеческих условиях, постоянном холоде и голоде, когда смерть ходила по пятам каждый день, Василий собрал всю волю в кулак, чтобы выжить во что бы то ни стало и сбежать из лагеря.

Однако удачный случай представился только ранней весной сорок второго года. Лагерь находился недалеко от речки, на берегу которой за колючей проволокой пленные построили для немцев баню. В тот день вместе с товарищем Василию

пришлось топить её. Они натащали воды из реки, нарубили дров побольше. Для Василия, который родился в деревне, этот труд был привычен, а товарищ его – столичный парень, истощённый дизентерией – совсем выбился из сил. День уже близился к вечеру, постепенно наступали сумерки.

– Слушай, Пашка, давай сейчас сбежим? Спрячемся за баню, а пока они там чешутся, мы с тобой по льду на другой берег перебежим.

– Да ты что, Васька? Какой из меня беглец, я едва ноги таскаю. Да и лёд, наверно, уже опасный: вот-вот ледоход начнётся. И нас видно будет на белом льду, если с берега смотреть, мы же как на ладони будем. Нет, я рисковать не буду. Я жить хочу. А ты, если хочешь, беги.

– Пашка, да всё равно тебя расстреляют, подумают, что ты со мной заодно. Так и так нам обоим смерть, так лучше попытаться обмануть её. Ну что? Бежим?

– Нет, Вась. Не побегу.

– Ну ладно. Тогда побудь ещё за баней, пока я к реке спущусь, вроде как за водой. Когда перебегу на ту сторону – ты выходи из-за бани, иди назад в лагерь. Чтобы не подумали, что ты со мной.

Так и сделали. Василий спустился к реке, сделав вид, что набирает воду. Оглянулся и, увидев, что охранники продолжают болтать, ступил на опасный лёд. Потом лёг на него и, быстро переворачиваясь с боку на бок, покатился к противоположному лесистому берегу, где можно было скрыться.

Несмотря на наступившие сумерки, его фигура на белом фоне была видна издали. Немцы в лагере заметили беглеца и открыли по нему огонь из автоматов. Лёд трещал, а Василий крутился всё быстрее, стараясь не попасть в полыньи, и достиг другого берега, оставшись невредимым. Ни одна пуля не попала в него! Но на другом берегу его ждали... немцы из другого подразделения. Они, смеясь, с любопытством наблюдали за смельчаком, не открывая огня. Этот русский парень поразил их своей находчивостью и везучестью. Василия не расстреляли. Бог весть почему...

Позднее, когда оставшихся в живых военнопленных уже перевели в лагерь на территории Германии, Василий часто думал, что это материнский берег спас его в очередной раз. Он мысленно благодарил своего Ангела-Хранителя, матушку Федосью Константиновну, и молился о матери, о жене и маленьком сыне: был почему-то уверен, что у него родился сын.

Потянулась тягостная и смертельно опасная лагерная жизнь, когда ежедневно каждый военнопленный ходил по краю: в любой момент, за любую оплошность, просто за недобрый взгляд исподлобья, самое малое он мог быть избит прикладами до полусмерти либо расстрелян на месте из-за плохого (или, наоборот, весёлого) настроения немцев. Если же какой-нибудь солдат, не выдержав, срывался и отвечал фашистам, то его ждала казнь на виселице. А иногда немцы, перебрав шнапса, развлекались.

– Russische Schweine!⁴ – орали они и внезапно начинали стрелять из автоматов длинными очередями прямо над головами пленных, потешаясь над тем, как русские быстро падали на землю, прикрывая головы руками. Кого-то шальные пули убивали наповал, а раненых фашисты безжалостно добивали в упор. Оставшихся в живых заставляли уносить трупы на свалку – огромный ров в дальнем углу лагеря. Болезни и голод истощали пленных. Сырой климат, холодные ночи, воспаление лёгких и туберкулёз забирали последние силы ослабевших солдат. Многие из них, грязные, завшивевшие, страдали от старых воспалённых ран, болели тифом. Каждое утро военнопленные выносили из холодных бараков очередные окоченевшие тела товарищей. Василий выжил вопреки. Его хранили Бог и материнская молитва.

---

⁴ Русские свиньи! (нем.)

Шёл уже сорок четвёртый год. Казалось, войне нет конца, а немцы вели себя так, словно они уже победили – по крайней мере, они это явно демонстрировали. Но однажды ситуация в лагере внезапно изменилась. Немцы как-то странно засуетились, перестали зверствовать. Среди пленных отобрали самых здоровых и крепких на вид, вымыли в бане, переодели в чистую одежду. Переводчик объяснил: тех, кто пройдёт медицинский осмотр, направят на работу за пределами лагеря.

С этого дня Василия вместе с другими пленными, попавшими в эту группу, каждый день возили в вагонах на ближайшую железнодорожную станцию, где они ремонтировали немецкие поезда. Толковый и работящий, Василий схватывал всё на лету, быстро освоил профессию кузнеца и даже стал понимать немецкую речь. Хозяин мастерской, наблюдая за его работой, бывало, хлопал его по плечу и, усмехаясь, произносил:

– Na Gut! Gut! Mach mit, mach nach und besser!⁵

– Danke, – хмуро отвечал работник, не поднимая глаз, а немец удивлялся тому, что русский, судя по всему, понимает его речь.

Василий по интонации понял, что хозяин ценит его как трудолюбивого и толкового работника. Тот, в свою очередь, стал иногда подкармливать русского, незаметно подкладывая в его карманы хлеб. Обнаружив это в первый раз, Василий насторожился и встревожился, ожидая провокации, но не показал виду. Когда во второй раз в его кармане непонятно откуда появился ломоть хлеба, он впервые посмотрел немцу прямо в лицо и кивнул: мол, всё понял, спасибо. Глаза хозяина заискрились едва заметной улыбкой, будто он хотел сказать работнику, что отныне между ними существует некая тайна, о которой другим знать не обязательно.

Руки Василия делали привычную уже работу, а мысли были заняты только одним: «Что-то тут не так... С чего бы это немец так подобрел? Неужели наши наконец погнали проклятую немчину? Да, похоже, погнали. Последнее время фрицы перестали бахвалиться, что заняли Москву. Врали, конечно. Этого не может быть! Значит, наши войска уже близко. Надо бежать, чтобы вернуться к своим и успеть ещё повоевать против их порядка, “орднунг”, как они говорят. Всё равно сбегу! Только надо всё обдумать как следует».

Только что тут было обдумывать? Выяснить, как далеко от фронта находится станция, ему не удалось. Скорее всего, она была в глубоком тылу, далеко от западной границы Советского Союза. Оставалось уповать на Бога и молиться о скорой победе. И оказалось, что не напрасно Василий молился. Он не знал, и не мог знать, что американцы в это время открыли второй фронт, и бои шли уже на территории фашистской Германии.

В тот памятный день поезд, как обычно, привёз пленных в депо, но не успели они выйти из вагонов, как самолёты стали бомбить станцию. Состав немедленно отправился обратно, стараясь скорее вернуться в лагерь. Василий, воспользовавшись неразберихой, возникшей на перроне, не раздумывая, запрыгнул в пустой вагон, из которого только что вышел. Он лёг на пол, чтобы его не было видно в широко открытую дверь, и замер. Даже если бы немцы с перрона увидели его, то приняли бы за убитого. Солдат лежал ничком, ни жив ни мёртв, и думал только об одном: как бы по пути выпрыгнуть из вагона так, чтобы конвоиры – если вдруг они остались в поезде – не заметили его. Он помнил, что железная дорога в одном месте делает поворот и проходит совсем близко к лесу. Там Василий и спрыгнул, надеясь, что в чаще ему удастся скрыться.

Поезд шёл довольно быстро, и прыгать было опасно, но Василий об этом даже не думал. Близкая свобода пьянила его. Он пробыл в лесу несколько суток. Спал

---

⁵ Да, хорошо. Хорошо. Делай, как я, повторяй за мной и старайся лучше! (нем.)

на сырой земле, днём ел грибы и ягоды, пил воду из луж, и всё время шёл через лес на восток – как ему казалось, в сторону фронта, – определяя направление по солнцу. Он избегал приближаться к дорогам, боясь напороться на немцев, но однажды всё же решил понаблюдать за движением на одной из них. И тут, на его счастье, увидел, как на телеге, запряжённой лошастью, женщина средних лет везёт бидоны с молоком и ругается на смеси украинского и русского:

– Но!.. Бісова дитина! Шевелись, кляча ленивая!..

Василий рискнул выйти из леса:

– Матушка! Не бойся! Я не разбойник. Дай напиток Христу ради!

Женщина, увидев худенького солдатику, пожалела и налила полную кружку молока.

– Откуда ты, сынок?

– Из плена бегу. А ты как здесь оказалась?

– Я из угнанных. Почти три года здесь, работаю на бауэра.

– Подскажи, далеко ли фронт? Как к нашим пробраться?

– Про наших не знаю, а вот американцы здесь неподалёку стоят. Ихняя часть вёрстах в пяти отсюда.

– Американцы? Откуда они тут?

– Да ты что, не знаешь, что они союзники теперь?

– Союзники? Так вот значит, кто станцию бомбил... В какую сторону-то идти, подскажешь?

– Ну, вот так прямо по дороге иди, потом на перекрёстке направо, а там рукой подать!

Откуда только силы взялись у Василия! Он открыто пошёл по дороге, стараясь как можно скорее пройти этот путь. Окрылённый новостью, солдат шёл, надеясь, что сейчас американцы дадут ему оружие, и он немедленно пойдёт воевать с немцами. Только судьба распорядилась иначе...

– Attention! Hands up!⁶

– Их бин русский! Их бин ниht дойч!⁷ – тыча себя в грудь, пытался объяснить Василий американцам. – Дайте мне оружие! Я пойду воевать против немцев!

В ответ его переодели в немецкую форму и швырнули в лагерь с пленными немцами...

А вскоре, к концу сорок четвёртого года, всех военнопленных переместили в лагерь, расположенный на территории Франции. Его охраняли американские военные, которые были намного лояльнее к пленным, чем немцы в Германии.

...Зато внутри лагеря шла ожесточённая война между настоящими немцами и переодетыми в немцев русскими, которые были в меньшинстве. Немцы зверствовали, забивали русских по одному, окружив плотным кольцом, чтобы лагерные охранники не видели. Чтобы выжить, русские тоже объединялись и старались держаться вместе, не давали немцам отеснить товарищей днём, и спали по очереди, дежуря по ночам.

Группа, в которой был Василий, состояла из трёх человек. Днём они выбирали среди немцев того, кто отличался особым зверством по отношению к русским, а ночью совершали вылазку в стан немцев, по-тихому убивали его и, чтобы не вызвать подозрения у охраны, сбрасывали тело в ров – отхожее место для пленных.

– Вась, смотри: вон тот, высокий, который всё хохочет и разговаривает с охранниками по-английски... Видишь?.. У меня есть план. Давай мы его зажмём ночью и заставим передать через охрану, что в лагере содержатся советские солдаты,

---

⁶ Стоять! Руки вверх! (англ.)

⁷ На смеси русского с немецким: – Я есть русский! Я не есть немец!

нарочно переодетые в немецкую форму. Пригрозим ему, что удавим, если не поможет. Как думаешь, сработает?

– Не знаю, Петька... Как бы он нас не выдал... Ну всё равно это шанс, надо его использовать. Вдвоём пойдём или Николая позовём?

– Надо позвать: втроём надёжнее. Этот фриц вон какой здоровый.

План, как ни странно, удался. Немец оказался из антифашистов и согласился помочь добровольно. Американцы передали информацию властям, и вскоре лагерь поделили на две половины, отгородив немцев от русских колючей проволокой, чтобы прекратить обоюдные убийства.

День Победы над фашистской Германией Василий вместе с товарищами по несчастью встретил в лагере. У русских солдат появилась маленькая надежда вернуться на Родину, а вскоре советских военнопленных, в числе которых был и Василий, в порту Марселя погрузили на теплоход и повезли в Одессу.

– Петька! Какая радость! Домой едем! Домой! Ты понимаешь?! Как они там, мои родные? Живы ли? Сын уж, наверное, подросток!

– Вась, ты что такой наивный? Ты же столько времени в плену был...

– Ты тоже. Ну и что?

– А то! Там, на Родине, мы все для них предатели. И ты, и я.

– Ну, лично я не предатель. Должны разобраться, я думаю. Мне скрывать нечего. Я трижды бежал. Правда, все три – неудачно. Хотя как посмотреть. Выжил – это и есть удача.

– Это ты так думаешь. А я слышал, как наши конвоиры между собой говорили, что нам всем каюк. На Сталина кивали: мол, он ещё в начале войны сказал, что у нас нет пленных – у нас есть *предатели*. Он даже собственного сына не пожалел, когда тот в плен попал. Не стал его обменивать на немца – сказал: «Мы генералов на солдат не меняем». Во как! Понял?

– Ну, Бог не выдаст, свинья не съест! – ответил Василий, но в душе его поселилась тревога. Он понял, что Пётр, похоже, прав.

Когда теплоход прибыл в Одессу, несколько бывших пленных по законам военного времени были расстреляны за сотрудничество с немцами тут же, в порту. Остальных погрузили в железнодорожные вагоны, предназначенные для перевозки скота, и повезли через весь Союз в Сибирь.

Лагерь для осуждённых по статье 58 УК РСФСР находился под Иркутском. Судьба в который раз испытывала Василия на прочность. Теперь ему предстояло на ежедневных допросах доказывать, что он не изменник Родины.

– Ты, фашистская морда! Ты почему живой?! Почему сдался в плен, шкура?! Пока страна воевала, ты у фашистов на сладких харчах подъедался? За сколько Родину продал?! – орал следователь, жестоко избивая солдата, у которого руки были связаны за спиной.

– Я не предатель! Состав разбомбили, и мы все оказались в тылу у немцев. Я же вам всё это рассказывал уже сто раз! Почему вы мне не верите?

– Потому что вы все врётё! Все до единого! Свою шкуру спасаете. Почему сдался, я тебя спрашиваю? Почему не застрелился, мать твою?!

– Оружия не было. Одна винтовка на двоих и даже на троих. И патронов выдали по горстке. Нечем было застрелиться! – орал в ответ Василий.

– Ах ты скотина! Я тебе покажу – нечем! Сержант, в карцер его! Ни пить, ни есть не давать, пока не захочет признаться! И смотрите, чтобы не смел садиться! Пусть стоит сутки, спать ему не давать! Пусть почувствует, что здесь не курорт для предателей!

Через сутки обессиленного солдата – которому не давали присесть, били прикладом, если он закрывал глаза, когда он стоя засыпал, и даже пить ему не давали, не говоря уже о еде, – снова тащили на допрос, который вели сразу два следователя. Когда один уставал, заставляя Василия подписать признание в том, что он – враг народа, второй бил его после каждого отказа. Когда солдат терял сознание, его обливали холодной водой, чтобы очухался, и снова били.

А Василий, теряя сознание, цедил сквозь разбитые в кровь, бесформенные от ударов губы:

– Нет! Не подпишу! Я не предатель!

– Убью, сволочь фашистская! – орал следователь, нанося новый удар.

– Убей! Всё равно не подпишу! Мне так и так смерть. Так хоть умру человеком, – твердил измученный солдат, харкая кровью. На его теле, ставшем похожим на огромный синяк, не осталось живого места. От глаз остались одни щёлочки, а вся голова была в шрамах.

– Сержант! На мороз эту гадину и облить его ледяной водой, чтобы простыл и сдох, скотина упрямая!

На какое-то время его оставили в покое, думая, что ему не выжить. А он выжил! Когда допросы возобновились, их вели уже другие следователи. Они, видимо, поверили Василию, который стоял на своём:

– Я не предатель! Ничего подписывать не буду! Убивайте так!

И следователи отступились. Стойкость солдата поразила их. Тех, кто сломался, не выдержав таких допросов, неминуемо ждал расстрел. Рассказывая о том, как попал в плен, как трижды бежал, Василий ни разу не изменил показаний, рассказывал всё в мельчайших подробностях и твердил, что бежал, чтобы бить фашистов.

То ли Судьба смилостивилась над ним, то ли материнские молитвы о сыне дошли к Богу, – но Василия выпустили из лагеря и отправили на поселение. Он стал жить в бараке с другими поселенцами, так и не зная, оправдали его или нет, и ежедневно приходил в особый отдел отмечаться. Через некоторое время его отправили работать на железнодорожную станцию под Иркутском.

– Ты гляди, какой рукастый! Где кузнечному делу научился? – спросил старший смены, видя, как Василий умело управляет с металлической заготовкой на наковальне.

Василий в ответ молча усмехнулся, и мастер, догадавшись, отошёл от него, хлопав по плечу.

– Ладно, ладно. Молодец! Работай.

Наблюдая за работой Василия изо дня в день, мастер спросил однажды:

– А что ещё умеешь?

– Слесарю неплохо. В моторах разбираюсь.

– А сможешь начальнику станции машину отремонтировать?

– Посмотреть сначала надо. Как обещать, если не видел?

На следующий день Василий по слуху определил поломку в моторе «виллиса», на котором возили начальника станции. Когда полковнику доложили, что нашёлся умелец, за полчаса починивший его заграничную машину, в которой никто до этого не мог разобраться, – тот сильно удивился и пришёл в мастерскую посмотреть на него.

– Не соврал твой мастер. Сразу видно – руки у тебя к месту пришиты и голова толковая. Где учился? Какое образование у тебя?

– Ликбез закончил. Читать, писать и считать научился. Вот и всё образование.

– А как в моторах научился разбираться?

– На шофёра выучился, работал. Видел, как ремонтники чинили разные машины, на ус мотал. Опытным путём.

– Молодец! Обязательно лагерному начальству доложу, что ты очень хорошо работаешь. Может, это пригодится тебе в дальнейшем.

– Спасибо, гражданин начальник!

Так понемногу Василий завоевал уважение и начальника станции, и рабочих, но ни с кем не сблизился, всегда оставался настороже, видя, что за ним установлена постоянная слежка. Видимо, лагерное начальство всё-таки подозревало, что его завербовали немцы, и ждало, что он выйдет с ними на связь или устроит побег. А Василий понял это и не реагировал на провокационные разговоры одного из рабочих, в котором распознал подосланного сексота.

Однажды Василия пригласил начальник лагеря и поручил ему сопровождать офицера внутренних войск в командировке на Горьковский автозавод.

– Колесников, поедешь с капитаном Ивановым получать грузовики по разнарядке. Туда поедете поездом, обратно – на машинах своим ходом. Едешь вторым шофёром. Запомни: вернуться вы должны до октябрьских праздников. Если опоздаете – пеняй на себя: это будет считаться побегом. Всё понял?

– Понял, гражданин начальник, – ответил Василий.

Сначала у него затеплилась надежда: справится с поручением – и его, может быть, освободят совсем. А потом, хорошенько подумав, почувствовал подвох. Что, если его специально хотят спровоцировать на побег или устроить другую каверзу? Теперь, когда Василия перевели работать на станцию, он часто думал об освобождении; мечтал, как вернётся домой, увидит мать, жену и сына, которых часто видел во сне. И он решил, что никому не позволит отнять у него такую долгожданную свободу: «Буду предельно осторожен. Зря рисковать не буду. Постараюсь сделать всё правильно и вернуться вовремя».

Но задача оказалась не просто сложной, а практически невыполнимой. Капитан Иванов, получивший наличными огромную сумму денег (на оплату машин на заводе, на покупку билетов в купе, командировочные на месяц, включая суточные и проживание в гостинице, на бензин на обратную дорогу для грузовиков), сев в поезд, начал напропалую кутить, обедая и ужиная в ресторане, заказывая спиртное в огромных количествах.

– Заткнись, гнида! Не тебе меня жизни учить, предатель! – орал он, размахивая пистолетом, когда Василий пытался урезонить капитана, сказав, что деньги надо экономить, чтобы хватило до конца командировки. – Жри свои пирожки, что я тебе купил на перроне, и не смей из вагона выходить, пока я в ресторане девочек угощаю! Увижу, что вышел, – убью, скотина!

Василий замолчал, не зная, что делать. Когда они прибыли на завод, кутежи продолжились. Оказалось, готова была только одна машина, выделенная по разнарядке. Вторую надо было ждать в течение двух недель. А капитан продолжал пить и напропалую транжирить деньги. Поняв, что дело швах, Василий сам решил разузнать ситуацию на заводе.

– А можно мне получить сейчас одну машину? А вторую капитан Иванов получит, когда она будет готова, и расплатится? – спросил Василий у начальника сборочного цеха, узнав, что сроки затягиваются на неопределённое время.

– Нет, так не положено. Наряд один – значит, платить надо за обе машины сразу.

– Так он и заплатит за обе. Деньги у него, а мне начальство приказало прибыть к празднику, иначе меня посадят. Помогите, пожалуйста. С капитаном пока говорить невозможно: загулял он на свободе. А мне каюк, если не приеду вовремя.

Судьба снова сжалилась над Василием. Начальник цеха, узнав у своих сотрудников, что мужчина говорит правду, вошёл в его положение, записал все его данные и выдал машину под расписку в дополнительном документе.

Василий погнал полуторку без сна и отдыха и успел к намеченному сроку! А беспечный и разгульный капитан Иванов был позднее осуждён за растрату государственных денег в особо крупном размере и приговорён к расстрелу.

После этого случая доверие к Василию возросло. Он продолжал работать на станции – а лагерное начальство, видимо, готовило документы для его освобождения, но самому Василию об этом не было известно.

В конце сорок седьмого года Василий попросил одного вольного рабочего, которому мог доверять, отправить весточку матери – но сделать это в другом населённом пункте, чтобы не подвести его. Он молился про себя, чтобы об этом не узнало начальство, – так как сидел по статье без права переписки и выявленное нарушение могло добавить ему срок.

Однако Бог и материнские молитвы хранили Василия. Письмо чудесным образом оказалось в родном селе, а после к нему приехали жена Вера и сын Юрий, которому уже было почти семь лет. Василий сильно переживал, узнав, что матушку после его письма парализовало. Семье позволили жить вместе, но Василий всё так же отмечался в особом отделе и работал в депо. Вера поговорила с начальником станции о судьбе матери. Тот посоветовал, чтобы родные взяли у врача справку о том, что мать при смерти: возможно, тогда Василию позволят поехать проститься с ней.

...Но прошёл целый год, прежде чем Василий с женой, сыном и недавно родившей дочкой Томочкой вернулись в родное село. Он, прошедший фашистский плен, выстоявший под пытками в ГУЛАГе, не подписавший документов о том, что он враг народа, даже под страхом смерти, был полностью оправдан задолго до амнистии, которую объявили только в пятьдесят третьем году после смерти Сталина.

Начальник станции уговаривал его остаться на постоянное жительство в Иркутске, давал благоустроенную квартиру мастеровому работнику, – но Василий думал только об одном – как поскорее вернуться домой, к своему Ангелу-Хранителю – матушке Федосье Константиновне и родным братьям-сёстрам. Он хотел забыть, как страшный сон, выпавшие на его долю тяжкие испытания и мытарства, а дома – теперь он это знал точно – даже стены лечат.

В декабре одна тысяча девятьсот сорок восьмого года солдат Василий Колесников вернулся с войны...

Это своеобразная историческая реконструкция реальных событий жизни моего отца, ветерана Великой Отечественной войны, Колесникова Василия Петровича. Ему выпала нелёгкая доля – немецкий плен, затем ГУЛАГ. Долгое время я по крохам собирала факты из жизни отца и его мамы – моей бабушки Колесниковой Федосьи Константиновны, которую я не видела ни разу в жизни. Она умерла в год моего рождения. Отец часто говорил о своей матушке, как об Ангеле-Хранителе, спасшем его в годы тяжёлых испытаний. Мой рассказ, основанный на воспоминаниях самого отца, я посвящаю их памяти.

Цвела сирень, и была весна. Как укор неудавшейся, так ей казалось, жизни, перешедшей в лето, в высокие травы, в ночи короткие, разрываемые длинными зарницами, и совсем белые ночи далёкого севера.

В майский день – уже играла в городском саду музыка, а тихий вечер ложился тёмными пятнами вдоль домов и заборов – встретила она его, высокого и стройного, похожего на студента. Он и впрямь оказался студентом. Встретились глазами – юности ли ошибиться, когда цветут липы, – и стал тот день с отгоревшим закатом и прохладой, тянувшей с реки, вдруг нежным и близким. Горячей волной пробежала кровь, вспыхнуло в душе новое, что ещё никак не могла назвать, чему ещё не могла придать имени. Коротким поворотом головы увидела его недалеко за собой и отстала от надоевших подруг, а когда он подошёл и, смущаясь, сказал незначительную фразу о вечере, задумчиво повисшем над ними, смутилась и она. Но сразу стало легко и просто с ним. И узнала она, что зовут его Иваном, но стала называть его, такого большого и сильного, Ванечкой, а иногда Ванюшей. Сама представилась просто: «Марья». Она ещё подумала, что всё в сказке – «Жили-были Иван да Марья...». Но позже он начал любовно поддразнивать её Маринкой-мандаринкой. Она ведь рыжая. Огненная. Жаркая.

В частых встречах прошло то лето, в счастливых встречах юности, когда крепка в сердцах любовь. И когда впервые, мучаясь нерешительностью и внезапно побледнев, он взял своими дрожащими пальцами её горячую руку, побледнела и она, и совсем обвисла, когда неловко скользнув губами, он поцеловал её в нос. Горячие были те ночи, разрываемые длинными зарницами. А то начинали светлеть короткие сумерки и превращаться в ночи белесоватые, беспокойные, в которых сон становился полусном, заворожённым бредом...

Настал август, настал день, когда уехал Ваня Сафронов. И не верилось в расставание. Но казённый вокзал, гудки поездов, блестящие вагоны и толпа на перроне стали былью того дня. Сдерживая глухие слёзы, подарила она ему маленькое колечко, а с губ падали слова, понятные только им...

А зимой он позвонил и просил приехать в Екатеринбург. Встретились, и радости не было конца! Хотя вместо модной курточки был на нём серый солдатский бушлат. И казался он в нём ещё выше, чем прежде, шагал крепко и уверенно. И она рядом с ним казалась почти ребёнком. Опять вокзал, цепочка тоскливых вагонов. И, скользя каблуками сапог по выпавшему снегу, он запрыгнул в один из них.

**Портнягин
Валерий Иванович**

Член Союза журналистов и Союза писателей России, очеркист, критик, эссеист, поэт. Родился в 1946 г. в Кургане, вся его творческая деятельность связана с этим городом. Работал в курганских газетах «Молодой ленинец», «Советское Зауралье», «Зауралье» (редактор в 2000–2003), «Новый мир». Пресс-секретарь мэра г. Кургана в 1997–2000 гг. Один из основателей газеты «Курган и курганцы», её главный редактор с 1991 по 1997 и повторно с 2015 по 2018 г. Печатался практически во всех СМИ Зауралья, в газетах Екатеринбурга, Москвы, Хабаровска, Омска, а также в Германии (ГДР), Болгарии, Украине, Казахстане, Монголии. Тесно сотрудничал с «Комсомольской правдой» и ИТАР-ТАСС. Лауреат многих журналистских премий, обладатель знака «Золотая акула» как лучший журналист Урала (2005). Автор книг «Провинциальный летописец и другие» (2011), «Словарный запас» (2016), «Сомнения» (Санкт-Петербург, 2021) и нескольких документальных книг и сборников, изданных в Москве, Екатеринбурге, Тобольске и Кургане. Был редактором альманаха «Тобол», в 2022–2024 гг. на сайте Курганского Союза журналистов вёл проект «Литературная среда с Валерием Портнягиным». Член редколлегии журнала «Тобол».

В составе других частей выступала на фронт, на Юг, и студенческая команда, в которой и был её Ванюша.

Вечером в тетради стихов написала: «Идут длинные, извилистые, похожие друг на друга серые дни; медные трубы гремят о доблести, поют о славе... Эти песни не только о славе и подвигах, они о тёплых родных плечах, о целующихся губах...».

На Урале ещё дымились метели, тревожно стучались с завьюженного двора в дрожащие окна голые сучья деревьев, стонали и плакали северные ветры, а там далеко, на украинских полях – весна идёт с юга! – тёплый ветер уже ласкал молодую траву, и в небе над паром земли реяли жаворонки. И где-то на тех полях пал смертью храбрых Ваня Сафронов, на тех проклятых полях!

С этих, когда-то благословенных, а ныне страшных земель, она сбежала сюда, в Зауралье, чтобы встретить свою любовь. И вот в сердце её вместе с памятью о расцветающей любви вошло это новое – невозвратимое и непоправимое, чёрное и липкое, заходившее душу. Эх, эх...

* * *

Много времени прошло с тех пор; земля, как пьяница кружась вокруг столба, много раз обегала солнце. И вот она уже не Марья, не Маринка-мандаринка, а Марина Викентьевна Новосельцева с местной швейной фабрики. Как бесконечные застёжки-молнии, которые она вшивала в брюки, дни стали похожими друг на друга, жизнь стала однообразной. Над всем был порядок и закон, и ничего уже не изменить...

И только был отдых по вечерам, когда она оставалась одна. Если было ещё светло, подходила она к окну и смотрела через соседнюю крышу на город внизу. В эти часы Курган казался незнакомым и привлекательным. Таким она видела его до своего приезда, фантастическим и таинственным. И она полюбила его – город Александра Невского и неведомого ей прежде Тимошки Невежина, с его историей, с декабристами, от которых незримые нити тянулись к её любимому Пушкину. В горсаду, за храмом Александра Невского, она усаживалась на скамью у трёх декабристских могил, представляя жизнь этих «революционеров» в Кургане XIX века, их вечера и дружеские встречи – то в доме барона Розена, а то в доме Нарышкиных. И на фоне этих видений представляла она Ивана и себя, смутной страстью охваченных, два сердца, муку и любовь обретших на тускнеющей мозаике города...

Иногда по узким улицам, по которым борт о борт двигались автомобили, выходила она к древнему Тоболу, где на самом берегу реки уходил в небо Троицкий собор – копия знаменитой церкви Покрова на Нерли. Помолвившись, она оглядывалась вокруг и видела белоснежное здание филармонии. Ни это советское, развлекательное строение, ни церковь не мешали друг другу. Наоборот, казалось, что они в унисон возносят одну и ту же мелодию о любви и терпении человеческого ожидания...

И она стала писать стихи. Об этом городе, его реке и минувших днях, о своей печальной и светлой любви. Но стихи никак не получались, они, как церковный гимн, улетали куда-то в небо, а оттуда не возвращались, не укладывались в размер и рифму. Видимо, там её строчки оставались навсегда. Там хорошо! А здесь, на земле, сладкая сказка «Жили-были Иван да Марья...» закончилась.

Паровозный маршрут

*В память о великих женщинах –
наших советских Кариатидах,
которые держали опоры тыла
на своих плечах.*

*Машинистам военного времени
Южно-Уральской железной дороги:
И. А. Зубаревой, Лепешковой, Арсентьевой,
Тереховой, Коробко, Малышевой;
помощникам машинистов: Сазыкиной,
Алейник, Киселёвой, Хорошавиной;
кочегарам: Швейкиной, М. Г. Сечко,
Е. С. Неуковой, А. О. Неуныдовой –
посвящается этот рассказ.*

ПРОЗА

Исакова

Марьям Файзрахмановна

Автор публикаций в журнале «Казань», альманахе «Миры Зазеркалья» (Челябинск), член литобъединения «Лири» (г. Шумиха Курганской области).

Родилась в 1953 г. в городе Шумиха Курганской области. Живёт в Челябинске. Училась в Челябинском филиале Московского государственного гуманитарно-экономического университета по специальности «экономика».

В «Тоболе» публикуется впервые.

После планёрки все расходились по рабочим местам. В толпе слышались ворчливые упрёки слесарей: «Ремонтируем, да ещё их склоки слушаем...» Двое идущих за ними механиков одновременно толкнули друг друга в бок и засмеялись.

– Это про тебя говорят. А может, начальник и прав? Поделом тебя бабьей командой упрёкнул.

– Да эти бабы у меня – поперёк горла, во как надоели! – смачным плевром продолжил свою речь механик Степан. – Кого? Бабу-кухарку – мне, мужику, в пример ставят?

– А ну постой... Про Октябрину, что ли?..

– Да-да, про неё, стерву!

Машинистов паровоза Григория и Степана в депо называли механиками. Они жили по соседству и возвращались со смены домой. Остановились на тропе и закурили.

– Да, тётка напористая! Прёт, что тебе танк по бездорожью. У неё ум не бабий. Как мужик рассуждает. Поговаривают, что её дед из тех, «старых инженеров», служил на Николаевской дороге ещё до революции, – продолжил разговор Григорий. – Стало быть, мадам ещё та!

– Почему «мадам»? Отец – Иван – из простых мужицких кровей. Ну и что из этого?

– А ничего, – перебил собеседника Степан.

– Как её допустили на главный маршрут⁸ с такой подноготной? – не унимался завидующий Степан.

– Да что ты привязался к её деду? Она три года отпахала на манёврах. Первое время – кочегаром, потом помощником машиниста, а последний год сама управляла манёвровым паровозом. Сам понимаешь, работа в поездном движении почётнее, чем в манёвровом.

– Вот оно как! А что же беспартийная?

– Может, дедова подноготная тому причина.

– Как бы не надорвалась. Слыхал? Она с бабьей бригадой готовится брать сдвоенные поезда.

⁸ Главный маршрут (в настоящее время это называется «главный ход») Кропачёво – Златоуст – Челябинск – Макушино – очень напряжённый участок линии ЮУЖД.

– Да, слышал. На рекорд замах имеет.
– Сама делает обкатку паровоза.
– Баба – зверь! Наверное, на Златоуст пойдёт.
– Скажи самому себе: ты просто завидуешь?
– Согласен, в её дельных приёмах есть заковырка.
– На Златоуст не рискнёшь? Нет! Кишка тонка.
– Мне работы и здесь хватает.
– Слушай, закрой своё поддувало и не сифонь!⁹ Глянь, вот она, паровоз в депо загоняет, – прервал разговор Григорий.

Паровоз проехал мимо стрелочного перевода, где стояли Григорий со Степаном. Октябрина приветствовала их двойным свистком, и паровоз обдал мужиков густым стелющимся паром. Один из собеседников присвистнул и улыбнулся ей в ответ.

Свою женскую бригаду она удивляла неприхотливостью в работе. В помещении депо, вся в мазуте и угольной пыли, обтирала машину. Ходовую часть обмывала струёй кипятка из шланга, чтобы её исполин блестел и внутри, и снаружи. В её опрятности и педантичности проявлялась выучка от деда.

Выезжая из депо, Октябрина оповестила всех длинным гудком и медленно, красуясь блеском металла своего паровоза, заехала «под поезд», чтобы потом выехать на контрольный пост.

– На главный маршрут отправляется женская бригада, и поведут паровоз на два плеча. Пойду встречать их на контрольном посту, – сказал начальник депо диспетчеру и поспешил на перрон.

– Ваша аккуратность и точность, Октябрина Ивановна, удивляет меня, – поприветствовал её руководитель.

– Да, мои часы со времён деда справно тикают, – ответила она. Но вдруг её охватил страх за то, что обратилась не по Уставу.

Октябрина отчеканила о готовности бригады и машины к предстоящей дороге.

– До Челябин, как по шадринскому пути, пройдёшь легко. А по участку Челябин – Златоуст – Кропачёво на Уральский хребет тянуться надо будет, ой как тянуться! Первый подъём от станции Тургояк до станции Уржумка не более одиннадцати километров – стало быть, для тренировки. Потом начинается основной подъём в три десятка километров. Вот тут надо потрудиться. Ежели что – жилы не тяни шибко-то. Не мне тебя учить. Ты баба сноровистая и, как механик паровоза, толковая, не зря же в пример приводил на планёрке, – по-мужски, дружелюбно и крепко пожав ей руку, попрощался начальник.

Октябрина поднялась в паровоз, словно в жилище, обустроенное ею собственными руками. Про сердце паровоза – котёл – она горделиво восклицала: «Исполин Илья Муромец!» Топку паровоза именovala по-своему: «Печь-прожора!» Состав поезда в шутку называла так: «Каракатицы мои». Октябрина Воронова считала «Исполина» мощной защитой от мужских издёвок не только для себя, но и для своих тружениц.

– Девчата! Вы готовы? – воскликнула она.

Сидевшая слева у окна помощник машиниста Клавдия Николаевна ответила:

– Подсоблять будем кочегару. Боюсь, она не управится. А так сможем! Слышь, Мария?

---

⁹ «Закрой поддувало и не сифонь» — в быту, чтобы остановить чей-то словесный поток, употреблялось профессиональное выражение: «Закрой поддувало».

– Справлюсь, куда я денусь... Ежели что, всаживайте, как на хлебную лопату, – и в топку, – игриво сверкнула она глазами.

– Главное, девчата, – от Челябины до Златоуста дотянуть. А там и «живая сила» поезда дотянет, – попыталась рассеять страх перед длинной дорогой Октябрина.

До начала выезда начались обычные проверочные приёмы: подача смазки, исправность песочницы, действия автотормозов, настройка приборов. Кочегар Мария, надвинув платок «внахмурочку», тем временем заполняла лоток и корыто стокера углём. Помощник машиниста уже вручную заправляла топку, разводила хороший огонь.

Убедившись в готовности паровоза, машинист Октябрина Ивановна по сигналу главного кондуктора (взмахом жёлтого флажка над головой) ответила одним длинным свистком, и поезд начал движение.

Октябрине нравилось, что любимый «Исполин» подчиняется и слушается её. Клавдия посмеивалась: «Зачем Октябрине муж? Паровоз и есть её муж! Котёл и топка – дом. Тем и живёт!»

Клавдия Николаевна улыбалась редко, причём только уголками рта, и её губы при этом напоминали крыло чайки. Своих мальчиков-подростков пристроила в депо к слесарям. Они старались работать по-взрослому. В депо семью Клавдии Николаевны называли кержаками, а в придорожном бараке, где они жили, соседи кричали вслед: «Двоеданы!» Замкнутые в своём кругу, они осторожничали с кем-то общаться.

Паровоз в сумерках вползал в ночную мглу дороги. Через открытые окна ветер доносил запах скошенных трав. Веяло холодком от расстилающегося в низинах тумана.

Мать, жена, сестра – такой стройной командой заменили они ушедших на фронт родных и близких, и повели свой первый тяжеловесный состав через Уральский хребет. Что их ожидало впереди – они и сами не знали. Но вот какое-то внутреннее самолюбие и тешило, и пугало их.

Уже позади остался пост Биргильда, начался затяжной подъём к станции Бишкиль. Из окна поглядывала Октябрина на свои «каракатицы». Состав плавно раскачивался. Каждый вагон, словно улитка, передвигался, опираясь на колёсные пары, брякая на стыках рельсов своими сцепками. Следом буферные тарелки, шумно соприкасаясь друг с другом, гасили удары от сотрясений. За окном мелькали дома, копошились люди. Вершины гор, одетые в зелёные шапки леса, уходили за горизонт. Но эта жизнь не принадлежала ей. Она видела только шпалы, рельсы, паровозы и семафоры.

Приближались к Златоусту. Первые подъёмы скрежетом отзывались в тормозах. Октябрине припомнился разговор с машинистом: «Есть дорога жизни к Ленинграду, а у нас дорога жизни к Златоусту». Сердце холодело от этой мысли, но она собралась и всё внимание обратила на приборы.

– Кажись, прошли первый подъём, – со вздохом проговорила Клавдия Николаевна. Чтобы больше было жару, обливаясь потом, перебирала и подкидывала «жирные» куски угля в стокер и кочегар Мария.

– Девчата! Молодцы, справились!

– Товарищ машинист, можно я положу руку на рычаг?

– Зачем?

– Хочу почувствовать, как вы говорили, «живую силу» паровоза.

– Нет! – сухо ответила Октябрина. В ней вспыхнула непонятная ревность: «Как это? Биение сердца своего “Исполина” я доверю другому?»

По-хозяйски управляя «Исполином», она чувствовала это биение своими жилами: «Вот один вагон почти влез на подъём, теперь тянет второй, помогая паровозу;

третий корячится, четвёртый... седьмой», – проговаривала она вслух. Краем глаза поглядывала в окно и, орудуя рычагами, управляла машиной.

Паровоз кряжисто, но уверенно тянул состав, преодолевая километр за километром. А машинисту Вороновой казалось: она стареет, теряя свои годы на каждом отрезке пути.

– А теперь – крепитесь, соберитесь, девчата! Самый длинный подъём маячит впереди.

Все снова оживились и с настороженностью поглядели на свою начальницу.

– Всё, девчата, состав вышел на подъём! Реверс на четыре–пять делений – есть! Регулятор открываю на три–четыре клапана – есть! – командовала себе машинист Воронова.

– Командир, скорость начинает падать! – кричала помощник Клавдия Николаевна.

– Поняла! Ставлю ревера на пять–шесть делений и до предела открываю регулятор. Скорость выравнивается?

– Да! – отвечает ей помощник.

– Ну вот, девчата, паровоз наш «Исполин» выходит с подъёма на площадку. Не расслабляемся! Как бы растяжка поезда не случилась...

– Подаём песок, чтобы не забуксовал наш «Исполин», – соглашается помощник.

– Правильно мыслишь. Чтобы паровоз не остановился, когда ещё весь состав находится на подъёме. Клава, как там давление в котле?

– Норма, командир! Давление пара – пятнадцать атмосфер. Слежу за уровнем воды в котле.

– Молодец! Терпим, терпим, девчата. Сейчас – самое главное: затащить состав на площадку.

Уверенная в своих девчатах, Октябрина наслаждалась движением машины. С окна дул встречный ветер, который придавал ей силу в общей победе на рейсе.

– Мы что – бурлаки на Волге? Как на картине: тянем груз, только на Уральский хребет. А ты у нас, Октябрина, – «шишка»: стало быть, главный бурлак, – смеясь, подшучивала Клавдия Николаевна.

– Правильно подметила. А ты картину видела?

– Да, когда малолетней «в людях» служила у одних богачей. Хозяин сказывал, что идущий впереди главный бурлак – «шишка».

– Ну всё, девчата, наш поезд прибыл точно по графику! Не подвёл «Исполин», старался! Пропускали нас по зелёному. Наверное, знали, что женская бригада путь держит на победу, – и Октябрина выдохнула воздух, комом застрявший в горле.

– Да, у каждого из нас кто-то воюет: у тебя, Мария, – отец, у Клавдии – муж, у меня – брат. Пусть наша победа облегчит их солдатскую долю в бою, – словно молитву прошептала она.

– А теперь нам полагается стоянка для чистки топки, набора воды, горячий обед в орсовской столовой и четыре часа на сон.

Не каждый смог отдохнуть. И вот они уже стояли в сборе и по готовности машины докладывали начальнику отправной станции.

– Теперь мы знаем профиль пути и как себя ведёт паровоз «Исполин», – повторила «Приказ о принятии тяжеловесного состава» машинист Воронова. – Надо выполнить и доставить груз по графику.

Женская бригада отправилась в обратный путь.

На подъезде к узловой станции состав медленно тянулся на жёлтый свет предвходного сигнала семафора. Октябрина осторожно вела паровоз, подкрадываясь к закрытому входному семафору, тщательно выбирая место для остановки.

«Как бы не порвать сцепки поезда при движении с места», – со страхом подумала, уже как механик, машинист Воронова.

Состав вынужденно остановился. Помощник машиниста, не теряя времени зря, пошла осматривать паровоз снаружи и обнаружила течь в задней контрольной пробке в котле.

– И что нам говорит инструкция, Клавдия Николаевна?

– Следует охладить паровоз и устранить дефект.

– А по времени это сколько займёт?

– Восемнадцать–двадцать часов потеряем.

– Как быть? «За нами груз государственной важности», – сказал бы энкавэдэшник...

В недоумении все устремили взгляды на командира.

– Итак, Мария! – сказала Октябрина настолько строго, что кочегар приняла вину на себя и растерянно хмыкнула. – Я к чему? Теперь *меня* будете всаживать на лопату – и в топку, в «печь-прожору»! Будем, не охлаждая паровоза, менять пробку. Иначе обратной дороги для нас нет. Не сделаем – смерти подобно. Поняли? – отчеканила Октябрина. – Мария, очнись, никто тебя не обвиняет. Глуши топку – заливай водой до колосников, набрасывай «подушку» из мокрого угля. Поняла? Это приказ! Клава, следи за давлением пара в котле. Не уменьшай его. Поняла?

Все были готовы, но страх настораживал неизвестностью случившегося. Надев шапку, ватник, рукавицы и валенки, машинист Воронова готова была спуститься в пекло топки, но Клавдия крикнула:

– Подожди! На вот варёжку почище, прикуси зубами, чтобы лёгкие не обжечь. Дыши только через неё. Не оброни!

При такой невыносимой жаре одно неверное движение – и машинист либо обварилась бы паром, либо задохнулась бы угарным газом. Панический страх охватил всех. Три женских сердца несколько минут напряжённо бились в едином ритме перед бездной неизвестности. Можно сказать, машинист Воронова осознанно пошла на смертельный риск, чтобы устранить неисправность и предотвратить длительную стоянку воинского поезда.

Минуты, казавшиеся нескончаемой вечностью, прошли. Октябрина осторожно вернула новую пробку, ещё раз проверила её и, развернувшись к выходу, сделала первый шаг, остановилась. Правую ногу выставила вперёд, ощупывая надёжность колосников, и протянула руку к выходу. Женщины ухватились за неё и вытянули начальницу из топки. С обгоревшими ресницами и обожжённым носом, счастливая, она пыталась улыбаться. Помощницы кинулись стаскивать с неё обуглившуюся одежду и снимать валенки.

– Мария, быстрее чисти топку! Начнём разжигать огонь, время не ждёт! – кричала взволнованная Клавдия Николаевна.

– Я мигом! – отвечала ей кочегар Мария.

Мария – самая младшая в бригаде, небольшого росточка, но крепыш; набитая, что тебе бесформенный мешок, одинаковая в плечах и талии, – обладала недюжинной силой, как мужик. Ворошила каменные глыбы угля, что не каждому крестьянину под силу. За неё боролись локомотивные бригады, чтобы заполучить в свою бригаду. Довольная своим превосходством, она широко улыбалась, выставя округлые зубы, близко прилегающие друг к другу. Табак и осьмушку чая, что прилагались в наркомовском пайке, она старалась выменять на кусковой сахар и сушки для своих детишек. Пешим ходом добирались они, преодолев пятнадцать вёрст от родной деревни до станции – встречать маму.

Плавно, выпуская пар и прокручивая колёса, с тяжёлым вздохом тронулся в путь паровоз, управляемый руками женщин военного времени.

Остальной путь бригада Вороновой прошла без особых происшествий. Когда прибыли к месту назначения, сдали груз, отчитались по военному уставу и собрались было отдыхать, но их попросили пройти в ленинскую комнату. После напряжённого труда хотелось только спать, тем более у ворот депо ожидали дети Марии и Клавдии.

«За освоение вождения тяжёловесных поездов с повышенной скоростью, без набора воды в пути, кольцевым маршрутом – бригада под руководством машиниста Вороновой премируется: одна тысяча рублей – Воронова Октябрина Ивановна, велосипедом – Звонарёва Клавдия Николаевна, патефоном – Устьянцева Мария Степановна».

Усталые и счастливые, они расходились по домам. Но ещё долго не отпускало чувство завершённого маршрута – от депо станции Курган через Уральский хребет и обратно.

Стальная магистраль на Целину

2025 год – особенный в истории России и Курганской области: 80 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне и 70 лет с начала строительства железной дороги Утяк – Пески-Целинские протяжённостью 263 километра. Стальная магистраль прошла через Курганскую, Кустанайскую, Северо-Казахстанскую и Кокчетавскую области, связала РСФСР и Казахскую ССР.

В феврале–марте 1954 года состоялся исторический Пленум ЦК КПСС, принявший Постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». В Зауралье, к югу от Кургана, раскинулись целинные и залежные земли, расположенные в плодородном междуречье рек Тобола и Ишима. Их нужно было освоить, чтобы растить Хлеб, большой целинный Хлеб для страны.

Целина – это не только пашня, но и жильё, школы, больницы, детские сады, клубы, новые дороги, мосты, элеваторы, склады, заводы – всё, что необходимо для нормальной жизни населения, для развития сельскохозяйственного производства. Целинник – фигура историческая. Целинник одновременно и обживает, и застраивает целину, берёт хлеб. Этим словом обозначен особый характер, обусловленный потребностью времени.

Одной из основных трудностей для целинников была отдалённость от железных дорог. Осуществлять для новых совхозов и колхозов перевозки строительных материалов, техники, топлива, а главное – вывозку производимого зерна без новых железных дорог было невозможно. 20 сентября 1954 года Советом министров СССР принято Постановление № 1985 «О строительстве узкоколейных железнодорожных линий в районах освоения целинных и залежных земель» в Казахской ССР и в ряде прилегающих к ней областей». Проектирование большинства объектов было возможно на Ленгипротранс.

В 1954 году были проведены предварительные и окончательные изыскания на головном участке магистрали Утяк – Сулы. В ходе этого были спроектированы земляное полотно, искусственные сооружения, линии связи и путевое развитие станций примыкания. 1 марта 1955 года проект был утверждён. Рабочие чертежи передали на строительство. Но руководители Южно-Уральской железной дороги – и прежде всего главный инженер Степан Кузьмич Грищенко – категорически возражали против ведения строительства узкоколейной дороги Утяк – Пески-Целинские. И добились изменения решения!

11 марта вышло Постановление Совета Министров СССР № 458 «О строительстве железной дороги Утяк – Пески-Целинские как ширококолейной вместо узкоколейной». В связи с этим проект был переработан и представлен на утверждение

КРАЕВЕДЕНИЕ

**Булдашов
Виктор Яковлевич**

Краевед. Родился в 1950 г. в с. Сумки Половинского района Курганской области. После окончания школы поступил на физико-математический факультет Курганского государственного педагогического института. Работал учителем физики в Сумкинской средней школе. В 1972 г. призван в ряды Советской армии. Службу проходил в морской авиации Краснознамённого Тихоокеанского флота. В июне 1973 г. поступил на службу в линейный отдел милиции ст. Курган Южно-Уральского УВД на транспорте. Служил на различных должностях среднего и старшего начальствующего состава отдела. В ноябре 1995 г. уволился на пенсию в звании подполковника юстиции. Занимался общественной работой. В составе рабочей группы готовил материалы к изданию книг «100 лет транспортной милиции», «Из истории ОВД на транспорте Зауралья». Автор книги «Один из тысячи солдат» и трёх книг «Рассказы из моего детства».

30 апреля 1955 года. В течение года экспедиция Ленгипротранса вела выдачу рабочих чертежей по условиям нормальной колеи.

В газете «Красный Курган №109 (9150) от 1 июня 1955 года под заголовком «Курган – совхоз им. Хрущёва. На строительстве новой магистрали» корреспондент П. Бословяк сообщает: *«На трассе Утяк – Марково – Сумки – Байдары – Половинное развернулись большие работы. С наступлением весны введена в действие самая разнообразная высокопроизводительная техника: бульдозеры, скреперы, грейдеры-элеваторы, подъёмные краны. Производятся отсыпка земляного полотна, укладка рельсовой колеи, завозятся железобетонные конструкции для искусственных сооружений пропуска воды.*

В пяти километрах от Утяка создана звеносборочная база. Отсюда собранные звенья полотна пакетами поступают на трассу».

Для обеспечения фронта работ по укладке пути необходимо было ежедневно собирать 2–3 километра звеньев. Требовалось огромное количество рельсов, шпал, костылей, подкладок, болтов, гаек, шайб, накладок, противоугонов. *«Ответственным за сборку звеньев был Лукин Алексей Васильевич»* (данные из рукописи Лукьянова С. М.).

На магистрали, проходящей по нашей области, будут построены 4 разъезда и 2 станции. Первый разъезд Марково находится в 15 километрах от Утяка. Здесь уже уложены главный и станционный пути. Через 14 километров от него строится второй разъезд – Дубрава. Остальные разъезды имеют названия Байдары и Трубецкой и находятся в районе этих сёл.

На 44 километре от Утяка будет построена первая станция новой железной дороги – Сумки, а на 77 километре – вторая, Половинное.

В книге «По зелёным огням Зауралья» сказано, что руководство строительством железной дороги Утяк – Пески-Целинные было поручено опытному инженеру-полковнику Прокопию Ивановичу Челочеву, командиру 30-й Краснознамённой железнодорожной бригады. *«В руководство строительства входили: Главный инженер Тумасян Левон Данилович, секретарь парторганизации Кобзев А. К., секретарь комсомольской организации – Селютин Анатолий Леонидович».* (Данные из рукописи Лукьянова Семёна Маркеловича, жителя с. Сумки.)

В тяжёлых условиях зимы 1954–1955 годов была развёрнута работа по рубке просек в направлении трассы железной дороги, разрабатывали карьеры для взятия грунта для отсыпки земляного полотна и подушки для станционных путей станций и разъездов, подъездов к переездам через железнодорожное полотно.

В феврале 1955 года в тяжёлых условиях зимы уложили первые 6 километров земляного полотна от ст. Утяк. Наступившая весна вместо радости доставила огорчение: дороги, подъездные пути к будущей магистрали раскисли. Автомашин и другой транспорт буксовали. Нарушался ритм стройки. Наступающая летняя пора помогла строителям войти в нормальный график работы. Работа велась круглосуточно, днём и ночью, в дождь и зной.

В середине мая 1955 года строители дошли, укладывая путь, до 14-километровой отметки (разъезд Марково), к июню – до 44 километра (станция Сумки), а к июлю уже было уложено 78 километров трассы (станция Половинное).

Первый митинг по случаю укладки главных и станционных путей состоялся на ст. Сумки. Сюда прибыли колхозники из с. Колесниково, с. Марково, д. Мало-Дубровное, д. Золотое, с. Сумки.

«Все ждали первого поезда. На входных стрелках станции показался паровоз О-2 “Овечка” с трубой в виде бутылки. Громко подавая гудки, весь в пару и дыму паровоз медленно подошёл к месту проведения митинга. Состав и сам паровоз были украшены ветками берёз, флагами, плакатами. Когда поезд остановился, раздались громкие

крики “Ура!”. Всем, особенно нам, детворе, хотелось подойти и потрогать огромные колёса паровоза» (В. Булдашов. «Рассказы из моего детства»).

«Много тёплых слов было сказано здесь в наш адрес, – вспоминал участник стройки С. Н. Большаков. – Один из местных жителей, участник строительства Транссиба, восхищался объёмом уже выполненных работ. “Сейчас, – говорил он, – четыре автомашины и шесть человек в смену выполняют такой объём работ, сколько делали вручную 50 землекопов и столько же повозок гребарок”» («По зелёным огням Зауралья»).

До конца июня 1955 года путеукладчик пришёл на ст. Половинное, районный центр. Здесь также 30 июня 1955 года состоялся многоярусный митинг.

«Митинг открыл председатель райисполкома Ощепков. Выступили: секретарь РК КПСС Сырников, секретарь РК ВЛКСМ Коваленко, старейший житель с. Половинное Вахтин Агей Романович, который сказал: “Мне 86 лет. Здесь, в Половинном, я родился, вырос. Здесь же прожили свой век мой отец, дед, прадед, и ничего такого не видели, что сейчас у нас в Половинном происходит. К нам пришёл паровоз, через Половинное проложена железная дорога. Это улучшит наше материальное положение, повысится культурный уровень наших жителей. За всё это спасибо родной партии, родному правительству”. Воспитанник Половинского детского дома Полещук Жора, председатель колхоза “Пролетарский путь” т. Васильев, директор Половинской МТС т. Безвизонный поблагодарили строителей за героический труд. С ответным словом выступил начальник строительства т. Челычев.

Когда над селом спустились сумерки, через триумфальную арку, построенную жителями, на ст. Половинное прибыл первый поезд под управлением комсомольца Орехова Евгения. Встреча его вылилась в торжество и ликование. Состоялось выступление художественной самодеятельности» (районная газета «Знамя колхозника» от 1 июля 1955 года и по записям Лукьянова С. М.).

14 июля 1955 года на 95-м километре новой дороги была установлена праздничная арка, а неподалёку был врыт столб с указанием границы РСФСР и Казахской ССР.

Русские и казахи, рабочие совхозов, колхозники стояли стеной у земляного полотна, устремив взоры к месту, куда подходил путеукладчик под управлением машиниста Холимоненко. Он уложил плетёнку из одной республики СССР в другую. «Состоялся митинг дружбы народов. Старый казах Исымбаев сказал: “Мечтал я хоть раз в жизни в Кустанай съездить, посмотреть паровоз, да далеко. А теперь вот дорога сама пришла к нам”» (из рукописи С. М. Лукьянова).

Темпы строительства стальной магистрали восхищали людей: в сутки более 700 метров и насыпи, и полотна. Настоящий трудовой подвиг и героизм.

Строительство железной дороги Утык – Пески-Целинные нашло отражение в центральной прессе. Так, газета «Правда» № 231 (13529) от 19 августа 1955 года опубликовала сообщение ТАСС под заголовком «Началось движение по новой магистрали»:

«Курган. 18. (ТАСС). Близится к концу сооружение новостроящейся магистрали от ст. Утык Курганской области до совхоза им. Хрущёва Казахской ССР. Сегодня со ст. Курган на ст. Троебратное (Казахстан) отправлен первый поезд. Он доставит на целинные земли для 15 строящихся совхозов Казахстана сборные дома, металлоконструкции, бутовый камень, лес и другие строительные материалы. Этим поездом на новой магистрали открылось регулярное движение. С начала весны путеукладчики уложили 159 километров рельс и шпал».

К началу уборки 1956 года строительство железной дороги было закончено, рекой пошёл по ней целинный хлеб. *«Вслед за регулярными грузовыми перевозками 14 сентября 1956 года на магистрали Курган – Сулы началось и пассажирское движение поездов»* (из рукописей Лукьянова С. М.).

70 лет минуло с тех пор, как героически велось строительство, и вошла в строй железная магистраль на Целину. Железная дорога изменила жизнь многих людей. С началом строительства из с. Сумок пошли трудиться на железной дороге, обеспечивать безопасность движения грузовых и пассажирских поездов по стальной магистрали на Целину фронтовики-орденоносцы: Булдашов Яков Ананьевич, Гусев Георгий Фадеевич, Лавренев Николай Викулович, Сметанин Виктор Платонович. Мастером был Заварин Василий Константинович, бригадиром – Васильев Николай Иосифович. Оба – фронтовики, орденоносцы.

Немного расскажу о своём отце, Булдашове Я. А. Он прошёл всю войну от стен Москвы до Берлина. Оборонял Сталинград, освобождал Белоруссию, Польшу. В 1955 году принят путевым рабочим 22 Троебратской дистанции пути Южно-Уральской железной дороги. 21 июля 1956 года Приказом № 208 по в/ч 05635 за самоотверженный труд и образцовое выполнение работ по строительству железнодорожной линии Курган – Пески-Целинные путевому рабочему 2 околотка Булдашову Я. А. объявлена благодарность. Он участвовал в строительстве путей на ст. Володарское, ст. Урицкое, ст. Сулы, ст. Пески-Целинные, расположенных в Казахстане. Приказом № 91 от 3 августа 1972 года занесён в Книгу Почёта 11-й Пресногорьковской дистанций пути Южно-Уральской железной дороги. Всегда с добротой вспоминал годы работы на железной дороге, рабочих своей бригады – первой бригады Коммунистического труда 11-й Пресногорьковской дистанций пути.

Первым начальником ст. Сумки был Потолов Анатолий Алексеевич – 1933 года рождения, уроженец г. Борисоглебск Воронежской области. После 6 класса поступил в ЖУ-2 по ремонту вагонов и автотормозов. Окончил училище в 1950 году, стал работать на ст. Борисоглебск. В 1952 году был призван в армию. Служил 3 года в железнодорожных войсках, строил дорогу на целину. Уволен в запас в конце 1955 года. Пробыв около 3 месяцев на родине, приехал в Курган. Его приняли на работу, назначили начальником ст. Сумки. В подчинении были дежурные по станции, стрелочники, кассир. Работал до 7 июля 1970 года (дата смерти) (воспоминание жены записано С. М. Лукьяновым).

В книге «По Зелёным огням Зауралья» отмечен большой вклад 30-й Краснознамённой железнодорожной бригады под командованием инженера-полковника Челочева Прокопия Ивановича. *«В 1955–1958 г.г. воины-железнодорожники, проявив трудовое мужество, настойчивость, пробиваясь сквозь метели, споря с морозом и ветрами, а в летние дни перенося трудности от палящего зноя, от несметных полчищ комаров и мошек, от ливней в казахстанской степи, менее чем за 1,5 года уложили 263 километра пути, а с учётом станционных и подъездных путей – 350 километров»*.

К 30 июня 1955 года уложено 76 километров до ст. Половинное (ныне ст. Зауралье).

18 августа 1955 года грузы для целинных совхозов прибыли на ст. Троебратное (ст. Пресногорьковская). В октябре 1955 года уложены пути до ст. Сулы.

Неоценимую морально-политическую помощь и поддержку строителям, воинам-железнодорожникам 30-й Краснознамённой бригады оказывали руководители Курганской области: Сизов Г. Ф., Князев Ф. К.; Половинского района – Сырников Г. Л.; руководство Курганского отделения Южно-Уральской железной дороги – Слосман В. М., райпрофсоюз, партийные и комсомольские организации.

*Потолов Анатолий Алексеевич – начальник железнодорожной станции Сумки
(с начала 1950 до июля 1970 г.)*

Булдашов Яков Ананьевич

*Капитан Панченко Алексей Андреевич.
Участвовал в боях на Северо-Кавказском,
Волховском, Ленинградском,
Прибалтийском и Карельском фронтах*

Более 200 семей офицеров, сверхсрочно служащих и рядовых остались на постоянное жительство в Зауралье, для них оно стало второй родиной. Более 50 человек продолжали трудиться в коллективах железнодорожников отделения».

Среди оставшихся жить в Кургане был Панченко Алексей Андреевич – 1918 года рождения, уроженец с. Кривое Житомирской области, капитан железнодорожных войск, фронтовик. Его дочь Лариса Алексеевна вспоминает, что на ст. Утяк они приехали зимой, в вагонетеплушке. До этого жили в пос. Серебрянка Усть-Каменогорского района Казахской ССР. Жили в щитовых домах, расположенных в 5 километрах от Утяка, в лесу. В школу на ст. Утяк из военного городка детей возили на лошади, запряжённой в телегу или сани.

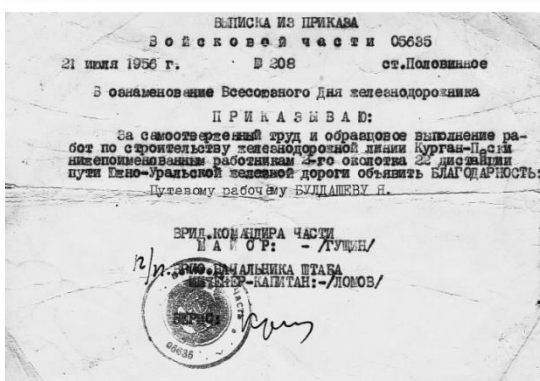
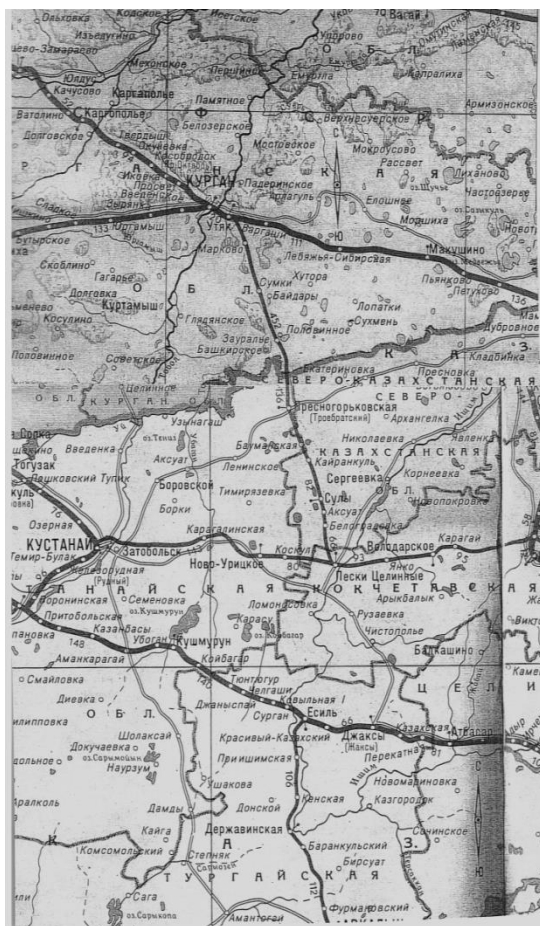
Отец постоянно был на строительстве железной дороги на целину. Потом переехали жить в Курган, на ул. Проектная (ул. Дзержинского). Жили в деревянном доме. С 1958 года отец стал служить на военной базе МТС дивизии, расположенной на ул. Проектная.

В 1961 году прошло хрущёвское сокращение личного состава Советской Армии. Отца тоже уволили, так как у него не было высшего образования. Работал на Курганской базе Совнархоза, потом – в Управлении сельского хозяйства.

«В 1966 году был организован совет ветеранов 30-й Краснознамённой железнодорожной бригады, председатель – Сергей Николаевич Большаков. Члены совета: Кобзев А. К., Лебедев И. П., Тумасян Л. Н., Карасёв М. Н. Ветераны активно участвовали в работе и общественной жизни коллективов.»

На сайте «Память народа» найдены сведения о С. Н. Большакове: 1913 года рождения, уроженец г. Мичуринск Тамбовской области. В РККА начал служить с октября 1936 года. В годы войны в составе 30-й железнодорожной бригады участвовал в боях на 2-м Прибалтийском, Ленинградском и 3-м Прибалтийском фронтах. Окончание службы – август 1964 года.

Найдены краткие воспоминания о работе 30 Краснознамённой железнодорожной бригады в Зауралье, изложенные Большаковым: «В марте 1954 года бригада была передислоцирована на Южно-Уральскую железную дорогу в г. Курган и вошла в состав войск Уральского военного округа. Одной из важных задач было строитель-

ство железной дороги на целину от ст. Утяк до ст. Пески-Целинные шириной колеи 1524 мм.

Зимой приходилось нелегко – сильные морозы, ветер и метели, земля становилась как бетон. Невзирая на все трудности, круглосуточно работали экскаваторы, бульдозеры, скреперы, возводя земляное полотно. Началась укладка верхнего строения пути.

Только успели летом 1955 года открыть рабочее движение на некоторых участках, как хлынул поток грузов, не связанных со строительством железной дороги. Это различные детали домов, имущество и техника, крайне необходимая для будущих совхозов, которые должны были уже весной вспахать и засеять районы целины. Нашим эксплуатационникам пришлось попотеть, разгребая “завалы” из вагонов и платформ с ценным имуществом. Так военные железнодорожники начали оказывать помощь покорителям целины с первых минут.

Одновременно с работами на перегонах развивались станции, строились служебные, технические и жилые помещения, развернулось строительство зернохранилищ, складов ГСМ.

За строительство железной дороги на целину много военных-железнодорожников были награждены медалью “За освоение целинных земель”, почётными грамотами, знаком ЦК ВЛКСМ и грамотами обкома ВЛКСМ».

Эти сведения подполковник в отставке С. Н. Большаков датировал: «1974 г., г. Курган».

В районной газете «За Коммунизм» № 92 (6896) от 3 августа 1985 года к 30-летию открытия движения в статье «Дорога шла на целину» А. Кобзев, бывший секретарь парторганизации 149 автобата 30 Краснознамённой бригады железнодорожных войск, кратко рассказал об этапах строительства дороги на целину:

«Успешно выполнив задание по строительству железной дороги в Восточном Казахстане, бригада была направлена в Курганскую область для строительства железной дороги Утяк – Пески-Целинные. К февралю 1955 года уложили 6 километров пути, создали пункт сбора звеньев железнодорожного полотна... В середине мая дошли до разъезда Дуброва, в начале июня – на ст. Сумки, 30 июня – на ст. Половинное – 76 километр...

В октябре 1955 года дошли до ст. Сулы, а в июне 1956 года – на ст. Пески-Целинные (263 километр)... Менее чем за полтора года были уложено 380 километров железнодорожного полотна.

...Сколько трудового мужества, настойчивости проявили строители, пробиваясь сквозь метели, споря с морозами и ветрами, а в летние дни перенося трудности от палящего зноя, от ливней в степи. Проведённые работы по строительству железной дороги на целинные земли Казахстана – это поистине коллективный подвиг воинов-железнодорожников совместно со строителями железных дорог, показавших свою высокую политическую сознательность, беспредельную преданность нашей Родине, Коммунистической партии» (по рукописям Лукьянова С. М., Кобзев А. К. работал инженером Треста и Кургансельхозмонтажа).

С вводом в строй железнодорожной ветки Утяк – Пески-Целинные на всём её протяжении закипала новая жизнь.

...Идут на север поезда, везут зерно богатого урожая, выращенного курганскими и казахстанскими хлеборобами. И думается о том, как славен труд строителей железных дорог, людей, преодолевающих расстояния. Они сдержали слово, данное Родине, открыли точно в срок путь грузовым поездам.

*А в них – земли целинный дар,
Отборное зерно,
И не в один страны амбар
Посыплется оно, –*

писал в стихотворении молодой строитель стальной магистрали на Целину.

После Победы над фашистской Германией и её сателлитами прошло чуть более 10 лет. А Советский Союз год от года мужал, продолжал строить и укреплять могущество своей страны.

2 июня 1955 года для освоения Космоса начато строительство космодрома Байконур. Дорога на Целину – это и дорога на Байконур. Народ верил в силу единства, совершая трудовые подвиги во имя будущего страны.

Стройка стальной магистрали на Целину – один из таких подвигов. А её строители – герои, совершившие этот подвиг. И этот подвиг не нужно забывать.

*Мы не успели, не успели,
не успели оглянуться,
А сыновья, а сыновья уходят в бой...*
Владимир Высоцкий

На моём письменном столе лежит старая, пожелтевшая от времени фотография. Лица людей на фото потускнели от времени, но не утратили своей недетской серьёзности. Это карточка призывников 1926 года рождения, сделанная в станице Пресногорьковской Кустанайской области в июне 1943 года. Оставались считанные дни до начала грандиозного сражения на Курской дуге, ознаменовавшего коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны. Восемь подростков со старого фото уже давно не были детьми: их детство закончилось неожиданно – в момент нападения фашистской Германии на Советский Союз. Их отцы и старшие братья уже два года отражали атаки агрессора, а некоторым из них вползло в дом неутешное горе, от которого не просыхали материнские слёзы. Таких фото существовало как минимум восемь – ни одно не было подписано. Мне приходилось искать гадательно – сравнивать с другими фото, сопоставлять. Но – «ищите, и обрящете». Наконец я получаю карточку, на обороте которой Алексей Безъязыков перечисляет всех ребят. Текст написан его рукой: «Ст. Пресногорьковская, допризывники 1926 года рождения. Июнь 1943. Слева в ряду сверху: Фиронов В. П., Безъязыков А. П., Ермолаев Ю. Ф., Ульянов Георгий. Нижний ряд слева направо: Дегтярёв Н., Бобрешов Дмитрий А., Татаринцев И., Степанов Александр».

Старая фотография

У каждого из ребят с группового фото из жаркого июня 1943 года была своя фронтовая судьба. Здесь они пока ещё вместе, но вскоре им предстоит разлучиться надолго...

Дима Бобрешов и Ваня Татаринцев были уроженцами посёлка Богоявленского, остальные – родились в Пресногорьковке, в семьях сибирских казаков, основавших станицу.

Юрий Фёдорович Ермолаев вспоминал: «Летом 1943-го года нас, допризывников, отправили в военный лагерь в посёлок Боровое (ныне райцентр Мендыкаринского района Костанайской области – прим. С. В.). Там мы целый месяц проходили военную подготовку, проводились тактические учения и стрельбы из боевых винтовок. Жили в бывшем пионерском лагере, Дисциплина была военная. В июле мы узнали о победе наших войск в Курской битве. По этому случаю провели митинг. В начале августа мы отправились домой». Из воспоминаний стало понятно, что фото на моём столе сделано перед отправкой допризывников на сборы.

**Виниченко
Сергей Николаевич**

Историк, краевед, публицист, создатель краеведческого музея. Автор двенадцати книг и около двухсот публикаций по истории Южного Зауралья и Степного края, в том числе сборника стихотворений «Свет» и двухтомника краеведческих очерков «В лабиринтах времени» (2025). Публиковался в альманахах «Тобольск и вся Сибирь» (2011), «Красная весна» (Ишим, 2021), многочисленных краеведческих сборниках и материалах научно-практических конференций, посвящённых истории Русской православной церкви и сибирских казаков.

Родился в 1960 г. в Пресногорьковке Ленинского района Кустанайской области. Служил в Советской армии на Дальнем Востоке. Закончил Кустанайский сельскохозяйственный и педагогический институты.

Учитель истории высшей категории. Награждён медалью «За труды и Отечество» и орденом священноисповедника Николая Алма-Атинского и Казахстанского, почётной грамотой Президента Республики Казахстан за большой вклад в развитие культуры (2023). Лауреат премии «Культурное наследие» (2012). В «Тоболе» публикуется впервые.

Всех ребят с фотографии призвали 10 ноября. *«Родители наши провожали нас со слезами на глазах. Играли гармонии. Стоял одновременно и смех и плач, нас посадили на подводы и повезли на станцию Лебяжья Курганской области. В пути были три дня. На станции нас посадили в товарные вагоны и отправили в Челябинск, в Чебаркульскую снайперскую школу»*, – вспоминал Ермолаев.

Надо отметить, что, прежде чем отправить мобилизованных на фронт, молодёжь во второй половине войны готовили серьёзно. В школе бойцы изучали винтовку Мосина, ручной пулемёт Дегтярёва, знакомый по фильму «Чапаев» станковый «Максим», самозарядную винтовку Токарева. Изучались все виды снайперской маскировки, из снайперской винтовки проводились стрельбы по движущимся мишеням, ночные стрельбы при кострах и свете ракет. За восемь месяцев отстреляли столько патронов, что не каждый расходовал в боях. Кормили, по воспоминаниям чебаркульцев, неважно: мороженой капустой и перловкой. Ребята рвались на фронт, опасаясь, что войну закончат без них. Наконец, 10 июля 1944 года погрузили в вагоны и несколько дней везли на запад, в Гороховецкие лагеря. Отсюда маршевые роты отправлялись на фронт под командованием прибывших за пополнением с фронта офицеров. Здесь пути восьмёрки с фотокарточки разошлись. Юра Ермолаев заболел малярией и попал в госпиталь. Татаринцева, Бобрешова и Степанова отправили в офицерское училище, где они учились полгода. Ульянов и Фионов были отправлены на фронт.

Осенью 1944 года Юра Ермолаев оказался на Сандомирском плацдарме, на берегу речки Сан. В танковой армии маршала Рыбалко снайперов хватало, поэтому Юру зачислили автоматчиком в мотострелковую бригаду. Здесь вместо снайперской винтовки боец Ермолаев получил автомат Шпагина и гранаты. Вновь началась учёба – учились быстро взбираться на броню танка, прыгать на ходу так, чтобы не попасть под гусеницы, и быть готовым вести бой.

Рано утром 13 января 1945 года началась артподготовка. Километрах в трёх от Юриного блиндажа разрасталось огромное зарево, туда летели десятки самолётов. В прорыв бросили танки. Бойцам десанта предстала жуткая картина – горы трупов немецких и наших солдат в первой линии обороны. В течении нескольких дней танки рвались на запад, углубляя плацдарм. Однажды Юра попал под бомбёжку – с неба просыпались мелкие противопехотные бомбы. *«Я упал в кювет, прижался к земле, было очень страшно, ведь это была моя первая бомбёжка. Когда все стихло, мы стали подниматься. Но несколько тёмных точек остались лежать на снегу. Первые наши потери. Погиб и мой товарищ. Похоронив убитых, мы двинулись дальше – вперёд, вперёд»*. Враг, отчаянно сопротивляясь, отступал к Одеру. Как-то в небольшом лесу отделение наткнулось на пулемётный огонь, который вели из немецкого танка. В машине закончилось горючее, но экипаж продолжал сопротивляться. Ермолаев с земляком Жанатом заскочили на броню и гранатой уничтожили экипаж. 19 января колонна автомашин привезла пехотинцев к замёрзшей реке. Танки отстали. Пришёл приказ ворваться в городок на противоположном берегу, но пулемётный огонь уложил атакующих на лёд. Юра лежал рядом с пулемётчиком Мишей Багиным. Юру послали в соседний взвод сообщить, что у моста стоит немецкая самоходка и ведёт огонь по льду. *«Когда я полз обратно мимо Миши, смотрю, а он лежит на боку у пулемёта. “Ты ранен?” Он только поморгал глазами. Через несколько секунд умер»*. Юра сообщил своему другу по снайперской школе Коле о смерти Михаила. В этот момент из леса выскочили «тридцатьчетвёрки», и пехота побежала за ними. Юра с криком «Ура!» выскочил на обрыв и увидел обугленный труп Николая. Только после взятия городка и пленения толпы власовцев Юра стал размышлять о том, отчего сгорел друг. Коля был сигнальщиком, и пуля, попав в вещмешок с запасом ракет, взорвала их.

Бригада ворвалась на территорию Германии. Навстречу колоннами шли бывшие военнопленные и угнанные на запад. Немцы – старики, дети, женщины – кричали: «Гитлер капут!»

Соппротивление фашистов на подступах к Силезскому угольному бассейну усиливалось. У Глейвица бригада попала под обстрел шестиствольных миномётов, и бойцы двое суток пролежали в снегу у железнодорожной насыпи. Лишь ночами удавалось немного согреться, встать и походить. 26 января пришёл приказ – идти вперёд без выстрелов, но немцы поняли уловку и открыли пулемётный и миномётный огонь. *«Залегли. После очередного взрыва снаряда что-то шлёпнулось в снег рядом со мной. Посмотрел – нога в валенке. Они были только у нашего комвзвода. Меня в дрожь бросило. Это всё, что осталось от нашего командира.»* Приказали отойти за насыпь. Юре мешала фляжка со спиртом, и он допил её содержимое и выбросил. Потом встал в полный рост и пошёл к насыпи под пулями – будь что будет. Смерть миновала его...

Глейвиц был взят. Немцы не ввязывались в уличные бои и оставили его. Ещё несколько Юриных товарищей остались навсегда в этом небольшом городке. В начале февраля бригада с ходу форсировала Одер в районе Бреслау и повернула на Берлин.

До середины апреля стояли в лесах юго-восточнее Берлина, прибывало пополнение, танки, артиллерия. Ночь на 16 апреля стояла тихая, тёплая и звёздная. Но когда начали работать «Катюши» и тяжёлые гаубицы, небо засияло от их снарядов. Впереди вели огонь средняя и лёгкая артиллерия и миномёты. Более часа шла непрерывная артподготовка. Следом пошли самолёты... Бой начался на второй линии обороны. За этот апрельский день бригада продвинулась на пятнадцать километров. Кругом горели немецкие фольварки и небольшие города. Танки обстреливались фаустниками и артиллерией, но ничего не могло остановить движения на Берлин.

26 апреля во время движения танков по шоссе Юра получил ранение. *«Слева из леса затрещал пулемёт, острая боль пронзила мою левую руку. Я свалился с танка. Друзья побежали в сторону пулемёта, и танк развернулся к лесу, стреляя из пушки.»* В шею был ранен друг Дима Смолин. Снайпер попал в руку Юре лишь потому, что танк в момент выстрела рванулся вперёд.

Юра Ермолаев лежал в госпитале города Зарау, когда раненые были разбужены страшным грохотом и стрельбой. Решили, что немцы прорвались, но всех успокоил замполит госпиталя. Он вошёл в палату и закричал: «Победа, товарищи!»

Ещё два месяца Юра лечился, служил до 1947 года в армии. После войны трудился в Пресногорьковке и Троебратном, уехал в Курган.

В 1965 году в военкомате Юрию Фёдоровичу вручили медаль «За отвагу» – высший знак солдатской доблести и мужества. Юрий Фёдорович считал, что получил её за подорванный немецкий танк, но уже в наши дни увидел свой наградной лист.

В представлении к награде сказано: *«В боях за город Глейвиц товарищ Ермолаев показал себя смелым мужественным и стойким воином. Он одним из первых ворвался в город и огнём из автомата уничтожил 4 гитлеровцев. Был ранен, но не ушёл с поля боя. Находясь в 16-й механизированной бригаде 4-й танковой армии, принимал участие в форсировании реки Шпрее и стойко отражал контратаки противника на занятом плацдарме. Участник танкового рейда в тыл противника, где метким автоматным огнём уничтожил 15 гитлеровцев.»*

1. Александр Фёдорович Степанов. 1945 год.

2. Братья Степановы. 1946 год.

3. Василий Петрович Фионов.

4. Георгий Михайлович Ульянов у своего дома.

5. Гоша Ульянов. 1944 год.

6. Иван Афанасьевич Татаринцев
(1926–1945).
Фото из красноармейской книжки.

7. Проводы на фронт
Павла Безъязыкова.
Крайний справа – Алёша. 1941 год.

8. Старая фотография.

9. Фёдор Степанов (1901–1943).
Фото 1941 года.

10. Юрий Фёдорович Ермолаев.

На мой вопрос Юрию Фёдоровичу Ермолаеву (1926–2018 г, г. Курган), какое событие из военных будней запомнилось ему более всех, старый солдат ответил:

«Я часто вспоминал, как мы едем колонной по бетонным дорогам Германии, и жирные пятна от раздавленных трупов, и клочки шинелей серо-мышинного цвета немецких солдат, и серые – от наших парней. Они не имеют даже могил, от них не осталось даже праха. Сколько матерей и жён ничего не знают об их судьбе... Будь проклята война.»

«Похоронка на отца пришла весной 43-го, когда буйно в степи наливались травы и ковыль начинал седеть серебряно... В небе звенели жаворонки, а за берёзовым колком, называемым “Лазаретом”, звонко стучал кожсанный мяч футбольной команды школы...» – написал в воспоминаниях Александр Фёдорович Степанов.

Погиб отец героически – под Харьковом на его артиллерийский расчёт вышла колонна немецких танков, и Фёдор, имевший награды за оборону Сталинграда, принял неравный бой в одиночку. Он приказал молодым артиллеристам уйти в лес, тем самым спасая их жизни, и бил по танкам из «сорокапятки», пока не был раздавлен вместе с пушкой. Ему было чуть за сорок. Остался Фёдор лежать в братской могиле в селе Перемога.

Сын Николай в ноябре ушёл на фронт, воевал стрелком в пятом танковом корпусе, раненый не покинул поле боя. Был награждён медалью «За Отвагу» (3.8.1944) и орденом Красной Звезды (9.9.1944). Командование характеризовало его как мужественного и волевого бойца, постоянно рвущегося в бой с оккупантами.

Александр, окончив девять классов, прибавил себе год и отправился в армию вслед за братом. За снайперскую работу был награждён медалью «За боевые заслуги» и как лучший солдат в 1944 году был направлен в Московское военное училище. А дальше младший лейтенант Александр Степанов под Кёнигсбергом принимает командование взводом в 9-й штурмовой инженерно-сапёрной бригаде 39-й Армии 3-го Белорусского фронта.

«Мне – совсем молоденькому “младшому” – попались в подчинение обученные ветераны, в большинстве своём прошедшие войну с 41-го, хорошие солдаты. Среди них выделялся сержант Коваль Ваня – лихой разведчик, не раз ходивший в тыл к немцам и взявший не одного “языка”, награждённый орденами Ленина и Красного Знамени... Наверное, во многом помогла мне выжить в тех боях солдатская смекалка и опыт бывалых воинов. Первая атака в должности взводного... По сигналу зелёной ракеты – вперёд, на высоту под Кёнигсбергом. Выхватываю ТТ – и: “Вперёд! За Родину! За Сталина!” – прямо на убийственные пулемёты: приказы не обсуждаются! Стянули “дядьки” меня в окоп: “Куда, сынок? Мы это мигом сделаем...” Ваня уже разведал овражек в обход высоты – и вот мы уже в тылу у гансов. А со спины бить легче. Короткая минутка – и высота наша. Без шума и гама, ножами и штыками вырезали весь передовой заслон немцев и заняли окопы. Помнится, и я штыком заколол какого-то фрица. Это тебе не из винтовки, до сих пор вспоминаю его глаза... Наша взяла... А в чистом поле перед высотой положил такой же лейтенантик свой необученный взвод с собой во главе... После боя ходил смотреть – и меня ведь это ждало... Похоронная команда уже складывала в яму братской могилы таких же зелёных, как я сам... С Ваней Ковалём мы дружим всю жизнь, до сих пор переписываемся...»

Впереди была неприступная крепость Кёнигсберг. Александр Фёдорович пишет:

«Одетые в стальные кирасы, сапёры пробивались практически по открытой местности к реке Прегель, форсировав которую им надлежало заложить взрывчатку и уничтожить фашистский ДОТ...

Немецкая “швейная машинка” МГ-42 прошивала каждый метр земли, не давая поднять головы, но взвод упорно продвигался к реке... Рядом намертво опрокинулся

в снег закадычный школьный товарищ Ваня Татаринцев – такой же зелёный и молодой взводный из последнего призыва... и всё меньше рядом бойцов... кто-то навеки останется там, в Восточной Пруссии... Вот и река, ледяная мартовская вода, а за ней – огрызающийся всеми видами огня немецкий берег. На середине реки изрешечённая лодка уходит в стылую воду, но... только вперёд, хоть зубами рви, но туда – на тот берег... Оружие, взрывчатку – на подвернувшийся плотик, и вплавь, вплавь по ледяной бесконечной воде навстречу смерти... и Победе! И вот под ногами дно... И сразу – огневой контакт и трясущийся в руках ППШ, и немец, упорно не желающий умирать и сдаваться... Заложена взрывчатка под крутой берег с таким расчётом, чтобы взрыв сделал дамбу, по которой пойдут наши танки... Подрыв! Захлебнулся на круче немецкий пулемётчик, вместе с землёй исчезнувший с берега... А бой кипит, захваченный пятачок расширяется, рядом уже пехота и артиллеристы, которые уходят всё дальше и дальше в город... Сапёры выполнили свою задачу...

От взвода остались единицы, а впереди ещё долгая дорога к Победе... ..А Ваня Татаринцев, школьный дружок и одноклассник, и сегодня там, у реки Прегель в бывшем Кёнигсберге, в братской могиле парка Шейбуш...

Об Иване Татаринцеве скупое повествуют строки из Книги Памяти: «Татаринцев Иван Афанасьевич, родился в 1926 году в с. Богоявленка. Призван Пресногорьковским РВК в 1943 году. Младший лейтенант отдельного штурмового сапёрного батальона. Погиб в бою в апреле 1945 года. Похоронен в Кёнигсберге». На старом фото они рядом – Саша Степанов и Ваня. Так было всегда – со школьной скамьи до Восточной Пруссии. Дальше Саша жил без своего друга.

За тот бой у младшего лейтенанта Степанова появилась новая награда – орден Красной Звезды. Его сапёрами под постоянным огнём противника было сделано пять проходов в минных полях для продвижения самоходок. При форсировании реки Прегель он обеспечил устройство переправы для штурмового отряда.

Во время войны с Японией командир десантно-штурмового взвода Степанов десантируется с группой разведчиков под Харбином, где с боем осуществляет захват важного узла дорог и моста, обеспечивая продвижение наших войск вперёд. Медали «За победу над Германией», «За победу над Японией» появились на его груди после капитуляции Японии.

Куда только не бросала боевого офицера Степанова судьба! В 1963 году он окончил Военно-инженерную академию имени В. Куйбышева в Москве. Принимал участие в разминировании напичканных минами лесов и болот под Ленинградом, за время службы при его личном участии было снято более 10 000 (!) мин.

После отставки преподавал на кафедре тактики Саратовского высшего военного командно-инженерного училища им. А. И. Лизюкова. Полковник. Александр Фёдорович Степанов(1926–2004) с супругой Галиной Ивановной воспитали детей, выбравших военную специальность: Наталья (в замужестве Молодец), участница боевых действий в Афганистане (Кабул, 1984–1986).

Сергей (1955 г. р.), полковник, начальник кадетской школы в Саратове.

Брат – Николай Фёдорович Степанов (1924–2005) после войны служил на Украине, в Ровно, воевал с бандформированиями ОУН. С 1956 по 1970 в группе советских войск в Германии, до ухода на пенсию работал военкомом в Подмоскowie. Сын стал военным, пошёл по стопам отца.

Ещё обучаясь в снайперской школе, Гоша Ульянов узнал, что отец пропал без вести. После окончания школы, в августе 1944 года, Георгия увезли в город Ветлуга Горьковской области, где он поменял воинскую специальность на механика – водителя среднего танка «Т-34». В конце осени сержант Ульянов был направлен на Бе-

лорусский фронт в 8-ю гвардейскую танковую дивизию, бывшую в составе прославленной 5-й танковой армии под командованием Павла Ротмистрова.

В одном из наступательных боёв во время операции «Багратион» в башню танка попал фаустпатрон. Командир танка и заряжающий погибли, Георгий с радистом сумели покинуть горящую машину, которая продолжала двигаться на позиции противника самостоятельно и взорвалась от детонации боекомплекта, разметав немецкую пехоту. Дивизия отличилась при окружении отборных эсэсовских соединений под Мемелем. Затем началась Восточно-Прусская операция. В ходе своего продвижения по направлению к Эльбину танкисты отсекали немецкие войска, оборонявшиеся в Восточной Пруссии от основных сил вермахта, образовав «хайлигенбальский котёл».

В этих боях за Кёнигсберг танк Ульянова оказался на острие атаки и был подбит – снаряд попал в двигатель, и экипаж получил контузии разной степени тяжести.

После окончания войны Георгий служил срочную службу до 1950 года, война в срок службы не засчитывалась. Он вернулся в Пресногорьковку возмужавшим, с медалью «За Отвагу» на груди и с головой окунулся в работу. Работал инструктором райкома партии, закончил педучилище, стал преподавать машиноведение и черчение, перед пенсией был председателем рабочкома в совхозе «Пресногорьковский».

На занятия по машиноведению пресногорьковские мальчишки бегали когда-то в старинное здание на школьной площади, уцелевшее после пожара школы в 1959 году. Занятия проводил пожилой, как нам тогда казалось, учитель Георгий Михайлович Ульянов. Дом был наполнен разным железом – всюду на полках лежали шатуны, коленвалы, вкладыши и венец всего – распиленный дизельный двигатель. Георгий Михайлович был худощав, подтянут, глуховат и несильно заикался. Запомнился мне человеком добродушным, с большим чувством юмора. На наш дружный крик о перемене, звонка на которую здесь никто не давал, неизменно следовал ответ: «В... ваши ч... часы в Троебратном и... из вагонов лопатами р... разгружали!» Очень редко, но иногда нам удавалось «пробить» Георгия Михайловича на воспоминания о войне. Тогда он забывал о системе охлаждения и рассказывал о боях. Волнуясь, он заикался всё сильнее и, не закончив рассказ, горестно махал рукой.

В моей памяти Георгий Михайлович Ульянов (1926–2005) остался весёлым и жизнерадостным человеком. Сейчас, на склоне моей педагогической деятельности, мне часто вспоминается весёлый голос старого танкиста из далекой школьной юности: «Привет, б... будущие п... пенсионеры!»

Дмитрий Алексеевич Бобрешов стал профессиональным военным. После войны остался в армии до 1967 года, дослужился до полковника. Во время мятежа в Венгрии в 1956 году пережил страшную трагедию – потерял всю семью. Награждён орденом Ленина.

Василий Петрович Фиронов (1926–2014, Тула) после снайперской школы окончил Горьковское танковое училище и стал командиром танка Т-34.

«Я застал фактически конец Великой Отечественной, когда потери в бронетанковых войсках были уже не столь серьёзными, как, скажем, в ходе Курской битвы. Встретил Победу в Кракове», – рассказывал он.

После войны работал в совхозе, четырежды становился участником Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве. В 1954 году по комсомольской путёвке был отправлен в зерносовхоз им. Б. Хмельницкого, где работал секретарем партийной организации. В 1957 году Василий Петрович был награждён медалью «За освоение целинных земель» и орденом Ленина. Работал заведующим партийно-

организационного отдела Ленинского райкома партии. Два ордена «Знак Почёта» были на его груди перед выходом на заслуженный отдых.

Сидящий слева на старом фото подросток с папироской – Николай Андреевич Дегтярёв. Военскую службу закончил в 1954 году в звании майора. Работал в журналистике. Долгое время был редактором Кустанайской областной газеты «Ленинский путь». Автор ряда книг и очерков в серии «В краю хлеба и металла». Работал в Костанайском областном фонде имени Д. А. Кунаева. В 2001 году написал хорошую рецензию на мои документальные очерки.

Алексей Павлович Безъязыков, подписавший после войны старую фотографию, был призван на фронт раньше товарищей – 1 августа 1943 года – и вернулся по ранению в Пресногорьковку в начале 1945 года. Подписывая фото, он, вероятно, ещё не знал о гибели Ивана Татаринцева, иначе обязательно отметил бы это трагическое обстоятельство.

Такую вот информацию мне удалось извлечь, работая над атрибуцией старого фото. Нет в живых ни одного из выпускников того года. Но память о них всегда будет жить в наших сердцах.

Жаль только, что такие фотографии пачками сторают в печах и дворовых ко-страх. Мы сами своими руками превращаем собственную историю в пепел...

**Побри́тукhin
Юрий Алексе́евич**

Член Союза журналистов России. Родился в 1947 г. в г. Шадринске. Профессиональную деятельность начал в 1977 г. в областной газете «Молодой ленинец» в качестве заведующего отделом информации и спорта. В конце 1980 г. по направлению коллектива редакции был принят на службу в областное УВД. Начиная с должности инспектора уголовного розыска, затем, с созданием пресс-служб в системе МВД, возглавил это подразделение. Редактировал областную газету «Информправо», являлся многолетним ведущим телепрограмм «На старт!», «Моя милиция» и радиoproграммы «Всегда на посту». С 2002 г. трудился в Курганской областной Думе советником председателя Думы, главным специалистом пресс-службы. В 2013 году перешёл на работу в городскую газету «Курган и курганцы» выпускающим редактором газеты «В свете фар», а с 2014 г. стал ответственным секретарём «большой газеты», затем специальным корреспондентом. В 2002 г. стал лауреатом областного конкурса «Яркое перо Зауралья». Составитель и редактор нескольких книг о депутатской деятельности, милицeйской службе, спорте. В 2007 и в 2022 гг. награждён почётными грамотами Союза журналистов РФ, в 2025 г. – нагрудным знаком Союза журналистов РФ «Ветеран журналистики». С 2015 по 2017 год возглавлял Курганскую областную организацию Союза журналистов России.

Живопись – это мой единственный способ жить

*Заслуженный художник России
Вячеслав Пичугин
отметил 90-летие со дня рождения*

С курганским художником Вячеславом Алексеевичем Пичугиным я познакомился в 2013 году. Точнее, с ним меня познакомил мой коллега по журналистскому цеху Валерий Портнягин. Он сказал: «Пичугин – замечательный художник, редкий талант, колорист от Бога».

Встреча состоялась в мастерской художника, что на улице Красина. Здесь царил творческий беспорядок, было темновато, в воздухе витал настоявшийся запах красок, лака, льняного масла. На нескольких мольбертах стояли картины. Та, что находилась ближе к окну, была, по всей видимости, в работе.

Вячеслав Алексеевич предложил чай, своё любимое овсяное печенье. Мы не отказались, уселись за журнальный столик, потекла неторопливая беседа. Подобных бесед с художником впоследствии было очень много. А рассказчик он умелый: каких только историй не услышишь в мастерской художника...

Сталинская премия

Слава с раннего детства рисовал всё, что попадало на глаза. Это была всепоглощающая страсть. Его мама, Таисья Трофимовна, в шутку говорила: «Мальчик родился с кисточкой в руке». Годом к десяти у юного художника сложилось, как бы сейчас сказали, приличное портфолио. Родители не знали, что делать с этим «богатством». И тут в 1945 году в Курган приехал профессиональный художник – заслуженный художник Аджарии Валериан Фёдорович Илюшин. В местном госпитале лечился от фронтовых ран его сын Николай.

Папа, Алексей Иванович, быстро сообразил, что надо показать работы сына «настоящему художнику». Встреча состоялась в квартире Илюшина. Смотрины прошли успешно, и Слава стал заниматься в изостудии при 10-й школе, где учился. Валериан Фёдорович говорил своим воспитанникам: «Учитесь, творите, развивайтесь и делайте всё с душой!»

В 1949 г. картина известного советского художника Фёдора Шурпина «Утро нашей Родины» получила Сталинскую премию. На ней – полуфигура Сталина на фоне неба; сам вождь в белом кителе смотрит вдаль, в светлое будущее; на заднем плане видны работающие на колхозном поле трактора, линии ЛЭП. Эту работу, естественно, растиражировали по всей стране. Слава увидел картину в «Огоньке».

Долго её рассматривал. Решил, что мог бы написать вождя гораздо лучше, и, самое главное, получить за это Сталинскую премию. На полученные деньги купить старшему брату Толе велосипед, о котором он давно мечтал.

Ребята из изостудии Илюшина готовились к городской выставке детского рисунка, которая традиционно проходила во Дворце пионеров. Слава Пичугин с педагогом отобрали несколько пейзажей, натюрмортов и, конечно, портрет Сталина. Причём выполненный в необычной технике – типа граттографии, когда керамическая плитка затемняется с помощью сажи от горящей свечи, а затем острым пером выцарапывается сам рисунок.

Портрет получился запоминающимся, но дальше Кургана никуда, конечно, не двинулся. За первое место юному художнику вручили многотомное собрание сочинений пролетарского писателя Горького (которое он еле дотащил до дома), чернильный прибор и альбом для рисования. А денег не дали. Велосипед Толе родители купили позднее.

Чтобы тело и душа были молоды...

Вячеслав Пичугин был крепким парнем от рождения. Если предлагали выступить в соревнованиях – не отказывался. Ещё в школе бегал эстафеты, тягал гири, играл в волейбол, футбол, зимой вставал на лыжи и коньки. Участь в Свердловском художественном училище, записался в секцию борьбы общества «Локомотив» для поддержания физической формы. Хотел быть сильным, здоровым, с красивым телом. Получалось неплохо. А тренировал их легендарный человек – многократный чемпион мира по французской борьбе, силовой жонглёр Кристап Кристапович Вейланд-Шульц. В его богатой биографии был удивительно патриотический поступок, когда он в разгар Великой Отечественной войны передал завоёванные им награды в Фонд обороны на строительство танка «За Родину», за что получил благодарность и телеграмму лично от Сталина. Среди переданных наград был и пояс с бриллиантами, который подарил ему иранский шах. Вейланд-Шульц пользовался уважением окружающих, имел непререкаемый авторитет. А как иначе: ведь он выступал на одном ковре с такими могучими Иванами, как Поддубный, Заикин, Лебедев.

Однажды на соревнованиях к Пичугину подошёл по-спортивному сложенный, немолодой человек в свитере сборной СССР. Представился: «Меня зовут Владимир Аронович Гроссман. Я тренер чемпиона мира Аркадия Воробьёва – слышал о таком? Смотрю, сила у тебя есть, руки короткие, для штангиста в самый раз. Я из тебя за два года чемпиона мира сделаю».

От таких предложений, как правило, не отказываются. Но своё будущее начинающий художник Вячеслав Пичугин уже выбрал бесповоротно. Спорт для него остался только как средство сохранения здоровья.

«Дорогой Никита Сергеевич...»

В 1964 г. вся страна в творческом порыве придумывала – что бы подарить дорогому Никите Сергеевичу Хрущёву, первому секретарю ЦК КПСС, к его 70-летию? Курганская область тоже решила не ударить в грязь лицом. Дело ответственное, политическое. Придумали, что достойным подарком будет большой ковёр (2×3 метра) с зауральским пейзажем. А с каким? Вспомнили о молодом, ярком живописце – курганце Вячеславе Пичугине – и поручили создать эскиз ковра.

Ткать ковёр было доверено умельцам Канашинской фабрики, что в Шадринском районе. Туда командировали Пичугина для контроля и координации работы. Оказалось, что шерсти на такой солидный объект явно не хватит. Что делать? По партийной линии срочно связались с соседями, казахстанцами. Те – выручили. В итоге получился очень эмоциональный зауральский пейзаж с пшеничными поля-

ми и облаками. Представители курганского правительства отвезли ковёр Хрущёву. Как говорят, он ему понравился. Правда, вскоре Никиту Сергеевича сняли со всех высоких постов. Но это уже другая история.

«Больничное окно»

Вячеслав Алексеевич известен как большой трудоголик. Рассказывают, что, даже находясь периодически на лечении в больнице, он не расставался с этюдником. Темы находил, рассматривая в окнах богоугодного заведения то затихающие улицы города, то перелив солнечных лучей на кронах деревьев, то прячущихся от проливного дождя горожан. Выбирал ракурс, перебегая с этажа на этаж – благо врачи разрешали, усмотрев в действиях необычного больного положительный терапевтический эффект. Так родились серии маленьких работ – «Ночной Курган», «Старый Курган» и эпическая картина «Больничное окно».

«Больничное окно» мне очень хотелось увидеть воочию. Думал, что Пичугин передал в ней своё минорное настроение человека, отлучённого от привычного домашнего уюта, ежедневно принимающего различные, не всегда приятные врачебные процедуры. И вот однажды, заскочив в мастерскую, чтобы провести художника, я завёл разговор про «Больничное окно».

– Сейчас покажу, – рассмеялся Вячеслав Алексеевич, – посмотришь, какой там минор.

Холст был примерно 1,5 на 1,5 метра. Весь задний план заняло окно непередаваемо синеватого цвета – цвета утасяющего дня. На переднем плане – журнальный столик, где яркими красками играли яблоки, груши, кисть винограда. Слева – в простой банке возвышался букет алых роз; справа, в углу оконного проёма, примостился приёмник «Спидола», из которого как будто слышались позывные «Маяка». Чуть подальше, на подоконнике, поддерживая всю композицию, стоял хрустальный графин наполовину заполненный тёмно-бордовым, по всей видимости, не соком...

Я буквально растерялся – насколько моё представление не совпало с тем, что изобразил художник. Картина излучала торжество, праздник жизни. Она притягивала к себе, хотелось смотреть и смотреть, заряжаться от неё энергией и оптимизмом.

А какова всё же история «Больничного окна»? Об этом с удовольствием поведал Вячеслав Алексеевич: *«В больнице меня часто приходили поддержать друзья-художники, музейные работники, журналисты. Приносили, как водится, цветы, фрукты, другую снедь. А куда складывать? Столы в больничных палатах не предусмотрены. Ставили всё на окно и на прикроватную тумбочку. И вот, в один из таких визитов, я глянул со стороны на эту спонтанную композицию. Господи, красота какая! Смотрится, как готовый натюрморт. Вечером, когда остался один, придвинул этюдник и с нетерпением стал набрасывать эскиз будущего полотна».*

«Птенцы» Илюшина

Приезд художника Валериана Фёдоровича Илюшина в 1945 году в Курган оказался знаковым. Такой человек должен был появиться на зауральской земле! И хотя привёл его сюда не совсем счастливый случай (сын Николай находился в курганском госпитале), он сразу начал реализовывать свой творческий и педагогический потенциал.

В новом для себя городе Илюшин создаёт студию изобразительного искусства при областном Доме народного творчества. Сюда потянулись талантливые люди, мечтающие сделать первый шаг в мир искусства. Валериан Фёдорович был опытным художником, участником Всесоюзных выставок. Закончил Пензенское художественное училище, где во время учёбы считался одним из лучших учеников известного художника-передвижника Константина Савицкого. Того самого, который

нарисовал медведей на картине «Утро в сосновом лесу» своего друга Ивана Шишкина. Коллекционер Павел Третьяков стёр его подпись, и у этой картины оказался один автор.

После учёбы Илюшин 35 лет жил в Батуми, работая преподавателем и директором художественного училища. Здесь он получил звание заслуженного деятеля искусств Аджарской АССР. В общем, жизненного и творческого опыта было предостаточно. В Кургане он вёл занятия по нескольким направлениям: рисованию, живописи, композиции, лепке. В филиалах студии занимались более сотни юных жителей областного центра.

Студия В. Ф. Илюшина начала работать в октябре 1945 года, а уже к осени 1946 несколько молодых курганцев были готовы покорять вершины высших учебных заведений. Фронтвик Владимир Андрушкевич поступил в Московскую художественную студию для инвалидов Великой Отечественной войны, которую окончил с отличием, а потом в Московский художественный институт им. Сурикова. Николай Смирнов – в образцовую школу при Академии художеств в Ленинграде. Коробейников, Жуков, Ежов и Патракова – в Свердловское художественное училище.

Чуть позже по этому же маршруту (школа Илюшина – Свердловское художественное училище) прошли и другие ученики Валериана Фёдоровича: Борис Колбин, Николай Годин, Роза Боровикова, Иван Лохматов, Борис Лапшин, Анатолий Морозов, Александр Петухов и другие.

О «птенцах» Илюшина вспоминает Вячеслав Алексеевич Пичугин:

– Сложилось так, что в Кургане, где-то с начала 60-х годов прошлого века, появилась группа интересных художников. Все – примерно одного возраста, все – самобытные, честолюбивые. Нашим знаменем, без преувеличения, был гениальный Александр Петухов. Всего 37 лет прожил он на этой земле, но оставил глубокий след в искусстве. Его живописные работы и акварельные листы, очень эмоциональные и наполненные глубоким содержанием, с успехом участвовали более чем в 70 выставках по всей стране и за рубежом. Он первым из курганских художников заслужил право участвовать во Всесоюзных выставках. Замечательным портретистом и мастером жанровой композиции показал себя Иван Лохматов. Его полотно «Дороги солдаток», над которым он работал более двух десятков лет, включено в постоянную экспозицию центрального музея Советской Армии в Москве. Борис Колбин – наш первый председатель Курганского отделения Союза художников РСФСР. Много вложил сил, чтобы у наших мастеров кисти появился «свой дом» – мастерские. Его исторические полотна отличало сдержанное благородство образов. А Валя Коршунов «пошёл» в натюрморт. Это его визитная карточка. Брал старые вещи, что в обиходе, и создавал шедевры. У Толи Морозова есть великолепные портреты, не каждый академик живописи так напишет. Особенно ему удавалось передавать загадочные оттенки женской и детской души. Долгое время вёл студию во Дворце строителей. Борис Лапшин, которого я сагитировал поступать в Свердловское училище, очень лирический художник. Он так передавал зиму, что от снега на картине словно шёл запах свежести. Тонко чувствовал переходы природы из одного состояния в другое. Сотни плакатов, рисунков, дружеских шаржей создал Николай Годин, трудясь в областной газете «Молодой ленинец». При этом он не оставлял и «большую живопись». Работал в различных жанрах. Все помнят его знаменитый портрет народного академика Терентия Семёновича Мальцева.

– Про многих художников, к сожалению, постепенно забывают, – считает Вячеслав Алексеевич. – А ведь в запасниках нашего художественного музея хранятся клады из интересных работ зауральских живописцев предыдущих лет. Лежат без движения годами. Я предлагаю почаще менять работы наших заслуженных масте-

ров в экспозициях музейных выставок, показывать курганцам – каким богатством мы обладаем...

Творческий путь Вячеслава Алексеевича Пичугина исчисляется солидной цифрой – 70-ю годами. Созданы тысячи этюдов, сотни картин. Но, похоже, рука мастера не ослабевает, он вновь спешит в мастерскую – на свою «голгофу», чтобы в муках и сомнениях идти к истине, секрет которой знает только он – Мастер.

Вячеслав Алексеевич как-то мудро заметил: *«Если ты отдал искусству жизнь, оно тебя не оставит, поддержит в трудный час. Живопись – это мой единственный способ жить...»*

Вячеслав Алексеевич, дорогой, живите долго. Мы вас любим!

Биографическая справка

Вячеслав Алексеевич Пичугин родился в Кургане в 1935 году, и с этим городом связана вся его долгая творческая жизнь. После окончания Свердловского художественного училища в 1957 году вернулся в Курган.

С 1959 года – участник городских, областных, региональных, республиканских, зарубежных выставок. Его работы экспонировались более чем на 150 выставках в Кургане, Москве, городах Урала и Сибири, в Италии, Франции, США. Награжден золотыми медалями Межрегиональной художественной выставки «Урал XI» и «Большой Урал XII».

С 1970 года В. А. Пичугин – член Союза художников СССР (с 1992 – Союза художников России). С 1995 года является членом Международной ассоциации изобразительных искусств при ЮНЕСКО. В 1985 году он награждён медалью «Ветеран труда», а в 1999 – удостоен почётного звания «Заслуженный художник Российской Федерации».

Художник хорошо известен в России как замечательный мастер пейзажа и натюрморта. В 2013 году В. А. Пичугин удостоен золотой медали имени В. И. Сурикова, учреждённой Союзом художников РФ за выдающийся вклад в изобразительное искусство России.

Художник неоднократно инициировал акции дарения произведений изобразительного искусства учреждениям области: госпиталю ветеранов войны, Сычёвскому психоневрологическому интернату, Дому ребенка, Каширинскому литературно-краеведческому музею.

В собрании Курганского областного художественного музея хранится более 40 произведений художника. Кроме того, работы В. А. Пичугина находятся в художественных собраниях Екатеринбурга, Тобольска, Тюмени, Челябинска, Музее Бергстром-Малер (штат Висконсин, США).

**К ЮБИЛЕЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ХУДОЖНИКА РОССИИ
ВЯЧЕСЛАВА АЛЕКСЕЕВИЧА ПИЧУГИНА**

Пичугин В. А. Канашинские ковроткачихи. 1964. КОХМ.

Пичугин В. А. Хризантемы. 1976.

Пичугин В. А. Гурзуфская сирень. 1981.

Пичугин В. А. Окно в сад. 2023.

Пичугин В. А. Тобольский кремль. 2023.

Пичугин В. А. Осень на Ирмеле. Башкирия. 2013.

Пичугин В. А. Букет гортензий. 2025.

Пичугин В. А. Голубая скатерть. 2023.

К ЮБИЛЕЮ ХУДОЖНИКА БОРИСА ГЕОРГИЕВИЧА СИНИЦЫНА

Б. Г. Синицын. Поэт Леонид Куликов и его мать Антонина Семёновна. 1975. КОХМ.

Б. Г. Синицын. Портрет Д. А. Белоусова. 1978.
Каширинский литературно-краеведческий музей им. В. К. Кюхельбекера.

Б. Г. Синицын. Первоцелинники Кривоносовы. 1980. КОХМ.

Б. Г. Синицын. Моё детство. 1970—1971. КОХМ.

К ЮБИЛЕЮ ХУДОЖНИЦЫ
ФАИНЫ ИВАНОВНЫ ЛАНИНОЙ

Ф. И. Ланина. Автопортрет. 2002.

Ф. И. Ланина. Горячий хлеб. 2024.

Ф. И. Ланина. Эскиз к спектаклю «Учитель танцев». 1983. Акварель, гуашь. КОХМ.

Ф. И. Ланина. Портрет Светланы Капаниной. 2001. КОХМ.

Время в лицах. О портретах Бориса Синицына (к 90-летию художника)

ИСКУССТВО

Всякий раз, когда заходит разговор о жанре портрета, невольно задумываешься о том, какую роль сыграли художники-портретисты в создании образа героя своего времени. Обо всём этом стоит порассуждать в связи с 90-летием курганского классика живописи Бориса Георгиевича Синицына. Портрет стал ведущим жанром в его творчестве, хотя художник успешно работал и в других жанрах: пейзаже, натюрморте, тематической картине.

Судьба забрасывала Бориса Синицына в разные края. Уроженец Пензы, он провёл своё детство в Северном Казахстане. Детская мечта о полётах привела его в Московское военно-морское авиационно-техническое училище. Однако летать Борису Синицыну пришлось недолго. Нештатная ситуация в небе поставила крест на лётной карьере старшего лейтенанта морской авиации. Но он нашёл себя в другом любимом деле: стал профессиональным художником. Сначала Борис получил диплом Свердловского художественного училища, а затем окончил Московский государственный художественный институт им. В. И. Сурикова. Его педагогами были известные советские живописцы Алексей Грицай и Дмитрий Жилинский. От первого Борис Синицын унаследовал любовь к лирическому пейзажу, а от второго – стремление выразить своё отношение к жизни в жанре картины. Реалистические традиции, крепкий рисунок, глубокий интерес к истории и человеческой личности, – все эти черты национальной художественной школы стали отправными в искусстве молодого живописца.

С 1971 года Борис Синицын работает в Кургане. 1970-е годы в истории отечественного изобразительного искусства характеризуются повышенным вниманием к портретному жанру: проходят выставки портрета, проводятся искусствоведческие конференции по проблемам этого жанра, на съезде советских художников обсуждается важность создания образов современников, построивших развитой социализм, интеллектуально и духовно богатых личностей. В 1979 году издательство «Советский художник» выпустило альбом «Наш современник», в который вошли портреты рабочих, врачей, партийцев, колхозников, спортсменов. Поэтому можно сказать, что профессиональные возможности и собственный интерес Бориса Синицына к человеку и его внутреннему миру счастливо совпали с умонастроениями времени и тенденцией в искусстве.

Уже в 1971 году он становится участником Республиканской выставки «Художники Урала, Сибири и Дальнего Востока» с картиной «Моё детство», за которую получил престижный диплом Президиума Академии Художеств СССР. В основу картины легли воспоминания о военном детстве в глухой деревне в Кустанайской области. Отец будущего художника был на фронте, а мать учительствовала. Борис Синицын изобразил себя спящим в кровати, а маму – проверяющей школьные тетрадки при свете настольной лампы. Скупая деталь – радио в форме тарелки – напоминает о суровом военном времени. Работа над картиной была начата ещё

**Кулакова
Светлана Ивановна**

Искусствовед, специалист отдела изобразительного искусства Курганского областного художественного музея им. Г. А. Травникова. Член Союза художников России и Ассоциации искусствоведов России. Член редакционной коллегии литературно-художественных журналов «Тобол» и «Курган. Текст».

в студенческую пору. Сохранился карандашный этюд – профильный портрет «Учительница Д. И. Синицына» 1969 года.

Художник ещё не раз сделает героями своих картин и портретов близких, родных людей, следуя примеру своего педагога Дмитрия Жилинского, многие известные произведения которого автобиографичны. Так в 1974 году появился портрет «Светлана Синицына с дочерью», запечатлевший сестру и маленькую племянницу Бориса Синицына. Портрет проникнут тонким психологизмом. Художнику удалось передать внутренний конфликт в образе молодой женщины, словно отрешившейся от происходящего, ушедшей в себя. Девочка же оживлена и с интересом глядит, возможно, в окно. Контраст состояний матери и ребёнка наделяет портрет некоторой тайной и притягательностью.

Групповым портретом-картиной можно назвать полотно Бориса Синицына «Перед дальней дорогой», представляющее молчаливую сцену прощания родителей с сыном-лётчиком, убывающим после отпуска в свою часть.

Борис Синицын с самого начала своей профессиональной деятельности испытывал интерес к групповому портрету. Было в этом, конечно, и влияние самого времени. Художники-шестидесятники в эти годы часто создавали групповые портреты-картины людей разных профессий (В. Попков – «Строители Братской ГЭС», братья Смолины – «Полярники», Д. Жилинский – «Гимнасты СССР»). Причём одни художники обращались к обобщённым образам-типам, а других привлекала передача портретного облика реальных людей. Вот и наш начинающий живописец ещё в годы учёбы, приезжая в Курган на каникулы, собирал материал для группового портрета передовиков-железнодорожников: приходил в депо, делал зарисовки. Так рождался портрет-картина «Передовые рабочие депо “Курган” – Мезенцев, Меркулов, Потенин, Авдеев», который в 1972 году экспонировался на республиканской выставке «По родной стране» в Москве.

В 1979 году Борис Синицын представил на V зональной выставке «Урал социалистический» в Тюмени масштабный «Групповой портрет курганских авиаторов», на котором запечатлён передовой экипаж пилота Н. Малюшова. Самого командира экипажа художник написал персонально в погрудном портрете на фоне его самолёта. А групповой портрет членов экипажа вместе с командиром воспринимается как картина, где действующие персонажи изображены в рост беседующими возле самолёта на аэродроме. При этом каждый наделен индивидуальными портретными чертами. Выбор героев портрета и их окружения вполне объясним: Борис Синицын не понаслышке был знаком с профессией лётчика.

Наш живописец очень мощно выступил на V зональной выставке «Урал социалистический»: кроме портрета курганских передовиков-авиаторов он представил не менее масштабные полотна «Первоцелинники Кривоносовы» и «Поэт Леонид Куликов и его мать Антонина Семёновна».

Если бы не важные правительственные награды на груди одного из участников группового портрета «Первоцелинники Кривоносовы», зритель воспринимал бы его как обычный семейный портрет в домашнем интерьере: благодушная пара пожилых супругов, прожившая в любви и согласии немало лет, и их любимица внучка, непосредственная и непоседливая, как и все дети её возраста. Однако название портрета указывает на его социальную значимость: перед нами – уважаемые труженики села, и высокое звание Героя Социалистического Труда вместе с золотой медалью «Серп и молот» и орденом Ленина глава семейства Кривоносовых получил за впечатляющие успехи в работе комбайнёра на целинных землях Зауралья в начале 1950-х годов. Действительно, за плечами Петра Тимофеевича Кривоносова – более 30 лет ударного труда в совхозе «Усть-Уйский» Курганской области. Изобразив его вместе

с супругой и внучкой, художник внёс тёплую душевную ноту в звучание этого репрезентативного портрета.

Очень непросто пришлось Борису Синицыну в работе над портретом-картиной «Поэт Леонид Куликов и его мать Антонина Семёновна». Известный курганский поэт Леонид Куликов, автор замечательной доброй сказки «Белочка-умелочка», любимой детьми всей советской страны, был человеком нелёгкой судьбы. С юности прикованный к постели из-за болезни позвоночника, Леонид Иванович не разочаровался в жизни, не озлобился, а сумел раскрыть свой природный дар в детской литературе. Во многом это удалось благодаря постоянной заботе и нежной любви его мамы, педагога Антонины Семёновны Куликовой, посвятившей всю свою жизнь единственному сыну. Приходя в дом Куликовых, чтобы рисовать сына и мать с натуры, Борис Синицын испытывал сначала чувство неловкости за вторжение в личное пространство этих двух неразрывно связанных по жизни людей. Однако их доброжелательность и открытость помогли художнику найти верную образную интонацию в портрете. Он получился естественным, без излишнего драматизма, и светлым во всех смыслах. Герои портрета не позируют художнику: они заняты привычной совместной работой. Леонид Иванович сосредоточенно печатает на пишущей машинке, установленной на специальной подставке прямо на кровати. Антонина Семёновна, сидя рядом, зачитывает сыну текст с листа. Вытянутый по горизонтали холст дал возможность изобразить целиком фигуру лежащего на кровати поэта и окружающее его пространство интерьера с окном и книжными полками. В картине много света и воздуха. Это ощущение рождается от обилия белого цвета: простыня, кровать, окно, занавеска, листы бумаги, скатерть, светлый день за окном... И повсюду книги как привычное окружение и как смысл жизни Леонида Куликова.

Как и большинство портретистов-семидесятников, Борис Синицын уделял много внимания «говорящим» деталям в портретах и атрибутам профессии их моделей. Так, в портрете нашего земляка, поэта-фронтовика Сергея Васильева, рядом с ним на журнальном столике – целая стопка его книг, а на стене – панорамный пейзаж с полноводной зауральской рекой. Герой Советского Союза Ф. В. Елисеев – полковник в отставке, бывший военный комиссар Кургана – изображён в парадном мундире с множеством наград. Фоном художник сделал множество книг на полках шкафа, дополнив портретную характеристику профессионального военного, мужественного защитника Отечества свидетельством его богатого внутреннего мира. И это тоже отражало веяние времени в жанре портрета. Другого ветерана Великой Отечественной войны – Героя Советского Союза А. Ф. Стенникова – Борис Синицын представил сидящим в домашнем интерьере. За его спиной на книжной полке – фотография фронтовых друзей, память о грозных военных днях.

Фотографии на стене не случайно стали важной частью портретного образа Д. А. Белоусова, учителя-ветерана, основателя уникального литературно-краеведческого музея им. В. К. Кюхельбекера при Каширинской сельской школе. Борис Синицын специально сделал композицию портрета лаконичной, а его цветовое решение благородно-сдержанным. Ничто не отвлекает внимания от лица Дмитрия Андриановича. Только фотоснимки с учениками и зданием каширинской школы на светлом фоне стены, символично связывающие с его профессией и детищем-музеем. Художник представил Д. А. Белоусова глядящим на зрителей, однако перед внутренним взором его героя, кажется, листаются страницы его биографии. Участие в Финской кампании, страдания в плену и побеги из фашистских концлагерей, драматичная семейная история в годы войны, наконец, долгожданная мирная жизнь, получение педагогического образования, радости и достижения в профессии учителя, осуществление заветной мечты о создании настоящего литературного му-

зая, посвященного творчеству талантливых земляков. Перед нами – портрет-судьба реального человека и в то же время – обобщённый образ старшего поколения, вопреки жизненным испытаниям верившего в светлое будущее и отдавшего все свои силы, знания и способности для его воплощения.

Борис Синицын создал целую галерею портретов фронтовиков, что не было только данью времени: за этим стояло глубоко личное чувство сопричастности. Ведь отец художника, пройдя Финскую и Великую Отечественную войну, вернулся домой израненным, а среди его наград были две особо уважаемые фронтовиками медали «За отвагу». Борис Георгиевич написал портрет своего отца в годы войны. Перед нами рано поседевший человек в гимнастёрке с погонами старшины. Сквозь тёмный, почти чёрный фон проступают сцены яростных атак, боевых ранений и гибели однополчан, долгожданного возвращения с фронта домой.

Как любому портретисту, Борису Синицыну интересен жанр автопортрета. Несомненной творческой удачей живописца стал «Автопортрет» 1994 года. В нём художник предстаёт за работой у мольберта в своей мастерской. Зритель не видит, какую картину пишет Борис Синицын, но о драматизме её содержания можно судить по глубине переживаний автора, отразившихся на его лице. Даже чёрный цвет свитера живописца добавляет суровости его облику. При всей убедительной похожести автопортрета, психологизм образа здесь выходит на первый план. Интересный момент: художник изобразил себя работающим поздним вечером или ночью. Об этом свидетельствует и характерный эффект электрического освещения, дающий большие светотеневые контрасты, и яркость красок на палитре в руке художника, и светящиеся окна города за окном мастерской. Эти приёмы можно найти и в картинах его учителя Дмитрия Жилинского. Это именно приём – ведь живописцы стремятся писать при дневном рассеянном свете, чтобы не ошибиться в колористическом решении своих произведений, так как искусственное освещение очень меняет звучание цвета. Однако в автопортрете Бориса Синицына этот приём удачно работает на образ напряжённого творческого труда с полной самоотдачей.

Творческая самоотдача, предельное погружение в образное пространство своих произведений, судьбу моделей своих портретов. Так можно охарактеризовать художественный метод живописца Бориса Синицына. Его лучшие портреты украшают собрание Курганского областного художественного музея им. Г. А. Травникова. Это настоящие образы времени. В этом году Борису Георгиевичу исполнилось 90 лет. Почтенный, мудрый возраст для любого человека. Поздравляя нашего классика с юбилеем, хочется пожелать ему ещё многих лет достойной, наполненной светом и творчеством жизни!

**Выстоявшая.
К юбилею художницы
Фаины Ивановны Ланиной**

ИСКУССТВО

**Бердникова
Елена Геннадьевна**

Писатель, поэт, журналист. Автор романа «Да здравствует Мексика!» (М., 2011), поэтических книг «Азийский луг» (Курган, 2014) и «Рэп & Шансон» (М., 2015), а также романа о Зауралье «Египетские ночи» (журнал «Звезда», 2023, №№ 5, 6; 2024, №№ 1, 2, 3). Лауреат премий за лучшую прозу журналов «Звезда» (Санкт-Петербург), «Знамя» (Москва) и «Урал» (Екатеринбург) в 2019–2022 гг. Предыдущая публикация в «Тоболе» – новелла «Лето человеческое» (2011, № 1). Живёт в Кургане.

Главное – не в остроте зрения и не в лиричности видения, не во врождённой «пригодности» и ремесленной «наученности»; не в обаянии развитого вкуса. А в совпадении её искусства с основными цветами бытия, с его таинственной светоносной широтой.

«Первое, что восприняла в детстве, – цвет: я сидела на красноватом, окрашенном суриком полу, и на нём лежали солнечные лучи, световые пятна; меня восхитил этот цвет, яркий и тёплый», – вспоминает Фаина Ивановна.

Обе её бабушки, крестьянка богатая и крестьянка бедная, были мастерицы. Одна вышивала по белому войлоку гарусом, объёмными цветными нитями, тщательно и искусно подбирая тона. Художница верит в наследственное чувство цвета, в одарённость природную. В «гены».

...Когда я впервые увидела Фаину Ивановну на вернисажах в курганском областном культурно-выставочном центре, меня привлекли не её работы – я их ещё не знала, – а какая-то правильность облика. Колористическая точность, уместность во всём.

Мне захотелось познакомиться с этой дамой. Иначе я её в мыслях не определяла.

Красивая осанка, милая улыбка, доброжелательность, английский костюм. Вот оно, «лицо христианской России». Фаина Ивановна ведь – уроженка деревни Митино Глядянского района, а слово «крестьяне» – от слова «христиане», это знают даже не филологи.

Она – выстоявший потомок уцелевших. Тех, кому ненадолго, с конца XIX века по конец 1920-х, удалось увидеть и пожать плоды своего свободного труда.

Искусство, наследие Фаины Ланиной – компактное, камерное, хотя и количественно немалое, – включает портреты, пейзажи, театральные эскизы. Ланина ведь не только живописец и график, но и сценограф, театральный художник. Искательница истины, создательница красоты, – во всех своих амплуа.

Определяя главную черту её произведений, я прибегну не к искусствоведческим терминам, а к совсем другому словарю. Миром, грацией, уверенностью в торжестве правды веет от этих полотен, акварельных листов. В них есть тонкое касание благодати. Да, это она.

«Ф. И. Л.»

Вернувшись в Курган после учёбы и работы на Среднем Урале, в Петербурге и Перми, художница вместе с мужем Валерием Васильевичем Ланиным зашла как-то в выставочный зал дома архитекторов. Там вошедших встречали огромные, в золотых багетах, полотна зауральских живописцев.

«Мы были поражены этим богатством цвета, такой смелостью сочетаний, – вспоминает Фаина Ивановна. – Ничего тёмного, коричневого, серого, никакого “сурового стиля”».

«Суровый стиль», возникнув в 1950-х как правдивое отражение тяжёлых испытаний предыдущих десятилетий, ещё долго владел умами и палитрами отечествен-

ных мастеров. Но ничего подобного в Кургане 1970-х и 1980-х уже не было. Художники жили в своё время, искали его новую, мирную красоту.

«Я воскликнул: “Да это какой-то Барбизон!”, – улыбается Валерий Ланин. – *Какая-то Франция*».

В том зале висели работы Николая Година, Германа Травникова, Николая Устюжанина, других мастеров.

Да, курганские художники, получившие первое профессиональное художественное образование в студии Валериана Фёдоровича Илюшина, – заслуженного деятеля искусств Аджарской ССР, тридцать лет проведшего в грузинском Батуми и занесённого эвакуацией в Самарканд и позже в Курган, имевшего очень тонкое «чувство юга», – имели все данные, чтобы приложить уроки мэтра-«южанина» к реальности родного края. Курган ведь – также юг, жизнь доказала это с очевидностью. Одна из южных оконечностей России; место, где, как и на склонах ваноговского Арля, вызревает виноград.

Живописцы новой страны были научены художниками страны предыдущей. Дореволюционной, не замкнутой в своих границах: в произведениях и стиле самого В. Ф. Илюшина – много от Италии, где он работал перед Первой мировой войной. Оттуда идёт его – отчасти воспринятый и его учениками – средиземноморский свет; праздничная яркость – и готовность откликнуться на зов классического мифа, на восточную декоративность, на европейскую фантазию. Оторваться от земли, чтобы понять её лучше.

В конце 2010-х в культурно-выставочном центре, переживавшем свой прерванный расцвет (в 2020 КВИЦ был реорганизован в Дом народного творчества), зауральские художники, искусствоведы областного художественного музея и я – ваш автор – начали дискуссию о курганской школе живописи.

Считаю, как считала и в бытность научным сотрудником КВИЦ, что зауральская школа живописи и акварели, художественная школа, безусловно, есть. Находящаяся в становлении, не слишком оторефлектированная как целостное региональное течение, она тем не менее имеет узнаваемые, отчётливые черты.

Одни и те же – с 1960-х, когда дети и внуки людей, выигравших войну, с жадностью взялись за карандаш и кисть, как предки брались за плуг. Чтобы отразить красоту мира в этой точке пространства и времени: людей, воздух, свет, растительный мир, озёра и реки этой земли. Чтобы воспользоваться теми возможностями развития, которые эпоха дала целому поколению.

Путь этой школы не был устлан розами.

Он не был лёгким ни для одного артиста, художника, поэта в XX веке: в нашей же стране испытания носили трагический колорит и особый характер. Назову его «пыткой искажением».

Представьте себе ткань, которую растянули, частью – порвали и заштопали, частью – подкрасили, в целом – довели до неузнаваемости и вот так, фрагментом с прорехами, выдали за целое как готовый, якобы единственно возможный, «естественно сложившийся», безальтернативный материал. В этом фрагменте есть блёстки правды, а есть проколы и провалы, выгоревшие пятна, но главное – вся основа (и уток), сама ткань подвергнута то жёсткому, то едва уловимому, но постоянному и потому грубому, – скажу по-сибирски: *мордующему жизнь* – воздействию.

Многих художников вы, читатель, просто не знаете. Вас провели. И мимо главного, и просто – провели. Большими личными и безличными, институциональными и индивидуальными, системными и хаотичными усилиями.

Та история изящных искусств, которую «мы знаем», устоявшееся представление «кто суть первые художники», – это не то что история заблуждений или «ошибка выжившего», когда уцелевший преподносит свой опыт как единственно

верный, а погибший, более хрупкий, и слова не может вымолвить о своём. Суть в том, что сама картина развития культуры при более зорком, внимательном взгляде на неё открывается как итог долгого, целенаправленного искажения естественной, настоящей иерархии талантов.

Назовите это «цензурой», «плохим вкусом», «пролетарской культурой», «административно-командной системой» – все имена верны. Результат прост: когда вы слышите имя зрелого мастера впервые, велик соблазн подумать, что он или она неправильно прожили свою жизнь, раз вы до сих пор не знали её или его. Но это не догадка, а ошибка.

Жестокий век перемолол многих; то грубо, то мелко. Люди утешаются пословицей «Господни мельницы мелют медленно, но тонко». То есть дают высокосортную, тонкого помола, муку. Справедливостью она называется.

Но задача художника – не только нечто сотворить однажды и отдаться на волю Господа. Задача – устоять в ураганах своего времени. Не сплоскать, надеясь на Бога и будущее. Выстоять сейчас. «Не победить, но выстоять – всё в этом», написал немецкий поэт Райнер Мария Рильке в 1906 году.

Фаина Ланина выстояла.

Вот она сейчас идёт по центру Кургана с мужем Валерием в мастерскую. Туда – обычно в одни и те же часы. Домой, от холстов, – в разное время. Работается то удачно, то не слишком: приходят люди, отвлекают новостями, рассказами о большом мире. Молодёжь, люди разных поколений тянутся к Фаине Ивановне, к её безусильному вниманию, умению слушать, вникать в совершенно непохожие души, ситуации, дела. К любви, если коротко. Самому драгоценному. Не к качеству, – к строю души.

Никогда не заискивать и не чваниться, не «нести себя» напряжённо, но и не ронять небрежно, не заикливаться на мелочах своей жизни и не изнемогать от тревог о судьбах мира. Идти по средней линии. По самой трудной, единственной траектории – по гребню жизненной волны, с которой так легко (и ненужно) скатиться в крайности, уклониться к неверным курсам.

В чём её секрет?

Фрагмент из Первого послания к Коринфянам святого апостола Павла приходит мне на память, когда я думаю о Фаине Ивановне, у которой даже инициалы, Ф. И. Л., складываются в греческий корень «филия», то есть «дружба», «расположение», «товарищество», «привязанность». Да, хвалимую апостолом «любовь» греки перевели как «агапэ», сострадательную и деятельную любовь, творящую добро и милость человеку; столько слов было у греков для разных родов любви: романтической, семейной, общечеловеческой. У нас – одно на всё. И вот оно, витает рядом.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится».

Про лицо христианской России уже было сказано. А вот это – её сердце. Весёлое, надо сказать. Другое бы ожесточилось. Или расплавилось. Не выстояло бы другое!

Ф. И. Ланина.
Портрет отца (Художник Иван Сарычев).
1989. КОХМ.

Ф. И. Ланина.
Ирина.
1965. КОХМ.
Акварель.

Ф. И. Ланина.
Наталья.
1998.

Ф. И. Ланина.
Эскиз к опере К. Глюка «Орфей и Эвридика».
2004. КОХМ.
Акварель, гуашь.

Почти сто лет назад

Фаина Сарычева родилась в 1935 году, потому что в 1930 её мать подростком бежала от «раскулачки». Скрылась из деревни Строево под Варгашами в ночь накануне отправки семей «кулаков второй категории» эшелонами на север, на погибель многих.

Не сохранил хозяйства и прадед Фаины Ивановны Алексей Иванков – почти библейский патриарх Иаков, только с одиннадцатью, а не с двенадцатью сыновьями. Трудами всей семьи он продавал молоко на маслозавод за золотые червонцы до конца 1920-х.

«Одиннадцать снох доили сто коров, у каждой было примерно по десятку голов», – вспоминает Фаина Ивановна рассказ своей матери о «молочных реках» середины пореволюционного десятилетия.

«Маслобойки» росли по Сибири с огромной скоростью с середины 1900-х. Накануне Первой мировой войны Европу кормили сливочным маслом три предприятия: австралийский и новозеландский «Anchor», Сибирский Союз маслодельных артелей (ССМА) с его небрендируемым, немарочным бочковым маслом производства множества мелких крестьянских кооперативов, со столицей в Кургане, и кооператив «Valio», работавший с финскими крестьянами по той же схеме, что и ССМА.

Основа благосостояния зауральского крестьянства была создана за первые полтора десятилетия XX века: стоящий на Транссибе Курган стал к началу Первой мировой войны центром молочного животноводства и экспортной торговли сибирским сливочным маслом.

Ни Первая мировая, ни Гражданская, когда зауральские крестьяне в 1919 году из-за боевых действий не могли убрать урожай с полей, ни даже голод 1921–1923 не надломили деревню. Обильные урожаи 1923–1926 годов и новая экономическая политика поставили крестьян на ноги. Более того: никогда – ни до, ни после – русское крестьянство не жило так хорошо, как в краткий период 1923–1928. Уже была нарезана земля, а коллективизация ещё «не доспела».

В районах на территории сегодняшней Курганской области она началась в марте 1930 года.

Бежав от высылки, мать художницы Евлампия Александровна Степанова-Резниченко работала прислугой и санитаркой в семье сельских врачей, по любви вышла замуж за бедняцкого парня, писаря сельсовета Ивана Сарычева. Проводила его в 1941 на войну, по зарок кормила людей, не поступаясь даже в беде хозяйством и должностью замзаведующей эвакуированного детсада. Считала, что благодетельствуя другим, она тем самым хранит мужа в живых: ведь кто-то, движимый «круговой порукой добра», поможет и ему.

Даже когда пришло «Извещение № 4» о его гибели, продолжала действовать так. Не обманулась: в 1943 году Иван Сарычев, демобилизованный по тяжёлому ранению, буквально вернулся из мёртвых.

Я была в деревне Строево под Варгашами, где жила до бегства мать Фаины Ивановны. Двойная, как у аристократов, фамилия получилась у неё потому, что её отец Кондратий Степанов погиб на Первой мировой, и она выросла с отчимом Александром Резниченко – как говорит семейное предание, любителем праздничной езды на тройках, удалым молодцом, богатырём и работником также совершенно безоглядным. С лесозаготовок – места высылки – он не вернулся.

Когда отец Фаины Ивановны стал из деревенского писаря и счетовода горожанином и бухгалтером, он писал идиллические картины о сельской жизни: «Мельница», «Масленица», «Игры на Пасху». Наивное искусство художника-любителя отразило образ деревни как потерянного рая.

«Я говорила папе, чтобы он написал картину о раскулачивании, ведь он, когда был писарем в сельсовете, видел все эти слёзы, – вспоминает Фаина Ивановна. – Но он не написал ни одной».

Не написала и она. Не её жанр, тема. Но трагедию века из рассказа о художнице не выкинешь.

Не выкинешь и из крестьянской девушки мечту о хорошей, достойной жизни. Мечта оказалась травмированной, приняла новые формы, но не была перечёркнута.

Как и миллионы их сверстников, родители Фаины Ивановны, переехав в город, бросили все силы, чтобы «образовать» детей. Дать обеим дочерям совершенно иной, чем был у них самих, образ. Иное видение будущего.

Другую жизнь.

Дисциплина сопромата

В курганские школьные годы Ланина посещала изостудию Валериана Фёдоровича Илюшина, основателя профессионального художественного образования в Зауралье. Но её идея ехать учиться в Свердловском художественном училище показалась родителям несерьёзной.

«Получи профессию, а потом учись тому, чему хочешь», – вспоминает Фаина Ивановна их слова.

Её первое образование – романо-германское отделение Курганского педагогического института. Для послевоенного студенчества, как и для дворян XIX века, главным языком был французский – вход в культуру, во множество миров.

Любой язык – форма, а художнику знакомство с формой, с ещё одной формой, нужнее, чем другим. Французский же из всех современных языков – пожалуй, особо строгая школа. Фонетически требовательный и грамматически строгий, он – урок сценической речи, дикции. Самой ясности – мысли, высказывания, поведения, рисунка жизни.

В студенческие годы Ланина ещё раз удостоилась догадки о будущем. Теперь уже то была не встреча с чистым цветом, предопределившая направление жизненного поиска. Это было погружение в особое пространство, где жизнь идёт «не так, как в жизни». В пустоту, где должно состояться – причём с её, Фаины Ланиной, личным участием – особое, преобразующее действо.

«Тогда со студентами, даже первокурсниками, очень носились в городе: пединститут только открылся, нас всегда звали на различные культурные события, концерты, – вспоминает художница. – Быть студентом, мы чувствовали, – очень престижно. И нас однажды позвали на экскурсию в только что построенный театр драмы. Я стояла на балконе, передо мной были совершенно пустые сцена и зал. Новые кресла, люстра, – всё представало в некоем блеске новизны, торжественности. И у меня возникла уверенность, мысль: “Я буду здесь работать”».

В школе Фаина Ивановна преподавала французский недолго. Один учебный год. Звала живопись. Влёк рисунок; кисть, карандаш, белая бумага; тянули образы. Она и во время учёбы в институте посещала изостудию Ивана Яковлевича Лохматова – молодого выпускника Свердловского художественного училища.

В это училище она и поступила в 1959 году. Ездила на пленэры, много рисовала, писала маслом. Но ни по окончании вуза в 1964 году, ни в пору работы учителем в изостудии при железнодорожной ремесленной школе не возникало чувства, что «годы учения» и «годы странствий» окончены. Что вот это, наступившее, и есть – её жизнь.

Мечта о театре требовала динамики, исполнения, и родители, верные обещанию «учись чему хочешь», и в этом поддерживали её.

В 1966 году тридцатилетняя художница поступила в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, легендарный ЛГИТМиК, на отделение сценографии, в мастерскую театрального режиссёра и сценографа, народного артиста СССР Николая Павловича Акимова. Прекрасный художник и педагог, ученик Мстислава Валериановича Добужинского и коллега Всеволода Эмильевича Мейерхольда, Акимов говорил своим ученикам: *«Не оставляйте занятия станковой живописью, не подчиняйтесь театру всецело, продолжайте работать как художники самостоятельно».*

Так и сложилась диалектика этой артистической судьбы: сочетание личной художнической работы и служения «командной игре» театра, со всем деспотизмом его «предложенных обстоятельств».

«Театр – это завод, производство, его продукт – спектакль, и всё подчинено ему», – говорит Ланина.

В 1971 году она по распределению приехала в Пермь, начала служить в театре драмы. В 1977 – в Пермском театре юного зрителя.

«Роль художника-сценографа – ключевая: он или она, прочитав пьесу, раньше всех – режиссёра, актёров, технического персонала – должны увидеть будущий спектакль как единое целое, – говорит Ланина. – Художник – первый человек, который наглядно, образно, зримо представляет будущий спектакль. Анализирует драматургию, выбирает варианты визуального решения, находит основу образа спектакля, делает эскизы декораций и костюмов, представляет их режиссёру на утверждение. А когда его концепция принята, в дело включается цех: строители декораций, швеи, костюмеры, техники сцены, гримеры, осветители. Но что и как они делают – определяет художник-сценограф. А для него главное – сохранить выразительность и ясность мысли драматурга».

Роль посредника между идеей (в данном случае – драматурга) и материальностью (сцены, со всеми её условностями и уловками) вообще-то подходит художнику как нельзя лучше.

Художник всегда – на границе двух миров: своего невидимого, бесплотного замысла и вполне видимых, очень даже весомых и неподатливых средств исполнения. Соппротивление материалов было в ЛГИТМиКе одной из важных дисциплин.

Стих Н. С. Гумилёва «Искусство» – именно о сопромате. О поединке творца со стихией его творчества.

*Созданье тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней –
Стих, мрамор иль металл.
.....
Чеканить, гнуть, бороться, –
И зыбкий сон мечты
Вольётся
В бессмертные черты.*

Это лишь один способ творить. Возможны и другие, менее замешанные на противостоянии, антагонизме. Более вдохновенные.

Но искусство театра определённо и особенно настойчиво требует от художника-сценографа выдержать схватку с материей самой косной. С блоковским «полинялым балаганом», с «лохмотьями, сшитыми пестро».

При этом не ради себя художник-сценограф собирает в осмысленное целое бутафорию, реквизит, декорации, партикабли – разноразмерные конструкции

на сцене. Он – добровольный слуга драматурга, проводник его замысла, отрешившийся от главного «своего» – автономии замысла.

Но как же это неотразимо – быть среди жрецов древнейшей мистерии, сценического действия!

«Я очень любила театр», – повторяет Ланина.

Больше тридцати лет она отдала театрам в Перми и Кургане. Иногда жалеет, что не столько, сколько хотела, «работала индивидуально», что провела годы на фабрике выпуска спектаклей, в условиях нищеты провинциальных трупп, в вечной гонке сроков, в тревоге перед сдачей спектакля.

Как сценограф она поставила многие пьесы классического репертуара: «Учителя танцев» Лопе де Вега, «Сирано де Бержерака» Эдмона Ростана, «Доходное место» А. Н. Островского, «Дядю Ваню» Чехова, драмы восточноевропейских авторов, около двадцати сказок. Причём сказки ставила везде, на разных площадках: в театре (например, «Чиполлино» Джанни Родари в пермском ТЮЗе), в цирке (представление «Хозяйка Медной горы» в Перми), на музыкальной сцене (опера-сказка «Золотой ключик» в Курганской областной филармонии).

Сказка, в том числе волшебная, – исток человечества и последнее прибежище искусства, как бы последний трактир Семёна Захаровича Мармеладова, которому «уже некуда больше идти». Сказку не в силах оспорить и поколебать никакое время. Театр буквально живёт за счёт сказки: обращается к тем, кому важна вера в чудо, стремится развить детскую, чтимую всеми потребность в игре и находит в ней опору существования в трудное время.

Жёсткую, суровую школу провинциального театра как небогатого завода прошла эта ученица Николая Акимова. Поставившая десятки сказок, нарисовавшая сотни эскизов, образы и костюмы сказочных героев, сама она смотрит на жизнь не сквозь флёр, не мифологизируя, весьма трезво, – но безо всякой горечи, лишь с мягкой человеческой иронией.

С бесконечной верой в человека, который никогда не поддастся злым силам, не поработится «моменту», никакому «так надо» своей эпохи.

Так получилось, что в мире Фаины Ланиной этот идеально пластичный, но нестигаемо верный человек – женщина.

Предвидя праведный мир

Преобладающая часть живописных работ Фаины Ланиной – это портреты. Почти все портреты – женские. Женственность – не «одна из тем» художницы; это её главная тема.

Ученицы, подруги, знакомые, – а круг общения у Фаины Ивановны немалый, – среди её моделей. Первые портреты сделаны в 1960-х, над новейшими идёт работа в 2020-х. Шестьдесят лет творчества... Смена героинь, колорита времени, человеческих типов, мод на внешность и одежду, – и такая бьющая с холста правда лица. Его неповторимости.

Она совсем не озабочена фоном; не пытается антуражем рассказать что-то о человеке. На авансцену выступает сама модель – вот это очередное, конкретное воплощение женственности. Декорации быта и сезоны года несущественны, важна лишь фигура. Душа, смотрящая на нас сквозь все покровы воплощения: глаза, лицо, кожу, загар на ней (есть и портрет «Девушка с золотым заггаром»), одежду рабочую, спортивную, повседневную, элегантную, выбранную для парадного портрета.

Её героини живут не для зрителя. Они увидены не пресловутым «мужским взглядом», который так критикуют искусствоведы феминистского направления с 1970-х, – за акцент на внешних чертах модели, понятый как «объективация» жен-

щины, – не то возвращение её обратно в молчаливую природу, не то вписывание её как товар на магазинную полку. Дискуссия о «мужском взгляде» интересна и открывает глаза на многое, на фразу «красота в глазах смотрящего». Но искусство вряд ли выиграет от подозрительности к его истории, где женщина – одна из главных тем, начиная с античных статуй. Разве не «объективирует» художник в той же мере и мужскую модель? Возможно ли мастеру справиться – на холсте и бумаге, в камне, стекле или металле – с предстоящей ему или ей человеческой природой иначе, не рассмотрев её, не подчинив своему замыслу, не показав зрителю, что считает важным?

Момент власти вложен в искусство, художник – создатель нового мира, и если оспорить право и свободу художника творить своё, кончится и творческая искра; сами мечты о ней.

И всё же – верный вопрос века – где граница между властью и самоуправством, лидерством и насилием? Как и чем сохранить её?

Женский взгляд на женщину – важен. Он всегда нов. Он – открытие. Потому что в нём также, кроме вражды с материалом, желания проникнуть в тайну модели, «всё сделать по-своему», есть – в изобилии – любовь. Та самая, бескорыстная, которая «не завидует... не превозносится... не ищет своего... переносит всё».

Женщинам пришла пора рассказать о ней. Легче всего «начать с себя». С женского мира. С себя, в конечном счёте.

Модели Ланиной сосредоточены на своём.

Ушли в глубины размышления и молодая учительница танцев (портрет «Наталья»), и петербургская богемная девушка («Рождаются стихи. Ленинград»).

Но женщины же и смело идут в мир. Обращена к зрителю отважная лётчица Светлана Капанина: перед важным состязанием лишь на миг – на целую вечность – она повернулась к вам, не снимая рук со штурвала легкомоторного самолёта.

Для меня большая честь, что Фаина Ланина начала мой портрет – также оттиск нерядовой минуты, торжественного выхода к читателям с тем, что важно сказать. Я пишу этот юбилейный текст небескорыстно: надеюсь, что художница закончит портрет. Я хочу взглянуть в это зеркало симпатии.

Она симпатизирует своим героиням, их звёздным мгновениям и солнечным будням.

Тьмы на её картинах, акварелях – нет.

Художница в середине жизни как будто вступила в мир голубой лучезарной мечты, что-то вроде утопий раннего Андрея Платонова о человеке-творце. О таком искреннем, назревшем диалоге человека с природой, – его окружающей и его собственной, – который примирит все противоречия. Положит конец конфликтам. Откроет эру созидания, а за ним и до счастья недалеко.

Вот работницы в белом в цехе с только что выпеченными караваемми (этюд «Горячий хлеб»). Кажется, что всё происходит на заре зимнего дня, но откуда столько света? Да, понятно, что живопись – искусство статическое, но, кажется, что женщины движутся на глазах; смело, вольно, естественно. Кажется, что труд не стоит им ничего – ни мускульного напряжения, ни усталости в конце долгой смены, ни бессонных забот у печей; что он для них – не необходимость, не «доля», не игра, а свободно выбранный способ быть. Это свободный труд, свободные женщины. Они – дома в этом мире и на связи со всеми людьми. Хлеб – символ чуда, слово из ежедневной молитвы, а каравай и вообще – хлеб праздника, и это так ясно на полотне.

Это очень русская тема – радостного изобилия, праведного царства, благословенной земли. И именно женщина хранит свой и всеобщий голубой мир, хрустальный шар подлинного – украшенного, нежного, неискажённого – бытия. Она – Художница.

Женственность творящая, женщина, обдумывающая свой труд, женщина, рождающая новизну, – и всегда охваченная голубоватым сиянием. Что-то это нам напоминает, что-то за всеми этими фигурами тайно стоит.

Это же отблески Софии. Премудрости Божией, Художницы, почти играя берущейся за украшение и устройство дольного, тварного мира. В православной иконографии её изображают огнезrachным алым ангелом, но в русской литературе Софию Премудрость Божию навсегда окутал лазурный свет.

«Лазурь кругом, лазурь в душе моей», – так сказал о сиянии, предваряющем проявление «Подруги вечной», великий русский философ, поэт и мистик Владимир Сергеевич Соловьёв.

Ей ищет послужить художница. Её блеск, как в капле воды – солнце, она хочет отразить. Высшую творческую энергию, любовно и иногда не без печали устремлённую к земле, чтобы обустроить здешнее.

Сама природа на пейзажных зарисовках Ланиной охвачена этим лучезарным голубоватым сиянием: она как бы плавает в радостном покое, во всё прибывающей из невидимых источников любви.

Главное в этом искусстве – не в остроте художнического зрения и не в лиричности индивидуального видения, не во врождённой «пригодности» и ремесленной «наученности»; даже не в обаянии развитого, весьма строгого вкуса.

Главное – в совпадении с какими-то основными, не локальными, цветами бытия, с его таинственной светоносной широтой. Изначальной и всегда наличной свободой мира как целого.

Корпус работ создан. Важнейшее – готово. Совершено. Хотя и может быть дополнено, развито.

И лучшим решением будет, если максимум этих работ объединит в своей коллекции Курганский областной художественный музей им. Г. А. Травникова. Чтобы можно было – глядя сквозь рисунок и цвет Фаины Ланиной – увидеть крупницу благодатного мира. Сердце сокровенного человека XX столетия. Душу, выстоявшую в пути.

Курганские декабристы на Сенатской площади

200-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ
НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ
ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Тринадцать декабристов отбывали сибирскую ссылку в нашем городе. Кто жил подолгу, кто всего несколько лет и даже месяцев. Арестованные в течение декабря 1825 – января 1826 г., все они прошли через казематы Петропавловской крепости. По приговору Верховного уголовного суда (или, как в случае с Ф. М. Башмаковым, военного суда) были лишены чинов, дворянского достоинства и официально стали именоваться «государственными преступниками».

Термин «декабрист», строго говоря, применим только к трём из них. Только трое, а именно Андрей Евгеньевич Розен (поручик лейб-гвардии Финляндского полка), Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский (штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка) и Вильгельм Карлович Кюхельбекер (отставной коллежский асессор), принимали непосредственное участие в событиях 14 декабря 1825 года в Петербурге. Розен и Щепин-Ростовский не были участниками тайного общества, а Кюхельбекер был принят в общество Рылевым накануне восстания.

Попробуем разобраться, какие обстоятельства привели этих людей к участию в событиях 14 декабря, что совершил каждый из них в этот день и как это отразилось на их судьбе. Но прежде обрисуем в самых общих чертах ту обстановку, которая сложилась в Петербурге накануне восстания.

Династический кризис

Согласно закону о престолонаследии, который был принят императором Павлом I, трон должен передаваться от отца к старшему сыну, а при отсутствии сыновей – к следующему по возрасту брату. У Александра I не было сыновей от супруги, Елизаветы Алексеевны, и на протяжении всего его правления преемником, цесаревичем считался брат Константин Павлович, младше его на год с небольшим (род. 27.04.1779). Следующие два брата были гораздо младше – Николай (род. 25.06.1796) и Михаил (род. 28.01.1798).

Великий князь Константин Павлович командовал гвардией в походе 1813–1814 гг., а с конца 1814 г. был назначен главнокомандующим польской армией. Под его командованием оставался в Варшаве отряд гвардии, ему также подчинялся Литовский корпус. Ему нравилось жить в Польше. В 1820 г. он получил наконец согласие царской семьи на развод с первой женой – немецкой принцессой – и вступил в новый брак с графиней Грудзинской. Брак этот был признан царской семьёй, Александр пожаловал невестке титул княгини Ловицкой. Но это бракосочетание сопровождалось изданием особого дополнения к павловскому указу о престолонаследии – вводилось понятие морганатического брака.

Давая согласие на женитьбу Константина на польке-католичке, Александр потребовал от него письменного отказа от престола. В письме от 14 января 1822 г. Константин просил Александра передать свое право на наследование престола тому, кому оно принадлежит после него, подтверждая своё обязательство, данное по-

Ага
Владимир Ильич

Краевед, автор более десяти публикаций в разных изданиях, посвящённых истории родного города. Родился в Кургане в 1951 г. Окончил Курганский машиностроительный институт. Работал на Савеловском машиностроительном заводе (г. Кимры Калининской области) инженером-наладчиком, мастером. По возвращении в Курган в 1977 г. работал на «Дормаше», Курганмашзаводе, Варгашином заводе противопожарного оборудования. После выхода на пенсию увлёкся историко-краеведческими изысканиями.

сле развода с первой женой. В ответном письме Александр высказал согласие на просьбу Константина, своё и матери. Через год, 16 августа 1823 г., был подписан манифест, в котором утверждалось отречение цесаревича Константина Павловича и назначался наследником престола Николай Павлович. Манифест, вместе с письмами Константина и Александра, был помещён в конверт, на котором Александр написал: *«Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины вскрыть прежде всех действий»*. Были сняты копии и помещены на хранение в Сенат, Синод и Государственный совет. Всё было проделано в тайне. Единственное, что знал Николай от матери, — что акт отречения Константина хранится в надёжном месте. Население России считало цесаревича Константина Павловича наследником престола.

Но этот секретный манифест никак не отразился на положении кандидата в престолонаследники. Александр держал Николая и его младшего брата в строю и в строгой субординации. Оба проходили службу в гвардии и крепко усвоили гатчинскую фронтонию. С марта 1825 г. Николай командовал 2-й гвардейской пехотной дивизией. Оба младших великих князя, и особенно Николай, были решительно непопулярны в полках петербургского гарнизона. Его придирчивая требовательность, злопамятность, несдержанная резкость его выговоров и угроз создала ему в рядах гвардии тяжёлую репутацию. Только в придворных кругах могли быть сторонники Николая. Тут многим было известно обещание Константина отречься от престола за разрешение ему жениться по собственному выбору. При Николае, считали они, ничего не изменится, тогда как от Константина можно было ожидать чего угодно.

1 сентября 1825 г. Александр выехал из Петербурга на юг в свою последнюю поездку — было решено провести ради здоровья императрицы Елизаветы всю зиму в Таганроге. Находясь на юге, Александр предпринял путешествие в Крым и по возвращении в Таганрог серьёзно заболел. 25 ноября в Петербург пришли вести, что положение императора опасно для жизни. Петербургский генерал-губернатор граф М. А. Милорадович, получивший эти сведения от находившегося при императоре в Таганроге начальника главного штаба генерал-адъютанта И. И. Дибича, известил великого князя Николая Павловича. То, что произошло в последующие часы, стало причиной междоусобия и сделало возможным восстание 14 декабря.

Вечером того же дня Милорадович прибыл снова в Аничков дворец с командующим гвардейским корпусом генералом от кавалерии А. Л. Воиновым на совещание. Думали, как поступить в случае смерти Александра. Николай сообщил им об отречении Константина и о своём праве на престол. Но Милорадович возразил решительно: перемена в порядке наследования никому официально не известна и, в случае смерти императора Александра, силы иметь не может; что отречение Константина тоже не явное и осталось необнародованным; что ни народ, ни войско не поймут отречения и припишут всё измене; что, наконец, гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах и неминуемо может последовать возмущение. Возможно, у Милорадовича были и свои личные виды в пользу воцарения Константина, но его аргументы были серьёзными. Главное — избежать возмущения в гвардии. Николаю пришлось покориться.

Северное общество

Из истории декабризма известно, что Союз благоденствия, организованный в Петербурге в 1818 г., был формально распущен в январе 1821 г. на московском съезде общества. Генерал-адъютант Бенкендорф, начальник штаба гвардейского корпуса в то время, в «Записке о тайных обществах» так сообщил Александру I об этом событии: *«Весьма вероятно, что они желают лишь освободиться от излишнего числа с малым разбором на вербованных членов, коим неосторожно открыли всё, составить скрытнейшее общество и действовать под завесою безопаснее»*. Видимо, так всё и было. В результате образовались две ветви тайного общества – южная и северная. Если «южане» во главе с П. И. Пестелем продолжили дело распущенного Союза, то в Петербурге действие тайного общества приостановилось. Причиной стал вывод гвардии из Петербурга в Виленскую губернию на пятнадцатимесячный срок в 1821–1822 гг.

Только после возвращения гвардии в столицу во второй половине 1822 г. Северное общество стало оживать. Инициатором его возрождения стал Никита Муравьёв, офицер штаба гвардейского корпуса. Муравьёв разработал проект Конституции, предполагавший замену самодержавия конституционной монархией. К концу 1823 г. Северное общество возглавил триумвират, к Муравьёву присоединились С. П. Трубецкой и Е. П. Оболенский. В этом же году в общество был принят К. Ф. Рылеев, отставной подпоручик конной артиллерии, служивший заседателем Петербургского уголовного суда. В конце 1824 г. полковник Трубецкой принял предложение занять должность дежурного штаб-офицера 4-го пехотного корпуса и отбыл в Киев (вернулся в Петербург в начале ноября 1825 г.). Именно Рылеев заменил его в руководстве Северного общества.

И хотя многие бывшие участники Союза благоденствия – люди в высоких чинах и с положением – отказались от дальнейшего участия в тайном обществе, оно постепенно прирастало новыми членами. Были приняты братья Бестужевы – Николай, Александр, Михаил и Пётр; князь А. Одоевский; Каховский, Сутгоф, Панов, Арбузов и ряд других. Это были молодые, действующие или отставные младшие офицеры, люди со свободными взглядами. Никита Муравьёв с сентября 1825 г. находился в деревне, в отпуске и руководили обществом Рылеев и поручик Евгений Оболенский, адъютант при командующем пехотой гвардейского корпуса. Рылеев, оставив судебную деятельность, с весны 1824 г. служил правителем дел канцелярии Российско-Американской компании и жил с семьёй в доме этой компании. Александр Бестужев, соратник Рылеева по издаваемому ими альманаху «Полярная звезда», жил в том же доме.

Будущие декабристы узнали о смертельной болезни императора спустя сутки после получения известия из Таганрога, 26 ноября. Лидеры тайного общества были уверены, что престол наследует Константин. Оболенский так описал в воспоминаниях состояние общества в тот момент: *«Все единогласно решили, что ни противиться восшествию на престол, ни предпринять что-либо решительное в столь короткое время было невозможно. Сверх того, положено было вместе с появлением нового императора действия общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своим домам, чувствуя, что надолго, а может быть, и навсегда отдалось осуществление лучшей мечты нашей жизни»*.

Междоусобица

27 ноября в Петербурге узнали о кончине императора Александра I, которая фактически наступила ещё 19 ноября. Граф Милорадович сообщил ожидаемую печальную новость Николаю Павловичу и дальше всё шло так, как он и хотел. В нарушение всех узаконений, не имея манифеста о восхождении на престол от Константина, немедленно началась присяга новому императору. Первым присягнул Николай, который затем привёл к присяге внутренний дворцовый караул. В этот же день присягнул гвардейский генералитет, вскоре началась повсеместная присяга полков. Вечером присягнули члены Государственного совета, проигнорировав завещание покойного императора. Присягнул и Сенат, а пакет с завещанием отправили в Варшаву. Туда же были посланы донесения от Государственного совета и Сената о состоявшейся присяге и «верноподданническое» письмо Николая. Разослали курьеров с распоряжением о присяге по всему государству. Формально началось царствование императора Константина.

В Варшаве получили печальное известие ещё вечером 25 ноября. Константин всю ночь готовил письма к императрице-матери и к брату, где сообщал, что уступает своё право на престол Николаю и просит мать объявить об этой своей непоколебимой воле всем, кому следует. Письма повёз в Петербург великий князь Михаил Павлович, находившийся в ту пору при брате в Варшаве. Он приехал в столицу утром 3 декабря. На семейном совещании решили, что привезённые Михаилом письма не дают достаточного основания к каким-либо действиям в отмену всего выполненного, а надо дожидаться отзыва Константина на известие о принесённой ему присяге. А лучшим выходом явилось бы, коли воля Константина об отречении неизменна, чтобы он огласил её каким-либо публичным актом или приехал сам. Примерно в таком духе 3 декабря ему написали мать и Николай.

Но положение Михаила Павловича в столице становилось двусмысленным. Знали, что он не присягал Константину, как и люди, прибывшие с ним из Варшавы. На семейном совете решили, что ему надо покинуть Петербург под предлогом поездки назад, в Варшаву за новым ответом. Михаил, выехав 5 декабря, засел на почтовой станции Неннале, в четырёх перегонах от столицы с целью перехватывать всю корреспонденцию между Варшавой и Петербургом. Он первым прочёл ответы Константина на письмо Николая и на донесения Государственного совета и Сената. В ответе Николаю Константин коротко и сухо сообщал, что его решение непоколебимо. А в ответах чиновникам в сильных непечатных выражениях обвинил Государственный совет и Сенат в явном нарушении обязанности исполнить волю покойного императора и в том, что присяга может быть сделана не иначе, как по манифесту требующего её императора, а эта учинена без его ведома и согласия.

Жёсткие ответы Константина на известия о принесённой ему присяге получили в Петербурге 6 декабря. Понятно, что такие документы не годились для обнародования, и с их получением вопрос не сдвинулся с мёртвой точки. Признанный императором Константин не брал власть в свои руки, а Николай не решался эту власть взять, хотя он почти единственный в Петербурге не сомневался в отречении старшего брата. Междоусобица затягивалась. Пошли толки о состоявшемся приезде Константина и об его аресте, об аресте Михаила как его сторонника. То, чего так старался избежать Николай – роли захватчика власти, в мнении общества, а особенно гвардии – надвигалось на него всё сильнее.

Рано утром 12 декабря, в субботу, прибыл из Таганрога полковник Фредерикс со срочным донесением Дибича о раскрытом заговоре среди офицеров Южной армии и гвардейских полков петербургского гарнизона. Дибич сообщал о тайном обществе (по доносам Шервуда и Майборода) и принятых им мерах к аресту главарей

заговора на юге, а вопрос о замешанных в нём офицерах гвардии передавал на усмотрение столичного начальства. Николай обратился к Милорадовичу, который, как генерал-губернатор, располагал полицейским аппаратом. *«Граф Милорадович должен был верить столь ясным уликам в существование заговора и в вероятном участии и других лиц, хотя об них не упоминалось; он обещал обратить всё внимание полиции, но всё осталось тщетным и в прежней беспечности»*, – пишет Николай в «Записках о вступлении на престол». Из названных Дибичем лиц в Петербурге в тот момент находились Рылеев и один из братьев Бестужевых, «гвардейский офицер, служивший прежде во флоте» (Михаил Бестужев). Думается, что их немедленный арест наверняка сорвал бы планы заговорщиков.

В тот же день фельдъегерь доставил последние ответы Константина Павловича, который на просьбы матери и брата от 3 декабря отозвался письмами Николаю, что посылает ему благословение старшего с рядом советов, как ему царствовать, и матери, что не считает возможным ни приехать в Петербург, ни возвещать о своём отречении. Думается, что Николай был готов к такому ответу. *«Изготовив вкратце проект манифеста, призвал я к себе М. М. Сперанского и ему поручил написать таковой, придерживаясь моих мыслей; положено было при том публиковать духовную императора Александра, письмо к нему Константина Павловича с отречением и два его же письма – к матушке и ко мне как к императору»*, – пишет далее Николай в воспоминаниях. Задачу вступить на престол без осложнений можно было разрешить с помощью Михаила, особая личная близость которого к Константину была известна. Послали за Михаилом Павловичем, дабы его воротить с надеждой, что он вернётся на другой день, т. е. в воскресенье.

Тревожило настроение гвардии. Николай условился с командующим гвардейским корпусом генералом Воиновым, что он соберёт к нему на следующий день, в понедельник 14 декабря, всех генералов и полковых командиров гвардии, *«дабы лично мне им объяснить весь ход происходившего в нашей семье и поручить им растолковать сие ясным образом своим подчинённым, дабы не было предлога к беспорядку»*. Было решено собрать Государственный совет к 8 часам вечера 13 декабря, куда Николай намерен был явиться вместе с братом Михаилом, *«как личным свидетелем и вестником братней воли»*. С этого заседания должно было начаться вступление Николая на императорский престол. До тех пор он не принимал императорского титула, продолжал называться великим князем, не решался давать «высочайшие повеления». Михаил Павлович получил письмо брата только в 2 часа дня 13 декабря и, как он ни спешил, приехал в столицу только к 8 утра 14 числа.

В собранном с вечера 13 декабря торжественном заседании Государственного совета ждали до половины одиннадцатого ночи. Не дождавшись Михаила, вынуждены были проводить заседание без него. *«Я выполняю волю брата Константина Павловича»*, – сказал Николай, далее зачитал манифест о своём восшествии на престол с приложенными к нему документами. Государственный совет принёс присягу новому императору. На следующее утро, 14 декабря, была назначена новая присяга в Сенате и в войсках петербургского гарнизона.

Накануне восстания

После немедленной присяге Константину лидеры тайного общества узнали (благодаря связям князя Трубецкого) о возможном отречении Константина и правах Николая на престол. Думается, что мысль о возникновении ситуации, идеально подходящей для попытки переворота, не могла не прийти им в голову. Им стало известно, что ведутся какие-то переговоры между Николаем и Константином. После 6 декабря лидерам тайного общества стало ясно, что желаемая ситуация приближается наверняка. *«Из Москвы прискакал к нам Иван Иванович Пущин разделить с нами и горе и радость. Тут всё пришло в движение, и вновь надежда на успех блеснула во всех сердцах»*, – вспоминал Оболенский. Период апатии закончился. *«Теперь или никогда!»* – стало девизом заговорщиков.

Обсуждение различных планов переворота постепенно свелось к следующему: отказ от новой присяги в полках и вывод войск на Сенатскую площадь; арест царской семьи (эти действия должен был возглавить полковник Трубецкой, по своему усмотрению, как выбранный диктатором); принудить Сенат – коли Цесаревич отказывается от престола – принять манифест о назначении временного правления и выборов в учредительное собрание, которое и должно определить форму будущего управления государством. Состав временного правления предполагался из двух либо трёх членов Государственного совета с присоединением к ним одного из членов тайного общества, как правителя дел.

Чтобы поднять войска, тайному обществу нужны были строевые офицеры. Рассчитывали на Измайловский, Гренадёрский и Московский полки, в которых были связи, и моряков Гвардейского экипажа. Увлечь полки конституционными лозунгами в тот период никто бы не смог. Опорная точка заговора – верность войск присяге Константину и их нежелание присягать Николаю, и это настроение надо использовать. Для предстоящих действий важен был Финляндский полк, 1-й и 2-й батальоны которого – две тысячи штыков – стояли вместе на 19-й линии Васильевского острова, в десяти минутах беглого шага от Сената через наплавной Исаакиевский мост.

Приехав в Петербург в отпуск и побывав у Рылеева, Иван Пущин 10 декабря встретился с Николаем Репиным, штабс-капитаном Финляндского полка, своим старым знакомым по совместной службе в артиллерии. Пущин хотел узнать, есть ли надежда, что полк не присягнёт, и в общих чертах рассказал о планах заговорщиков. Думается, Пущин был уверен в порядочности своего знакомого, ибо для узнавания подробностей он привез Репина к Рылееву, где находились Трубецкой и Оболенский. Лидеры тайного общества подробно посветили Репина в свои планы и, как он показал на следствии: *«...признаюсь, что, убеждённый их рассуждениями, я был на сие согласен»*. В зиму 1825 г. третьи батальоны гвардейских пехотных полков располагались в окрестностях Петербурга. Рота Репина находилась за городом, а он, по болезни, не мог присутствовать при полку. Тем не менее он согласился собрать у себя на следующий день молодых офицеров из находившихся в городе батальонов, а Оболенский обещал приехать на эту встречу.

«10 декабря вечером получил я записку от товарища капитана Н. П. Репина, – вспоминает А. Розен в «Записках декабриста», – в которой он просил меня немедленно приехать к нему; это было в 8 часов. Я тотчас поехал, полагая, что он имел какую-нибудь неприятность или беду; я застал его одного в тревожном состоянии. В кратких и ясных словах изложил он мне дело важное, цель восстания, удобный случай действовать для отвращения гибельных междуусобий». Репин спросил, можно ли надеяться на присоединение 1-го батальона, но Розен заявил ему, что можно положиться на готовность молодых офицеров, но отнюдь не на ротных командиров. Договорились, что завтра Андрей будет у Репина.

На следующий день, 11 декабря, у Репина собрались девять молодых офицеров-финляндцев и Андрей Розен. Оболенский изложил программу действий и подлинные причины выступления тайного общества (думается, что об аресте царской семьи он умолчал). Было решено не присягать, если будут принуждать к присяге, собраться на Сенатскую площадь и остаться верноподданными государю Цесаревичу. Но даже при всём энтузиазме офицерской молодёжи услышать такое было неожиданно. Розен высказал Оболенскому общую мысль, что, *«жертвуя всем для пользы отечества в столь важном случае, каков ныне предстоит, желают быть сколь возможно более уверенными в содействии других полков»*. *«То, что мы не одни в сем согласны, – сказал князь Оболенский, – могу доказать вам завтра, приезжайте ко мне один или двое и убедитесь, увидя офицеров других полков»*. Все просили, чтобы ехали Розен с прапорщиком Богдановым.

На другой день, 12 декабря, Розен и прапорщик Богданов приехали к Оболенскому, где собрались уже Рылеев, Трубецкой, Александр Бестужев и представители от полков. Повторен был разговор, который произошёл накануне. Князь Трубецкой был представлен начальствующим над войском. *«Все из присутствующих были готовы действовать, – вспоминает А. Розен, – все были восторженны, все надеялись на успех, и только один из всех поразил меня совершенным самоотвержением; он спросил меня наедине: можно ли положиться наверно на содействие 1-го и 2-го батальонов нашего полка; и когда я представил ему все препятствия, затруднения, почти невозможность, то он с особенным выражением в лице и в голосе сказал мне: “Да, мало видов на успех, но всё-таки надо, всё-таки надо начать; начало и пример принесут плоды”. Ещё теперь слышу звуки, интонацию – всё-таки надо, – то сказал мне Кондратий Фёдорович Рылеев»*.

В Московском полку у лидеров общества была надежда на 3-ю фузилёрную роту штабс-капитана Михаила Бестужева. В гвардейских пехотных батальонах того времени состояло по четыре роты, каждая имела 230 штыков, не считая музыкантов. С целью склонить к выступлению других ротных командиров М. Бестужев пригласил 11 декабря на встречу с братом Александром своих товарищей, штабс-капитана Щепина-Ростовского, – командира 6-й фузилёрной роты; штабс-капитана Волкова – командира 5-й фузилёрной роты – и подпоручика князя Кудашева. Сначала они побывали у Рылеева, где обсуждались слухи о будущей переприсяге, об аресте великого князя Михаила, а затем перешли к А. Бестужеву. Офицеры согласились, что надо держаться прежней присяги Константину и стараться личным примером увлечь солдат на Сенатскую площадь.

На следующий день Щепин был у Оболенского на сборе представителей от полков. *«...У него были многие... и там меня удостоверили в святости нашего предприятия и всеобщем участии в оном других полков»*. 13 декабря появилась определённая, что новая присяга состоится на следующий день. На квартире Щепина (он жил в казармах Московского полка) собрались М. Бестужев, Волков, Кудашев, поручик Брокке – временный командир 2-й фузилёрной роты – и капитан Корнилов, командир 2-й гренадёрской роты. Как Щепин показал позже на следствии: *«Поклялись пролить последнюю каплю крови за Императора Константина!»*

В Гренадёрском полку пропагандистскую работу возглавлял поручик А. Сутоф, а в Гвардейском морском экипаже – лейтенант А. Арбузов. И тот и другой последнюю неделю перед выступлением были постоянными гостями Рылеева. Поднимать нижних чинов на протест планировалось в момент принуждения к повторной присяге. Это сыграло свою отрицательную роль, так как переприсяга проходила в полках не одновременно. В результате мятежные батальоны выходили на Сенатскую площадь в разное время и к моменту, когда вышли последние из Гренадёрского полка, восставшие были окружены верными правительству войсками. Как пока-

зали дальнейшие события, те младшие офицеры Измайловского полка, на которых была надежда, не сумели возмутить солдат.

Гвардейский морской экипаж представлял из себя батальон, состоящий из восьми строевых рот половинного состава, ластовой роты и артиллерийской команды с четырьмя пушками. Командиром 3-й роты являлся младший брат Вильгельма Кюхельбекера, Михаил Карлович, лейтенант флота. Они были погодками. После переезда из Москвы в Петербург, в апреле 1825 г., Вильгельм поселился у брата в казармах морского экипажа. В отличие от старшего брата, который никак не мог заняться чем-то определённым, ибо поэзией прокормиться у него не получалось, Михаил был деловит, морская служба шла у него успешно. В 1821–1824 гг. он совершил дальнее плавание на шлюпе «Аполлон» и был награждён орденом св. Владимира IV степени.

Вильгельм по приезде перезнакомился с товарищами брата по батальону, возобновил все старые связи с литераторами, сошелся с Рылеевым и А. Бестужевым. Занимался литературной работой у издателей Булгарина и Греча. Как показал Кюхельбекер на следствии, Рылеев принял его в тайное общество спустя несколько дней по получении известия о смерти Государя. В том, что Вильгельм сразу согласился, нет ничего удивительного. Ещё лидеры «Союза благоденствия» обратили на него внимание из-за его свободомыслия. В упомянутой выше «Записке» Бенкендорфа говорилось, что тайное общество планировало издавать журнал, участвовать в котором «также брался Чаадаев, Кюхельбекер (молодой человек с пылкой головой, воспитанный в Лицее...)». Думается, что Рылеев, поняв его восторженную душу, как поэт поэта, принял Кюхельбекера в общество, чтобы был под рукой, как помощник. Как участника тайного общества Вильгельм, кроме Рылеева, знал только князя Александра Одоевского – корнета лейб-гвардии Конного полка, тоже поэта. По приглашению Одоевского, за два месяца до восстания, Кюхельбекер со своим человеком переселился к нему в квартиру.

День 14 декабря – Московский полк

Восстание 14 декабря 1825 года началось с восстания в лейб-гвардии Московском полку. Примерно в 9 утра батальонные и ротные командиры были вызваны к командиру полка генерал-майору П. А. Фредериксу, только что вернувшемуся из дворца. (Ещё на рассвете были собраны во дворце все генералы и полковые командиры гвардии, где Николай лично объяснил им дело об отречении Константина, прочёл все документы и приказал привести к присяге воинские части. Выйдя из дворца, все эти командиры пошли к присяге в Главный штаб и разъехались по полкам). Фредерикс объявил собравшимся письмо Константина о добровольном отречении от престола, зачитал духовную Александра, манифест о вступлении на трон императора Николая и предупредил офицеров, чтобы все нижние чины были в готовности к повторной присяге. Потом все товарищи Щепина снова собрались у него. Обескураженные офицеры, ещё вчера бывшие уверенными в том, что Константина Павловича намеренно отстраняют, похищая престол у законного наследника, услышали о добровольном его отказе от царствования. Капитан Корнилов объявил, что в таком случае нельзя отказаться от присяги. Как показал Щепин на следствии: «...но мы приписали сие его трусливости, и однако ж сами было решились не сопротивляться, но приезд Александра Бестужева решил всё».

Действительно, появление в казармах штабс-капитана А. Бестужева в блестящем адъютантском мундире с аксельбантами (он служил адъютантом герцога Виртембергского, главноуправляющего путями сообщения) перевернуло всю ситуацию. Он тут же объявил, что всё услышанное ими от Фредерикса – неправда; что отречение Константина – подложное, а сам он задержан в Варшаве; что Михаил

Павлович находится в цепях в четырёх станциях от Петербурга, что всё начальство в обширном комплоте (заговоре). А. Бестужев и воспрямившие духом Щепин и М. Бестужев пошли по казарме, переходя из роты в роту, говоря солдатам держаться прежней присяги, коли крест целовали, у нас один бог и государь один и пока не увидим его высочества шефа полка (великого князя Михаила Павловича), присягать не будем. *«В день 14 декабря он кипел и говорил красно...»*, – показал на следствии Александр Бестужев о Дмитрие Щепине.

Начали спешно выводить солдат на полковой двор. Примерно в это время, около 10 утра, к Фредериксу приехал бригадный командир генерал-майор В. Н. Шеншин, и офицеров снова затребовали к командиру полка. Видимо, у генералов была договорённость не начинать новой присяги, пока не придет командир бригады. А на дворе остались распоряжаться трое – братья Бестужевы и Щепин. Дмитрий Александрович начал входить в раж. Послал фельдфебеля за своей черкесской саблей. Барабанщикам приказали бить тревогу. Барабанную дробь слышали вновь собравшиеся офицеры у командира полка, все бросились вниз, но было уже поздно. Роты начали выходить на Фонтанку. В этой сумятице забыли о знамёнах, остановились, вернулись, в драке за знамёна одно порвали, двинулись снова.

Полковник П. К. Хвоцинский, командир 2-го батальона, пытался увещевать Бестужевых – тщетно, Щепин рубанул его саблей. Командир полка, стоя в воротах, пытался остановить солдат – тщетно, Щепин рубанул его несколько раз по голове. Досталось и генералу Шеншину. Щепин, повалив его сабельным ударом, продолжал махать саблей, от которой тот отбивался ногами. Он, наверное, убил бы бедного генерала, если бы стрелок Харлам Григорьев не подставил ружьё под его саблю. За этот «подвиг» Григорьев был произведен в унтер-офицеры, награждён серебряной медалью «За спасение человечества» и получил 500 р. серебром. Когда позже на следствии Щепина спросили: *«Как вы дерзнули даже поднять руку на начальников своих?»*, он ответил: *«Я тогда почитал их не начальниками, а преступниками»*.

Зрелище гвардейцев, шедших с громкими криками: «Ура! Константин!» со знаменем под барабанный бой по Гороховой, потрясло столицу. Снова, как в старые времена, гвардия открыто вмешалась в политику. Князь Дмитрий Александрович Щепин-Ростовский, *«признанный обоими Бестужевыми начальником всего и всеми людьми вообще»*, повёл солдат на Сенатскую площадь. Всего, согласно полковому расследованию, Щепину и братьям Бестужевым удалось вывести 671 человека, общей численностью почти три роты: 3-ю и 6-ю фузилёрные полностью и часть от 2-й, 5-й фузилёрных и 1-й гренадёрской. Прибыв на площадь, примерно в половине 11 утра, войска были построены в каре (четырёхугольником) рядом с памятником Петру I. Мятажники стояли в мундирах и, хотя мороз был примерно 8 градусов, но с ветром.

День 14 декабря – Финляндский полк

Лейб-гвардии Финляндский полк принадлежал к составу егерской или легкой пехоты. Вместо гренадёрских старшие роты в нём и старшие взводы этих рот именовались «карабинерными». Вторые взводы этих рот именовались стрелковыми, а прочие роты и взводы вместо фузилёрных именовались «егерскими». В батальонах также по четыре роты, а в ротах также по два взвода. Егеря были вооружены только ружьями, тесаков не имели. Андрей Розен командовал стрелковым взводом карабинерной роты 1-го батальона. 2-й батальон Финляндского полка в день 14 декабря должен был занять караулы в Зимнем дворце. Руководители заговорщиков накануне пытались склонить на свою сторону командира батальона полковника А. Ф. Моллера, давнего члена тайного общества, но безуспешно.

В ночь на 14 декабря офицеры полка получили уведомления прибыть на квартиру полкового командира в 8 утра. Командир полка генерал-майор Н. Ф. Воропанов приехал в 9 утра и «поздравил нас с новым императором. Я спросил его превосходительство: “Где наш государь-цесаревич?” Генерал ответил мне: “Вот я сейчас прочту и узнаете”, после чего его превосходительство читал высочайший манифест и отречение от престола государя-цесаревича. Я присягнул вместе с полком...», – показал позже Розен на допросе. Стрелковый взвод Розена не присягал, так как в ночь накануне 14 декабря занимал караулы в Галерной гавани и не успел смениться.

«Воротившись домой, получил записку Рылеева, – пишет Розен в воспоминаниях, – по коей меня ожидали в казармах Московского полка... Въехав на Исаакиевский мост, увидел густую толпу народа на другом конце моста, а на Сенатской площади каре Московского полка. Я пробился сквозь толпу, прошёл прямо к каре, стоявшему по ту сторону памятника, и был встречен громким “ура!”. В каре стоял князь Д. А. Щепин-Ростовский, опершись на татарской сабле, утомившись и измучившись от борьбы во дворе казарм... Всех бодрее в каре стоял И. И. Пущин, хотя он, как отставной, был не в военной одежде; но солдаты охотно слушали его команду, видя его спокойствие и бодрость. На вопрос мой Пущину, где мне отыскать князя Трубецкого, он мне ответил: “Пропал или спрятался, – если можно, то достань ещё помощи, в противном случае и без тебя тут довольно жертв”».

Было около 12 часов дня. Московцы стояли у Сената, окружённые возбуждённой толпой. Правительственных войск на площади ещё не было. Розен бросился обратно в казармы своего полка, где оставался 1-й батальон и куда только что успел вернуться его взвод. У казарм он застал командира батальона полковника А. Н. Тулубьева и других офицеров.

Из показаний Розена на допросе: «Говорил им, что был в каре возмущившихся, что все полки идут к площади и что нам должно туда же идти. Полковник Тулубьев на то согласился, и я вбежал во двор казарм и закричал на дворе: “Выходи!” Батальон выстроился одетый, в мундирах и киверах, и был тотчас распушен в казармы с тем, чтобы совсем раздеваться, но через минуту получил опять приказание переодеваться в шинели и фуражки, и взять боевые патроны».

Получается какая-то несуразица. Просто Андрей Розен «забыл» на допросе упомянуть, что, когда батальон был готов к выступлению, на полковом дворе появился штабс-капитан Репин, который при всех заявил, что граф Милорадович убит, а генералы Шеншин и Фредерикс ранены. Видимо, услышанное было слишком для полковника Тулубьева, судьба Милорадовича оглушила его, и он приказал распустить батальон. Появление батальона финляндцев на Сенатской площади (а это тысяча штыков) могло круто изменить всю обстановку. Повторное выстраивание батальона произошло после получения приказа от подоспевшего бригадного командира генерал-майора Е. А. Головина. Под его командой батальон двинулся в сторону Сенатской площади против мятежников. А полковник Тулубьев остался, за самовольный вывод батальона в отношении него велось следствие, и он был отправлен в отставку в январе 1826 г.

Из показаний Розена на допросе: «Взойдя на мост, выстроили взводы, на половине моста остановились в сомкнутых ротных колоннах и там было приказано заряжать ружья. По зарядании сказано было: “Вперёд!” Карабинерный взвод тронулся с места в большом замешательстве, а мой стрелковый взвод закричал громко три раза: “Стой!” Капитан Вяткин тотчас обратился к моему взводу, убеждал людей, чтобы следовали за карабинерным, но тщетно...» Подъехавшим генералам, со слов Андрея Розена, взвод отвечал: «Мы не знаем, куда и на что нас

ведут. Ружья заряжены, сохрани бог убить своего брата, мы присягали государю Константину Павловичу, при присяге и у обедни целовали крест».

Генерал Головин так рассказывает об этом в своём донесении: «Подходя к мосту, рассудил я нужным оставить на всякий случай 3-ю егерскую роту у проложенной через лёд дороги для охранения оной, а три роты повёл на мост, построив в густую взводную колонну и зарядив ружья... Три роты Финляндского полка, со мною прибывшие, прошли уже за половину моста, как вдруг на площади открылся довольно сильный ружейный огонь, и в то же время в середине колонны закричали: “Стой!” По сему крику вся колонна остановилась и пришла в некоторое замешательство. Крик сей, как после уже объяснилось, возбуждён был поручиком бароном Розеном...».

Произошло одно из тех событий, которые определяют судьбу человека. И поручик Андрей Евгеньевич Розен свой выбор сделал. «...Не желая напрасно жертвовать людьми, а также, не будучи в состоянии оставаться в рядах противной стороны, – я решился остановить взвод мой...» Стоявшие сзади две егерские роты могли смять стрелковый взвод, но они не хотели этого делать. «...Эти роты не слушались своих командиров, говоря, что впереди командир стрелков знает, что делает». Почти 600 солдат не трогались с места более двух часов, ожидая развязки. Шальные пули свистели у них над головами. Финляндцы освободили Исаакиевский мост уже после картечного расстрела на Сенатской площади.

День 14 декабря – Вильгельм Кюхельбекер (Кюхля)

Рано утром, примерно в девятом часу, Вильгельм получил записку от Рылеева, прочитав которую, быстро собрался и вышел из квартиры. Рылеев и находившийся у него Пущин послали его на Сенатскую площадь. «Они мне сказали, что полки должны сего утра присягать Государю Николаю Павловичу, что многие из оных на сие не согласны, и чтобы я отправился на площадь, где дождался пришествия войск, к коим присоединившись, кричал бы: “Ура Константину!” Придя на площадь и никого не найдя, я несколько подождал и наконец, пройдя домой, встречался с Одоевским. Он мне дал один пистолет из двух, коими был вооружён; потом пошли мы к Рылееву. Здесь хотели меня послать, во-первых, в конную артиллерию, ...но потом решили мне ехать в Морской экипаж». Так начался этот день для Кюхли, судя по его показаниям на следствии.

Морской экипаж он застал в волнении. Здесь так же, как в Московском полку, утром командир батальона капитан 1-го ранга П. Ф. Качалов собрал офицеров, зачитал отречение Константина и манифест о вступлении на престол Николая, и объявил о предстоящей присяге новому императору. Но присягу не начинал, дожидаясь бригадного командира генерал-майора С. П. Шипова. Командиры рот просто объяснили нижним чинам – сегодня имеет быть присяга другому царю, а наш прежний государь Константин Павлович жив; как вы хотите, ребята, так и поступайте, мы вас неволивать не будем; помните только, что вы целовали крест и евангелие. Лейтенант Михаил Кюхельбекер показал на следствии, что побуждением к возмущению было и то, что кто-то во фраке, приехав в батальон, кричал: «Ребята, император Константин приехал!»

Когда на следствии спрашивали Кюхлю о Каховском (а именно он был «во фраке»), Кюхля рассказал, что 14-го числа, сходя с крыльца офицерских казарм, видел, как тот бежал через двор, а за ним гнались солдаты и сорвали с него шинель. Каховский был задержан, как подозрительный, унтер-офицером Рохиным, но мичманы Дивов и Бодиско приказали его отпустить. Отпустили будущего убийцу графа Милорадовича. Кюхля, встретившись с братом и с Арбузовым, узнал от них о возмущении в Московском полку, буйство в котором ужаснуло моряков. «Спросил их,

что они полагают делать? Они мне сказали, чтоб я узнал на площади и в Московском полку, что происходит. На площади я нашёл уже толпу москвичей, окружённую народом, ...и возвратился в экипаж, но меня более в оный не пустили». Затем он снова отправился на Сенатскую площадь и встал в каре к Щепину-Ростовскому. «Полчаса спустя присоединилась к оному рота лейб-гвардии Гренадёрского полка и, наконец, Гвардейский экипаж, к которому последнему я пристал. Брат меня уговаривал удалиться следующими словами: “сохрани по крайней мере одного сына матери”. Но я остался».

Для Вильгельма эти события, эта масса вооружённых людей (некоторых он хорошо знал), это нервное ожидание противоборства с верховной властью представлялись как торжественный упоительный праздник единения немногих против многих. Людям запомнилась его долговязая нескладная фигура с торчащим из кармана шинели пистолетом. Ещё до прибытия гренадёров в каре Московского полка появились Рылеев, Оболенский, Каховский, Пущин. Кюхля на восклицание Пущина: «Где же Трубецкой и прочие?» заявил, что он знает, где дом Лаваля (тестя Трубецкого), и сам вызвался сходить туда. Трубецкого он не нашёл, во время его отсутствия был смертельно ранен Каховским граф Милорадович. Генерал-губернатор Петербурга пытался уговорить мятежников образумиться и погиб.

Поручик Александр Суттоф привёл на Сенатскую площадь 1-ю роту лейб-гвардии Гренадёрского полка около 1 часу дня. Они обнялись и расцеловались с Дмитрием Щепиным – москвичи стояли одни более двух часов. Прибывший следом под водительством капитан-лейтенанта Николая Бестужева гвардейский морской экипаж – 1100 человек, почти в полном составе, с артиллеристами, но без орудий встал на площади отдельной колонной «к атаке». Почти все ротные командиры были при своих ротах. Это была самая сплочённая и боеспособная единица среди мятежных войск, но восставшие уже были полуокружены правительственными войсками, и через полчаса начались первые атаки конной гвардии. В начале третьего часа к восставшим примкнули, под водительством поручика Николая Панова, остальные лейб-гренадёры (кроме двух рот, стоявших в карауле в Петропавловской крепости). Они стали в каре, окружив и поместив внутри изнемогавших после долгого стояния москвичей. Общее число восставших войск составило примерно 3000 штыков, а их окружало 12000 пеших и конных.

Надо отдать должное новому императору, его твёрдым, быстрым и целесообразным распоряжениям по сбору войск и окружению мятежников. Николай Павлович, убедившись, что кавалерийским наскоком не победить, решил испытать последнее средство – послать парламентариев. К восставшим направились Петербургский митрополит Серафим и митрополит Киевский Евгений. Так получилось, что они разговаривали с моряками. Но офицеры не допустили митрополитов до батальона шагов пятнадцать и «возражали на слова его высокопреосвященства изъяснением сомнения». По сути, все увещевания духовных особ были отвергнуты восставшими: «Это дело не ваше, мы знаем, что делаем; пошлите к нам великого князя Михаила Павловича – мы с ним хотим говорить». После словесной перепалки митрополиты поспешно удалились через пролом в заборе стройки Исаакиевского собора.

Теперь настала очередь великого князя Михаила, тем более что все восставшие войска на площади были из его 1-й пехотной дивизии. Он появился верхом между каре гренадёров и колонной Морского экипажа, но обращался в основном к морякам. И тут пробил час Вильгельма. Официальная версия гласит, что покушение на жизнь Михаила Павловича предотвратили три матроса – Дорофеев, Фёдоров и Куроптев, выбив пистолет из рук Кюхельбекера. Вильгельм на следствии объяснил: «Когда же Великий князь подъехал, и люди начали слушать его слова, то Пу-

цин спросил по-французски, вызвав меня с другой стороны, где я стоял: хочу ли я его из пистолета ссадить. Тут меня двинули вперёд и я, зная по опыту, что мой пистолет замокли стрелять не может, и сверх сего боясь, чтобы на сие другой кто не решился, прицелился: но люди гвардейского экипажа отвели мою руку прочь». То есть никто у него пистолет не выбивал. Тем не менее эти матросы стали в одночасье героями и получили каждый пожизненный пенсион в 200 рублей серебром.

Но было совсем не так. Каховский на следствии показал: «...он, Кюхельбекер, покушался убить Великого князя, его остановил Бестужев, адъютант флотского начальника; а я Кюхельбекера остановил выстрелить по генералу Воинову». Мичман Пётр Бестужев, адъютант командира Кронштадского порта, упрямо примкнул к своим старшим братьям и оказался на площади, хотя они пытались отправить его обратно в Кронштадт. Уличённый Каховским, он вынужден был рассказать следственному комитету про Кюхельбекера: «В это самое время, когда его высочество Михаил Павлович подъехал к фронту и уговаривал солдат, стоял я за вторым взводом Гвардейского экипажа и внимательно слушал слова его. В сию самую минуту, чрез правое плечо моё, сзади выставился пистолет, направленный прямо в великого князя; я оглянулся, это был Вильгельм Кюхельбекер. Первое моё движение было отвести его руку, сказав: “Кюхельбекер! Подумайте, что вы делаете?” Он посмотрел на меня, не отвечал ничего, спустил курок, но пистолет осёкся. После сего видел я действительно, что Каховский взял пистолет от Кюхельбекера и ссыпал с полки порох; но вскоре Кюхельбекер опять хотел стрелять, в генерала Воинова, но пистолет опять осёкся. Прежде не говорил я ничего о сем поступке г. Кюхельбекера, потому что видел в нём незлого человека, но энтузиаста, который, в чаду непонятого ослепления, мог сделать преступление. ...Искренно жалею об нём! Он был добродетельный, чувствительный безумец». Кюхля почти теми же словами ответил на вопрос следствия, когда его просили объяснить, с каким намерением хотелось ему нанести удар великому князю, а затем генералу Воинову: «Бог ослепил меня тогда за грехи мои».

Попытка устрашения великого князя удалась, он ускакал прочь. Далее к морьякам подъехал командир гвардейского корпуса генерал Воинов. Когда Кюхля начал выцеливать генерала, то матросы закричали Воинову, чтобы его предостеречь. Заслуженный генерал не обратил на это никакого внимания, заявив: «Пушай стреляют, я исполняю свой долг и не боюсь смерти!» Но попытка склонить к присяге моряков не удалась и генералу Воинову. Ни та, ни другая сторона не хотели уступать. У восставших была надежда, что с наступлением темноты часть правительственных полков перейдёт на их сторону. Император Николай боялся того же, и в пятом часу заговорили пушки. Восстание было разгромлено. В тот же день начались аресты.

Эпилог

Император Николай писал в «Записках»: «Не могу припомнить, кто первый приведён был, кажется мне – Щепин-Ростовский. Он, в тогдашней полной форме и в белых панталонах, был из первых схвачен, ...ему стянули руки назад верёвкой, и в таком виде он был ко мне приведён. Подозревали, что он был главное лицо бунта; но с первых его слов можно было удостовериться, что он был одно слепое орудие других и подобно солдатам завлечён был одним убеждением, что он верен императору Константину». Андрея Розена арестовали на следующий день.

Кюхля, вернувшись домой невредимым, приказал своему человеку Семёну Балашову немедленно одеваться и идти за собой. Когда тот спросил, кому поручить квартиру и вещи, то получил ответ: «Бросай всё, голова дороже имения». Взяв с собой самое необходимое, они на извозчике доехали до Обуховской заставы,

а оттуда, пройдя переулками мимо заставы, пешком вышли из города. Они скитались и прятались по родным и знакомым больше месяца. 19 января 1826 г. Вильгельма арестовали в предместье Варшавы и после допроса у Константина Павловича отправили в Петербург. Во время следствия, 30 марта 1826 г., была устроена очная ставка между Кюхельбекером и Пуцциным. Кюхля утвердительно показал, что Пуццин вызвал его ссадить Михаила Павловича, в которого он и целился. Пуццин, отрицая показания Кюхельбекера, *«утвердительно говорил, что... не может сего взять на себя, ибо не имел о том и мысли»*.

Дмитрий Щепин-Ростовский за участие в мятеже был осуждён по I разряду к смертной казни, которая по указу-конфирмации императора от 10.06.1826 г. была заменена вечной каторгой, срок которой 22.08.1826 г. (в честь коронации Николая I) был сокращён до 20 лет с последующей пожизненной ссылкой на поселение в Сибири. После отбытия каторги, которая указом 14.12.1835 г. была сокращена до 13 лет, жил с 1839 г. на поселении в селе Тасеевском Енисейской губернии. По ходатайству матери был переведён в Курган, куда прибыл 15.10 1842 г. и где прожил 14 лет.

Вильгельм Кюхельбекер также был осужден по I разряду к смертной казни, которая по конфирмации (учитывая ходатайство великого князя Михаила Павловича) была заменена 20-летней каторгой, срок которой 22.08.1826 г. был сокращён до 15 лет с последующей пожизненной ссылкой на поселение в Сибири. По Высочайшему повелению вместо каторги находился в заключении в крепостях, последней из которых был Свеаборг. Все годы заключения совесть Кюхли тревожило, что он обвинил И. Пуццина безвинно. 2 апреля 1832 г., находясь в свеаборгской крепости, он подал по начальству многословное признание в невиновности Пуццина. А. Бенкендорф в письме свеаборгскому коменданту сообщил, что признание Кюхельбекера *«не заслуживает никакого уважения»* и впредь никаких бумаг от него не принимать. По указу 14.12.1835 г. освобождён и отправлен на поселение в г. Баргузин Иркутской губернии. В 1839 г. по своему ходатайству был переведён в Акшинскую крепость, а оттуда в Курган, куда прибыл с семьёй 25.03.1845 г. В Кургане Вильгельм прожил 11 месяцев и, совсем больной, переехал с семьёй в Тобольск.

Андрей Розен был осуждён по V разряду на 10 лет каторги, император приговор смягчать не стал; 22.08.1826 г. срок каторги был сокращён до 6 лет с последующей пожизненной ссылкой на поселение в Сибири. После отбытия каторги обращён на поселение в Курган, куда прибыл с семьёй 19.09.1832 г. и где прожил 5 лет.

К восстанию 14 декабря историки относятся по-разному. Диапазон мнений огромный – от героизации до резкого осуждения. Но, независимо от оценок, восстание на Сенатской площади остаётся выдающимся историческим событием, а активные участники восстания являются историческими лицами. Их деяния изучаются, о них пишут книги. Трое из этих людей жили в нашем городе, ходили по тем же улицам, что и мы. Думается, что благодаря им и наш город вошёл в историю.

Литература:

1. «Восстание декабристов», т. I, II, XIV, XV, XXI;
2. Гордин Я. А. «Мятеж реформаторов», СПб, 2015;
3. «Декабристы», биографический справочник, изд. «Наука», 1988;
4. «Декабристы в воспоминаниях современников», изд. МГУ, 1988;
5. «Мемуары декабристов. Северное общество», изд. МГУ, 1981;
6. «Николай I», сост. В. В. Лапин, Я. А. Гордин, серия «Государственные деятели России глазами современников», СПб, 2023;
7. Пресняков А. Е. «14 декабря 1825 года», Габаев Г. С. «Гвардия в декабрьские дни 1825 года», Гос. изд. М.–Л., 1926;
8. Розен А. Е. «Записки декабриста», Иркутск, 1984.

«Принадлежал к числу исключительных натур...»

200-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ
НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ
ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Можно полагать, что при новом императоре ему была суждена блестящая карьера. Поручик лейб-гвардии Финляндского полка барон Андрей Евгеньевич Розен происходил из эстляндских дворян, бывших по природе своей ревностными службистами, но даже среди них он отличался особенными исполнительностью и дисциплиной.

В своих воспоминаниях Розен писал так: *«Казалось, сама природа создала меня быть экзерцирмейстером, потому что эта наука не стоила мне ни труда, ни больших приготовлений, как большей части моих сослуживцев. Глаз, привыкший с малолетства к порядку и к симметрии, рост мой и телосложение, звучный голос, знание устава, а всего больше – любовь и привязанность ко мне солдат сделали из моей учебной команды одну из лучших».*

Экзерцициями в то время назывались строевые занятия – одна из основных дисциплин в обучении войск, – а экзерцирмейстерами были, соответственно, те, кто обучал солдат таковой науке – «фрунтовой акробатике», как иронизировали вольнодумцы. «Фрунт» (он же «фронт») означал солдатский строй. Не стоит думать всё же, что это была просто бессмысленная, никчёмная муштра: в те времена подразделения в основном действовали на поле боя плотными массами, так что, в частности, в случае атаки кавалерии, только выученные, вымуштрованные солдаты могли мгновенно составить четырёхугольное каре, частокол штыков которого останавливал даже законных в латы кирасир.

Из очерка в дореволюционном «Русском биографическом словаре» можно узнать, что в 1825 году поручик Розен, как опытный офицер, *«был отправлен в Ораниенбаум <пригород Санкт-Петербурга, одна из царских резиденций> для обучения учебной команды и несколько раз заслуживал особенное внимание великого князя Николая Павловича. “Вот оно! Знает своё дело! Славно!” – восклицал великий князь, когда Розен в его присутствии, по всем правилам искусства, произвёл караульную смену в дворцовом карауле. Адъютант Кавелин привёз Розену благодарность великого князя, а затем с тем же приехал и другой его адъютант Адлерберг; когда же великий князь садился в коляску, он сам приветствовал барона. С тех пор благодарностям не было конца – и слава Розена прогремела по всем полкам. Был случай, когда великий князь, взяв Розена под руку, прошёл с ним вдоль манежа, изъявляя ему своё благоволение».*

Великий князь Николай Павлович в том же самом 1825 году станет императором и будет, говоря современным языком, «формировать свою команду». Нет сомнения, что барон Розен мог занять в ней вполне достойное место, так что как минимум флигель-адъютантский аксельбант, а позже – генеральские эполеты ему были обеспечены. Между прочим, в XVIII – начале XX веков двадцать восемь представителей фамилии Розен (не обязательно родственники) имели генеральские и адмиральские чи-

Бондаренко
Александр Юльевич

Писатель, военный журналист. Член Союза писателей России, член Совета по историческому просвещению при Союзе писателей России, автор 14 книг серии ЖЗЛ, автор-составитель книжной серии «Полки Русской армии» (издательство «Красная звезда»), трижды лауреат Премии Службы внешней разведки, лауреат 1-й премии ФСБ, литературных премий: «Александр Невский», «Щит и меч Отечества», «Имперская культура» и др.

Родился в Ленинграде в 1955 г. После окончания факультета журналистики Львовского высшего военно-политического училища проходил службу в различных органах военной печати. С 1989 г. – в газете «Красная звезда», где долгое время руководил отделом истории, литературы и искусства; полковник в отставке. Проживает в г. Москва.

В «Тоболе» публикуется впервые.

ны, так что он вполне мог стать двадцать девятым. Тем более что тогда он занимал должность полкового адъютанта, а значит – был на виду у начальства.

В том же 1825 году поручик женился на сестре своего недавнего полкового товарища Ивана Васильевича Малиновского, Анне Васильевне. Малиновский, в марте вышедший в отставку в чине полковника, был сыном первого директора Царскосельского лицея, лицеистом первого выпуска и одним из ближайших друзей Александра Сергеевича Пушкина. Жена у него считалась по тем временам не молоденькой – двадцати семи лет от роду, – но зато супругой оказалась замечательной: не раздумывая, последовала за мужем в Сибирь, и прожили они вместе без малого шесть десятилетий. Но это – в будущем, а пока, связав себя узами брака (что не часто делали молодые офицеры), он тоже обеспечивал свои перспективы, потому как знаменитые «гвардейские проказы» и прочие приключения были обычно не для женатых. В общем, молодому супругу следовало вести правильную и размеренную жизнь, что всегда нравилось начальству.

Считается, что Розен не был членом тайного общества (так и указано в материалах Следственного комитета) и вообще, как подавляющее большинство русского офицерства во все времена, политикой не интересовался, и совершенно случайно оказался прикосновенен к восстанию. *«Политика – не дело воина»*, – однозначно написано в предисловии к *«Сборнику биографий кавалергардов»*, дореволюционному изданию. Однако известно, что в деле декабристов осталось очень много невыясненного и недосказанного – открывать всю правду было невыгодно не только самим «государственным преступникам», но и следователям. Таким образом, масштабы заговора и его во многом справедливые цели так и остались неведомы широкой публике.

27 ноября всё того же 1825 года в Таганроге внезапно скончался император Александр I. А может, и не скончался, но просто устал управлять громадной империей – недаром же он говорил: *«Солдату и тому после 25 лет службы отставку дают!»*, и рассуждал, что и ему пора на покой. Были к тому же у него угрызения совести – четверть века назад Александр занял трон, обогранный кровью отца, убитого с его же молчаливого согласия, и это не давало покоя его глубоко религиозной душе. Да много чего ещё было, из-за чего он мог принять какие-то тайные решения... Но, как бы то ни было, государь, не жалуясь на здоровье, уехал на юг с больной супругой, и вдруг уже Елизавета Алексеевна сопровождает его тело в Петербург. Впрочем, и она не доехала до столицы, внезапно скончавшись по дороге, за сутки до встречи со своей свекровью – вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, – что было также весьма странно. Понятно, что в обществе ползли разные слухи и домыслы...

А дальше – ещё хуже. Великий князь Николай Павлович, сославшись на очень мало кому известное завещание покойного императора, предъявил свои права на престол. Генерал-губернатор Санкт-Петербурга граф Михаил Андреевич Милорадович заявил, что подобный документ законной силы не имеет, а потому престолонаследие должно свершиться установленным порядком и трон следует занять старшему из трёх братьев – цесаревичу (это официальный титул наследника престола) Константину. Граф прекрасно понимал, что если после загадочной смерти императора на престол вдруг взойдёт Николай, это может привести даже к народному бунту. Мол, «добротого царя» извели, Константина, пребывавшего в Варшаве, там в цепях держат, – и всё это козни Николая, не популярного в армии и обществе... В общем, государственный переворот!

В итоге претендент на престол был вынужден присягнуть своему старшему брату, а вслед за ним присягнула и гвардия, и все прочие... Вот только Константин становиться императором не хотел. *«Меня удавят, как батюшку!»* – говорил он своим приближённым и отказывался ехать в Петербург. При этом официального

отречения он не подписывал, а слал своему братцу письма ругательного свойства, в которых не стеснялся в выражениях, а потому представлять их обществу было никак нельзя.

В результате началось так называемое междоусобице, когда совершенно не было понятно, кому принадлежит власть в империи, кто придёт на царство, и вообще – что может случиться дальше. В воздухе основательно пахло грозой. Сложившимися обстоятельствами решили воспользоваться руководители тайного Северного общества, ранее планировавшие своё выступление на лето следующего 1826 года. Пожалуй, основной их задачей сейчас было вербовать себе сторонников, потому как общество было отнюдь не многочисленно.

6 декабря к Розену, стоявшему во внутреннем карауле в Зимнем дворце, подошёл его однополчанин – поручик князь Евгений Оболенский, один из активных заговорщиков, сказавший то, что думали многие: *«Надо же положить конец этому невыносимому междоусобицу!»*

10 числа Розен пригласил к себе другой его однополчанин – штабс-капитан Николай Репин.

«В кратких и ясных словах, – писал потом Розен в «Записках декабриста», – изложил он мне дело важное, цель восстания, удобный случай действовать для отвлечения губительных междоусобиц. Тут речи были бесполезны: надлежало иметь материальную силу, по крайней мере, несколько батальонов с орудиями. Он просил моего содействия к присоединению 1-го батальона, в чём я положительно отказался, командуя в нём только стрелковым взводом...»

В общем, кажется, никакого желания принять участия в восстании поручик Розен не выразил. Известно также, что он побывал на совещаниях заговорщиков 11 и 12 декабря, но своего мнения не изменил. Более того, когда 13-го числа несколько офицеров полка, заступавших 14-го в караул, обратились к нему за советом, что делать, он отвечал, что им следует *«для общей безопасности и порядка держаться на занимаемом посту»*.

Поутру 14 декабря, ещё до рассвета, офицеры всех гвардейских полков приводились к присяге. Поздравив подчинённых с новым императором, командир лейб-гвардии Финляндского полка прочитал то самое утаённое ранее завещание Александра I и наконец-то полученное официальное отречение цесаревича Константина. И вот тут барон Розен, выступив вдруг из строя, задал тот вопрос, что был у всех на устах: *«Если все читанные письма и бумаги верны с подлинными, почему 27 ноября не дали нам прямо присягнуть великому князю Николаю?»*

Вопрос был не праздный: небывалая дотоле «переприсяга» смутила не только офицеров, но особенно и нижних чинов, которые, не стесняясь, вслух выражали своё недоумение.

Резкий ответ генерала Воропанова, ничего не объяснивший – мол, *«об этом думали и рассуждали люди поопытнее и постарше вас»*, – душевного спокойствия не принёс. Впрочем, было видно, что и сам полковой командир пребывал в замешательстве. Игры «августейшего семейства» оказались не слишком понятны и в высших кругах общества.

...Описание этого эпизода основывается на воспоминаниях самого Андрея Евгеньевича и соответствующего очерка в «Русском биографическом словаре». Но если обратиться к материалам Следственного дела, то там оно излагается несколько по-иному. Отвечая на вопрос, 10 января 1826 года, Розен пишет:

«Я спросил его превосходительство: “Где наш государь цесаревич?” Генерал отвечал мне: “Вот я сейчас прочту, и узнаете”, после чего его превосходительство читал высочайший манифест и отречение от престола государя цесаревича».

Впрочем, суть тут одна – честный служака поручик Розен пытался понять, что происходит на самом деле и, скажем так, за кем тут правда...

После принесения присяги в казармах барон Розен, как полковой адъютант, отправился в Зимний дворец, где находился в карауле 2-й батальон финляндцев. Сенатская площадь, через которую он проезжал в ту и в другую стороны, была пустынной.

Однако затем события стали развиваться стремительно – мятеж набирал обороты, и вскоре на Сенатскую площадь вышел лейб-гвардии Московский полк.

А далее – новые разночтения в «Записках декабриста» и в Следственном деле. Если в мемуарах Розен писал, что он получил записку Рылеева, из коей следовало, что его ожидали в казармах Московского полка, то в следственных материалах (по его же рассказу) значится, что к нему пришёл подпоручик Базин и сообщил, что на Сенатской площади «множество войску и народа». Поэтому офицеры, движимые исключительно естественным любопытством, поехали туда – без всякого умысла!

Уточним, что хотя Рылеев (как и Розен) оканчивал 1-й кадетский корпус, Кондратий Фёдорович был выпущен оттуда за год до поступления Андрея Евгеньевича (утверждавшего, будто с корпуса они знакомы). Подпоручик Базин был однополчанин-финляндец – он, кстати, побывал на тех же совещаниях, что и Розен, но в день восстания ничем не отметился (так что, ничем не скомпрометированный, в конце своей долгой службы дослужился до чина генерала от инфантерии)...

Так вот: если верить протоколу допроса, Розен, расставшись с Базиным, «видя на площади войско с знамёнами, вошёл в ближайший каре л.-гв. Московского полка, где видел двух офицеров одного полка, мне неизвестных. Солдаты кричали “Ура Констанину!” В ту же секунду вышел из каре и уехал в полк...» Прекрасный рассказ! Мол, знать никого не знаю, ничего такого не видел, удовлетворил вполне понятное любопытство и уехал. Зато в своих воспоминаниях, написанных несколько десятилетий спустя (когда это уже никому и никак не могло повредить), Андрей Евгеньевич описал всё подробно: и то, что восставшие встретили его криком «ура!», и то, что у подножия Медного Всадника он встретил москвичей – князя Щепина-Ростовского и Михаила Бестужева, а также отставного поручика Ивана Пуштина, Пушкинского «первого друга», с которым он сам был прекрасно знаком через своих родственников Малиновских. Вот только не было ещё на площади других войск – ни мятежных, ни правительственных.

Смутило Розена и отсутствие «диктатора восстания» – полковника князя Трубецкого. «Пропал или спрятался», – якобы сказал про него Пущин.

Между тем, причина поведения князя Сергея Петровича в день 14 декабря – одна из загадок этого дня. Пожалуй, оно всё-таки было единственно правильным: ведь Трубецкой не убежал и не спрятался – он постоянно находился в виду одной из двух площадей, Сенатской и Дворцовой, на которых тогда делалась история. Его задачей было принять общее командование на себя и повести войска на Зимний дворец, резиденцию императора. Следовало выждать того момента, когда на Сенатской собралась бы «критическая масса» войск и просто скомандовать: «Вперёд!» Однако Трубецкой – хотя и будучи полковником лейб-гвардии Преображенского полка (первый полк, голова всей гвардии!) – проходил службу в войсках 2-й армии, на юге, и не был известен гвардейским солдатам. Ему, конечно, можно было бы изначально стоять в том самом мятежном каре. Тогда москвичи, а вслед за ними лейб-гренадёры и моряки подтянулись бы в строю, некоторое время пребывали бы в напряжении от присутствия незнакомого полковника – а потом, за несколько часов стояния, попривыкли бы, успокоились, а потому данная в конце концов команда могла и смутить... Возникли бы вопросы – а кто это, а что это вдруг?.. Совсем иной эффект был бы, когда в нужный момент к каре подошёл тот самый преображенец и негромко, по-гвардей-

ски, скомандовал: «Ребята, вперёд!» И рванули бы без всяких раздумий и рассуждений, и всё бы снесли...

Но не было той самой «критической массы», и поручик Розен, побывав на Сенатской площади, это прекрасно понял. Он возвратился в казармы, где в то время оставался один лишь 1-й батальон, готовившийся к выступлению – командование призывало его на подкрепление правительственных войск.

Однако до площади батальон не дошёл.

В то время Васильевский остров, где был расквартирован лейб-гвардии Финляндский полк, соединял с Сенатской или Петровской площадью наплавной Исаакиевский мост. По этому мосту и должен был пройти батальон.

Есть целый ряд вариантов того, что происходило дальше, постепенно обросших различными подробностями, но мы обратимся к чётким формулировкам «Русского биографического словаря»:

«Видя невозможность примкнуть к московцам, Розен решился удержать свой взвод и батальон от движения вперёд и тем не дать возможность увеличить силы, противодействующие восстанию. В тот момент, когда граф Комаровский <генерал-адъютант, командир корпуса Внутренней стражи> скомандовал “вперёд”, Розен громко крикнул “стой”, и весь взвод повторил его команду. Три роты, стоявшие за ним, также остановились – и ни угрозы, ни убеждения начальника не могли двинуть его вперёд».

Не будучи командиром батальона, Розен не смог бы повести его за собой. Зато мог остановить посреди моста взвод, которым он – полковой адъютант – командовал раньше. Таким образом батальон занял самую выгодную в подобной ситуации нейтральную позицию. Думается, солдаты это понимали.

Два часа простояли финляндцы на Исаакиевском мосту, но (как и князь Трубецкой на площади) барон Розен видел, что его вмешательство в происходившие события окажется бесполезным и бессмысленным.

Зато где-то в то время, осознав, что восстание обречено, в развитие событий решил вмешаться генерал-губернатор Санкт-Петербурга граф Милорадович – любимец гвардии, который реально мог изменить ситуацию уже в другую сторону. В одиночку, без сопровождения, подсказал он к мятежному каре и был встречен громогласным «ура!», гренадёры без команды взяли ружья «на караул».

«Солдаты, кто был со мной при Треббии и Нови, Фридрихсбурге и Аустерлице, при Бородине и Красном? – перечислил граф полсотни сражений, в которых он участвовал,водя в бой победоносное русское воинство. – Неужели вы не верите мне? Мой друг цесаревич Константин отрёкся от престола!»

Ещё немного – и восставшие, кажется, были готовы покинуть площадь... Однако прогремел роковой выстрел Каховского, а штык князя Оболенского вонзился в спину генерала... Потом уже были атаки Конной гвардии и орудейная стрельба посреди Северной столицы...

22 декабря поручик Розен был доставлен в Зимний дворец, поздно вечером допрошен, а на следующий день встретился с Николаем Павловичем – теперь уже императором. *«Более минуты смотрел он мне в глаза, – писал потом Андрей Евгеньевич, – и, не заметив ни малейшего смущения, вспоминал, как он всегда был доволен моей службой, как он меня отличал...»* Последние слова, услышанные декабристом (теперь уже так) от государя, были: *«Тебя, Розен, охотно спасу!»*

Пожалуй, император выполнил своё обещание: Розен был осуждён по 5-му разряду, на 10 лет каторги, вскоре сокращённые до шести, тогда как некоторые из менее виновных были наказаны гораздо строже. В вину ему было вменено только лишь то, что *«лично действовал в мятеже, остановив свой взвод, посланный для усмирения мятежников»*, хотя можно было бы добавить и ещё несколько пунктов.

Из Петропавловской крепости он был отправлен в Сибирь – Читинский острог, Петровский завод, – а 19 сентября 1832 года прибыл на поселение в «сибирскую Италию», как нарекли декабристы Курган по причине его благоприятного (в сравнении с другими сибирскими местностями) климата. Конечно, ничего схожего с Неаполем или Миланом там не было, однако после Петровского завода и это место поначалу казалось почти что земным раем: *«Город построен на левом берегу Тобола, имеет три улицы продольные с пятью перекрёстными переулками; строения все деревянные, кроме двух каменных домов... Улицы и дворы на песчаном грунте почти всегда сухи и опрятны; летом можно было жаловаться только на пыль. Мало садов, мало тени и зелени...»*

В Кургане семью Розенов окружало весьма приятное общество: ссыльные товарищи-декабристы, кое-кто из местных чиновников, поляки – участники мятежа 1830 года... Жил Андрей Евгеньевич в собственном доме, приобрёл участок земли, так что занимался сельским хозяйством.

В июне 1837 года Курган посетил цесаревич Александр Николаевич, объезжавший будущие свои владения – наследник престола побывал тогда в 29 губерниях Европейской части, Западной Сибири и Закавказья. Розен обратился к великому князю через его воспитателя, Василия Андреевича Жуковского, наследник отписал своему отцу – разумеется, письмо было отправлено посредством фельдъегеря – и вскоре последовало высочайшее разрешение целой группе «курганских декабристов» покинуть Сибирь. Однако осуждённые по 4–8-му разрядам Андрей Розен, Михаил Назимов, Николай Лорер, Михаил Нарышкин, Владимир Лихарев, а также Александр Одоевский, содержавшийся в Ишиме той же Тобольской губернии, были переведены не в центральную Россию, а в войска Кавказского корпуса, рядовыми. Зато – с правом выслуги, то есть с возможностью получить за боевые отличия и добросовестную службу офицерские чины, а с ними вместе – возратить дворянское достоинство.

Рядовой Розен был определён в Мингрельский егерский полк, стоявший в станице Белый Ключ, но уже через месяц переведён в Пятигорск, в 3-й линейный Кавказский батальон. Год спустя он вообще был уволен от службы по состоянию здоровья и отправлен в родную свою Эстляндскую губернию. Не исключено, что тут не обошлось без вмешательства императора, внимательно следившего за судьбами своих, как он их называл, «друзей 14-го декабря». Иначе как понимать, что со своим «болезненным состоянием» Розен прожил ещё сорок пять лет?

В 1855 году он перебрался в имение жены Каменку (Изюмского уезда, Харьковской губернии), где был сельским учителем, занимал должность мирового посредника и за то был награждён орденом Св. Станислава III степени, а потом ещё работал в Крестьянском банке, пользуясь всеобщим уважением. В 1870 году были опубликованы его «Записки декабриста», он также сотрудничал в журнале «Русская старина», а в 1875 году издал сборник стихотворений Александра Одоевского с биографией этого поэта-декабриста.

Розен скончался в Каменке 19 апреля 1884 года, через четыре месяца после своей супруги Анны Васильевны.

В «Русском биографическом словаре» Андрею Евгеньевичу дана такая характеристика: *«Розен принадлежал к числу тех исключительных натур, которые, обладая “мудростию змия и кротостию голубя”, стремятся сделать что-нибудь полезное как для отдельных людей, так и для всего общества. Человек с необыкновенной силой воли и с твёрдым характером, он отличался, кроме того, необыкновенной правдивостью; всего его произведения дышат смелостью суждений, правдою, а главное – беспристрастием».*

* * *

Летний вечер разлился по зыбким ладоням реки,
отражаясь пожаром
на шатком витражном стекле.
И едва уловимым движением
горней руки
день упал в камыши,
продолжая над ними гореть.

Из закатной парчи, серебрястой,
как звёздная нить,
выткан сизый туман
и нисходит к медвяным лугам.
И ночной ветерок,
осторожно ступая по ним,
росных трав самоцветы тихонько
роняет к ногам.

Над Артёмовской далью раскинута
Божия тишь –
Берега и луга!
И бескрайняя Волга долга!
Ты под звёздным крылом,
как под сводами храма стоишь,
Словно Маленький Принц,
замеревший у стана цветка.

Ты стоишь на траве
и осанну возносишь в тиши –
«Отче Святой, храни эти земли,
даруй им покой...

Сбереги их мелодией сердца на струнах души,
Сохрани их на сердце
огромною русской душой!»

**Башкардин
Роман Евгеньевич**

Поэт, автор публикаций в литературных журналах «Аврора», «Воин России», «Александръ», «Литтега», «Родная Кубань», «Рог Борей», «Ротонда» и др. Победитель Всероссийского поэтического конкурса «Поэзия красного города» (2024, 2025), конкурса-фестиваля «Родословие», международного конкурса «Вдохновение» (2023, 2024), победитель конкурса им. Фридриха фон Шиллера (2024), «Муза Новороссии» (2024), Всероссийского конкурса имени Мэри Рид, конкурса «И кружится планета Кулешова» (Беларусь), международного конкурса им. Уолта Уитмена (2025), победитель премии «Человек Слова» (2024, 2025). Победитель Международного литературно-художественного конкурса «ПРОгород». Лауреат и дипломант различных международных, всероссийских и региональных поэтических конкурсов.

Родился в 1984 г. в семье военнослужащих. По профессии – юрист. Живёт в Йошкар-Оле.

В «Тоболе» публикуется впервые.

* * *

По янтарному свету солнца,
по узорам теней на блюдцах
понимаешь –
медовый Август –
он пришёл.
Он опять вернулся.
Понимаешь –
печальный Август –
он как вечер у воскресенья:
ещё ласково светит солнце,
только воздух уже –
осенний.
Ещё летопись откровений
о зиме,
что, конечно, будет,
ниспадает седым туманом

на соцветия
летних судеб.
И штрихами созревших яблок
загорается где-то просинь –
это терпкий
медовый Август
открывает ворота в осень.
Скоро в светлых её чертогах
станет вновь
и темно,
и пусто.
Так встречай же янтарный Август –
торжеством
неприметной
грусти!

* * *

Сердце августа. Солнце – астрово.
Зацветают
полынь и донник.
Терпкий вечер ладонью ласковой
нежно трогает
подоконник.
Тонкий абрис небесной гавани
ярко ал
и янтарно светел.
Город мой, в предосеннем саване,
Тихо замер у кромки лета.

Здравствуй, август!
Узнал ли ты меня,
распуская по нитке вечер?
Я всё тот же и с тем же именем,
Только старше
с последней встречи.
Август лет моих,
неприкаянных –
Медь волос, да краюшка хлеба...
Да душа, всепрощённым Каином,
Облачённая в август неба.

Выборгу

Гранитный берег. Каменный причал.
Восток – свеча
в руках у белой ночи.
Я слушал город. Город отвечал,
Как был жрецом, алхимиком,
рабочим,
поэтом, рыцарем, врачом и палачом.
Он был жнецом ему подвластных судеб...
Теперь лишь тенью виться обречён
для яви – стар,
для прошлого – безлюден.
Витраж кофейни, ветра виражи,
осанны чаек кротки, но протяжны.
И эхом полночи опять считают жизнь
Неспящие часы старинной башни.
Здесь древний город –
вечный страж руин –

закован в воды цвета тёмной стали –
иди за ним по древним мостовым
и слушай песни северных преданий!
Почувствуй запах, стань его судьбой,
его слугой,
самим собой, шаманской силой.
И сквозь туман, над тёмною водой,
найди себя на зеркале залива!
Приди к нему, как к лекарю души,
читай узоры времени на стенах,
присядь на крепостной, в немой тиши,
и растворишься в его холодных венах.
Старинный город Севером храним.
Граница мира.
Связь времён и сути.
Он вмиг тебя не сделает другим,
но и таким, как прежде –
не отпустит.

* * *

Март – это первый цветок, сумрак весенних дорог,
Пульс оживающих дней, их переменчивый ток,
Прикосновение строк,
Талого неба следы,
Кожа небесного льда в омуте стылой воды.
Здесь, на краю пустоты,
Сонных,
Обшарпанных крыш
Молятся небу коты,
Криком разорвана тишь.
Ты у окошка стоишь,
В обруче спутанных слов –
Это ли мартовский дождь
Льёт темноту облаков?
Это ли к вешней земле
Тенью спадает вода,
Болью разверзнута брешь,
Тонкого неба слюда,
Это ль бездушная тьма
Сгорбила все фонари?
...или всего лишь конец
повести нашей любви.

* * *

И ветер с утра не прохладный, не жаркий,
И листья берёзы с монету всего...
Спешат вдоль посадки на ферму доярки.
Проснётся чуть позже с рассветом село.
Вдали запыхтит – ремонтируют «Волгу»,
Вблизи закудахчет и мигом в кусты,
А трое ребят в исполнение долга
До школы пойдут. Золотятся листья
Рассветными бликами. Ветер не жаркий.
Проснулось с рассветом родное село.
К работе своей приступили доярки.
А листья берёзы с монету всего...

Грач-кудесник

На тополе грач – молчаливый предвестник
Весеннего таянья снега и льда,
Саврасовский идол, пернатый кудесник,
Врачующий в поле, где есть борозда.
Едва подсыхают проплешины почвы,
Зелёные стебли стремятся к лучам,
Грачи, породнившись с весеннею ночью,
Сливаются с ней, и Луна по ночам
Покой перелётных не смеет тревожить,
Коснётся алмазным сияньем пера
И чёрное чёрного станет дороже,
И грач благодарно расплатится: «Кра!»

Путь-дорога

Весенний «бум» прошёл, и высохли дороги,
Ведущие туда, туда на край земной,
Где прощены все мы, где нет войны-тревоги,
Где озарит рассвет невинный край степной.
На травах где лежит роса с пятак размером,
Сияет и блестит, как чистый бриллиант.
Где старый атеист–безбожник примет веру,
Безверие отбросив – гиблый вариант.
Ведут дороги тех, кто рад идти навстречу,
Кто не посмеет ждать, судьбу свою кляня,
Кто бросит всё своё и с благодарной речью
Туманным утром: «Что ж. Дорога, жди меня!»

Арестов

Анатолий Владимирович

Автор книг «В потоке поэзии» (в четырёх частях) и книги малой прозы «Человек дальнего неба». Дипломант XIV Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2023) за книгу «Небо над степью».

Публиковался в журналах «Роман-газета», «Юность», «Наш современник», «Волга – 21 век», «Приокские зори» и других изданиях.

Родился в 1985 г., учился на агрономическом факультете Пензенской ГСХА. Живёт в г. Рубцовске Алтайского края.

В «Тоболе» публикуется впервые.

Костерок

В берёзовой посадке костерок
Румянит под золой бока картошки.
Про множество невыбранных дорог
Поёт, не прекращая, друг Антошка.

Старается, бренчит, а толка нет.
Ах, если бы послать могла гитара,
Антошка бы схватился за кларнет!
Чудак, лишённый слухового дара.

А рядом поле. Вёдра и мешки.
Студенческая практика милее,
Чем пыльные в общаге корешки
Учебников зловещих.

– Будь смелее!

Тащи её. Поджарилась.

– Смотри,

сырой же картофан. Не видишь, что ли?

– Не ври, Антоха, слушай, ну не ври.

Ты лучше песню спой про наше поле!

...О поле ровном вовсе без дорог
Бренчит, не прекращая, друг Антошка,
Потрескивает ровно костерок,
Пока бренчал, закончилась картошка.

**Колесникова
Елена Николаевна**

Родилась 1 октября 1976 г. в городе Кузнецке Пензенской области. По профессии – учитель музыки. Член Союза писателей России. Публиковалась в «Литературной газете», журналах: «Подъём», «Родная Кубань», «Сура», «Изящная словесность», «Невский альманах», «День и Ночь», «Нижний Новгород», «Сибирь», «Молодая гвардия», «Дальний Восток» и др. Стихи публиковались в Германии, Литве и Латвии, Абхазии, на сайтах «Литературная газета», «День литературы», «Российский писатель», «Литературная Россия», «Топос» и др.

Автор двух сборников стихов: «Три ипостаси весны» (2023) и «В синем шаре хрустальном» (2024). Дипломант XVI МСЛФ «ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ» (2025). Лауреат премии «Золотое перо Руси», лауреат конкурса им. Плещеева, лауреат XIII Международного литературного тютовского конкурса «МЫСЛЯЩИЙ ТРОСТНИК – 2025», лауреат Всероссийской литературной премии «Белые крылья Непрядвы – 2025»; дипломант литературной премии им. С. Короткого «Форпост» и др. Живёт в Воронеже.

В «Тоболе» публикуется впервые.

Павшим

На крышу обрушена, будто на плаху –
Дрожала, не сразу затихнув, листвою...
Берёзовой кровью удушливо пахло
И праведногневно пролитой грозой.
И павших своих – в три погибели согнут –
Оплакивал древний, безлистный старик.
И глух был воды утоляющий рокот
И птицы – о жизни воскреснувшей – крик.
«Придите, – взывала она, – поклонимся!»¹⁰ –
Иным же нескоро подняться с земли,
А где-то рассветы румянили выси,
Краснея, закаты беспечно цвели.
А здесь – белостволья разодраны руна,
От плоти – безвинной – преломлена плоть,
Но поправа смерть, но навеки уснула,
Когда пробуждался – навеки – Господь.

Единственное небо

*Посвящается всем заброшенным
деревьям и сёлам*

Всё предано воспоминаньям тут –
Изрыв дороги – узкий, крупновязый –
И сосен искривлённые балясы
У мостика, обрушенного в пруд.
Седых тропинок – реденький пучок
Под сваянным волосником осочным –
Судьбы моей забытое источье,
Души невосполнимый угол.
Кругом былё – и есть ли кто живой
Среди домишек, дышащих на ладан,
Как Божий перст – для дней последних скрытан –
Чернеет храм с пробитой головой.
Осины чутко приклонили слух
Над чьей-то выглевшей от горя крышей –
Но слышен лишь невнятный скрип налешный,
Да от иконы – тихий святы́й дух.
Всё предано воспоминаньям тут –
Скривлённые сосновые балясы,
Просвет дороги – узкий, крупновязый
И вспыхнувший прощальным блеском пруд.
Я оглянусь – и улыбнётся мне
Из пыльного оконного киота,
Вечерним солнцем – изголуба-жёлто
Единственное небо на земле...

¹⁰ «Приидите, поклонимся...» – одно из вводных стихословий пасхальной полунощницы.

* * *

До самой своей золотой сердцевинки
Медовится небо созрелое – соком,
Калины-подружки с цветами в корзинках
С утра запропали на речке – за логом.
Никто не указ им – зелёным да ранним,
Не взвидишь – как трав подрастёт поколение,
А сколько забот, хлопотни – наказание!
А кружев, шелков – первый бал у сирени...
Отняли едва от кормилицы-тучи –
На зависть всем ёлкам цветёт – вековухам,
И всё же поверим – воздушно-летучим,
Цветочным, таким легкомысленным слухам,
О близости лета и вечного счастья –
Всем сердцем поверим – ведь это не трудно –
И зорька над речкой – весеннее чудо –
Себе присмотрела вечернее платье...

* * *

Туман такой, что показалось мне –
Сегодня утро родилось в рубашке,
И снег, недавно преданный земле,
Пролеской засинелся по овражкам.
Опять весна себе пробила путь,
И лишь единым светом этим живы
Два наших сердца замерших, и пусть
Случилось утро тихим и дождливым –
Пою, как тёплый дождь поёт земле –
Смычками трав, и пусть весь мир узнает,
Что я люблю, ты слышишь – по весне
И птицы ни на миг не замолкают...

**Грушихина
Екатерина Николаевна**

Поэт, автор публикаций в журналах: «Пять стихий», «Нижний Новгород», «Александръ», «Сундук», «Крылья», «Донбасс», «Родная Кубань», «Северо-Муйские огни», «Ротонда», «Звонница»; в альманахах: «Приокские зори», «Хронометр», «ЛитСоты», в газетах «Рабочая трибуна» (Москва) и «День литературы»; в Литературном интернет-журнале Национальной Ассоциации драматургов «СценГазета»; в электронном журнале «LITER-RA». Лауреат, финалист и дипломант международных, всероссийских и региональных конкурсов, в том числе «Тихая моя Родина» им. Николая Рубцова (2024), «Литературные Старки» к 100-летию Юлии Друниной (2024), «Муза Новороссии» (ЛНР) 2023/2024; «Золотое перо Руси» и др. Член ЛИТО «Звонкая строка» (г. Красногорск, Московская область).

Родилась в Москве, проживает в г. Красногорск Московской области. В «Тоболе» публикуется впервые.

Русь моя, сердобольная сказка

Малахитовых ёлей макушки
Окунулись в небесную твердь, –
Отчего в деревенских избушках
Сердцу русскому хочется петь?
Покатилась луна на салазках,
Разрумянилась как каравай, –

Русь моя, сердобольная сказка,
Песнопеньями предков жива!
Славься, общество верных пиитов, –
Охраняй красоту языка.
Ой, ты, Русь моя – в небо калитка,
Маков цвет да студёна река.

Умчу на электричке с Павелецкого

Умчу на электричке с Павелецкого¹¹,
Умчу в деревню, в ласковую глушь,
Туда, где спят воспоминанья детские
В тени сливово-яблоневых кущ.

Туда, где цвет благоуханный липовый
Бабуля бережно заваривает в чай.
Калитка покосившаяся скрипнула, –
И я бегу родителей встречать.

Бегу, бегу махровыми лужайками, –
Порхают семицветики у ног.
Так изобильно счастье, что не жалко мне
Вплетать его в ромашковый венок.

Умчу на электричке с Павелецкого
В смородинно – крыжовниковый рай,
Туда, где жизнь божественно простецкая,
Как дедов накренившийся сарай.

А электричка полотнищем стелется,
Горчит судьбины вересковый мёд. –
И бабушка вздохнула: «Перемелется...»
И буркнул дед: «До свадьбы заживёт».

¹¹ Павелецкий вокзал – железнодорожный вокзал в Москве.

На подмосковной даче в Востряково

В деревне Бог живёт не по углам...

И. Бродский

Как хорошо, когда тебе пятнадцать,
И у тебя есть дедушка и ба,
И ты ещё способна восторгаться
Тем, что у неба кромка голуба.

До подмосковной дачи в Востряково
Летишь электропоездом мечты,
Подумаешь – сидения дубовы,
Зато воздушна и пластична ты!

От станции – три километра полем,
Ступаешь в колокольчиковый рай,
В котором воздух росами намолен,
А травушка потворствует ветрам.

Идёшь себе – не то дитя природы,
Не то подросток в девичьих страстях,
Неметеозависим от погоды,
Не ищешь катастрофы в новостях.

Идёшь себе. Как прежде – пруд болотист,
Всё мшистее и лиственнее лес.
А солнышка полуденного оттиск
Лисичками рассыпан по земле.

Скрипучее визжание калитки,
Мурлыканье соседского кота.
Ты чувствуешь любовь в переизбытке
И та любовь не может перестать.

Она ночует в глади васильковой,
А по утрам над крышами парит, –
На подмосковной даче в Востряково,
Где каждый шорох с Богом говорит.

Я родилась в далёком октябре

Я родилась в далёком октябре,
Окаменели времени скрижали
С тех пор, и поезда отдребезжали,
И корабли уплыли в синь морей.

Когда голубоглаз и босоног,
То никакого счастья не надо,
Оно и так благоухает рядом
Как медунница, ласковый вьюнок.

Вот, помнится, бегу за пирожком
По пять копеек к заводской столовой,
А солнце дремлет в веточках еловых
И чинно ходит по небу пешком.

Уютный подмосковный уголок,
А если быть точнее, то посёлок, –
Понятной, беззаботной и весёлой
Казалась жизнь – введение, пролог.

Года семидесятые – конец,
Так молода ещё и лучезарна мама,
Стройна, черноволоса и упряма,
А рядом бесшабашный мой отец.

Карьер – сосуд из белого песка,
Наполненный студёною водою.
Никто ещё не встретился с бедою,
Никто ещё не вздрогнул от звонка.

Тону, тону в далёком октябре,
Окаменели времени скрижали
С тех пор, и поезда отдребезжали,
И корабли укрылись в синь морей.

Старуха дремлет на крылечке

Старуха дремлет на крылечке,
У Бога дремлет на виду,
И каждый куст очеловечен,
Её руками. Будто вечность
Взошла лилейником в саду.

Старуха дремлет. Сон некрепок, –
Горчит калиновым вином.
И смотрит Бог на грядку репы,
Избу в бурьяне и сурепке,
Худой сарайчик дровяной.

Старуха дремлет, руки свесив.
Сморил июльский солнцепёк.
Ей невдомёк, в какие веси,
Где только черти куролесят,
Приехал на побывку Бог.

Старуха – божий одуванчик,
Легонько дунь – испустит дух,
Господь всемилостивый плачет –
Дарует зрение незрячим,
Глухим раздаривает слух.

Старуха спит. Свинцовы веки,
Но тело устремилось в высь. –
Глядит Господь на человека,
На маленького человека,
И шепчет на ухо: «Проснись».

Вековыми песками Кафы

На сапфировом побережье
 август
 дышит закатным небом,
 сквозь разлитое в море солнце
 поднимает с мечтами
 невод.
 Мне вернуться назад бы
 в полдень,
 под сонливую тень навеса,
 отречься,
 как от престола,
 от написанной зноем пьесы
 по ролям,
 на двоих,
 с рефреном,
 с чередой генуэзских башен...
 Только, как ни крути,
 но в осень
 у фонтана каштан окрашен.
 Август
 душу макает в краски
 айвазовской палитры штиля.
 Чайки
 крылья в закат алтарный,
 опалённые, опустили.
 И замедлило время поступь.
 Не бежит,
 а течёт пломбиром.
 У ночного кафе оживший
 амариллис
 раскрылся синий.
 Аммониты целуют ноги
 вековыми песками Кафы...
 Феодосия,
 море,
 август...
 Я от осени отрекаюсь.

Денисенко
 Кристина Викторовна

Член Российского Межрегионального союза писателей, автор девяти книг, публикаций в журналах «Родная Кубань», «День и Ночь», «Краснодар литературный», «Приокские зори». Победитель, лауреат, дипломант ряда поэтических конкурсов. Родилась в 1983 г., проживает в городе Юнокоммунаровск (ДНР). В «Тоболе» публикуется впервые.

Я тебя излечу, мой храм

Неприветливый край земли с шалашами из шкур ягнят,
Свет пытался тебя вскормить молоком ясных дней, но зря.
Там, где вечная тень хребта, где тимьян одурманил птиц,
У подножья горы волшба расплзлась и туман повис.

Пало племя твоих сынов, как отары больных овец.
Я ж вернулась туда, где дом под покровом беды исчез.
Ноги помнят песок и соль, прах, развеянный на ветру.
Я тебя поперёк и вдоль, будто палубу, обойду.

На лианах, как флаги, сны выгорают от тёмных чар.
Что ни шаг, то сильней слышны скал обрывистых голоса.
Не пытайся меня спугнуть переливами горных рек.
Я осилю идущей путь, я летящей взлечу наверх.

Воеет волком на звёзды стог из соломы былых времён.
В разлитой темноте никто хлеб ацтеков не жнёт давно.
Я тебя излечу, мой храм; изгоню, будто беса, хворь...
И в обиду гостям не дам, от которых исходит зло.

За порталом из шторма в рай были тучи и капал дождь.
Мой корабль, как кость, застрял в горле птицы – не протолкнёшь.
Я вернулась, земля; прости, что так поздно, но как смогла...
На вершине твоей горы будет снова гореть маяк.

И торговцы вернутся в порт, и волшба обернётся в снег...
Даже там, где тимьян цветёт и рассеянный луч померк,
Птицы станут, как прежде, вить на деревьях гнездо к гнезду.
А я буду тебя любить... Хотя, нет, я и так люблю!

Светлая осень

Синее небо бездонное в пикселях дыма и бед
Сжалось, упало, напомнило сердцу о светлой тебе.
О золотой, как воротины солнцем изъеденных скал
В час, когда море расстроено лижет вечерний причал.

Звонкими брызгами грезятся слёзы слепого дождя.
Осень, моя ты кудесница, что же глядишь не стыдясь
Зеленью глаз симиренковых, пламенем рыжих рябин
В сердце, прошитое реками тихих надежд и молитв?..

Что принесёшь ты, красивая в локонах спелых полей?
Сколько печалей под ивами выплачет тот, кто больней
Битый бичами постылости, ранен немилостью в грудь,
Кто у Всевышнего выпросил веру в ладонь зачерпнуть.

Осень, моя ты Матронушка, грустно и радостно мне.
Вечер закатом дотронулся крыш на церковном дворе.
Зеленью глаз симиренковых, пламенем рыжих рябин
Будни суровые свергнуты, и мы вот-вот победим.

Детище Петра

В ожерелье мест, где дворцовый храм
достаёт до звёзд,
Петербург – брильянт в золоте оправ
и холодный лоск
утренней зари в зеркалах Невы,
в мачтах кораблей.
Петербург как сон, где застыли львы
у ступеней вверх.

Он волнует ум беспокойством волн
финских берегов,
трелью соловья, золотой луной...
Если нет – враньё!
Здесь стихами льёт самоцветный дождь
на бульварный лист
нежность и порок, холод и тепло,
и уносит ввысь.

Крепостной острог, древний равелин –
детище Петра...
Галерейный ряд вековых картин
продолжает звать
городских гостей в царский Эрмитаж,
что ни новый день,
и на зов прийти, до мурашек прям,
хочется и мне.

Чтоб на Невском ночь, будто шаль, легла
на покатошь плеч.
Чтобы яркий свет медных фонарей
смог меня обжечь
эйфорией чувств, поглотить лучом,
ввергнуть в снежный ком...
Чтобы Петербург мы с тобой вдвоём
обошли пешком!

Жираф

Время рыжих звёзд опрокинет грусть
на безлунный холст.
Нарисую свет, и лучом коснусь
непроглядных вёрст.
Пальма, саксофон, на песке следы...
Здесь прошёл жираф.
Бархатный как блюз, как табачный дым
и гавайский джаз.

Пятится волна. Кружевной подол
блещет серебром.
Сенегальский дуб яблоней расцвёл
на холсте моём.

Я рисую бриз, облака, баркас
и вчерашний дождь.
Ты меня в шале, неба не стыдясь,
на руках несёшь.

То про пыл вождя, то про чёрных дев
рассуждаешь вслух,
то про лунный Чад шепчешь нараспев,
то кричишь «люблю».
С кисточки лазурь окропила тьму
в окнах на залив.
Мой волшебный бог, я к тебе прижмусь,
голову склонив.

Я рисую миг, щебетанье птиц,
мраморную даль.
Губ твоих огонь, саксофон на бис
и чуть-чуть печаль.
В яблоневого флёра джигитом золотым
спрятался жираф.
Бархатный как блюз, как табачный дым
и гавайский джаз.

Отрывок из романа «Кровь твоих сыновей...»

ПРОЗА

...С 1991 года государство напоминало танцующего над пропастью циркача. Ради политических рекордов: даёшь рыночную экономику и приватизацию в короткий срок – топ, топ по проволоке! Власть именovala себя либеральной, демократической, оставаясь большевистской настолько, насколько её впитали в себя вчерашние преподаватели марксизма-ленинизма, секретари обкомов, завлабы, прорабы, продавцы цветов, младшие научные сотрудники – неоперестройщики тысячелетней России.

Крестьянинову, офицеру СОБРа Главного Управления по борьбе с организованной преступностью, тогда пришлось крепко задуматься. Состояние его души было сродни тому, что переживал, чувствовал русский окопный офицер в 1917-м... Советская империя рушилась, разоружалась, сужалась в границах, а ты не мог остановить принесённую извне болезнь. Оставалось выбрать своё поле битвы. Людей, тянущихся к солнцу, как хлебные колосья, надо было защищать, чтобы они могли честно изжить священную энергию своего сердца.

В наркотических ломках переустройства Россия стала беззащитной, как девочка-подросток. Выявилося много охотников до её юного тела, желающих затянуть на шее Отечества удавку, отомстить за давно искуплённые советской властью обиды.

Самые кровавые столкновения начались на южных окраинах, и таких, как Крестьянинов, в Карабахе, Приднестровье, в Осетии и Чечне народ прозвал «государевыми людьми». Видя тренированных российских парней в камуфляже, падающих с неба на бесчинствующих преступников, как ястребы, люди начинали верить, что государство, несмотря на все беды, ещё всесильно.

Специальные отряды ГУОП МВД России, спецподразделения внутренних войск, «Альфа» и «Вымпел» (потом «Вега») стали государевой скорой помощью. Особой популярностью в народе пользовался плакат с надписью «Доктора вызывали?», на котором спецназовец «Витязя» в шлеме «Маска-1» целился в террориста из «Винтореза».

Опыт Будённовска в селе Первомайское оказался неприменим. Противнику, пока в Москве и Махачкале судили-рядили, сделали подарок, дав пять суток на оборону. Сначала продемонстрировали мощь российского либерализма, высокую гуманитарную способность к переговорам, а чеченцы тем временем зарылись в землю, пристрелялись, и Дудаев теперь мог уверенно говорить: «Станьте шахидами». Участие в ковровых бомбардировках Афганистана, готовность к атомным ударам оставили неизгладимый след в его психике. Уничтожение наземных целей из поднебесья воспитали в нём циника планетарного масштаба. Он никогда не нёс на руках ребёнка, изувеченного осколками собственных бомб. Результаты бомбардиро-

Носков
Виталий Николаевич

Член Союза писателей России с 1991 года. Родился в Кургане, в семье железнодорожника. Учился в школе №30 и Курганском педагогическом институте. В 1981 г. окончил Литинститут имени Горького. Автор художественно-документальных книг о боевых действиях в Чечне и Дагестане.

Ветеран боевых действий, награждён орденом Мужества. Лауреат Всероссийской литературной премии «Сталинград», дипломант национальной литературной премии «Щит и Меч Отечества».

Виталий Николаевич в годы боевых действий в Чечне и Дагестане был военным корреспондентом. Роман-хроника «Кровь твоих сыновей» повествует об антитеррористической операции против банды Радуева в январе 1996 года.

вок доводит воздушная разведка, и никаких фотографий жертв. Поэтому Дудаев спал спокойно...

Этика спецназа МВД диктовала другое... Офицеры не прощали себе, если в ходе операции пострадал заложник. В интересах следствия строго требовалось сохранить жизнь преступнику, убить которого при задержании доблестью не считалось.

Готовясь к штурму, подполковник Крестьянинов говорил: «Будем действовать по факту... Вгрызаемся в оборону, засечённые огневые точки уничтожаем. Выбиваем только людей с оружием. “Шмели”, гранатомёты, подствольные и ручные гранаты применяем по обозначившимся целям. Всех освобождённых гражданских лиц – в тыл».

Узнав, что артиллеристы не бывали в боях, что их батарейный опыт – два-три снаряда на полигоне, командир СОБРа не удивился, приняв информацию к сведению.

– Пойдём в бой, как наша пехота в сорок первом, – сказал он собровцам. – Без бронетехники и квалифицированной артиллерийской поддержки – с перспективой попасть под дружественный огонь.

Крестьянинов поделил отряд на пары и четвёрки: ответственность друг за друга была проверенным оружием выживания. Видеть боевого товарища, прикрывать его огнём – способствовало движению вперёд. В таком взаимодействии – верил – залог успеха.

После ночного собрания в кошээмке¹² командир сводного СОБРа генерал-майор Кулешов, доведя до Крестьянинова план операции в общих чертах, потребовал его неукоснительного выполнения, и Крестьянинов подумал: «Зачем такая спешка? Операция требует детальной проработки. Командиры штурмовых групп должны наладить взаимодействие».

Возле костров на восточной окраине люди говорили о перспективах на штурм...

...«Если после артналёта чеченцы быстро придут в себя, мы рискуем попасть под мощный фронтальный огонь», – думал Леонид Петров. Он никогда не забывал урок фронтовика-преподавателя Академии Фрунзе...

На очередном занятии Петров получил вводную: на маршруте его отряд попадает в засаду. Известно, что в полутора километрах от дороги – незнакомая воинская часть. Другое подразделение, с офицерами которого Петров по вводной лично знаком, знает его позывной, может опознать по голосу, – в четырёх километрах дальше...

– Куда вы станете выводить людей? – спросил преподаватель.

– В расположение, что от меня в полутора километрах, – ответил Петров

– Гибельное решение. В сумятице боя незнакомый командир может открыть по вашим людям огонь. Подумает, что противник хитрит. Уходить надо только к своим, кто опознает вас даже в эфире.

«Нет уз святее товарищества», – Петров верил этой истине.

В преддверии операции беспокоило, что нет аэрофотосъёмок села, не решена проблема опознавания штурмующих. «Если в ходе боя заложники погибнут, как жить после этого?» – мучило всех.

– Нет приборов ночного видения. Неизвестно, какого типа дома в селе: все ли из самана? Нет верёвок и «кошек».

– А вдруг это только разведка боем? – вслух подумал полковник Николай Миронов.

– СОБРы на сафари, – подытожил один из собровцев.

– Теперь не принято отдавать детализированных приказов. Сегодня руководство следует принципу: поставь задачу, дай средства и позволь выполнить задачу

---

¹² Кошээмка – здесь: сокращение от «командно-штабная машина».

самостоятельно, – сказал Петров. – Думаю, будет бой на истощение боезапаса противника. Когда боеприпасы «духов» начнут подходить к концу, они попытаются вырваться...

– Тут их надо брать на засаду. Этот древний приём называется «Атака бедуина», – сказал Миронов.

– Трое суток вокруг села не было даже очагового окружения. Почему они не ушли? – интересовало многих.

– Боевики о нас хорошо думают.

– Чеченцы считают, что при таком количестве заложников мы не решимся на штурм.

– После прилёта Барсуков выдвинул очередной ультиматум, – повысил голос, чтобы слышали все, Миронов. – Освободить заложников и сдаться.

– Радуевцы не решатся на массовый расстрел заложников, – сказал Петров. – Жизнь заложников – гарантия их выживания.

– Сегодня я ходил к фээсбэшникам, просил подзарядить батареи к рациям, – вступил в разговор капитан Егорычев, отвечающий за связь. – Начальник узла связи ФАПСИ выгнал меня. С младшими офицерами я всегда договаривался. С этим же чудом... Ну как воевать?..

Черноту ночи белой молнией разрезала гирлянда осветительных ракет.

– На Радуева давят два полевых командира. Эти пойдут на всё. Есть информация, что дома, где содержат заложников, заминированы, – рассказал Миронов.

Сухощавый, мускулистый чеченец с небритыми впалыми щеками, охраняя заложников, всю ночь накручивал, как патефон, транзистор и, найдя в завывающей метели радиохаоса информацию о событиях в Кизляре и Первомайском, заметно оживлялся... К концу кризисной недели мировые агентства вновь стояли над схваткой: их комментарии были полны льда и иронии.

Лёжа на полу, Яхья Закиряев слушал радиоэфир, не открывая глаз. Охранник не выносил, когда на него смотрели, и на каждый пойманный взгляд угрожал автоматом.

...Этот большеглазый, наголо обритый в Первомайском чеченец из Наурского батальона, потерял в Кизляре семнадцатилетнего земляка и, мучаясь угрызениями совести, считал, что всех милиционеров следовало расстрелять сразу, после атаки русского вертолёт, остановившего движение колонны... Но Радуев растерялся, а Хункар-Паша отвлёкся на разные там разговоры с иностранным телевидением и постепенно остыл, – а сначала был настроен решительно, и боевики готовились умереть вместе с ним.

Дальнейший ход событий разочаровал всех, кто хотел отомстить за погибших в Кизляре моджахедов.

...Западные радиоголоса отмечали растерянность Кремля перед обрушившимся несчастьем. Эта информация подняла охраннику настроение. Он напоминал Яхье молодого подследственного, которому Закиряев у себя в райотделе показал карту России: расстелил её на столе и находящийся на допросе чеченец растерялся, ужаснувшись размерам страны, которую хотел победить. Раньше масштабную географическую карту ему было негде увидеть. Имеющий начальное образование парень думал, что ненавистная Россия кончается где-то за Астраханью. Чтобы ненавидеть, не требовалось сидеть за партой. Слепая ненависть вела за собой гордыню. Поводырь шла память, не умеющая прощать.

Равнодушие, с которым мировая информационная система анализировала нападение на Кизляр, потрясла Закиряева. Он знал: ичкерийский плен – рабство. Все-знайки-журналисты и аналитики не хотели этого признавать. Современная журналистская этика, внутренняя дисциплина редакций не разрешала им эмоциональных

оценок. Личное отношение к преступлению находилось под запретом. Глобализация в первую очередь охватила пропагандистские масс-медиа, лишила их нравственной ответственности, загнала талантливых людей в стаю, где знак высшей профессиональной пробы – толерантность. Находясь в заложниках, подполковник Яхья Закиряев понял, что всё происходящее – его личное дело, его ситуация, а может быть – даже преступление. Ведь государев человек – могло решить начальство – не имеет права сдаваться.

Всю ночь на перекрестках улиц новосибирцы выламывали бойницы в каменных по грудь заборах. Выбить галечные камни, посаженные на четырёхсотый цемент, стоило больших трудов. Руки милиционеров, стёртые до кровавых мозолей, невыносимо мозжили. Боевики тоже рыли окопы, ходы сообщений. Днём, когда операторы наводили на них видеокамеры, чеченцы приободрялись, начинали шутить...

Особенно много снимала молодая, очень худая, длиннolica ичкерийская журналистка. Сотрудникам ППС была неприятна её вездесущность. С каким-то сладострастием она сняла, как боевики угощают новосибирцев, роющих окопы, горячими пирожками. Тонкий, с брезгливой интонацией голос чеченки, хочешь не хочешь, а западал в память. С особой любовью она снимала землячек, поющих в окопах. Свободно вела себя перед видеообъективом круглолица чеченка без талии в лёгкой, тёмно-синей куртке. Размахивая пистолетом ТТ, она громко, с выражением, как на школьном бале, декламировала на чеченском языке патриотические стихи; звенящим, высоким голосом пела с медицинскими сёстрами: «Ля-ля-иль-Алла...» На её постоянно улыбающемся лице было невозможно увидеть тревогу. Гордость не позволяла женщине усомниться в целесообразности выполняемой задачи. Ей доставляло радость видеть прячущих глаза разоружённых русских, таскающих мешки с песком и землёй, копающих. Она считала их недостойными жить. Удивлялась: почему журналисты – свидетели захвата милицейского блокпоста – окрестили новосибирских сотрудников ППС омоневцами? Она знала российский ОМОН... После потерь, понесённых в Грозном российскими мотострелками, омоневцы, выявив огромное количество схронов с оружием и взрывчаткой, жёстко зачистили город. В их венах – признали все – в ту пору текла не кровь, а мстящий свинец.

Капитан СОБРа Сергей Егорычев, рассказав у костра о конфликте с начальником узла связи ФАПСИ, ещё долго переживал. Где заряжать батарейки для раций? Что дальше? Ни воды, ни еды, ни подвоза боеприпасов. Каждая из силовых структур выживает как может. Майор Юра Марчук, до службы в СОБРе командир учебного батальона ГРУ, каким-то чудом добыл для отряда «Шмели».

Проявили гостеприимство жители села Советского. Когда автобусы СОБРа ГУОП и Московской области, возвращаясь с рубежа, остановились возле мечети, офицеров взяли в кольцо старики и молодёжь, и взволнованно говорили:

– Мы не думали, что они на Дагестан пойдут! Нам пощёчину дали!

Охранявший село милиционер-дагестанец дал мальчишке подержать автомат. Полный достоинства, тот умело держал оружие.

– Сколько лет, брат? – спросил у него Егорычев.

– Двенадцать.

– И уже джигит!

Все одобрительно засмеялись.

Сбегав домой, женщины стали раздавать соборцам перчатки, шарфы домашней работы. Герой России Фарват Якупов, с благодарностью приняв подарок, бережно оглаживал тёплые, знаменитой аварской вязки носки: за месяц до вылета в Дагестан он переболел воспалением лёгких и с трудом переносил мороз.

Дагестанцы спрашивали – пойдут ли спецназовцы в бой?

Фарват и Сергей сказали правду:

– Не знаем. Решения пока нет.

Селяне рассказывали, что самые горячие головы требуют изгнать всех чеченцев из Дагестана, но есть и те, кто, опасаясь за жизнь заложников, выступают против штурма села. Даже угрожают дагестанским милиционерам взять их семьи в заложники, если штурм начнётся...

– Аллах рассудит по справедливости. Всё расставит по своим местам, – сказал, прощаясь, старейшина, пожимая собровцам руки.

В этом же селе, двумя днями раньше, в машину к Сергею, искавшему возможность подзарядить батареи, улыбаясь, заглянул подвыпивший местный житель, весело сказал:

– Продайте пистолет, товарищи! Я хорошо заплачу...

Ему со смешком ответили:

– Иди проспись, дядя.

Ночью в «уазике» кизлярской милиции, пусто вглядываясь во мглу, корреспондент милицейской газеты «Щит и меч» вспомнил себя шестилетним мальчишкой.

С дедом и бабушкой он приехал в гости к их сыну Василию – любимому дяде. Он не помнил дороги в маленький казахский посёлок Майкаин. В памяти осталось, как дядя Вася – красавец с острыми, правильными чертами лица, – радостно схватив маленького племянника на руки, перепрыгивая через ступеньки, бежит с ним на второй этаж – в недавно полученную квартиру. Талантливый аккордеонист, в Майкаине Василий Николаевич Трубин работал начальником клуба. Он полюбился жителям посёлка, особенно ссыльным чеченцам. Аккордиониста-виртуоза, стройного, высокого, похожего на чеченца, с охотой приглашали на свадьбы. Весельчак, он мог держать себя с достоинством, поддержать компанию уместной шуткой и песней.

О дружбе дяди Васи с чеченцами корреспондент узнал много позже. Там, в Казахстане, его душу неброской красотой тронули казахские юрты, разбросанные в степи, как потерянные тубетейки. Шестилетний городской житель всегда с волнением ждал появления конных пастухов, пригоняющих сытых, спокойных животных. Вечерняя прохлада, нежгучая пыль, хлопанье кнутов, призывное мычание дойных коров, узкие, цепкие глаза азиатов, крепко сидящих в сёдлах, пробуждали в нём чувство тревоги и одновременно пытливой радости.

Небо над степью, куда запрещали бегать, как зеркало отражало всю палитру жизни песков. Он видел в облаках караваны гордых верблюдов, рысящих волков, несущихся во весь мах неосёдланных лошадей.

В зовущую степь вела дорога, на которую было опасно вступить. Ну как преодолеть хотя и невысокий забор и вдруг навсегда покинуть людно населённый весёлый дом? Он лишь подбегал к штaketнику и, прижавшись лбом к летним, нагретым доскам, подолгу вглядывался в глубину степной воли: её солнечного сияния или клубящейся непогоды.

Тем воскресным утром ему словно кто шепнул: не залёживаться. Стоя у забора, он сначала увидел птицу – распластав крылья, та парила там, где дорога смыкалась с небом. Сложив крылья, птица присела на землю и неожиданно пропустила вперёд себя людей, которые стали расти в глазах, надвигаться, теснить небо, как нарождающаяся гроза. Скоро сильное зрение открыло мальчику, что во главе молчаливой, похожей на живую волну, толпы, опираясь на крючковатые, сухие палки, с тяжёлым достоинством идут мрачные, одетые в чёрные пиджаки и брюки, старики: сами – в косматых, высоких папахах, на ногах – остроносые кожаные сапоги, в начале

зари начищенные до блеска, а теперь – запылённые, словно проделан тысячекилометровый путь. Бородатые, седовласые старцы шли, храня молчание, глядя только вперёд. У ребёнка перехватило дыхание: мощь людей обжигала, притягивала, тревожила, заставляла тянуться вверх.

За старцами, что и взглядом не удостоили светловолосого мальчика, шли, показывая широкими плечами, мужчины в расцвете атлетической красоты. Их, шагающих почти в ногу, шло много: кто – в папахах, кто – в надвинутых на глаза кепках тёмных тонов, и на всех – чёрная, хорошо отглаженная простая одежда. Иссиня-чёрные, рыжие подстриженные усы и бороды едва трогала седина. Сдвинув ряды, мужчины шли, такие разные в молчаливом единстве.

Перед взором мальчика словно чужая жизнь пролетала: почитаемая старость; твёрдые зрелые годы; пронзительная, набирающая силу молодость; вспыльчивая, ранимая юность.

Замыкали мужской поток дети. Никто их не опекал, не держал за руку, не подгонял окриком. Мальчишки в белых рубашках, перетянутых на талии наборными, с узорными металлическими пластинками, ремешками, по-взрослому держали строй и дистанцию.

Поднятая сотнями ног терпкая казахская пыль не могла скрыть толпу. Даже песок подчинялся грозному неизвестному большинству.

За детьми шли старухи в тёмных узорных платках и длинных платьях до пят, – и опять непонятное волнующее течение чужой жизни прошло перед растревоженным ребёнком.

Казалось, в воздухе парили колдуньи: лёгкие, несмотря на грузность, старухи шли, не поднимая пыль. За ними держали путь женщины с маленькими детьми. В огромных, чёрных глазах – корреспондент только теперь понимал – таилось достоинство исполненного перед природой долга, уверенность, что будущая старость неприкосновенна.

Красота острогрудых девчонок в тёмных шёлковых платьях останавливала дыхание. Длинные косы струились по нежным плечам, как волшебные украшения.

Проснувшимся мужским естеством мальчик ощутил тоску по неподвластной чужой красоте, духовной независимости, запретному для него кругу жизни. Чистые лица девушек, ясность глаз открыли его подсознанию природную высоту их женственности, особую память на зло и добро. Девушки были недоступно желанны, и ему захотелось плакать.

Замыкавшие шествие младшие девочки тоже смотрели только вперёд – румяные, фарфоровые куколки, обещавшие быть прекраснее матерей.

Этот велико-торжественный поток навсегда остался в памяти корреспондента, вспомнившего его ночью 15 января 1996 года. То, что он видел шестилетним ребёнком, было выходом ссыльных чеченцев на воскресный майкаинский базар – походом живущих вне времени горцев, тосковавших по утраченной родине и свободе.

Ещё не рассвело, когда в набитый до отказа КАВЗ, стоящий за «Кунгом» Крестьянинова, к спящим собровцам попытался войти незнакомый, плотный, невысокого роста генерал со свитой из четырёх полковников МВД.

– Предстоит штурм! – решительно-бойко сказал он, задержавшись на первой ступеньке и ожидая реакцию на проявленное к спецназовцам внимание. – Какие есть пожелания, просьбы, вопросы?..

Прерывая начавшийся шум, старший лейтенант Грибанков выкрикнул:

– Сапёров нам придадут? Впереди минные заграждения, растяжки!

Генерал-майор растеряно оглянулся на свиту. Сгрудившись на узком входе в автобус, полковники тихо посовещались... Наконец один что-то прошептал генералу, и тот озвучил:

– Возьмите с собой побольше гранат. Будете кидать их впереди себя, и всё сдвигается: появится путь для прохода.

– Пошёл на...! – Возмущению офицеров СОБР не было предела.

Защёлки затворы автоматов, а водителю автобуса пообещали намылить шею, если в такую рань – шёл четвёртый час утра – он ещё кому-нибудь откроет дверь.

Генерал, не прощаясь, исчез. За эти пять суток собровцы видели немало праздничношающих, но это неординарное появление осталось в памяти, как предутренний кошмарный сон.

Всю ночь, освещая округу, над селом Первомайским горели «люстры» – долгоиграющие выстреливаемые из миномётов гирлянды ракет. На большой высоте утюжил небо бомбардировщик.

Редко вспарывали тишину автоматные выстрелы: часовые стреляли от холодного одиночества. Мысли о смерти в сознании часовых не задерживались. Казалось, умрёт кто-то другой, а не ты, у которого молодая жена, дети, старая мать, недостроенный дом.

Солдаты, жаждущие сна, как девичьей любви, о смерти вообще не думали. Они были на коротке с бессмертием. Возможность завтрашнего казалась ребятам неправдоподобной, в неё невозможно было поверить, как и в своё превращение в ничто.

**Кокорин
Сергей Аркадьевич**

Член Союза писателей России, председатель Курганской областной писательской организации и правления Курганского отделения Российского фонда мира, руководитель Ассоциации литературных объединений Курганской области.

Родился в 1955 г. в посёлке Мишкино. В 1978 г. окончил Курганский машиностроительный институт, в 2001 – Академию государственной службы при Президенте РФ. В 1996 и 2000 гг. избирался главой Кетовского сельсовета, в 2004 и 2009 – главой Кетовского района Курганской области.

Автор более 20 художественных книг, в том числе публикаций в областных и районных газетах, в журналах «Сибирский край», «Тобол», «Родник», «Веси» и «Врата Сибири» (Тюмень). Член редколлегии журнала «Тобол».

Коля Сёмушкин, ученик пятого класса, вышел после уроков из здания школы, забросил ранец за спину на одно плечо – второй ремень был порван – и направился через заснеженный двор к воротам. Чувствовалось приближение марта. Солнце сверкало по-весеннему.

– Колька-а! Айда к нам! – позвали пацаны-одноклассники. – Помогай «Б» класс с сопки стелкивать!

В углу двора, где бульдозером была нагуртована огромная куча снега, ребята играли в «сопку», азартно воюя за господствующее положение на вершине снежной горы.

Сёмушкин даже не ответил – просто махнул рукой: некогда, мол. Не было у него последнее время настроения в игры играть. Полученная сегодня двойка по математике тоже радости не добавляла.

Вообще-то Колька учился неплохо. За четвёртый класс у него в табеле ни одной тройки не было. Но вот когда померла мама и они с отцом остались одни... Тут и начались проблемы. Всё в их жизни полетело кувыркком и стало наперекосяк. Пожили сначала вдвоём, потом отец привёл в дом женщину. Велел слушаться и называть тётей Ниной. Колька, конечно, понимал – слушаться надо. Но вот называть её как-то – язык не поворачивался. Какая она ему тётя? Чужой человек. Не мог он найти с ней общего языка. Точнее, она не могла. Потому что Колька и не искал. Слишком много в его душе занимала мама, которую он вспоминал каждый день, впадая в никому непонятную печаль хоть дома, хоть на уроке.

Домой идти тоже не хотелось – отец придёт поздно, а быть в квартире вдвоём с мачехой – тягостно. Он уселся на деревянную скамейку, около которой часовыми стояли два голых тополя, достал из кармана лупу, из сумки – кусок фанеры и, ловя увеличительным стеклом яркое солнышко, стал выжигать.

На следующий день Сёмушкин вошёл в школу сразу же после звонка. Опоздал всего на минуточку. И – надо же такому случиться – в коридоре встретил завуча Тамару Леонидовну.

– Сёмушкин! Опять опаздываем? Шапку-то сними – в школу вошёл.

Колька стянул с головы ушанку.

–И опять ты, конечно, не постригся. Если сегодня прямо после школы не отправишься в парикмахерскую – отца вызову! Марш на урок!

После пятого урока Клавдия Ивановна – учитель русского и литературы – объявила, что будет репетиция.

– Я не могу, Клавдия Ивановна, мне велели в парикмахерскую, – заявил Колька, – а то отца вызовут. А ему некогда – у него работа.

– Нет, нет, Коля! Я поговорю с Тамарой Леонидовной. Ты пострижешься после нашего спектакля. Ты же стриженный совсем не похож будешь на Ваньку Жукова! А нам с тобой нужно, чтобы зрители поверили...

Колька пошёл в актёрский зал. Там уже репетировали старшеклассники. Сёмушкин уселся на первый ряд. Стал смотреть. На сцене монолог Печорина читал Вадим из девятого класса.

– «Пробегаю в памяти всё моё прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?..»

Сёмушкину показалось, что Вадим обращается прямо к нему.

– «...А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные...»

Колька подумал: «А действительно, зачем люди живут?» И тут же вспомнил маму. «Ну, мама понятно, зачем жила – чтобы меня родить, а вот отец, к примеру, зачем? Неужели только для того, чтобы на своём самосвале ездить?»

Началась репетиция инсценировки Чеховского рассказа «Ванька». Текст от автора читала отличница Люба Гольщева. Коля Сёмушкин должен был изображать, как Ванька Жуков пишет письмо бабушке, выразительно декламируя текст. Слова Колька выучил уже давно наизусть – что называется, от зубов отскакивали. Но Клавдия Ивановна сделала замечание:

– Ты, Коля, читаешь слишком бесстрастно, а должен проникнуться переживаниями героя: это *ты* пишешь письмо бабушке, это *тебе* невыносимо жить в чужих людях. Нужно не просто сообщать информацию, а читать так, чтобы заставить зрителей сочувствовать тебе, переживать вместе с тобой... Порепетируй, пожалуйста, дома с учётом моих пожеланий!

Колька покивал головой и вздохнул – дома-то ему как раз и не хотелось репетировать.

Праздник состоялся через два дня. Актёрский зал был полон. Даже директор школы нашёл время и пришёл посмотреть на творчество своих воспитанников. Вначале пел хор, выступали танцоры, затем читали стихи. Потом начались постановки. «Ваньку» ставили в самом конце.

Посреди сцены стоял выдавший вида самодельный стол, более напоминавший скамью. Стоял пузырёк с чернилами, лежал лист бумаги. Свеча горела на столе, за которым сидел Колька Сёмушкин в старенькой косоворотке.

Как только Люба произнесла свои слова, Коля начал:

– «Милый бабушка, Константин Макарыч!.. Поздравляю вас с рождеством и желаю тебе всего от господ бога. Нету у меня ни отца, ни мамочки, только ты у меня один остался».

Снова зазвучал авторский текст. Сёмушкин поднял голову, пугливо оглянулся, затем посмотрел на свечу и задумчиво поскрёб ручкой висок.

– «А вчера мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятёнка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селёдку, а я начал с хвоста, а она взяла селёдку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьёт чем попадя. А еды нету никакой...»

Милый бабушка, сделай божескую милость, возьми меня отсюда домой, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...»

Колька прерывисто вздохнул, всхлипнул и смахнул кулаком слезу. Ему показалось, что это действительно он пишет письмо. Даже забыл про зрителей, которые

сидели не шелохнувшись, удивляясь, как Сёмушкин натурально изображает много-страдального ученика сапожника. Было слышно, как скрипит по бумаге железное перо.

– «Я буду тебе табак тереть, богу молиться, а если что, то секи меня, как сидорову козу... Дедушка милый, нету никакой возможности, просто смерть одна».

По щекам Кольки покатались две крупные слезы. Зал сидел, затаив дыхание. Он макнул перо в чернильницу и сдавленным голосом продолжил:

– «Хотел было пешком на деревню бежать, да сапогов нету, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрёшь, стану за упокой души молить, всё равно как за мамку Пелагею...»

Колькин голос задрожал, плечи дёрнулись, он уронил голову на руки и заплакал навзрыд...

Зал взорвался аплодисментами:

– Браво, Сёмушкин! Молодец!.. Мо-ло-дец!..

Колька схватил своё письмо и убежал со сцены. Вышла Люба Гольшева, чтобы сказать завершающие слова. Но зрители продолжали аплодировать и кричать «Браво!»...

Клавдия Ивановна нашла плачущего Кольку в раздевалке. Отвела в учительскую. Обнимала и гладила по вихрастой голове. Он уткнулся в её пахнущее духами платье и никак не мог успокоиться. Учительница налила ему воды из графина. Сёмушкин выпил полный стакан, шмыгнул носом и сказал:

– Не получится из меня артиста, Клавдия Ивановна! Нет у меня таланта...

– Артистом быть – это не самое главное в жизни. А талант у тебя есть, Коля. Самый главный талант...

На следующий день у Сёмушкина в журнале появилась первая в этом году пятёрка. За достоверное воплощение на сцене образа Чеховского литературного героя Ваньки Жукова. Так учительница сказала.

Слепой дождь

Дождь брызнул внезапно. Это было тем более неожиданно, что июльское солнце никуда не спряталось. Оно светило по-прежнему. Так же ярко. Ну, может быть, не так жарко. Дождь был насквозь пронизан солнцем, а над дорогой повисло низкое облако пыли. Тяжёлые, крупные капли не столько смачивали прокалённую солнцем дорогу, сколько выбивали пыль из бархатного дорожного ковра.

Через несколько минут дождик прекратился, и над райцентром повисла радуга. Усидеть дома в этот момент было никак невозможно. Васька выглянул в окно, ребята выбегали из домов. Компания, конечно, была не его. В основном – мелюзга: на три–четыре года младше. Самый старший из них был Юрка. Но и тот был младше его на год. Юрке было двенадцать. Он гордился тем, что его звали как Гагарина. Юрий Гагарин был человеком, про которого говорил весь мир: только что, четыре месяца назад, он летал в космос. Ещё Васька на улице увидел Надю и тут же собрался. Её он хотел видеть всегда.

Смоченный тёплым дождём песок на дороге прилипал к ребячьим босым ногам, но зато растущая у дворов конотопка приятно холодила подошвы. Играли в «вышибалу». Одна команда выбивала резиновым мячом другую из обозначенного сектора. Если мяч в тебя попал, выбываешь из игры. Если же ты, изловчившись, поймал мяч, получаешь дополнительное очко.

Васька, как самый старший и ловкий, быстро выбил всю команду противников, ловя восхищённые взгляды Нади. Играть ребятам стало неинтересно. Уселись на лавочку, весело болтали ногами и языками. Васька рассказывал, как он в ком-

пании ребят постарше участвовал в набеге на казённый плодопитомник; как ловко они, нарвав яблок, ускользнули от сторожа.

Со стороны переулка показался пьяный дядька. Это был чужой человек, не с их улицы. Одетый в пиджак прямо поверх линялой майки, он шёл со стороны магазина, поднимаясь выше по переулку. Там были ещё две улицы, за ними пустырь, за пустырём – тот самый плодопитомник. Пьяный мужик, увидев ребятишек, свернул к ним, присел на лавку, разговорился.

Видимо, он не очень торопился домой, хотелось поговорить. Мужик балагурил, нёс какую-то чепуху, дети смеялись. На тыльной стороне ладони у него была наколка – восходящее солнце и надпись «Север». Васька тоже веселился, подначивал мужика: «Ну, расскажи что-нибудь ещё, врёшь больно складно!»

Пьяный пошарил в своих карманах, достал пачку из-под папирос. Она была пуста. Он повернул голову к Ваське: «Дай закурить!» Пацан рассмеялся: «Курить вредно!» И тут мужик ни с того ни с сего своими твёрдыми пальцами, выставленными рогаткой, ударил Ваську прямо в глаза: «Не скаль зубы!» Тот чуть не вскрикнул от боли. Отшатнулся, закрыл глаза ладонями, потекли слёзы.

Не то чтоб Ваське было обидно. Не то слово. Он не ожидал такой подлости от человека, с которым только что на равных шутил и смеялся. Обида и злость буквально захлестнули его. И ещё – стыд за то, что вопреки его воле текли слёзы, а он сдерживать их не мог. И это видела Надя...

Васька отошёл в сторону. Боль не отпускала, как не отпускала и горечь унижения. Постояв немного, чтобы сохранить лицо перед ребячьей командой, он потихоньку направился к своей калитке. Притихшие ребята вслед за ним тоже стали расходиться.

Пьяный покрутил головой, бросил на землю смятую в кулаке папиросную пачку, и направился в переулок. Васька это увидел. Гнев и обида в нём кипели по-прежнему.

Он забежал под навес, открыл дверь в мастерскую отца. На стене в проволочных петлях висел аккуратно прибранный инструмент: отвёртки, стамески, шила, напильники. Он схватил первый попавшийся, с деревянной ручкой, спрятал под рубахой и побежал за пьяным мужиком.

Тот медленно шёл по пустынному переулку, что-то бормоча себе под нос. Васька в злом азарте, не задумываясь, догнал его и ударил сзади с маху в правый бок. Изготовленное из старого напильника шило вошло меж рёбер.

Мужик схватился одной рукой за бок. Попытался было повернуться, но ноги его подкосились и, глухо сматерившись, пьяный упал в заросли репья и крапивы, тянувшиеся вдоль прясла.

Васька отскочил назад. Сорвал лопух. Трясущейся рукой вытер кровь с заточки и пустился бегом обратно. Только положил шило на место в мастерскую, столкнулся во дворе с отцом. Тот с удивлением посмотрел на взъерошенного сына. Ничего не спросил.

На следующий день по домам ходил милиционер с Т-образными лычками на погонах, опрашивал всех, кто видел мужчину в коричневом пиджаке и серой кепке. Васькин отец был на работе. Мать спросила милиционера, что случилось.

– Кончился этот мужик в соседнем переулке. От потери крови помер, видно всю ночь пролежал...

– Ой-ёченьки!.. Чево это кровь-то из него текла?..

– Может, подкололи... А может, сам напоролся, нетрезвый был... Выясняем.

Васька сперва сказал, что никого не видел. Милицейский старшина посмотрел ему в глаза:

– А соседские ребята говорят, что подходил мужчина... Ты был с ними?

– А! Точно. Я и забыл. Подходил какой-то... Да...

– А после что было?

– Так я и не знаю, я домой ушёл.

Через два часа с работы пришёл отец. Узнав от матери новость, пошёл в мастерскую. Он сразу увидел бурые пятна на заточенном напильнике. Ему – бывшему сидельцу – не надо было объяснять, что это за пятна.

В дом он ворвался в ярости. Васька кинулся к двери, отец зацепил его своим кирзовым сапогом. Васька упал, попытался скрыться под кроватью. Отец выдернул его за ногу. Одним движением захлестнул тяжёлый ремень вокруг запястья правой руки, и пряжка со свистом рассекла воздух. Васька лежал молча, только плечи вздрагивали после каждого удара. Мать вбежала с кухни, кинулась к отцу.

– Сдурел, Игнат!.. Хватит, перестань!..

Отец с силой оттолкнул её, да так глянул, что она встала, обняв дверной косяк, и замолчала. Она тоже испугалась. Игнат трезвый никогда не поднимал руки. Ни на неё, ни на сына. Он был явно не в себе. В таком бешенстве она его не видела никогда. Васькины плечи вздрагивали. Мать тоже вздрагивала с каждым ударом. Пряжка люто гуляла по худому телу. Отец бил с остервенением, не жалея сил, как бьют в голодный год зашедшую в потраву чужую скотину. Когда пряжка попадала ребром, на рубaxe выступала кровь. Васька, сжимая в кулаках половик, молча глотал слюны. Наконец, отец швырнул ремень в угол и, пнув дверь, вышел из хаты. Мать бросилась к сыну.

Отец снова зашёл в мастерскую, взял заточку. Пошёл в конец огорода. Бросил заточенный напильник в помойную яму, присыпал его землёй...

Васька лежал на кровати на животе. Мать намазала спину мазью. Было больно, но слёз не было. Сквозь железные прутья кровати смотрел в окно. Там снова, как и вчера, пошёл дождь. Слепой дождик. Вовсю светило солнышко и в воздухе капель дождя почти не было видно, но по стеклу они цокали, как стеклянные. Васька подумал: «Интересно, сегодня будет радуга или нет? Из окошка не увижу...»

День дурака

С утра было ясно, и раннее весеннее солнце, легко пронзая голые озябшие деревья, ударило в окна пятиэтажек, оповещая жильцов, что последний зимний месяц март закончился и наступил долгожданный апрель, оправдавший надежды горожан хотя бы тем, что день обещал быть тёплым и безветренным.

Лёня Туманов, инженер-проектировщик «Гипротрансмаша», легко перепрыгивая через небольшие и редкие лужицы, спешил на работу. Спешил не потому, что Туманов был рьян в работе, нет. К работе он относился прохладно. Но сегодня он туда стремился особенно, потому что и день был особенный. Первое апреля. А Туманов, «по мнению многих, судей решительных и строгих», обладал исключительным чувством юмора.

Кстати, сам он о себе был того же мнения, считая, что если у человека отсутствует чувство юмора, то его место занимает глупость (или, по крайней мере, та самая простота, которая хуже воровства). И совершенно забывая о том, что у палки два конца. Следуя той же логике инженера Туманова, можно смело утверждать: чем больше в человеке чувства юмора, тем меньше места для других чувств, которые ценятся не менее высоко. Ведь, если задуматься, – именно чувство юмора заставляет нас смеяться над тем, что случилось с другими, но случись это же самое с нами – непременно бы нас расстроило. Потому у хронических юмористов нередко развивается цинизм...

Однако оставим наши безнадёжные потуги определить, что такое юмор, поскольку именно отсутствием последнего можно объяснить попытки дать ему точное определение.

Итак, Лёня Туманов спешил на работу, потому что страшно любил розыгрыши. Он уже предвкушал, как с утра отправит к директору своего друга Кирилла Данилушкина – и как тот (забыв, по обыкновению, какое сегодня число) пойдёт туда, волнуясь и гадая, зачем вызвали именно его и с самого утра. Он представлял, как разыграет других своих коллег: те, хотя и помнят про первое апреля, всё равно каждый раз покупаются на его (Лёнины) розыгрыши.

А в делах шуточных Лёня был мастер, артист, виртуоз. Только он мог с самым серьёзным и озабоченным видом сочувственно сообщить лаборантке Леночке: мол, техник Варфоломеев по пьянке поспорил на месячную зарплату, что выльет ей (Леночке) на причёску пузырёк с тушью, потому что у него (Варфоломеева) совершенно дикая идиосинкразия на волосы розового цвета. Потом передать уже самому Варфоломееву: мол, эта самая Леночка (к ней техник как раз неровно дышал) просила срочно принести ей два пузырька туши – «да побыстрее, одна нога здесь, другая там!» И потом, стоя в сторонке, наблюдать, как, сбивая сотрудников, лаборантка с визгом несётся по коридору от техника Варфоломеева, что недоумённо протягивает к ней длинные руки с флакончиками чёрной туши...

На своё рабочее место Туманов не спешил: заглянул в приёмную, поинтересовался у секретарши Люси, как дела. На что последняя показала большой палец с тёмно-вишнёвым ногтем:

– Всё о'кей, Леонид Александрович! Уже давно все работают, чего и вам желаем.

Лёня взглянул на дверь директора и прочёл объявление: «Сегодня, первого апреля, я никого не вызывал и вызывать не намерен».

– Ого! – удивился Туманов. – У Виктора Игоревича чувство юмора проснулось...

– Сегодня, Туманов, не бу-у-дет обманов! – мелодично пропела Люся, подняв на этот раз указательный палец с ногтем совершенно другого цвета.

– Ну да, ну да, – пробормотал Лёня и вышел.

Его тренированный мозг лихорадочно заработал в поисках нестандартного прикола. Первой жертвой должен был стать Данилушкин на правах лучшего друга и самого простодушного члена многочисленного коллектива «Гипротрансмаша». И тут Лёне повезло (а может быть, и вмешался кто-то из потусторонних наших благодетелей): на журнальном столике в холле он увидел забытую кем-то фотографию девушки лет четырнадцати–пятнадцати. Запущенный на целевой поиск какой-либо каверзы мозг сразу же подсказал дальнейший ход действий.

Инженер Туманов спустился на первый этаж и, не объясняя, зачем и для кого, попросил Леночку набросать своим красивым почерком несколько строк. Затем в приёмной у Люси умыкнул конверт из поступившей в адрес института корреспонденции, приписал внизу: «К. П. Данилушкину», наобум указал обратный адрес и, зайдя в свой отдел, незаметно пристроил конверт на стол начальнику.

С чувством исполненного долга Леонид Туманов наконец-то встал к кульману и сосредоточился на схеме гидропривода, которую мучил уже третью неделю.

(Нужно, наверное, пояснить читателю, что дружба Туманова и Данилушкина основывалась не только на том, что они закончили один вуз и пришли в «Гипротрансмаш» практически одновременно, но и на том, что оба были холостяками – хотя обоим было уже основательно за тридцать. Лёня со своей женой развёлся и жил с родителями, а Кирилл Данилушкин – или Кирюша, как его звали коллеги – так и не был женат, хотя (по рассказам его друга Туманова) пережил драматическую разлуку с возлюбленной после окончания института. Девушка оказалась более прагматичной, чем Данилушкин, а потому с ним рассталась и вышла замуж за тре-

нера по дзюдо, у которого – в отличие от бесхребетного Кирюши – был характер. Кроме характера, правда, у него была ещё квартира и автомобиль «Жигули», но это уже так, к слову. К делу это не относится.)

Минут через пятнадцать начальник отдела, обнаружив на своём столе конверт, позвал Данилушкина:

– Возьми, Кирилл Петрович, тебе адресовано. Я даже не помню, кто его принёс.

Кирилл взял письмо, повертел им у себя под носом, поправил очки и пошёл на рабочее место, где вскрыл конверт ножом для бумаг и стал внимательно читать письмо, держа его в одной руке, а фото в другой, время от времени переводя взгляд туда и обратно. Лёня Туманов, чтобы не расхотаться, срочно убежал курить.

Когда он вернулся, то вместо обескураженной физиономии Кирюши увидел, что тот показывает письмо инженеру Гаврилову и, сияя как новый пятак, делится новостью:

– Нет, вы посмотрите, Сан Саныч, у меня, оказывается, дочь есть! Вот ведь какая штука! Как нашла-то меня?.. Взрослая уже девочка – четырнадцать лет!

– А не пошутили с тобой, Кир? – пытался опустить коллегу на грешную землю флегматичный Гаврилов. – Всё-таки первое апреля сегодня...

– Так это сегодня, Сан Саныч, а письмо-то вчера пришло! Вы посмотрите на штемпель...

– Да, действительно вчера... И адрес есть?

– Есть, есть! – Данилушкин показал адрес.

Гаврилов заметил:

– По-моему, это у чёрта на куличках...

Но Кирилл его уже не слышал: делился своей радостью с другими коллегами.

Когда пришла суббота, Данилушкин погладил белую рубашку, выбрал галстук поярче и собрался ехать по указанному адресу. Его незадачливый друг Туманов, видя, что шутка зашла слишком далеко и ситуация выходит из под контроля, решил её (ситуацию, то есть) исправить и с утра явился к другу с предложением:

– Кирилл, сегодня нас с тобой Фонарёв Жорка с супругой приглашали на новоселье...

– Не могу, Лёня, не могу. Я сегодня к дочери еду. Волнуюсь, знаешь...

– Ты что, старик! Нельзя так, Фонарёвы обидятся! Заедем ненадолго.

Настойчивый Туманов уговорил уступчивого Данилушкина поехать к Фонарёвым, надеясь, что он остынет и откажется от своей идеи познакомиться с несуществующей дочерью. В этот день Кирюша, конечно, никуда не поехал.

В воскресенье всё повторилось. Данилушкин купил торт, цветы и собрался выходить из квартиры. Здесь его опять перехватил Лёня:

– Старик, ты что – забыл, что у меня сегодня день рождения? Потом съездишь по своим делам. Я столик заказал в ресторане на шесть персон...

Но на сей раз Кирюша был неумолим. Он взял Лёньку за пуговицу модной куртки и, глядя поверх очков прямо в его нахальные голубые глаза, сказал:

– Лёнчик, я прекрасно помню, что день рождения у тебя через неделю. Так что не надо. Проведёшь один выходной без старого товарища. Поверь, для меня эта поездка очень важна...

Туманов, видя, что иначе друга не остановить, набрался смелости и признался, как в холодную воду прыгнул:

– Кирюша, ты меня прости. Я понимаю, что это идиотская шутка, но никакой дочери нет. Это я пошутил...

Данилушкин посмотрел на него с сожалением:

– Лёня, нельзя быть таким эгоистом и завидовать счастьем друга. Я прекрасно знаю твой почерк. А это письмо писала молодая девушка. Тут и экспертом не надо быть. – Он надел плащ и взял с полки шляпу. – А ты не бойся – от того, что у меня появилась дочь, в нашей дружбе ничего не изменится. Так же будем и в шахматный клуб ходить, и в спортзал...

Он решительно направился к двери. Остановить Данилушкина могло только стихийное бедствие. Но на улице было тепло и солнечно.

Через пять минут он уже стоял на троллейбусной остановке. Ещё через пять подошёл троллейбус с отличным номером «5». Ехать предстояло далеко, поэтому Кирилл был доволен, когда через пару остановок ему удалось пристроиться на освободившееся место. Положив коробку с тортом на колени, а цветы – на коробку, Кирюша поправил очки и уставился в окно.

Начинался ветер, и необрушенная прошлогодняя листва поднималась с газонов, кружась, летела под ноги прохожим. По ясному с утра небу побежали белые барашки облаков, временами закрывая весеннее солнце, отчего в троллейбусе сразу становилось сумрачно. Настроение Данилушкина понижалось. Появилось смутное беспокойство. Он вдруг задумался: что же он скажет, явившись к чужим людям; с чего начнёт разговор? Может, письмо показать? А вдруг девочка писала тайком от родителей?..

Время пролетело быстро за тревожными мыслями. Объявили нужную остановку, и Кирилл поднялся. Ветер не унимался – хорошо ещё, был попутным. Данилушкин поднял воротник и пошёл, оглядываясь на номера домов и следя, чтобы не сдуло шляпу и не улетели букет с тортом.

Найдя нужный дом, ещё раз посмотрел адрес на конверте и решительно шагнул в подъезд. Квартира была на пятом этаже. Поднимался медленно, чтобы не запыхаться. Кирилл глубоко вздохнул и позвонил.

Звонил он три раза. Судя по всему, дома никого не было. Кирилл опять вздохнул и зачем-то посмотрел на часы. Решил позвонить в соседнюю квартиру. Открыла толстая тётка в линялом халате и в бигуди.

– Здравствуйте! Вы не скажете, соседи ваши... Лена, девочка такая... Здесь живёт?

– Какая ещё Лена? Шляются тут... Девочек им подавай! – Дверь захлопнулась.

Данилушкин вышел на улицу. Присел на скамейку у подъезда. Ветер приутих. Но начинал капать мелкий дождь. Из подъезда выкатился карапуз лет трёх-четырёх в ярком комбинезоне с лопаткой в руках и сразу подошёл к нему:

– Дядя, ты кого ждёшь?

Кирюша пожаловался:

– В гости, понимаешь, приехал, а хозяев нету. А тебя как зовут, мальчик?

– А я не мальчик, я девочка. А ты плохо видишь потому, что у тебя очки тёмные, да? Меня зовут Оля...

– Да, извини, не разглядел. А меня Кирюша... то есть дядя Кирилл... зовут.

Хлопнула дверь подъезда. Вышла мама в такой же яркой куртке и синих джинсах:

– Оля, опять ты с разговорами к людям пристаёшь? – Улыбнулась Данилушкину: – Она всё успела у вас расспросить?

– Да нет, собственно, только познакомились...

Женщина взяла ребёнка за руку:

– Идём быстрее: кажется, дождь начинается!

Дождь сеял тихо и мелко. На душе у Кирюши становилось всё печальнее. Чёрные думы стали проникать в голову через намокающую шляпу. «А что, если действительно это всё Лёнька подстроил?» Данилушкин старался гнать прочь такие мысли. Он решил во что бы то ни стало дождаться хозяев – или хотя бы выяснить

у кого-то, живёт ли там девочка Лена. «А что же я у этой мамочки не спросил?.. Эх, тюфяк!» – обругал Кирюша сам себя.

Показалось, что дождь усиливается. Данилушкин зашёл в подъезд, потоптался там минут пятнадцать, снова решил выйти. Тут столкнулся с молодой мамашей и её чадом, которое тут же воскликнуло:

– Кирюша, ты уже был в гости и уходишь?

– Ухожу, Оля, но в гостях не был, – ответил Кирилл и обратился к мамаше: – Простите, пожалуйста, вы не подскажете, кто живёт в двадцатой квартире? Я ищу девочку Лену, ей четырнадцать лет...

Женщина задумалась:

– Там, по-моему, пенсионеры живут. Но у них в гостях внуки бывают. Может, и Лена есть... Надо у них спрашивать. Они обычно надолго не отлучаются...

Обнадёженный Кирилл просиял:

– Спасибо вам большое!

Снова уселся на скамейку, не обращая внимания на дождь. Про себя Данилушкин решил – не сахарный, не размокнет, вот только коробка с тортом начинала терять форму, да и букет выглядел уже далеко не торжественно. Он погрузился в раздумья о том, что его догадка была верной: девочка написала втайне от родителей, потому и указала адрес бабушки с дедушкой...

Однако ход его прозорливых мыслей был прерван – ему постучали из окна первого этажа. Он пригляделся – Олина мама, с которой он только что разговаривал, махала ему рукой. «Наверное, что-то вспомнила», – подумал Кирилл и вошёл в подъезд. Дверь квартиры открылась.

– Заходите уже, обсохните! Вы же совсем промокли, так и заболеть недолго!

Данилушкин хотел возразить, что и в подъезде обсохнет, – но из квартиры потянуло теплом, и ноги сами ступили в прихожую.

– Да я, собственно... – успел промямлить промокший гость и уронил коробку с тортом на пол. То, что подняли с пола, формы уже никакой не имело, поэтому хозяйка унесла бывшее кондитерское изделие на кухню.

Когда она вернулась, мокрый Данилушкин всё ещё топтался в прихожей.

– Ну вот, ваш торт теперь можно есть только ложкой! Так что идёте пить чай, чтобы добро не пропало.

Только на кухне, согревая руки о горячую чашку, Кирюша понял, как сильно замёрз. Пока пили чай, Полина (так звали хозяйку) всё у него выспросила. «Вот в кого Оля такая общительная», – подумал Данилушкин.

На кухню заглянула сухонькая женщина лет пятидесяти. Кирюша сказал: «Здрате!» Та оглядела его с головы до ног, кивнула и вышла.

– Мама, – пояснила Полина, – с мамой живём. Налить ещё чаю? А про вашу Лену я всё разужнаю, как только они приедут. Вы оставьте свой телефон, я вам позвоню.

Была в её словах какая-то спокойная уверенность, которая передалась Данилушкину. Оттого уехал он с чувством выполненного долга и стал ждать звонка, никуда не выходя вечерами из своей коммуналки и отказываясь от всех приглашений Лёньки Туманова, которому даже не рассказал о результатах поездки. (А тот и не спрашивал, боясь навлечь гнев друга. Чуял кот, чьё мясо съел.)

Дни шли, а обещанного звонка всё не было. Наступило утро субботы. Данилушкин не знал, куда себя деть. От острого приступа депрессии спасла телефонная трель. Звонила Полина. Когда Кирюша её услышал, голос его радостно завибрировал в ожидании хороших новостей. Но его опустили с небес на землю:

– Вы знаете, Кирилл, – я всё-всё у них выспросила, но девочки Лены у них нет. В их семье вообще девочек нет. Все внуки – мальчики...

Услышав, как Данилушкин после повисшей паузы обречённо выдал из себя: «Спасибо вам...», Полина сказала:

– Кирилл, знаете что?.. Приезжайте к нам, мы опять чаю попьем!

И Данилушкин поехал.

Ну вот и всё, конец истории. А для чего же я это рассказывал? Ах, да – главное-то, как всегда, и забыл! У Кирилла с Полиной дочь родилась. И родилась она именно первого апреля. Истинная правда! А назвали они её... нет, не скажу: забыл, как назвали, а врать не хочу. Коли решил, что в этом рассказе будет только правда, пусть так и будет.

А в крёстные для своей дочки Данилушкин Лёньку Туманова позвал. Он на него нисколько не обиделся. Потому что, во-первых, на дураков не обижаются, а во-вторых... а за что обижаться-то?

**Куренёв
Алексей Михайлович**

Член Союза писателей России, Совета по Прозе Союза писателей России, Правления Челябинской областной писательской организации. Выпускник Литературных курсов ЧГИК (2018). Лауреат II областного литературного семинара «Сочинительный Союз» (2022), финалист X Архангельского межрегионального литературного конкурса им. Александра Грина (Гринфест «Остров надежды», 2023). Финалист Всероссийского литературного конкурса «ГЕРОЙ» (2024).

Автор публикаций на сайтах Ассоциации писателей Урала и «Российский писатель», а также в сборниках и журналах, в том числе «Невский альманах» (Санкт-Петербург), «Южный Урал» (Челябинск), «Солнечный Круг» (Рыбинск), «Подъём» и других.

Родился в Самаре. Живёт в Челябинске. Окончил Ульяновское высшее военное инженерное училище связи (1998). Окончил Самарскую государственную академию путей сообщения (2003). По роду своей деятельности длительное время жил в Кургане.

В «Тоболе» публикуется впервые.

Галилея

Солнечное и безоблачное воскресное утро шало по заброшенной пашне. Измотанные, но живые, разведчики двигались по весеннему большаку, вдоль поля. Весна на курской земле наступала рано. Снег месяц как сошёл, и апрельский короткошёрстный зелёный ковёр укутывал землю Посемья, старательно пытаясь натянуть тонкое полотно на воронки прилётов с рваными краями. Деревья набухали почками, готовыми вот-вот взорваться молодыми листьями. Сквозь ещё голые ветки виднелись поля. Воздух был кристальным. Пахло травой и ожиданием весенних дождей.

Задание выполнено, и группа шла размеренно, не торопясь, экономя силы. Амуниция, казалось, весила тонну, но мысли о предстоящей полевой бане, сытном ужине и сне толкали вперёд. Улыбки нет-нет да проскальзывали на лицах разведчиков.

Дорога сделала крутой изгиб – лесополка, разделявшая поля, закончилась; лишь пара деревьев со стволами, перебитыми разрывами снарядов, лежала в направлении села, как сломанные указатели. Показались дома, уставившиеся в лазурь неба чёрными дырами пробитых крыш. Беспилотники тут уже не летали – только птицы заходились трелями.

На войне быстро растут в должностях и званиях – на то есть много причин: ротации, ранения, потери. Кифа воевал уже третий год. В четвёртый раз он командовал группой. В свои двадцать семь этот русоволосый, кряжистый и упрямый сельский парень окончил автомобильный техникум, отслужил снайпером срочку, поработал в автосервисе. Женился. Мобилизовали. Жена в обнимку с двумя дочками смотрели на него с фотографии, которую он частенько доставал из нагрудного кармана в часы отдыха и подолгу вглядывался, возвращаясь мыслями домой.

Взгляд всё время цеплял шнурочек с крестиком на шее у младшей: в памяти тут же возникал небольшой спор с женой о том, на что крестик крепить. Тёща внучке серебряную цепочку подарила, но Кифа настоял на шнурке: «Так правильнее. Не украшение это...»

Командир поднял руку. Рефлексы сработали мгновенно: разведчики замерли. Кифа оглянулся на группу:

– Мужики, смотрите, – он показал рукой на громадный крест, накренившийся низко над землёй. Тень огромным чёрным вороном распростёрлась на земле. Масивный, с облупившейся краской и проступавшей местами ржавчиной, крест своей поперечной перекладиной, как руками, прикрывал росший чуть дальше кустарник, и одновременно неотвратимо нависал над чертогом, окружавшим развороченное подножие. Бетонное основание перевернутым зонтом гриба вздыбилось дёрн вокруг. С бетона свисали комья земли с запутавшимися корнями.

– Похоронили тут кого? – Фаддей снял каску.
– Дурик ты, Фаддей. Тёмный человек, хоть и рыжий. Эт’ у вас в столице кресты только на могилах да на церквях. Для вас Поклонный крест – диковинка. У нашего села такой стоит. Батюшка наш рассказывал, что его поставили, когда вражину с нашей земли прогнали. Навсегда прогнали!

– Эко его выворотило... – Кифа обошёл крест, внимательно его осматривая. Подошёл к покосившемуся кресту, присел и провёл рукой по сварному шву. – Видать, «бэхой» давили.

– С чего ты так решил? – не унимался Фаддей.

– Видишь отметины? – Кифа ткнул в поперечные глубокие зарубы на поникшем железном бруссе, поблёскивающие на солнце израненным металлом. – Аккурат по высоте носа корпуса «бэхи»: у танка клюв пониже будет. А до конца не смогли раздавить из-за подножия креста, которое встало на дыбы в днище «бэхи». Посмотри – заливной конус бетона сверху отломан, – командир показал на ту самую недо-вывернутую из земли грибную шляпищу из цемента, с обломанным верхним краем, в человеческий рост высотой.

– Командир, ну ты следопыт! – Фома подскочил к металлоконструкции и начал поглаживать металлический профиль, как бы на ощупь проверяя слова.

Все сгрудились вокруг наклонённого креста и молчали. Только Лука что-то пробормотал одними губами и перекрестился.

Солнце перевалило через зенит, тени деревьев выросли и крест, казалось, ещё больше навис над землёй.

– Чего делать будем? – Мытарь положил руку на крест.

– М-да-а-а... Нельзя его так бросать, – Лука посмотрел на командира. Луке – в прошлом жителю оренбургских степей – шёл пятый десяток, но выглядел он молодо: поджарый, со смуглой кожей, лишь засеребренное виски выдавали его возраст.

– Парни, понимаю, устали... Приказывать не могу... И не буду: тут у каждого своё... – Командир обвёл бойцов взглядом и процитировал: – «Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них»...

Не говоря больше ни слова, Кифа подлез под опору и, как атлант, взвалил на плечи перекладину. Раскинул руки, пытаясь поднять крест, – и на мгновение напомнил всем человека, замершего под тяжестью взваленной непосильной ноши.

– А ну подсоби!.. – Мытарь встал рядом с командиром, упираясь в край поперечной перекладины, отчего вторая сторона конструкции начала заваливаться.

– Чего стоим? Кого ждём?.. – Лука подскочил к просевшему краю и, оглядываясь на остальных, махнул им рукой. – А ну давай, давай! Навались, православные!..

Человеческие тела упёрлись в крест, который пытался вознестись вершиной к небу, – но его что-то пружинило к земле, и он возвращался в исходное накрёнённое положение. Крупные капли пота, скатывались со лбов бойцов, орошали землю, катились по шеям за шиворот.

Сделав ещё пару попыток, бойцы отпрянули, чтобы собраться с силами. Сели полукругом, прямо на вытопанную траву. Фома и Мытарь закурили. Лука, отдышавшись, встал, подошёл к фундаменту и начал его обходить.

– Кифа, я вот чего думаю: ежели его так заливали на совесть – наверное, нам стоит сначала подкопать под основанием, а уж потом и вертать его на прежнее место? – подал голос Лука, выглядывая из-за бетонного окружия. (Он, в силу возраста и опыта, редко давал дурные советы.) – Только подпереть чем-то бетонину надо, а то, не ровён час, придавит хлопцев...

Командир, одобрительно хмыкнув, обдумывал услышанное. Недолгая пауза прервалась командой:

– Мытарь, Фома, давайте в яму, устанете – сменим. Лука, Фаддей – быстро в лесополку, к повороту, который прошли! Я там видел перебитое взрывом дерево, как раз на подпорку сойдёт.

Земля сверху прогрелась и была податлива. Часу не прошло, как бетонный конус основательно навалился на самодельную сваю, готовый вот-вот упасть в яму.

– Кажись, всё готово, командир! – Лука выбрался из рукотворной впадины, хлопал себя по ногам, выбивая землю, обернулся и подал руку Мытарю. Грузный Мытарь чуть не утянул своего помощника назад в яму.

– Братцы, давайте посидим, покурим?.. Передохнём чутка... Умаялся я чего-то... – Мытарь уселся на траву, утёр пот со лба и достал пачку сигарет.

Сизый дым уносился вверх. Оранжевый диск медленно, но упорно шёл к горизонту.

– Ну, с Богом! – Кифа решительно встал и направился к ржавому распятию, на ходу давая указания: – Лука, услышишь свист – выбиваешь подпорку. Остальные – к кресту!

По сигналу раздался глухой удар дерева о дерево. Грубо обструганный ствол, приспособленный под опору, вылетел из-под цементной громадины. Крест под натиском сильных рук ухнул своим основанием в яму, наверху устремляясь в небо.

Впятером они водрузили крест на место. Фаддей с Лукой остались удерживать крест, пока другие метались по округе и таскали валуны к основанию.

* * *

Группа уходила размеренно, не торопясь, экономя силы. Амуниция, казалось, весила тонну, но мысли о предстоящей полевой бане, сытном ужине и сне толкали вперёд. Улыбки нет-нет да проскальзывали на лицах разведчиков. Позади, рядом с большаком, на въезде в село, возвышался крест. Закатные рябиновые лучи отражались от поклонного креста и светили в спину.

Кифа обернулся, снял тактический шлем, протяжно посмотрел на зарю и перекрестился.

Не баг, а фича

Сколько помню себя, всегда всё принимал близко к сердцу. А помню я себя уже лет тридцать пять. Любая, казалось бы, мелочь, мимо которой иной просто пройдёт, а то и рукой отмахнётся, меня же доводила до иступления, до кипения вен, до белого каления.

Спустя какое-то время ситуация меня отпускала, и я прокручивал её в голове, пытался найти точку входа, которая меня затащила, вовлекла, вкрутила в воронку действия. И находил: это я сам и моё отношение к миру. Как правило, затем наступала следующая фаза: размышлял над положением и начинал поиск выходов из него. Прикидывал и так, и эдак, какие-то расклады отбрасывал, какие-то – помечал для себя достойными.

Следующая ступень – сожаление и разочарование в себе. Мысли о неиспользовании «достойных» вариантов угнетали меня. Я корил, костерил себя на чём свет стоит, ел себя живём и поедом. Затем уныние поглощало меня целиком, словно беспросветная длинная полярная ночь, но проходил месяц, другой, и очередное утреннее солнце гнало мгlistую тоску, давало силы делать что-то ещё. А потом всё повторялось...

С годами я, конечно, научился не показывать, как от перенапряжения подрагивают руки, преодолел срывающийся на крик голос, – но иногда это извергалось из меня так сильно, что удержу не было совершенно никакого. Да и хандра, накатывающая и захлёстывающая с головой после очередного провала, стала чуть меньше по времени, но не менее глубокой.

Во всём плохом есть хорошее, а во всём хорошем есть плохое. Ну вы понимаете – инь-ян и всё такое. Хорошим в моей жизни было наслаждение – интернетом, книгами, едой, женщинами. Не обременял себя долгими отношениями, которые порождали зависимости, да и дружить старался по выгоде, ибо дружба, в моём понимании, должна приносить свои плоды, а если их нет, то она пустая и никчёмная, для неудачников.

И всё бы так и продолжалось в моей жизни, пока я не встретил у своего подъезда, на лавочке, одного странного деда.

Ах, да, совсем забыл представиться – зовут меня Вадим; как вы уже поняли – мне тридцать пять, и был я раньше убеждённым атеистом... Но обо всём по порядку.

В тот сентябрьский вечер я возвращался с работы. На автомате прошёл мимо лавки у подъезда, на которой вальяжно сидел какой-то моложавый старикан. Ткнул ключом в домофон, отчего тот недовольно запищал, открывая доступ к прохладному зеву подъезда. Дёрнул дверь на себя, намереваясь войти, – но был окликнут тем самым сидевшим у подъезда дедком.

Спускаясь по ступенькам крыльца к лавке, я смог рассмотреть пенсионера. Дедова борода была серебристо-белой, как и его длинные волосы, выглядывающие из-под бейсболки. Кавычки морщин, неровными короткими линиями расположившиеся на уголках глаз, выдавали весёлый характер. Ладно сидевший на нём спортивный костюм – явно дорогой и хорошего качества – смотрелся немного вычурно для его лет, но выглядел дед бодрячком, молодил и был, что называется, «на спорте».

– Привет, паря! – сходу начал он.

– Здравствуйте, – я попытался вспомнить пожилого живчика среди жильцов своих каменных джунглей, но не мог.

– Вот хорошо, что ты домой торопишься. – Дед не давал передышки «на подумать» и тоном, не терпящим возражений, продолжил: – Ждёт кто?

– Да нет, не ждёт. Вы что хотели?

– Ты, любезный, присядь, присядь. Поговорить надо. Ишь как орлом смотрит... Присядь, говорю!

«Может, ему поговорить не с кем, или случилось чего?» – Я невольно подчинился, примостился на лавку, не сводя глаз со старика.

– Ты, мил человек, вот чего поясни. Когда жить-то собираешься? – дедок хитро прищурился.

– В смысле – жить? – Мои глаза стали чуть шире.

– Разве ж это жисть? Дом – работа – развлечения, развлечения – работа – дом! Всё о себе любимом да о себе... Сидишь, как сверчок за печкой, нигде не отсвечивашь. Пора начинать! Жить-то!

– Да ничего я не сижу за печкой! – Раздражаясь, я невольно вовлёкся в спор. – Вы вообще кто такой, чтоб такие разговоры разговаривать?..

– Сынок, ты не горячись, не горячись. С виду-то малохольный, а поди ж ты, скалиться умеет. Ты вот что: на-ка возьми, – старик протянул мне вещицу, похожую на медальон с подвесным ушком, для ношения на шее.

Машинально, хватательным рефлексом, моя ладонь сжала неожиданный подарок.

– Что это?

От серебряного медальона, исходило приятное, еле ощутимое тепло. Увесистая бирюлька сплошь была испещрена чеканной вязью зерни. Я покрутил кулон и нащупал защёлку.

– Эт' ладанка. Открой, открой, не стесняйся, – дед внимательно следил за моими действиями.

Раздался хруст: защёлка наконец поддалась моим клавиатурно-заточенным пальцам. Ладанка раскрылась. На внутренней стороне было изображение ангела с парой белых перистых крыльев за спиной, вокруг головы – сияющий ореол, а тело как будто источало сияние. Изображение было объёмным – и если долго на него смотреть, казалось, что крылья приходят в движение и фигура летит на тебя.

– А кто это?

– Твой Ангел-хранитель.

Я, словно кролик, под взглядом удава, вглядывался и вглядывался в изображение.

– Дед, а для чего ты мне эту... как её... ладанку дал?..

Мой вопрос повис в воздухе – на скамейке у подъезда никого не было. Я вскочил как ошпаренный, забежал за кусты, обрамлявшие лавку, – но деда как ветром сдуло.

Тёплый вечер бабьего лета вступал в свои права, солнце передавало эстафету звёздам.

Я постоял немного, покрутил в руках медальон, ещё раз оглянулся по сторонам, высматривая пожилого хозяина подарка.

Ладанка. Приятная на ощупь, тёплая, – то ли от ладони, то ли от того, что заключала в себе. Пожав плечами, я двинулся в подъезд. Дома положил медальон на трюмо в прихожей и пошёл ужинать. Пока ел, мысли возвращали меня к странному деду и ладанке. Чтобы хоть как-то переключить фокусировку внутреннего «я» с неожиданного дара, решил прибегнуть к самому чудодейственному для меня средству: выпить свежеваренный кофе.

О кофе я знал всё! Ну или почти всё – начиная от минимальных тридцати способов приготовления и заканчивая тончайшими оттенками этого живительного напитка, зависящих от тысячи нюансов: региона, в котором рос кофе (даже внутри одного региона он может отличаться в зависимости от местности); погоды в год сбора, времени сбора (у собранного в начале или конце сезона вкус слабый, а в середине сезона – наиболее яркий).

Мне вдруг показалось, что в комнате ещё кто-то есть. Знаете, так бывает, когда на вас кто-то долго и пронзительно смотрит. Прервав ритуал с туркой, я обошёл квартиру, заглянул даже в санузел.

– Чертовщина какая-то! Померещится же такое... – Шумно выдохнув, я вернулся к плите, поставил на неё турку и чуть убавил огонь.

...Так вот, вкус кофе зависит ещё от кучи мелочей: от способов обработки (бывает сухая – только что собранные ягоды помещают под солнце, – или мытая – начинается с удаления мякоти с зерна, поэтому оно высушивается в собственной оболочке – так называемом «пергаменте»); степени обжарки (тут надо упомянуть, что каждому сорту кофе подходит своя степень обжарки), способа хранения (вакуумная или гигроскопическая упаковка), степени помола (время заварки кофе определяет степень помола: чем мельче зерно смолото, тем быстрее кофе должен быть заварен, – по этой причине помол для эспрессо машин более мелкий, чем для капельных кофеварок или фильтр-кофе). Словом, целая такая стройная система, похожая на религию, со своим ритуалами и жертвоприношениями...

Аромат моего божества лился на всю квартиру. Как у бывшего кофемана, в предчувствии чашки эликсира временной вечности у меня потекла слюна и закружилась голова. Первый глоток – он всегда маленький: ты как бы пробуешь то, что получилось; катаешь на языке, как дорогой марочный коньяк, – и, если все ритуалы были выполнены с точностью заветов предков современных эфиопов (оттуда, кстати, родом кофе), ты с удовольствием прижимаешь губами и устремляешься за вторым глотком. Второй глоток – уже более вдумчивый, более основательный: именно с ним солнце, накопленное зёрнами в горах, перетекает в тебя праной, переполняет энергией, выбрасывает эндорфины в нервную систему, застав-

ляет думать о хорошем и непроизвольно улыбаться... Да что я вам тут рассказываю? Вы и сами всё знаете.

...Смакуя кофе, я, казалось, словил эйфорию и переключился... Но кофе кончился, а мысли опять повернули к деду и ладанке. Я дошёл до трюмо с зеркалом, взял ладанку в руки, стал внимательно разглядывать. На одной грани мне вдруг почудилась пылинка, и я потёр её. Не произошло ничего. Не было ни вспышки, ни фейерверка, город не погрузился во тьму. Но определённо что-то изменилось. Воздух стал плотным, спрессованным, тягучим. Я увидел, как свет от лампы расходится – медленно-медленно, отгоняя наступающую раз за разом тьму; как комар – до этого беспрестанно жужжащий где-то у уха – повис в воздухе и не двигал крыльями; как деревья за окном – до этого перешёптывающиеся друг с другом то падающими пожелтевшими листьями, то ещё имевшейся листвой на ветках – замерли, как на фотографии, и ни на миллиметр не двигались: ни одна ветка, ни один жёлтый лист.

Я попытался сделать шаг – и у меня получилось. Весь мир замер, а я мог спокойно ходить! Первая мысль меня взнуздала: «Чего я такого наварил, что так штырит с кофе? Вот это апгрейд!» Следом сразу промелькнула куча идей из фильмов, когда вот так всё замирает, а главный герой грабит кассы банков, подсматривает за женщинами, издевается над врагами, помогает друзьям. «Насколько же всё банально! Нет, надо потратить такую возможность на что-нибудь стоящее», – кутерьмой замелькали варианты. «Всё не то! Без бутылки не разобраться!»

Я потянулся к своей заначке в выдвижном ящике шкафа, где был припрятан коньяк. И в этот миг мой взгляд упал на зеркало трюмо. Из него пристально, не сводя глаз с меня, смотрел... я. Ну отражение, ну что тут такого, – но что-то было в нём другое: чужое, не моё. Я одной рукой продолжил тянуться к заныканной бутылке, когда боковым зрением явно уловил, как *тот другой «Я»* отрицательно замотал головой. Удивление переродилось в ужас, волной накрывший меня, и я вытаращился на своё отражение, цепенея. Но *тот второй «Я»* больше себя не проявлял, дисциплинировано повторяя все мои движения. «Показалось? А моё ли отражение я вижу?.. В нём вроде бы всё как у меня, но всё по-другому. Вот, к примеру, рубашка: закатаны рукава, но двух первых пуговиц рядом с воротником нет; вот – еле заметная родинка на подбородке, которую я сначала не заметил, и которой у меня отродясь не было...» Мысли белками в колесе начали раскручивать мозговой коллаيدر до немыслимых скоростей. «Я схожу с ума?! Надо срочно выпить. Хрень какая-то... Причудится же такое после трудового дня...» На лбу выступил пот. Я дотянулся до заветной бутылки, пошёл на кухню и взял стопку, которую тут же налил до краёв. Взяв её, я ещё раз посмотрел на зеркало и спросил – почему-то шёпотом:

– Ты кто?..

– Твой прокурор-обвинитель.

По зеркалу пробежала волна, какая бывает от камня, брошенного в воду. Амальгама дрогнула, и из зеркала вышел *другой «Я»*. По зеркалу ещё шли круги.

Я так и сел. Рюмка с коньяком так и осталась в руке... Наконец я пришёл в себя и вновь спросил – теперь уже с вызовом:

– И в чём же ты будешь меня обвинять?

– В твоей бесполезности! Никчёмности! Бездарности и лени!

Слова *другого «Меня»* выпущенными пулями впились в сознание. С холодной решительностью одновременно следователя и судьи уставился он на меня и продолжил:

– Твоя жизнь никчёмна! Ты ничего не достиг! Ты – бесталанная бездарность, которая ещё немного и будет топить себя в алкоголе! Ты профукал все свои шансы в жизни, чтобы стать влиятельным и большим человеком!

– А я, может, и не хотел никогда быть «влиятельным и большим человеком»! – передразнил я *другого «Себя»*.

– Для чего ты живёшь? Что делаешь на этой планете? Какую пользу ты принёс? Может, ты сделал что-то для человечества? Совершил открытие? Может, ты защитник природы? Борешься в поте лица в составе бригады «Гринписа» за чистоту океанов, а мы об этом не знаем?.. А, догадался: подпольно сдаёшь в качестве донора кровь, которую у тебя не берут, так как ты переболел желтухой! Или помогаешь голодающим в Африке детям? А может, ты зоозащитник и спасаешь бездомных животных? Наверное, ты взял ответственность, и у тебя появились дети? Да у тебя даже кошки – даже *кошки* – нет! – Его слова врезались в моё сознание.

– Н-е-е-т... – От волнения я начал заикаться, но взял себя в руки. – В-в ц-це-е-лом я н-н-н-е-п-плохой человек, меня хвалят на раб-б-о-о-те, я-я-я н-н-е в-в-ор-р-ую, не нарком-м-а-ан...

– «Не-е-е-плохой человек!..» – Теперь *другой «Я»* передразнивал меня, издеваясь, и засмеялся противным хрипловатым смехом: – Вы посмотрите на него!..

Он театрально развёл руки и поднял их вверх, будто обращаясь к кому-то выше, повернулся вокруг своей оси, обводя взглядом невидимых присяжных:

– «Неплохой человек» – это профессия? Призвание? «Хвалят на работе»? А что ты там делаешь, на этой своей работе? – Он сделал шаг навстречу мне сидящему. – Спасаешь мир? Дудки! Ты перекладываешь там бумажки и пишешь свои отчётики! Ты – лишняя, бесполезная деталь в этом огромном механизме социума! Ты – хромой, больной и ненужный муравей в своём человекинике!.. Ненужная часть уравнения жизни! Та самая часть, которую по законам математики, столь тобой любимой, надо бы сократить!..

– Как это сократить? В смысле – «сократить»?! – До меня стал доходить чудовищный смысл слов моего *второго «Я»*. Я вскочил со стула и сделал пару шагов в сторону своего бывшего отражения:

– На хрена меня сокращать?! – Я-я-я ж-же ч-е-е-л-о-в-е-е-к!!! Я не ур-р-а-ав-не-е-ни-е!.. Меня нельзя сокращать!.. – орал я.

На лице *того «Я»* расплылась самодовольная улыбка превосходства. Я ударил без замаха, целясь в подбородок. Рука прошла сквозь *второго «Себя»*, не встретив ожидаемого сопротивления; не раздался и характерный щелчок. Я стоял, переводя взгляд с рук на *второго «Себя»* и обратно, не понимая, что происходит.

– Накося-выкуси! Ну что, ударил? Ударил, да?! Силой решил спорить с правдой? Глаза она тебе колет?! – *Второй «Я»* опять засмеялся своим противным, глухим, прерывистым смехом. – Ты даже ударить толком не можешь!..

– Дерись! Дерись как мужик!.. – Я часто дышал, как после забега на сто метров. Ток бил в виски, и я слышал, как бьётся моё сердце. По венам лился огонь, заставляющий дрожать кулаки, сжатые от ярости и беспомощности изменить ситуацию.

– С кем? С тобой? Чтобы что? Чтобы ты потешил своё ЧСВ¹³ и зализал раны? Ты всё равно уже – отработанный материал! Шлак! Сократить!

– Да как же сократить то?! – Что-то внутри меня ёкнуло и сломалось... Руки безвольно опустились вдоль тела.

– А вот так – *сократить!* Ты прожил достаточно до этого дня, чтобы доказать, на что ты способен! Уравнение твоей жизни решено! Тебе тут больше не рады – на этом шарике! *Я приговариваю тебя к сокращению!*

– Со-кра-ще-ни-ю... – по слогам повторил я. Моя голова, казалось, увеличилась раза в два, но в ней всё равно не укладывалось происходящее. Я сел на табурет.

– Да-да, именно! *К сокращению!..*

---

¹³ ЧСВ (шутл.) – чувство собственной важности.

Я смотрел на другого «Себя» и не мог поверить в сюр, который творился прямо сейчас, тут, со мной. По инерции я посмотрел на свои руки. В левой руке была зажатая ладанка, в суматохе схваченная со стола. По наитию я снова её потёр большим пальцем...

Где-то далеко-далеко долго-долго и пронзительно звонил будильник. Сквозь приоткрытую штору ещё яркое, но осеннее утреннее солнце кидало лучи в мои закрытые глаза. Голова раскалывалась, как после похмелья. Дико хотелось пить. Я машинально встал, пошёл в ванную, открыл кран с холодной водой. Присосался. С горем пополам почистил зубы. В голове наступила пустота. Ни одной мысли. Мысленный вакуум. Только инстинкты. Они-то и привели меня на кухню – человеческая оболочка, которая вмещала меня, хотела кофе.

После второго глотка обжигающего напитка я начал возвращаться в себя, превращаясь в человека разумного. Вместе с прояснением сознания в голове начали жужжать мысли – сначала одиночные, шальные, потом – всё чаще и чаще, пока не превратились в ливень: «Чем вчера всё кончилось? Что ещё за судья-следователь в моём лице меня же приговорил? Что за уравнение? Какое ещё сокращение?...» Я посмотрел в зеркало, высившееся над тумбочками трюмо. Оно, как обычно, стояло в прихожей – напротив входа в кухню. Сейчас оно отражало меня, сидевшего на табуретке, внимательно вглядывающегося в него, и делало вид, что оно ни при чём.

«Ладанка!.. Точно! Была же! Где она?..»

Я отвернулся от зеркала и увидел стоявшую на столе початую пузатую бутылку коньяка, возле которой лежала ладанка. Я взял её в руки, памятуя, что тереть грани медальона без нужды не стоит.

«Что в ней такого особенного? Ну украшена она искусно, ну изображён там дядька с крыльями... А так – обычная ювелирка...»

Я выглянул в окно, выходящее во двор, аккуратно на подъезд. На лавочке у подъезда никого не было. Повернувшись на месте, я упёрся взглядом в часы со стрелками, впившимися в девятку. «Блин, на работу опаздываю! Четвёртый раз за месяц! Может, пронесёт? Всё-таки шеф, любитель ставить задачи под конец рабочего дня, всегда до меня дозванивался, и я частенько задерживался допоздна...»

Я бросился по-армейски натягивать джинсы, на ходу напяливая майку, вскочил в кроссы, сорвал куртку с вешалки и выскочил за дверь, одной рукой надевая куртку, а другой закрывая дверь на замок.

Не пронесло... Мой рабочий день начальника IT-отдела в офисе крупной торговой компании начался с оглушительных криков моего шефа – руководителя департамента, который устроил взбучку за опоздание. Я стоял и терпел оральный протуберанец, ожидая окончания бури, – но она всё не кончалась. Чтоб хоть как-то скрыть ответную волну, зарождающуюся в моей душе, засунул руку в карман брюк. Пальцы нащупали ладанку.

– Вадим Александрович? – Голос начальника сменил тональность и прозвучал вкрадчиво. Я вздрогнул...

– Вы ещё закурите при мне! – Начальник указал глазами на руку в кармане. Гром голоса вновь набрал силу.

– Виноват, – отозвался я и добавил вполголоса, оправдываясь: – По привычке...

Потупив взгляд, я вытащил руку с зажатой ладанкой. Поднял голову. Передо мной высился начальник, разглагольствующий об отсутствии дисциплины, которая начинается с внешнего вида. Его начищенные туфли отражали лампы дневного света, острые стрелки на брюках могли разрезать бумагу, а над ними нависал огромный живот. Второй подбородок налезал на первый. Венчало эту фигуру лоснящееся то ли от пота, то ли от жира лицо, перекошенное гневом. Присутствовала на нём и обяза-

тельная сбруя офисного стиля в виде костюма и галстука с заколкой. С заколкой... На заколке, ровно посередине, рубиновый ромб цвета чёрной венозной крови с блестящей большой буквой «Т». «Вот он – туз! Туз жизни – большой и влиятельный человек! Туз – власть! Туз – сила! Туз – деньги!..» Мне вдруг так захотелось потерять свой подарок, чтобы всё это закончилось, прекратилось всё, что так надоело. Надоело слушать этот ор и отчитывание. Надоел этот кабинет. Надоел лофт офиса в виде аквариума, по которому рыбками плавают безропотный офисный люд...

Я непроизвольно улыбнулся и повернулся.

– Пошёл в-о-о-о-н!.. У-во-л-е-е-е-н!.. – Крик начальника через открытую дверь забился по стенам кабинета, вылетел из неё, заметался по узким офисным коридорам и догнал меня в спину.

Встреченные в коридорах «аквариума» коллеги пугливыми серебристыми стайками норовили ускользнуть в ближайший поворот лабиринта лофта.

Я шёл по улице и смотрел на дома, деревья, машины новым взглядом – каким-то живым; взглядом, в котором был интерес к людям, к деталям. Вон воробьи, перескакивая с места на место, что-то чирикают, обсуждали на пожелтевшем, в зелёных островках, газоне. А вот кичливо прошла навстречу хозяйка чёрного пуделя, тянущего поводок. Сотни деталей, которые я раньше не замечал, наполняли меня новыми ощущениями. Щурясь от полуденного осеннего солнца, я подошёл к светофору. Горел красный.

Туз. Бубны. Власть. Сила. Шлак. Отработка. Туз. Шестёрка... Деньги. Нищета. Шестёрка. Туз... Сокращение...

«Да пошло оно всё! И ладанка эта, будь она неладна!..»

Я выкинул ладанку в услужливо распаханную пасть урны у перехода.

Автомобили мчались пёстрым потоком, моргали поворотниками и заворачивали на перекрёстке. На пешеходный переход выкатился полосатый мячик, за которым бежала девочка лет пяти. Не помня себя, я бросился вперёд. В последний момент успел, повернувшись спиной к бамперам, несущимся навстречу, отбросить девчонку на тротуар. Пронзительное взвизгивание тормозов. Глухой удар. Недовольное бибиканье откуда-то издалека. Свет погас...

Пик... Пик... Пик... Пик... Пик...

Кардиомонитор исправно выдавал зигзаги, сопровождая их писком. Я открыл глаза – тело ломило в каждой точке. Запах хлора примешивался к запаху больницы вперемешку с запахом каких-то лекарств. Правая нога, укутанная в гипс, висела на растяжке. Руки на распорках – не сдвинешь. Преодолевая слабость, пошевелил пальцами рук, затем ног: вроде двигаются.

Высокая, будто белый жираф, медсестра приоткрыла дверь палаты, заглянула на полкорпуса, посмотрела на меня и молча вышла. Через две минуты она вернулась с врачом. Высокий, худощавый, с морщинистым и утомлённым от недосыпа лицом, он взял одинокий стул и подсел ко мне. Внимательный взгляд доктора сосредоточился на моих глазах.

– Как вы себя чувствуете? – Врач взял моё запястье, нащупал пульс. – Хотя не отвечайте: хорошо, что в себя пришли. Так... Что у нас тут с пульсом?.. Ага. Понятно. Следите за пальцем, – он повёл пальцем из стороны в сторону, наблюдая за моей реакцией. – Голова кружится?..

Я попробовал произнести: «Нет», но вышел какой-то сдавленный хрип. Я попытался отрицательно мотнуть головой. Вышло, конечно, плохо, но меня поняли. Врач встал и повернулся к медсестре:

– Лера, восемь миллиграммов морфина в инфузомат, на двадцать четыре часа, сто восемьдесят миллиграммов кетамина внутривенно. На трубе, поток десять лит-

ров в минуту, автомат. Контроль АД, ЧСС, ЧДД, сатурации. В целом – стандарт. Поспать ему надо...

Медсестра лишь кивала головой, делая пометки в своём блокноте. Врач выдохнул и снова обернулся ко мне:

– Вы набирайтесь сил. Тяжёлая была ночка. Можно сказать – по частям вас собирали...

Сил и правда не было, тянуло в сон и без всяких морфинов. Укол я даже не почувствовал. Потолок закружился, завертелся и свернулся в точку.

День смешался с ночью. Я совершенно не понимал, какое время дня наступило и сколько дней прошло. То просыпался, то засыпал; время от времени видел лицо медсестры, которое сменяло лицо врача, и картинка снова гасла во тьме полубытья.

– Ну привет, паря!

Тот самый дед – по своему обыкновению, «на спорте» и с лихо заломленной бейсболкой, из-под которой торчали серебристые вихры, – придирчиво оглядывал палату интенсивной терапии.

– Во медицина до чего дошла!.. Кибернетика, одним словом.

В руке у деда был стаканчик кофе, на котором красным маркером было выведено имя «Вадим». Обойдя всю палату и внимательно осмотрев каждый прибор, он подошёл к моей койке:

– Ну как ты тут? – Не дождавшись моего мычания, продолжил: – Чувствую – вот-вот должен проснуться. Дай, думаю, к знакомцу подопечному в гости загляну. Кофе вот тебе принёс...

Дед снял крышку со стакана. По палате поплыл перебивающий всё и вся запах свежесваренного кофе, от которого мысли мои упорядочились, а палата перестала двоиться.

– Смотрю, тебе намного лучше. Ничего-ничего, главное – живой, а здоровье наладится... – Старик поставил стакан на прикроватную тумбочку. – Порадовал ты старика. А главное – что удивительно, – быстро смекнул, что к чему...

Я изумлённо смотрел на пожилого «спортсмена», по-хозяйски взявшего стоявший у стены стул. Стул перекачывал к кровати – и вот уже дед, довольно улыбаясь, уселся на него, положил руку на кровать и продолжил:

– Ты, паря, меня прости, что сразу всё не рассказал, но на то есть причины. Понимашь, какая штука: нельзя ангелам всё людям разбрёхивать. Будущий будильник людской должен сам до всего дойти: себя увидеть-понять, применить артефакт, а потом, по добру, и сам отказаться от применения. А что ты такой удивлённый-то? Что спал долго в этой жизни? Так, любезный, почитай, многие спят. Что близко к сердцу всё воспринимаешь? Так это – как у вас там, у компьютерщиков, говорят?.. «Это не баг, а фича». Я именно поэтому тебя и выбрал. Ты, паря, поправляйся: впереди теперь у тебя много работы...

Я только моргнул, а деда уже не было. Стул как стоял у кровати, так и стоял. Кофе дымился ароматом на тумбочке. А на кровати – на том месте, куда руку клал дед, – поблёскивала ладанка.

Весна отшумела мартовскими штормами, апрельское тепло только-только захватило неукротимый Севастополь. Ветер доносил до обители крик чаек, круживших над прибоем в поисках добычи, да запах моря, шелестевшего вдалеке волнами. Море что-то шептало на своём, только ему одному понятном языке, похожим на призывный шёпот женщины.

Город был облит солнечным светом, начиная от плиточных тротуаров, по московской моде, травянистых островков, пиками ростков буравящих почву, блёской и манящей маковки Свято-Владимирского собора и купола Музея Христианства, увенчанного Хризмой, играющей на солнце бликами. Тень наверх музея, напоминающая кому причудливую бабочку, а кому – летучую мышь, падала на Новый Херсонес, отображаясь на старой земле и новых зданиях древнего города, обрётшего вторую жизнь.

На подворье Свято-Владимирского Херсонесского мужского монастыря было немногочисленно. Вечер пятницы выдался спокойным, и последние паломники покидали обитель, спеша к автобусам.

– Братья и сёстры! – обратился к паломникам в автобусе дородный мужчина, лет пятидесяти на вид, с аккуратно подстриженной смоляной бородой. – Поскорее рассаживайтесь, проверяйте своих соседей, на месте ли они. Если кого не хватает – говорите.

– Пётр Никодимыч! Пётр Никодимыч! Мово соседа нет! Парень со мной сидел, а сейчас нет... – Пожилая женщина удивлённо посмотрела на церковного старосту своего прихода и театрально развела руками.

– Марьянна, – дородный мужчина выпростал руку вперёд с открытой ладонью и сделал успокаивающий жест. – Спасибо, разберёмся! Остальные – все на месте?..

Ответом ему были тихие разговоры рассеявшихся по местам паломников и паломниц.

– Ну, с Богом, – Пётр Никодимович обернулся к водителю китайского чуда пассажирской мысли и кивнул.

Автобус начал разворот, словно корабль, отчаливающий от пристани-стоянки и устремившийся на выход из бухты; набрал скорость, выезжая на шоссе.

Староста привычно плюхнулся на переднее кресло рядом со своим помощником, достал платок и отёр пот со лба и шеи.

– Да трудником он остался, при монастыре, – староста постарался погасить немой вопрос в глазах помощника. – Просил не говорить никому. Я его к келарю отвёл, пока вы на экскурсии были.

Помощник кивнул.

– Хороший парень, – Пётр Никодимович расположился поудобнее и расслабился.

Оба измаялись за дни паломничества, которое заканчивалось в херсонской обители, и автобус на всех парах спешил в Москву.

Февраль 2025 г.

С некоторых пор я перестал любить зиму. Может, возраст берёт своё. Но, скорее всего, причиной тому мой непоседливый, неуёмный характер. Не люблю сидеть без дела. И в закрытом пространстве. А стены квартиры, шумные городские улицы давят на меня. Поэтому летний лес, особенно грибной порой, – это для меня бальзам на душу.

...Хотя день перевалил на вторую половину, летний жар не спадал. И мы – группа разновозрастных грибников, человек пятьдесят – ждали прихода электрички. Это было в те годы, когда леса под Курганом ещё не выгорели, когда со станции отправлялись так называемые «поезда отдыха». Когда цена за проезд в них была копеечной...

Так вот, в тот день сидели мы на ближайшей от Кургана станции Малиновка. К этому времени уже набрали грибов, добрались досюда и ждали электричку. Она почему-то запаздывала, и время для нас тянулось несказанно долго.

Рядом со мной на полянке примостился детина. По-другому его и не назовёшь: рост под два метра, косая сажень в плечах. А под грибы у него была приспособлена какая-то тара с заплечными ремнями, похожая на ученический ранец, только неимоверных размеров.

После шестичасового собирания грибов хотелось пить и просто сидеть, закрыв глаза. А детина первым делом счёл нужным как следует пообедать: умял два куриных окорочка, батон, полукольцо копчёной колбасы и запил всё это несколькими литрами набранной из колодца воды. И только после этого растянулся у огородного прясла.

Я задремал и вдруг услышал, как детина хохотнул и изрёк:

– Старуха прёт вместо электрички!

Голос у него оказался под стать росту – гулким и раскатистым. Поэтому многие грибники невольно повернули головы в сторону ожидаемого состава.

И правда: там, со стороны леса, вдоль полотна дороги, брела пожилая женщина. Черты лица её нельзя было разглядеть, – но то, что она в возрасте, говорила и её поза. Сгорбившись, опираясь на палку, с корзинкой на согнутой руке, женщина мелкими шажками шла в нашу сторону.

Глядя на это зрелище, грибники стали переговариваться и вслух гадать: успеет ли старушка добраться до платформы, если сейчас из-за леса покажется электричка, или нет?

Черту в этих разговорах подвёл детина:

– Как пить дать, будет бабка здесь загорать до ночи!

А следующий поезд, мы знали, придёт только поздним вечером.

Но вскоре волнения улеглись. Транспорт наш пока задерживался, а старушка быстрее стала перебирать ногами. Она наконец подошла к нам, немного разогнула спину и тихим-тихим голосом выдохнула:

– Здравствуйте, люди добрые!

Ефимов

Георгий Васильевич

Журналист. Родился в 1936 г. в г. Миассе Челябинской области. В 1955 г. окончил Мехонскую среднюю школу, потом Петуховский техникум сельского хозяйства.

В 1958 г. стал работать сотрудником Мехонской районной газеты «Путь Ленина». С той поры до выхода на пенсию в 2006 г. он постоянно связан с журналистикой – работали печатался в районных газетах, а с 1980 года служил на различных должностях областного радио в Кургане. В «Тоболе» публикуется впервые.

Только сейчас, вблизи, можно было рассмотреть, как она стара. Иссохшая кожа на руках с набухшими венами, испещрённое морщинами лицо, впалый рот. И только глаза, отцветшие с годами от солнца, излучали какой-то внутренний, неизвестно откуда взявшийся свет.

– Ну, бабка, ты даёшь! – изрёк детина. – Не боишься, что помрёшь в лесу-то?..

Она мелко-мелко засмеялась беззубым ртом, обтёрла губы концом платка. Посмотрела в сторону говорившего и негромко сказала:

– А ты знаешь, родимый, смертушка-то придёт ко мне туда, в город. Заглянет в квартиру, а меня-то нет! А в лесу меня она и днём с огнём не найдёт, заблудится...

И она вновь засмеялась своим тихим смехом. Как будто горох кто-то по дороге рассыпал.

Между тем из-за леса показалась долгожданная электричка. Переполненная, пропахшая грибным духом, она медленно подходила к невысокому деревянному перрону.

Люди засобирались, зашумели, боясь не попасть в переполненные вагоны.

– Ну, бабка, тут-то тебя точно кончат, – озабоченно сказал детина.

Он закинул за плечи свой необъятный короб, потом легко подхватил подмышку бабушку вместе с её корзиной и, гулко трубя «А ну, расступись!», полез к ближайшему вагону.

Когда грибники с грехом пополам втиснулись, поезд тронулся, я посмотрел из тамбура в вагон и вновь увидел ту старушку. Она сидела на краешке скамьи, улыбалась, придерживая на коленях корзинку, и смотрела вокруг своими не по возрасту детскими глазами.

На душе у меня стало хорошо и свободно. Такое же чувство испытываешь, когда после никчёмной ссоры миришься с любимым человеком, упрекая себя за недавний срыв и несдержанность чувств.

Ксюса

Начало осени выдалось необыкновенно тёплым, словно было продолжением жаркого лета! Ночами перепадали дожди. А дни шли, как по заказу, – солнечные, безветренные. Словом, стояло самое благодатное для грибников время.

Забросив городские и домашние дела, как-то ранним утром я устремился в лес. Пригородную зону постарался миновать быстрее – не могу без боли в сердце смотреть на мусорные свалки, пробитые без цели дороги, порубленные деревья. Вот они – плоды нашей «цивилизации»! Путь мой лежал туда, куда трудно добраться машинному люду и где на мшистых сосновых склонах в добрые годы растут белые грибы. До намеченной цели было ещё далековато, когда я обратил внимание на несколько стоявших за болотиной корабельных сосен. Лес вокруг давно был вырублен, а эти красавицы были не тронуты и росли себе на просторе. Грибники обходили их стороной – неохота по кочкам ноги ломать, – а я решил заглянуть.

Рядом деревья оказались ещё могучее. Под ними уже в пояс вырос редкий соснячок, давно не топтанные травы щедро прикрывали землю. И вдруг среди этого заброшенного и сохранившего девственную чистоту участка я увидел *Его*. Белый гриб, как король на троне, возвышался среди лесного царства. Был он не просто большой – огромный. Толстенная ножка, шляпка от солнца не только побурела, но и дала какой-то густой шоколадный оттенок.

«Эх, – с горечью подумал я, – ну почему же раньше-то сюда не заглянул! Ведь наверняка сожрали его на корню червяки! Такое добро пропало!»

Я обошёл великана со всех сторон, вдоволь полюбовался на лесное чудо и лишь тогда взялся за ножик. К моему удивлению, ножка оказалась тугой и без единой

червоточины. Чтобы не повредить гриб, я сделал надрез сверху по шляпке. И тут чисто! Я осторожно поставил гриб в корзинку. Занял он почти всё её пространство. Почему-то сразу не захотелось больше вести грибную охоту – прошёл первый азарт, и я, завязав платком от любопытных глаз грибную тару, повернул к дому.

Уже подходя к посёлку, вспомнил, что у меня сохранился нетронутым нехитрый обед, сел на поваленное дерево и развязал рюкзак. Вот тут-то я их и заметил – высохшую от длинной жизни и жаркого лета бабушку и совсем юную особу. Они медленно, взявшись за руки, брели между деревьями. У девочки в руках было пустое маленькое детское ведёрко, а бабушка опиралась на суковатую палку.

Они подошли, поздоровались.

– Внучку решила сводить в лес, – сказала старая женщина. – В молодости я здесь лукошко быстрёхонько набирала, а теперь ни одного грибочка. Загажено всё кругом да вытоптано...

Они присели рядом. Мы повели с женщиной разговор о том, что не думают люди ни о сегодняшнем, ни о завтрашнем дне, ломают, портят всё вокруг. Да и в лес стало ходить небезопасно: на злого человека можно нарваться.

Пока мы неторопливо беседовали, девчушка присела около моей корзинки и неотрывно смотрела на неё. За дорогу платок сбился, и сквозь щель она увидела гриб.

Я развязал платок. Бабушка ахнула от удивления: видимо, и для неё гриб был в диковинку. А девочка наивно спросила:

– Игриска?

– Да нет, – сказал я, – живой, в лесу вырос.

И тут столько детской радости увидел я в её глазёнках, как будто не я, а она нашла это чудо. И я не удержался – бережно вынул гриб и подал ей:

– Бери, а то плохо из леса с пустыми руками возвращаться.

Она посмотрела на бабушку, несмело приняла подарок и бережно, как любимую куклу, прижала гриб к груди. И столько неподдельного счастья светилось в её детских глазёнках!

Когда мои новые знакомые уже порядочно отошли в сторону опушки, где была конечная остановка, девчушка остановилась и посмотрела в мою сторону.

– Как хоть тебя звать-то, красавица? – крикнул я.

– Ксюса, – ответила она и засеменила вслед за бабушкой

А я подумал: может быть, во взрослой жизни вспомнит она этот день, свой поход с бабушкой в лес. Может быть, останется у неё, как и у меня, добрая отметинка на сердце...

Утро

Деревню Инна не узнала. Поди ж ты, как изменилась! И на месте старой материной избы стоял аккуратный домик под железом.

Приехала она без предупреждения. Мать долго ахала, суежилась вокруг дочери, то и дело вытирая глаза фартуком. И от всего этого на Инну так пахло деревенским детством, что чуть не расплакалась.

Сумерки наступили по-осеннему рано. Сидели у стола, на который выложила подарки: матери – материал цветастый, платки в крупную клетку и туфли с тесёмками. Говорила про городскую жизнь, слушала деревенские новости.

– Кино-то у вас бывает?

– А как же. Каждый день...

Инна вспомнила, как после кино всегда танцевали в клубе, и засобиралась:

– Пойду, может, интересное что...

В клубе никого не было.

– Старая картина, не пришёл никто, – сказала билетёрша тётя Клава. – А молодёжь к Гундиловым подалась, на телевизор.

У Гундиловых Инна, когда жила в деревне, бывала часто. «Зайду, – подумала она, – повидаюсь».

Встретили её радостно. Провели в горницу, где, не зажигая света, группа девчат и ребят смотрела телевизор. Потеснились, и она села. Фильм был интересный, но Инна его уже видела. Стала вглядываться в лица, и вдруг взгляд запнулся: поодаль сидел Павел...

Павел отличался от сверстников. Был тихим, застенчивым. Как они подружились, она уже не помнит. На людях он к ней подходить стеснялся, и когда вдвоём были – больше молчал, только смотрел на неё большими задумчивыми глазами. Чаше всего они сидели вот так, молча, у ручейка, за деревней у старой ветлы. Ручеёк заливался, как жаворонок, и песен его было не переслушать.

Но однажды всё рухнуло. И Павел, и ручеёк-жаворонок, и деревня.

Из города приехали рабочие на сенокос.

Утром, когда несла воду от колодца, Инну кто-то окликнул:

– Помочь?

Стоял парень в цветастой рубашке навывпуск, улыбался.

Инна не ответила, только быстрее заторопилась к дому. Не принято в деревне вот так на улице разговаривать с чужими.

Снова она с ним увиделась на сенокосе. Почти весь день Олег – так он назвал себя – был рядом.

Вечером Инна осталась дома, не пошла к ручейку, где обычно встречались с Павлом. Какое-то тревожное чувство заполнило душу.

Через неделю городские уезжали. На прощанье в клубе устроили танцы.

– Придёшь? – спросил Олег.

Инна не ответила. За эту неделю у неё всё перепуталось в голове. Павел ходил ещё более молчаливый. «И чего он такой, – зло думала она. – Подошёл, сказал бы ласковое слово». И она невольно сравнивала его с Олегом – балагуром, острословом. Вокруг него – всегда люди, всегда смех.

В клуб она зашла поздно вечером. Начала искать глазами Павла, а увидела сразу же Олега. Тот, дурачась, кружился в вальсе со стулом. Он сразу шагнул к ней.

– А я уж думал, у меня на весь вечер этот деревянный партнёр, – кивнул он на стул.

Танцевал Олег легко. Но ей было с ним неловко. Спиной и затылком чувствовала, что смотрят на них. Она оборвала танец, выскочила на крыльцо.

– Ты куда? Вот дурёха! – Олег выбежал следом и смотрел на нее.

– Пойдём, послушаем ручеёк, – неожиданно для самой себя предложила Инна.

Они прошли по тёмным улицам. Рано засыпает деревня. Только звёзды слабо светят с высоты, да поскрипывает на ветру не прикрытая с вечера калитка.

Встреча с ручейком не обрадовала. Без Павла он не пел. Было холодно от тумана, поднимающегося из низины, от ветра.

– Дай-ка я тебя погрею...

Руки у Олега – сильные, зовущие. Инна рванулась и до самого дома бежала, не оглядываясь и не слыша, что он кричал ей вслед...

Утром горожане уехали. А по деревне поползла об Инне сплетня – липкая и грязная. Много девчат сгубила уже на деревне эта сплетня! Павел не здоровался, а старухи при виде её начинали сразу же шептаться. И Инна загрустила. Она сохла прямо на глазах. А от этого ещё больше росли пересуды.

Однажды она не выдержала, разрыдалась и сказала матери, что уедет в город. Пришли соседки, поахали, посочувствовали матери, что все нынче в город норовят.

Восемь лет Инна – горожанка. Домой ни разу не приезжала, обычно звала мать к себе. А вот теперь приехала. До утра Инна так и не могла заснуть на материнском пуховике. Вспомнила подруг по общежитию, новоселье недавнее, когда ей дали комнату. Но всё это после вечерней встречи с Павлом было как в тумане, что-то ненужное и далекое. Как глупо всё тогда вышло!..

Встала Инна рано, на рассвете.

– Мама, а я уеду сегодня... Надо мне... Работа.

Мать вышла за калитку и стояла так, пока не скрылась дочь за поворотом.

Инна шла по лугу. Земля просыпалась. Лёгкий ветерок играл поспевающими травами, кутался в листьях тальника. Когда последние дома скрылись за косогором, Инна остановилась. От деревни чуть слышно, а потом всё громче застрекотал мотоцикл. Чем больше вглядывалась она в приближающуюся точку, тем сильнее сжималось сердце.

Павел остановился круто. Рывком соскочил с мотоцикла, протянул к ней руки. Она шагнула к нему навстречу.

– Пойдём... домой, – одними губами выдохнул он.

А над деревней в мареве вставало солнце. Начиналось утро нового дня.

**Коростелёва
Татьяна Николаевна**

Писатель, учитель русского языка и литературы.

Родилась в 1955 году в деревне Осокино Далматовского района Курганской области. Закончив Шадринский педагогический институт, работала в школах города Далматова в течение двадцати пяти лет. Печаталась в районных газетах Далматова и Шадринска, в областной молодёжной газете. Участвовала в областных телевизионных передачах, посвящённых поэзии. Автор публикаций в журналах «Урал», «Наука и жизнь», «Тобол», альманахах «Исеть» и «Родник».

Живёт в г. Далматове Курганской области.

Быванье на родине

По словам поэта, у любой реки сто жизней. Но, находясь вдали от родной Ольховочки-грохотушки, я всё время думала: как течётся речке моего детства, как живётся-может деревням Подкорытово и Осокино, растянувшимся на её левом, местами неприступном, берегу.

«У всякой субботы свои заботы», – говорят в народе. Моя же суббота во времена студенчества – это обязательное, безусловное быванье на родине. Однокурсницы, уроженки западных областей, нередко составляли мне компанию.

От южного съезда в Подкорытово до края Осокины, судя по спидометру отцовского мотоцикла, три километра. Это значит, что деревни с их песнями-баснями, с их печалью и радостью надо пройти насквозь.

С полинявшего, обожжённого солнцем угора открылась мне, прибывшей в деревню Осокину, голубая ленточка реки в цветущей зеленеющей долине. За рекой шла напряжённая работа: мужики и бабы из колхозной бригады с граблями, вилами-троёнками в руках ставили стога.

Лето-припасиха было в распале, и вся деревня, «стар и молод», – при делах. Даже собаки вели себя как воры на ярмарке, «сговорившись» не подавать голосов.

Шла я улицей не торопясь, вглядываясь, запоминая. В Подкорытово избы-пятистенки с кирпичными малухами впридачу, как в популярной когда-то песне, «составляли большинство». Были дома пофасонистее, поновее. Но умиляли меня и вызывали художественный интерес избёнки в два окна, этикие скворечники с геранями, петуниями на подоконниках, как у Афоня Дёминой.

Смысл изречения «маленька избушка – милая подружка» думается, в том, что и скромное жилище человеку в радость.

Афоня Дёмина, по-другому – «Демьянова девка», жила одиноко, работала безотказно – куда пошлют. По причине физического недостатка – невнятной речи – она легко становилась предметом насмешек, и замуж бедняжку никто не взял.

Потеряв самого близкого человека, сестру Наталью, Афоня так убивалась, что издавшие виды бабёнки взмолились: «Афоня-матушка, не надо!»

Каждую осень Афоня приходила на конный двор и ждала, когда бригадир проведёт разнарядку и займётся её проблемой – дровами на зиму.

Мужики без удержу дымили, ссорились, отпускали матерки, а Афоня с поникшей головой сидела в углу бригадного дома, этой прокуренной сборни. Что ни говори, несладко жилось человеку.

Улица, прозванная народом Пустынята, где коротала свой век Афонюшка, упиралась в овражек. Перекинутый через него мост выдерживал трактора и самоходные комбайны.

Чуть повыше моста на крутом дорожном изгибе-повороте располагался медпункт с протёртыми до блеска стёклами окон, белыми, как снег, коленкоровыми занавесками. Эта «фармакопоя» приводила меня в замешательство.

Немного поодаль твёрдо стоял на земле дом Якова Коротких, но сам Яков, подсадистый, общительный мужичок, был начитан, обладал природной живостью ума.

«Яков – мужик грамотный», – отзывался о нём скупой на похвалу механизатор Иван Подкорытов, имея в виду широту интересов однодеревенца.

Прямо на улице, а чаще всего в магазине, Яков Александрович подходил ко мне и взволнованно, глядя в глаза, декламировал стихи любимого поэта:

*Дорого-любо, красавица нива!
Видеть, как ты колосишься красиво,
Как ты, янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!*

Таким образом Яков Александрович проявлял ко мне, пишущей стихи, внимание и признательность.

Идя затихавшей до вечерней поры деревенской улицей, я думала о том, что откликнулась не только на безмолвный зов Ольховочки. Было нечто, роднившее меня с такими людьми, как Яков Коротких и Афоня Дёмина.

Гнёздышко

Много лет назад, когда я стала городским да ещё семейным человеком, родители по настоянию мамы купили и подарили мне домик на улице Лермонтова. Прожила я в нём десять счастливых лет, пока не грянул гром бульдозера, сносившего под новостройки весь квартал.

Вычурным дом не был, но, как оказалось, в любое время года в нём держалась идеальная температура: летом нежарко, зимой тепло. То ли место такое, то ли плотники, которые ставили дом, «способ знали».

«Какое уютное гнёздышко!» – воскликнула я, едва переступив высокий порог прихожей.

Три комнаты с невысокими потолками, с небольшими по размеру окнами совпадали с понятием «гнёздышко», располагали к покою, а ветка старой яблони в открытой створке гостиной вызывала у меня, начинающей поэтессы, желание творить.

Половицы в доме не прогибались предательски, не скрипели, а вот камин на кухне подымливал, и мы решили печекладить.

Кому как, а мне по душе такая работа: пахнет свежей глиной, извёсткой, липовым мочалом.

Когда первостепенные дела – как то: расстановка мебели, кухонной утвари – шли к опростке, мы привезли из деревни рыжего ловчивого кота Фомку, и он по достоинству, по заслугам стал нам «братом меньшим».

Мама, радевшая о том, чтобы у дочери, кроме любимой работы, был приличный домашний очаг, украсила гостиную шторами оригинальной расцветки: полевые цветы вперемешку с алыми маками. По вечерам я задёргивала эти шторы, и мне казалось, что вот-вот на руки посыплется пыльца.

Мама не только самоотверженно делила со мной труды по устройству гнёздышка, но и пополняла наш «пропитал». Там, в дорогой моему сердцу деревне Осокиной, то замалосолит огурчики, то испечёт пирог – и айда на попутке в Далматово.

С юных лет на слуху народная мудрость «покупай не дом, а соседа». Как с жильём, так и с соседями, Алексеем и Анной, мне повезло. Дома в городе стояли кучно, и наши владения разделял всего лишь забор ниже человеческого роста.

Из окон гостиной с точностью до выражения лица я видела, как Анна занималась на кухне готовкой. Обратив на меня внимание, она улыбалась и приветливо махала рукой.

У соседей была одна особенность: ужинали они поздно, в одиннадцатом часу, предпочитали морскую рыбу; затем сидели у голубого экрана телевизора, а утром, бывало, их пушкой не разбудишь.

Все десять лет на улице Лермонтова ни ворота на задвижку, ни входную дверь на крючок мы почти не запирали. От кого было запирать-то!

Помню, в сенях слышались неторопливые шаги, осторожный стук, и Анна, любезно пропустив вперёд гуляку-Фомку, появлялась в прихожей комнате.

Солидная дистанция в возрасте (мне за двадцать, ей под пятьдесят) не мешала нам вести откровенные разговоры, поверять друг другу сердечные тайны. Случалось, что засиживались мы подолгу, до прихода с работы Алексея.

Дядя Лёша слесарил на хлебоприёмном пункте, а в свободное время читал классику. Моя домашняя библиотека была для него в самый раз.

Отдельные книги Тургенева, Чехова, Мамина-Сибиряка, стоящие на полке, до сих пор говорят о редкой, незабываемой дружбе с соседями и о счастливых днях в доме на улице Лермонтова.

Но всё течёт-меняется. В многоквартирном доме, где я сейчас нахожусь, общение с соседями сводится к короткому «здрате».

По ночам, если приходит его величество глубокий сон, я вижу свой дом, своё бывшее гнёздышко, но хозяйничают в нём почему-то чужие предприимчивые люди. Просыпаюсь же всякий раз с надеждой, что увижу когда-нибудь иные, счастливые сны.

**Васильева
Александра Михайловна**

Историк-краевед, заслуженный работник культуры РФ. Автор книг «Забытый Курган» (1997), «Курганские хроники: 1662–2000» (2002), «Курганское купечество» в двух томах (2010), «Курган. Времена минувшие» (2013), «Курган. Так было» (2019), «Курган. Взгляд сквозь время» (2024), многочисленных публикаций в научных сборниках и периодической печати. Член редколлегии литературно-публицистического журнала «Тобол».

Курганская семья декабриста Бриггена

Восстание на Сенатской площади в декабре 1825 г. и выступление Черниговского полка на Украине обернулись для 121 офицера ссылкой в Сибирь на каторгу и поселение. В основном это были молодые люди, ещё не имеющие собственной семьи. Из осуждённых женаты были только 22 (23?) человека. В Сибирь за государственными преступниками, как они теперь именовались, отправились 9 жён и 2 невесты. Срок каторги у декабристов был разный, и уже через два года некоторые из них начали выходить на поселение, которое предполагалось пожизненным. Чтобы не закончить жизнь в одиночестве, мужчины женились на сибирячках, вступали во внебрачные связи, от которых иногда рождались дети. Отцы их признавали, так и не женившись на их матерях.

В Кургане с 1830 по 1857 г. жили на поселении 13 декабристов. Михаил Михайлович Нарышкин и Андрей Евгеньевич Розен прибыли с жёнами, которые последовали за ними в Сибирь. Это были Елизавета Петровна – урождённая графиня Коновницына, дочь генерала Петра Петровича Коновницына, героя Отечественной войны 1812 г. – и Анна Васильевна – дочь первого директора Царскосельского лицея Василия Фёдоровича Малиновского.

В Кургане женился Пётр Николаевич Свистунов, взяв в жёны юную воспитанницу местного исправника Татьяну Александровну Дуранову. Николай Васильевич Басаргин, выйдя на поселение в Туринск, будучи вдовцом, вступил в брак с дочерью поручика местной инвалидной команды 18-летней Марией Елисеевной Мавриной и вместе с ней прибыл в Курган в 1842 г. Здесь он схоронил жену и двоих детей. Получив службу в Омске, женился в третий раз на Ольге Ивановне Медведевой, родной сестре Дмитрия Ивановича Менделеева. С женой приехал в Курган Вильгельм Карлович Кюхельбекер. Находясь на поселении в Баргузине, он обвенчался с дочерью местного почтмейстера Дросидой Ивановной Артеновой. Были и внебрачные связи. У Николая Ивановича Лорера и мещанской дочери Елены Михайловны Королетиной родился сын Дмитрий, который воспитывался в семье брата Николая Ивановича – Дмитрия Лорера. Иван Фёдорович Фохт завещал дом и остальное имущество солдатке Екатерине Рыбиной «в награду долговременных у него при частной жизни услуг». Иван Семёнович Повало-Швейковский, желая вознаградить женщину, которая ухаживала за ним во время его долговременной болезни, оставил завещание, которым отказывал флигель и часть движимого имущества Анне Даниловне Розенковой. Уже после смерти Швейковского 30 сентября 1845 г. Анна Даниловна родила сына, крещёного Иваном, в честь отца Ивана Семёновича.

Александр Фёдорович Бригген после Читинского острога был поселён в Пелыме с его суровым климатом, который подорвал здоровье декабриста. После хлопот Бригген был переведён в Курган, куда и прибыл в марте 1836 г. На Украине в Глуховском уезде у него осталась семья – жена Софья Михайловна (урожд. Миклашевская) и четверо детей: Мария, Михаил, Анастасия, Любовь. Не надеясь когда-либо

воссоединиться с семьёй, Александр Фёдорович создаёт в Кургане другую семью, которая сохранялась вплоть до его отъезда в 1857 г. Его избранницей стала Александра Тихоновна Томникова, которая была только на два года старше его первой дочери Марии. Семейство Томниковых проживало в подгородной деревне Рябковой, также называемой Новой.

Братья Томниковы Тихон Васильевич и Артемий Иванович появились в деревне в начале 1800-х годов. Они были поморской секты. 31 января 1810 г. Тихон Васильевич венчался в Троицкой церкви с крестьянской девушкой деревни Новой Анной Фёдоровной. Жениху было 30 лет, невесте – 20. В 1811 г. родилась Настасья (в замужестве будет Хлызовой), 14 октября 1812 г. – Параскева, 1 декабря 1813 г. – Анна (в замужестве Шибаетова), потом родились Дмитрий, две Александры друг за другом, последней 26 июня 1827 г. родилась Марфа. Дмитрий был единственным сыном в семье, 25 января 1831 г. венчался в Троицкой церкви с крестьянской дочерью из деревни Щучей Черёмуховской волости Татьяной Григорьевной Стрельниковой. В 1834 г. Татьяна уже вдова.

Что привлекло внимание Бриггена к молодой девушке Александре Томниковой? В делах казначейства, которые хранятся в Государственном архиве Курганской области, есть документ от 4 января 1837 г. *«о выдержании здешнего казначейства бухгалтера Николая Никифорова при полиции один месяц, о внесении в формулярный его службе список и о взыскании с него и мещанина Грунича по делу о битии крестьянской дочери Александры Томниковой, о порвании двух платков – 25 рублей и за бесчестье оной – 8 рублей»*. Была ли это будущая жена Бриггена или её сестра, установить невозможно, но дело было громкое. Может, этот случай послужил к началу знакомства.

После посещения в 1837 г. Сибири наследником престола и его просьбы перед государём о смягчении участи декабристов, 22 июля 1837 г. вышел Указ Правительствующему Сенату: *«Вняв ходатайству любезнейшего сына нашего, наследника нашего престола, цесаревича и великого князя Александра Николаевича, мы признали за благо оказать некоторые облегчения и милости тем из находящихся в Сибири ссыльным, кои хотя очернили себя заблуждениями и преступлением, но ныне поведением своим заслуживают, чтобы на них было обращено действие нашего милосердия»* (Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1857. – С. 660). Декабристам была предложена служба на Кавказе. Но Бригген – боевой офицер, герой 1812 г. – отказался от этой милости, сославшись на здоровье. Можно предположить, что причиной такого решения стало создание семьи с Александрой Томниковой. Необходимость материального благополучия этой семьи заставила Бриггена поступить на службу. Он пишет 11 апреля 1838 г. М. М. Нарышкину: *«В судьбе моей произошли перемены. По просьбе жены моей (Миклашевской) Государь разрешил вступить мне в гражданскую службу только в Сибири, и я теперь канцелярист Курганского окружного суда, куда я по желанию моему определён. Я бы мог иметь место позначительнее в Тобольске и даже с порядочным жалованием, но здоровье моё... побудило меня предпочесть Курган Тобольску»*. Опять ссылка на здоровье. 17 ноября 1838 г. Александра Тихоновна родила девочку, которую крестили в Троицкой церкви 20 ноября и назвали Екатериной. Восприемники – посельщик Иван Фёдоров и мещанская дочь Феокиста Кириловна Лушниковы. Девочка умерла 26 января 1839 г. «от худобы». Вторая девочка, тоже Екатерина, родилась 4 ноября 1839 г., крестили 7 ноября в той же церкви, восприемники – мещанин Егор Иванович Цыпленков и крестьянская жена Настасья Тихоновна Хлызова, старшая сестра Александры Тихоновны.

Александр Фёдорович снимал дом – вероятнее всего, флигель – у Пластеева Петра Козьмича (семья поморской секты). Но с рождением дочери и в ожидании будущих детей Бригген покупает дом на имя Томниковой. *«14 мая 1841 г. совершена купчая от крестьянина Курганского округа Смоленской волости Алексея Кирпичева и жены его Пелагеи Фёдоровой на проданный ими крестьянской дочери той же волости Александре Тихоновне Томниковой деревянный дом с половинным местом земли 8,5 x 30 сажень, на Большой улице за 68 руб. 58 коп. сер.»*. 8 июня 1841 г. уже в собственном доме родился мальчик Иоанн, которого 11 июня крестили земский исправник Пимен Павлович Мерный и офицерская дочь Любовь Ивановна Плахина. Через год, 20 июля 1842 г. мальчик умер от поноса. Но 20 декабря 1842 г. снова родился мальчик, опять крещённый Иоанном, а его воспитателями были исправник Мерный и Настасья Хлызова. В исповедных росписях 1842 г. есть запись: *«Девка Александра Тихоновна Томникова, дети её: Екатерина – 3 года, Иван – 1 год, приемная ей дочь Агафья Александрова – 10 лет»*. Агафья будет указываться до 1845 г. Может быть, эта девочка была взята в няньки? В 1841 г. Александра Тихоновна начинает ходатайствовать о причислении её в мещанское сословие. 19 февраля 1842 г. Тобольская казённая палата, *«слушав прошение Курганского округа, Смоленской волости, деревни Рябковой крестьянской дочери Александры Тихоновны Томниковой, при котором представляет она увольнительный и приёмный общественные приговора, просит причислить её в мещанское сословие по городу Кургану. ...Приказали: согласно прошения крестьянской дочери Александры Тихоновны Томниковой и представленных ею общественных приговоров перечислить её из крестьянского звания Смоленской волости деревни Рябковой в сословие курганских мещан»*.

6 апреля 1844 г. родилась Мария, уже мещанская дочь. Крестил её полковник Валериан Васильевич Пассек, который был в то время начальником межевания казённых земель в Сибири и местом своего пребывания выбрал Курган. Здесь он встретил своего однокашника по Школе колонновожатых Николая Васильевича Басаргина, который перезнакомил его со всеми курганскими декабристами, в том числе и с Бриггеном. 13 мая 1848 г. родился сын Николай. Его воспитателями стали купец Семён Иванович Березин и жена торгующего крестьянина Букарина Анна Никифоровна. Дом Березина находился через дорогу от дома Бриггена, и были они хорошими соседями. На имя Березина часто присылались письма для Александра Фёдоровича. О Бриггене этого периода написал Капитон Михайлович Голодников:

«Бригген был статный и красивый мужчина лет пятидесяти, довольно высокого роста и с постоянным румянцем на щеках. Жил он во флигеле собственного дома, а в капитальном здании помещалась сожительница его, ещё не старая и довольно красивая девица с двумя дочерьми-подростками. Из товарищей постоянно у него бывал только Башмаков, а из прочих горожан – старший запасный землемер Фёдоров, управляющий Илецко-Иковским винокуренным заводом Кельбедин и я. Я бывал чаще прочих, живя рядом с ним, и Александр Федорович был воспитателем первой моей дочери Юлии. В 1848 г., получив от правительства разрешение на вступление на государственную службу, он убедил меня уступить ему занимаемую мною должность заседателя окружного суда и, получив на то моё согласие, отправился в Омск просить об этом генерал-губернатора Западной Сибири князя Горчакова. Просьба его, конечно, была уважена, и он сделался “чиновником”, а я заседателем Омского земского суда».

Пуштин и другие ялutorовские декабристы были удивлены, что Бригген лично просил у князя это место. Они не знали, что Александру Федоровичу нужны были дополнительные деньги для растущей семьи, о которой им было неизвестно. Став заседателем, глубже вникая в судебные дела, правдолюбец Бригген в 1849 г. обви-

нил местные власти в пристрастном проведении расследования в деле убийства крестьянина М. Е. Власова и потребовал нового расследования. Но «за неуместное его звание суждения и заносчивое поведение» был переведён в 1850 г. в Туринский окружной суд на такую же должность. Было решено ехать в Туринск всей семьёй. Бригген выехал заранее, чтобы приготовить квартиру. Через некоторое время с вещами и четырьмя детьми, из которых младшему Николеньке только в мае исполнилось два года, выехала Александра Тихоновна.

Бригген прибыл в Туринск 20 июля 1850 г., нанял квартиру против дома, в котором когда-то жил Н. В. Басаргин. В письме к дочери Марии Туманской от 11 ноября 1850 г. Александр Фёдорович рассказывает: *«Переезд из Кургана в Туринск был очень неприятным для меня, не считая значительных расходов из моих скромных средств. Путь был весьма трудным из-за проливных дождей, которые шли всё это время и так испортили дороги, что ехать можно было только шагом в грязи по ступицы. В довершение всех несчастий мой служащий, прибывший спустя 20 дней после меня с моими вещами и лошадью, серьёзно заболел. Это стало для меня причиной многих осложнений»*. Под «служащим» Бригген имел в виду Александру Тихоновну, которую кто-то кроме возницы сопровождал в дороге, чтобы помогать с детьми. Приходилось часто останавливаться на отдых, на ночлег, пережидать непогоду. Эта поездка отразилась на здоровье Александры Тихоновны. Бригген 27 октября пишет Е. Оболенскому: *«Первого октября начал я перебираться на постоянную квартиру (в доме Росева, напротив дома Басаргина) и в этот же день женищина, которая 15 лет заведывает моим хозяйством, сделалась так больна, что потребовала священника, дабы приготовиться встретить смерть. Болезнь продолжалась около трёх недель, и она только дня три тому назад встала с постели и едва бродит. На новом месте, в новой квартире, и не зная даже, где какую из вещей моих отыскать, я растерялся»*.

В Туринске семья прожила 5 лет. Город был мирный и спокойный, у Бриггена работы было мало, но климат был не из лучших, и сам Александр Фёдорович и дети часто болели. Бригген, по его словам, никогда не покинул бы Туринск, если бы не пагубное влияние влажного и туманного воздуха. В 1855 г. ему разрешили вернуться в Курган, куда семья прибыла 19 мая 1855 г. Бригген 14 июня пишет Е. Оболенскому: *«Дней за десять до моего отъезда мой Николенька, мальчик семи лет, так отчаянно занемог, что неотступно начал меня просить, чтобы пригласить священника, чтобы его причастить, что и было исполнено шестого числа, в день, когда я получил подорожную. А девятого, в день его ангела, ему сделалось так худо, что я полагал увидеть его через несколько часов лежащего на столе. Каково было у меня на душе среди уложенных ящичков и чемоданов с нанятыми уже лошадью. После этого кризиса сделалось ему лучше. Я вёз его как яичко в хлопчатой бумаге»*.

Семья вернулась в свой дом, который уже оказался тесным, ведь дети подросли. 22 марта 1856 г. Александра Тихоновна покупает у Алексея Кирпичева вторую половину усадьбы к той, что была куплена в 1841 г. *«Крестьянин Смолинской волости деревни Рябковой Алексей Иванович Кирпичев продал курганской мещанке Александре Тихоновне Томниковой двор свой, состоящий в городе Кургане на Троицкой улице, а строения на том дворе: ветхий дом деревянного строения, кладовая, завозня и амбар в одной связи, скотская стая некрытая и старый сруб для бани. Мерею под этим двором земли длиннику по улице 7 сажень, а поперечнику 30 сажень. В межах этот двор по правую сторону двора курганской мещанской жены Харитины Шибаевой, по левую — самой покупательницы Александры Томниковой. А взял он, Кирпичев, с нея, Томниковой, за этот свой двор денег серебром 114 рублей 71 копейку»*.

В Кургане Бригген продолжил службу заседателя в окружном суде с жалованьем 285 руб. серебром. Почти половину этого жалованья отдали за новую усадьбу. 12 мая 1856 г. он сообщает в письме к дочери Марии Туманской: *«Сегодня я отправил*

письмо губернатору с просьбой назначить меня на другую должность, ибо обязанность, выполняемая мною в настоящее время, становится слишком тягостной для меня. Работать по семь часов и за одну тысячу рублей – это настоящая каторга... Меня повышают в ранге, представляя к чину титулярного советника». Одновременно Бригген начинает хлопотать через князя Орлова, чтобы обратить своё жалованье в пожизненное ежегодное пособие. *«Я жду только, чтобы мне об этом объявили, дабы подать просьбу в отставку и откланяться униженной и отвратительной службе, которую я по особенным причинам нёс, как крест»*. Радостной неожиданностью для Бриггена стала встреча с Яковлевым Григорием Александровичем – дальним родственником, который сыграет большую роль в судьбе его дочери Катеньки. У Бриггена был брат по второму браку матери – Родион Иванович Вальман, женатый на Елизавете Христиановне (урожд. Типнер). Сестра Елизаветы Эмилия Христиановна была замужем за Яковлевым, которого назначили начальником штаба топографов Сибирского отдельного корпуса в Омске. Яковлев заехал в Курган 19 июля 1856 г. на три дня для знакомства с Бриггеном, и они очаровали друг друга. Яковлев предложил Александру Фёдоровичу после отставки место в Омске *«выгодное по жалованью, покойное и почётное»*. Бригген говорил, что Бог послал ему этого человека.

Переломным событием в жизни Бриггена и его семейства стала амнистия декабристам, объявленная 26 августа 1856 г. коронационным манифестом Александра. Им дозволялось возвратиться из Сибири вместе с семейством и жить где пожелают, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга. Слухи об амнистии начали ходить с начала года. Эта весть потрясла Александру Тихоновну. Бригген написал 22 сентября 1856 г. Е. Оболенскому: *«Моя Александра Тихоновна начала выздоравливать от ужасной болезни, которая её постигла с начала этого года. Мысль, что я её оставляю, так сильно на неё подействовала, что она вошла в глубокую меланхолию, следствием коей были сильнейшие истерические припадки, так что эта в продолжение 19 лет тихая и кроткая женищина дошла до сумасшествия. В припадках бешенства, на которые было страшно смотреть, рвала она всё на себе, била и бросалась на людей так, что при необыкновенной силе, которая появлялась в ней в эти минуты, едва два сильных человека могли, надев на неё лазаретную рубашку, сажать её под замок. Чтобы облегчить свои мучения, она прибежала к вину, но это ещё более её раздражало. Мне она чуть-чуть не перекусила палец. Образумившись, бросилась в ноги, со слезами просила прощения. Я готов верить, что в неё вселился бес»*. Прибавила Александре Тихоновне горя смерть 14-летнего сына Ивана 14 ноября 1856 г. *«Это был мальчик ограниченных умственных способностей, но добрый сердцем необыкновенно. Болезнь его вовсе измучила Александру Тихоновну, которая ни на одну ночь не отходила от него. Кончина его была трогательная, ибо он был в памяти до последней минуты. Меня он называл не иначе как “ты мой Христос”. Вечеру, когда он лежал на столе, слышу я шум, Александра Тихоновна в припадке своём, опрокинув один большой подсвечник, сорвав покрывало, собирается тащить покойника, чтобы положить с собою в постель спать... Пускай же он хоть последнюю ночь поспит со мною, а завтра ляжет в матушку сыру землю»*.

После амнистии и возможности вернуться к первой семье, чтобы познакомиться со своими детьми, которых оставил младенцами, Бригген стал искать варианты сохранить и вторую семью. Оболенскому он написал 16 сентября: *«Ни в коем случае я здешнего моего семейства не оставляю на произвол судьбы. Это было бы грешно перед богом и бесчестно перед людьми»*. Любимого сына Коленьку Бригген в любом случае решил взять с собой, девочек Катеньку и Машеньку отдать года на два-три в туринский монастырь под крыло доброй и умной игуменьи Афинадоры, которая девочек хорошо знала и всегда их любила, и посылать им безбедное содержание.

Планы менялись в связи с обстоятельствами. В ноябре Бригген в письмах к жене Софье Михайловне, живущей в Слоуте Глуховского уезда в семье сына Михаила, к дочери Любови Гербель в Петергоф и в Санкт-Петербург к Николаю Алексеевичу Терентьеву, мужу сестры Лизаветы Ивановны (урожд. Вальман) рассказал о своей второй семье и о своих затруднениях. В письме к жене он написал: «Если бы возможно оставить Катеньку и Машеньку здесь до лета, то взял бы с собой моего Коленьку и по зимнему пути поехал бы к вам. Но и тут ужасное затруднение, как оставить их с такою матерью, больной и почти полоумной. Если бы я мог приехать к вам, то осмотревшись в ваших местах, как бы их пристроить (Катеньку, Машеньку и мать их), я написал бы им приехать в Слоут, где, надеясь выручить за здешний дом (тысячу рублей серебром за него дадут), купил бы им домик со всем устройством, в коем они с помощью трудовой моей пенсии (285 руб. серебром) могли бы жить независимо и не были бы никому в тягость». Софья Михайловна ответила: «Исповедь твоя тронула до глубины души... Я бы встретила Машеньку и Коленьку как своих детей, если бы только Мишель мог бы их всех содержать, но он не может. Машеньку не лучше ли отдать в хороший пансион... Николеньку вези сюда... он будет моё любимое дитя. Мать их достойна всяких сожалений... Я боюсь, чтобы она по отъезде твоём не явилась бы в Слоут».

Александра Тихоновна ехать никуда не хотела и дома своего продавать не собиралась. Катенька, которой было уже 16 лет, сказала отцу: «Как поедem в Малороссию, возможно ли это. Мы были бы там как трость, колеблемая ветром в пустыне». И неожиданно приходит сообщение из Омска от Григория Яковлева, который хорошо знал все затруднения Бриггена. Он нашёл Катеньке жениха, который приехал знакомиться с невестой 27 января 1857 г. и привёз письмо от Яковлева, в котором тот жениха одобряет, покуда берёт его с Катенькой к себе в дом, принимает жениха в своё ведомство и обещает дать ему должность землемера. 29 января было обручение, и 3 февраля состоялась свадьба. «Венчались в Богородице-Рождественской церкви учитель Омского Полубатальона военных кантонистов унтер-офицер Александр Львович Кузнецов, первым браком, 22-х лет и воспитанница заседателя Курганского окружного суда Фон-дер-Бриггена девица Екатерина Александровна, 16 лет. Венчали священник Иоанн Волков, диакон Михаил Симонов, дьячок Павел Якиманский, пономарь Николай Волков. Поручителями по жениху были: курганский мещанин Фёдор Фролов и туринский мещанин Василий Фёдорович Мясников; по невесте: коллежский регистратор Флегонт Николаевич Забелин и коллежский регистратор Александр Никифорович Усцелемов».

Александр Фёдорович написал дочери Любови Гербель: «Благодаря попечительству своей матери, которая за 12 лет назад начала готовить почти незаметным образом для неё приданое, Катенька снабжена безбедно всем нужным ценою 400 руб. серебром. Я ей назначил из своего пенсионера на собственные её издержки 5 руб. серебром в месяц. Свадьба при всей расчётливости обошлась с лишком 250 руб. серебром».

После свадьбы Александра Тихоновна успокоилась и даже согласилась, чтобы Маша и Коля ехали с отцом. Но 16 апреля умирает её мать Анна Фёдоровна. После похорон она заявила Бриггену: «Если повезёшь последнее моё дитя, то шей мне саван, положи в гроб и зарой меня живую в могилу». В конце концов было решено, что Маша остаётся с матерью, они на какое-то время уезжают в Омск, снимают там квартиру, потом возвращаются в Курган. Дочери Любови Гербель Бригген написал: «Через месяц после моего отъезда, устроив всё в доме и отдав его в наём, Александра Тихоновна с Машенькой поедут в Омск и если поглянется, то останутся там жить под покровительством Яковлева. Александра Тихоновна будет получать с 1 мая по 1 января мою пенсию, что составит за 8 месяцев 186 руб. серебром. На будущий

год – что бог даст. Из этих денег, да из денег за наём дома (50–60 руб. серебром в год), надобно ей издержать на Катеньку 50 руб. серебром, да рублей 25 на поправку дома и постояй». Бригген хотел выехать из Кургана в начале мая, но началось наводнение, потом дожди и отъезд задержался.

6 июня 1857 г. в казначействе была оформлена доверенность:

«Милостивая государыня Александра Тихоновна!

По случаю моего отбытия из города Кургана в город Глухов, а потом в Петергоф, прошу вас покорно принять на себя поручение получать вместо меня из курганского окружного казначейства, с надлежащею роспискою в книге, Всемилостивейше пожалованное мне пожизненное пособие по 23 рубля 27,5 копеек серебром в месяц, начиная с первого июня сего 1857 г. по первое января 1858 г., что вам верю, и что по сему учините спорить и прекословить не буду.

С должным уважением имею честь быть милостивая государыня

Александр фон-дер-Бригген,

титულлярный советник в отставке».

Бригген уезжает в Слоут, где остаётся на год. Софья Михайловна полюбила Коленьку и баловала его. Затем Александр Фёдорович отправляется в Петергоф к младшей дочери. Коленьку он оставляет в Петербурге в семье сестры Лизаветы Ивановны, поручив его её мужу – Николаю Алексеевичу Терентьеву, который был человеком добрым и чувствительным. Он был преподавателем Морского корпуса, затем директором Морского департамента Морского министерства, с 1855 г. – генерал-майор. Супруги мальчика тоже полюбили, баловали, спал он на одном диване с Николаем Алексеевичем. Наняли учителя французского языка.

30 апреля 1858 г. Александр Фёдорович пишет дочери Марии: *«Коленька мой учится хорошо и его все любят как умненького и скромного мальчика. Я всё ещё всматриваюсь, куда и как его поместить, а это дело довольно трудное с такими ничтожными средствами».*

В 1859 г. в Россию приезжает друг Бриггена Николай Иванович Тургенев – декабрист, приговорённый к смертной казни, но находящийся в это время за границей и отказавшийся вернуться на родину. С тех пор он побывает в России в 1857, 1859 и 1861 годах. Бригген умер 27 июня 1859 г. от холеры, и встреча старых друзей могла произойти в начале лета. Вероятно, Александр Фёдорович попросил Тургенева взять Колю к себе во Францию. Отсюда все исследователи жизни Бриггена предполагают, что после смерти Бриггена Коля оказался воспитанником Тургенева. Но в свой приезд в Санкт-Петербург в 1864 г. Николай Иванович пишет 7 июля жене Кларе: *«Сестра моего друга Бриггена была сегодня у меня. Они намереваются снова отправить младшего его сына к матери в Сибирь, того самого, о котором я когда-то просил их, чтобы они привезли его ко мне в Париж. Юноша оказался совершенно избалованным и испорченным».* Коля уже был однажды отправлен в Курган, где он в 1864 г. говел и исповедался в Богородице-Рождественской церкви в Великий пост. После Пасхи, которая была в тот год 1 мая, он вернулся в Санкт-Петербург, если в июле Лизавета Ивановна посетила Тургенева. Вряд ли Николай Иванович захотел взять Колю, которому было уже 16 лет, с собой в Париж. Дальнейшая его судьба неизвестна. В метрической книге Богородице-Рождественской церкви есть запись: *«15 февраля 1906 г. 66 лет от роду умер от порока сердца курганский мещанин Николай Александрович Томников. Погребение совершал протоиерей Иоанн Волков с псаломщиком Николаем Добронравовым на приходском кладбище 21 февраля 1906 г.».* Был ли это сын Бриггена или однофамилец? Возраст указывали со слов.

Хорошо известна судьба Катеньки и Машеньки. После свадьбы Катя уехала в Омск. Туда же на некоторое время перебрались её мать и сестра. Уезжали в декабре. В казначействе 17 декабря 1857 г. была зарегистрирована доверенность на имя мещанина Фёдора Фролова, который был поручителем на венчании Катеньки:

«Милостивый государь Фёдор Фёдорович!

По случаю отъезда моего в город Омск, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, следующей мне по доверенности титулярного советника Фон-дер-Бриггена пенсии из курганского окружного казначейства за три месяца, а именно октябрь, ноябрь и декабрь настоящего 1857 г., деньги всего серебром шестьдесят семь рублей пятьдесят копеек получить и где следует за меня расписаться.

Покорнейшая Ваша слуга

мещанка Александра Томникова.

Вместо мещанки города Кургана Александры Тихоновны Томниковой по безграмотству ея и личной просьбе подписуюсь губернский секретарь Николай Шиляев».

На этом выдача пенсии Александре Тихоновне заканчивалась. В казначейство поступил следующий документ:

«Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Тобольской казённой палаты

Курганскому окружному казначейству.

Казённая палата, слушав прошение титулярного советника Фон-дер-Бриггена о переводе пенсии его, приказали: так как получавший из Курганского окружного казначейства пенсию отставной титулярный советник Александр Фон-дер-Бригген из оклада за надлежащим вычетом 279 рублей 30 копеек серебром в год, удовлетворён оным казначейством по первое число января 1858 г. и затем дальнейшее производство этой пенсии г. Фон-дер-Бригген... изъявил желание получить из Главного казначейства... Предписать... ассигнованную к производству из того казначейства пенсию отставному титулярному советнику Фон-дер-Бриггену с первого января сего 1858 г. по книгам и счетам из расхода исключить.

Июня 18 дня 1858 г.».

Александра Тихоновна прожила в Омске почти год и вернулась в Курган, Маша прожила там дольше. При них у Кати родилась дочка, восприемницей которой была Маша. В 1859 г. Кузнецова Александра Львовича определяют помощником столоначальника Тобольского губернского совета, вероятно, по протекции Яковлева. На время переезда Катя приезжает в Курган, где 30 июля умирает от кашля её полутораговая дочь Мария. Кузнецова вскоре переводят в Ишим письмоводителем местной полиции. Будучи совсем молодым, он умирает. Не удалось установить дату его смерти, но в 1866 г. Катя уже вдова. Она возвращается в Курган, где произошли большие перемены. Маша вышла замуж.

«21 января 1863 г. в Богородице-Рождественской церкви венчались сосланный на жительство мещанин г. Кургана Климент Викентьевич Крукович, католического вероисповедания, 29 лет, первым браком и г. Кургана мещанская дочь, девица Мария Томникова, православная, 18 лет. Венчали священники Иоанн Волков и Василий Гвоздицкий. Поручители по жениху – курганский земский исправник, коллежский асессор и кавалер Игнатий Лаврентьевич Монкевич и Тобольского округа, Адбазжской волости второй кандидат по волостному голове Андрей Аполлонович Запольский; по невесте – губернский секретарь Николай Дионисович Чудинов и ишимский мещанин Пётр Степанович Ступачёв».

4 февраля 1864 г. у супругов родилась дочь Валентина, крестили 9 февраля коллежский асессор Фёдор Капитонович Фарофонтов и вдова бывшего земского исправника Анна Васильевна Дуранова – кума Бриггена, с которым они многих крестили,

и которая не теряла связь с его детьми. 15 июня 1864 г. умирает Викентий Крукович от чахотки. Этим же летом в Кургане большой пожар, уничтоживший центральную часть города, в том числе всю усадьбу Александры Тихоновны. Сама она умирает в июне 1865 г. Разные источники называют датой смерти 2 июня, 9 июня, но метрическая книга Богородице-Рождественской церкви имеет запись: *«28 июня умерла мещанская девка Александра Тихоновна Томникова. Погребали священник Константин Троицкий с дьячком Михайловским на общем градском кладбище»*. Маша остаётся вдовой, сиротой, без крыши над головой и в декабре 1865 г. умирает её дочь Валентина. В 1865 г. Мария становится гражданской женой курганского городничего Михаила Авенировича Карпинского. 8 февраля 1867 г. Карпинский доносил чиновнику особых поручений М. Попову: *«В город Курган городничим поступил я во время сильного волнения местных жителей после пожаров, опустошивших четвертую часть города, четвертую по числу домов, а по качеству их – самую главную центральную часть»*. На него легла борьба с пожарами и помощь погорельцам. Это свело его с Марией, которая повторила судьбу своей матери – Карпинский был намного старше, почти ровесник Александры Тихоновны (род. в 1823 г.), жениться на Марии не мог, потому что был женат, но стал надёжной опорой для неё на всю жизнь. 1 апреля 1866 г. у невенчаных супругов родилась девочка Мария, воспитанники: смотритель уездного училища Дмитрий Иванович Летешин и жена капитана Шухова Мария Антоновна. Девочка умерла в младенчестве. 20 марта 1867 г. родился сын Сергей, воспитанники: купеческий сын Александр Иванович Луговской и купеческая жена Екатерина Егоровна Березина. Свёкор Екатерины Семён Иванович Березин крестил брата Марии Николая Томникова.

Катя, которая вернулась в Курган, вышла вторично замуж. *«В Богородице-Рождественской церкви 5 февраля 1869 г. венчались Смоленской волости крестьянин Иван Григорьевич Александров, православный, первым браком, 25 лет и вдова бывшего письмоводителя Ишимской полиции Кузнецова – Екатерина Александровна, православная, вторым браком, 25 лет. Поручители по жениху – канцелярский служитель Дмитрий Андреевич Петров, курганский мещанин Агей Кузнецов; по невесте – помощник бухгалтера Иван Тимофеевич Кобяков и полицейский надзиратель Павел Ильич Пузик. Венчал Иоанн Волков»*.

Сёстры принимают решение разделить усадьбу матери, и 7 июня 1869 г. был заведетельствован раздельный акт. Их мужья начинают строительство на пепелище, и в 1876 г. раскладочная ведомость даёт возможность узнать, что они выстроили: Александровой Екатерины, крестьянки, деревянный двухэтажный дом с амбаром, конюшней и баней; Крукович Марии, мещанки, деревянный двухэтажный дом с амбаром, завозней и погребом. Усадьба Марии строилась на деньги Карпинского, который занял деньги у кума Луговского. Чтобы отдать долг, Михаил Авенирович продал в 1872 г. свой дом в Ирбите, который он выстроил на месте, доставшемся в наследство от отца. Катя, хотя имели усадьбу в Кургане, жила с мужем в селе Могилевском. Там Катя заболела и умерла. *«5 апреля 1876 г. умерла, а 7 апреля погребена Смоленской волости крестьянская жена Екатерина Александровна Александрова, 30 лет, от водянки. Погребали священник Григорий Парышев, диакон Евфимий Лепехин, дьячек Николай Ракитянский, пономарь Михаил Зудилов»*. Иван Григорьевич, несмотря на траур, 9 мая 1876 г. женится на учительнице села Утичье Елене Аполлоновне Девятовой. Внучка Александрова в письме от 17 мая 1885 г. сообщала, что по семейным преданиям, умирая, Катерина Александровна просила Ивана Григорьевича жениться на Елене Аполлоновне. 17 февраля 1877 г. у них родился сын Виктор и воспитанниками стали Михаил Авенирович Карпинский и Юлия Аполлоновна Девятова. Мария Александровна, вероятно, не осуждала скорую женитьбу Ивана Григорьевича. Когда она ещё при жизни Кати родила 17 февраля 1876 г. сына Фёдора, его вос-

приемниками стали Иван Григорьевич и учительница села Могилевского Юлия Аполлоновна Девятова. Мария сестёр этих знала и с выбором зятя согласилась. Отец сестёр Девятовых титулярный советник Аполлон Григорьевич был тобольским землемером, нарезал землю переселенцам, в том числе и в Курганском округе. Вторая жена Петра Павловича Ершова, автора «Конька-Горбунка», была родной сестрой их матери, и обе девочки часто гостили у Ершовых.

Мария Александровна на своё имя покупает 6 мая 1880 г. у солдатки Ирины Егоровны Барышевой усадьбу тоже на Троицкой улице, против бывшего дома Кюхельбекера. На усадьбе – деревянный одноэтажный дом с надворными строениями: два амбара, завозня, конюшня, две стаи и баня. По оценке раскладочной комиссии усадьба стоила 175 руб. серебром. Через два года прежнюю усадьбу продали. *«8 октября 1882 г. коллежский советник Михаил Авенирович Карпинский и мещанская вдова Мария Александровна Крукович продали усадьбу крестьянину Ивану Григорьевичу Александрову, 9х30 сажень (дом Карпинского, земля – Крукович). Владели по раздельному акту от 7 мая 1869 г. на Троицкой улице возле дома купца Марка Дунаева за 200 руб. серебром»*. Теперь Александров имел всю бывшую усадьбу Александры Тихоновны. Его семья переехала жить из Могилевского в город, в 1895 г. усадьбу продали Шалабанову Алексею Николаевичу и оказались в Ишиме.

Семья Марии Александровны увеличивалась. 9 марта 1881 г. родился мальчик Илья, которого, как и предыдущих детей, крестили в Богородице-Рождественской церкви. Восприемники: акцизный надзиратель Пётр Иванович Орлов и чиновничья дочь Екатерина Константиновна Карпинская. Екатерина Карпинская была внучкой бывшего курганского казначея Соломона Алексеевича и, возможно, в дальнем родстве с Михаилом Авенировичем. Мальчик умер в младенчестве. 1 июня 1883 г. Мария Александровна родила сына Георгия. Восприемники: начальник курганской телеграфной станции Григорий Стефанович Долбышев и опять Екатерина Карпинская. В 1890 г. у супругов родился последний ребёнок, сын Василий. Произошло это в городе Красноуфимске, где Михаил Авенирович находился по делам службы, и мальчик был крещён в Свято-Троицком соборе этого города. Сыновья подрастали, и старший сын Фёдор, которому исполнилось 18 лет, уже на гражданской службе. *«23 сентября 1894 г. мещанин Фёдор Крукович определён в штат Тобольского общего губернского управления по первому отделу с правом канцелярского служителя третьего разряда с производством содержания»*. Вскоре он получает место помощника столоначальника первого стола первого отделения. Михаил Авенирович был уже в преклонном возрасте, и он решается дать детям свою фамилию. 18 июля 1894 г. он представляет в Тобольский губернский суд прошение об усыновлении Фёдора, Георгия и Василия Круковичей. Усыновление Фёдора удовлетворено судом 15 апреля 1895 г. Тут же Фёдор уходит в отставку, но в январе 1898 г. возвращается на службу. Постановление г. Управляющего Тобольской казённой палаты: *«Определяется отставной канцелярский служитель Фёдор Карпинский (бывший Крукович) на службу в штат вверенной моему управлению Казённой палаты со 2 января 1898 г. с правами – по усыновлению его коллежским советником Карпинским – канцелярского служителя 3 разряда»*.

Усыновление Георгия и Василия потребовало дополнительных документов. Тобольский губернский суд 4 августа 1895 г. рассмотрел дело и направил отношение в Тобольскую духовную консисторию, которое было там оглашено 21 декабря 1895 г.

«Коллежский советник Михаил Авенирович Карпинский, жена его Пелагея Никифоровна и мещанская вдова города Кургана Мария Александровна Крукович заявили ходатайство об усыновлении первыми двумя с передачей фамилии и гражданских прав их воспитанников и детей последней Георгия и Василия Круковичей, при чём в прошении своём просители объяснили, что как метрические выписки о рождении

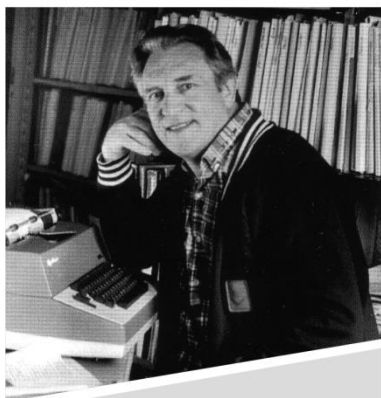

названных детей, так и все документы, необходимые для усыновления просителями, представлены в суд при прошении 18 июля 1894 г. об усыновлении ими сына Круковича Фёдора... то при деле находятся следующие документы: копия с аттестата о службе Карпинского, метрические свидетельства о рождении обоих Карпинских, свидетельство о рождении незаконнорождённых Георгия Круковича и Василия Круковича и удостоверение полиции о неимении Карпинскими детей. Рассмотрев настоящее дело и принимая во внимание находящиеся при деле документы, установлено, что усыновители имеют более 30 лет от роду и старше усыновляемых Георгия и Василия более чем на 18 лет, что Карпинские не имеют детей и что на усыновление Карпинскими названных детей изъявила согласие мать их Мария Крукович. Суд полагает ходатайство Карпинских об усыновлении их Георгия и Василия Круковичей удовлетворить, передав последним фамилию усыновителей.

Декабря 21 дня 1895 г.».

Георгий принят в штат Тобольского губернского управления по тюремному ведомству. «2 августа 1903 г. г. смотрителю Курганского тюремного замка. Приказом г. губернского тюремного инспектора состоявшегося 1 августа за № 4, уволен от службы в отставку состоящий в штате тюремного отделения и откомандированный в Ваше распоряжение канцелярский служащий Георгий Карпинский. Об этом тюремное отделение даёт знать Вашему благородию для сведения».

После отставки Георгий уезжает учиться в Томск, женится на Анне Васильевне. С Марией Александровной остаётся младший сын Василий, который учится в курганском городском 4-классном училище. Учится так плохо, что в 1904 г. получает годовую оценку за поведение – 4, по истории – 3, по всем остальным предметам – 2. 5 октября 1909 г. скоропостижно умирает Мария Александровна. Святых Тайн успел её приобщить отец Македон Волков, священник тюремной Преображенской церкви; отпевал и хоронил отец Иоанн Волков. Мария Александровна была схоронена на приходском кладбище Богородице-Рождественского собора (ныне Парк Победы). В документе о смерти она записана как Крукович-Карпинская. Сразу после похорон сыновья продают дом лесничему Николаю Николаевичу Костомарову, в 1916 г. он продаёт аптекарю Земянскому. После 1909 г. братья Крукович-Карпинские в г. Кургане не числятся, и дальнейшую их судьбу пока проследить не удалось.

Карсонов
Борис Николаевич
(1928–2008)

Журналист, краевед, искусствовед. Работал корреспондентом редакции газеты «Красный Курган», литературным сотрудником, заведующим отделом газеты «Молодой ленинец», литературным сотрудником газеты «Советское Зауралье». С 1963 г. – член Союза журналистов СССР. В 1965 г. окончил факультет теории и истории искусств Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. С 1970 г. был научным сотрудником краеведческого музея, консультантом-искусствоведом, реставратором в различных организациях. С 1997 г. работал обозревателем редакции городской газеты «Курган и курганцы». С начала 1990-х гг. был референтом Курганского епархиального управления и членом редколлегии газеты «Кургани курганцы».

Б. Н. Карсонов реконструировал курганский период жизни декабристов. Во многом благодаря ему были открыты Дом-музей декабристов (1975) и Дом-музей декабриста В. К. Кюхельбекера (2005), установлены могилы декабристов Повалов-Швейковского и Фохта на бывшем городском кладбище (ныне территория городского сада).

Автор книги «Узник гатчинского сфинкса» (1991) и многочисленных публикаций в местной и центральной прессе о курганских декабристах и по истории города Кургана. В 2015 г. друзьями Карсонова издан сборник «Диалоги времён», куда вошли очерки и статьи Бориса Николаевича.

Вечер у Дурановых

(фрагмент из книги

«Узник гатчинского сфинкса»)

В доме надворного советника Дуранова играли в карты. Шла четвёртая неделя великого поста. Мартовские ветры выстудили зимний уют городка. И тут тяжёлые шторы из плюша, дрова в печке потрескивают, пахнет кофеем и недавно выбитыми на морозе половиками. Над круглым столом – лампа-семилинейка, со стеклом и железным абажуром.

– ...Э, не скажи, не скажи, Александр Иванович! – неожиданно и громко, на всё залo, сказал Башмаков, дотолe помогавший жене и тётце Дуранова раскладывать пасьянс.

– То есть как это? – вскинулся хозяин от своего столика. – Вы полагаете?..

Взгляд нагловат и значителен.

Падающими шажками Башмаков неспешно подошёл к нему сзади, ткнул закопчённым жёлтым пальцем в свежий подбородок.

– *Petite misere!*¹⁴

– Что? – смешался Дуранов, перебирая карты. Руки тряслись, и толстые, враз вспотевшие пальцы не слушались.

– Прикуп? – подозрительно покосился на Дуранова Логинов.

– Беру, – сказал Дуранов.

Столоначальник земского суда Василий Александрович Поникаровский заерзал на стуле, узкое лицо с бледными тонкими губами хищно вытянулось, запавшие глаза забегали.

– Мой ход, – послышался его вкрадчивый шёпот.

– А ведь ей-ей, поймают, Александр Иванович, а? – Это сказал поручик Попов – командир местной инвалидной команды. Он был без карт, на сдаче, и теперь, неловко перегнувшись над столом, напоминал собою поджарого сеттера, взявшего стойку.

– А позвольте-ка теперь по червям! – и в тонких пальцах Поникаровского светлой змейкой сверкнула семёрка. Логинов поспешно сбросил туза пик.

– Игра проиграна! – Башмаков закашлялся, долго и шумно сморкался и, махнув комом платка за плечо Дуранова, зашаркал в свой угол.

– Не повезло! – весело заметил Логинов.

– Канальи! – прошептал Дуранов. – Вам только попадись, своего не упустите...

– Как можно-с, Александр Иванович!.. – с притворной обидой заговорил Поникаровский.

¹⁴ Карточный термин, означающий игру без взяток (франц.)

Дуранов бросил оставшиеся карты, как кости, в россыпь, уперся длинным взглядом в прилизанный пробор своего vis-à-vis. И тут ехидная ухмылочка Поникаровского стала куда-то сползать в сторону, в сторону, пока не стасла в прикусе. И вот уже он строг и почтителен, и глаза его по-собачьи преданно и выжидательно замерли, меж тем как пальцы, длинные, нервные, чётко и упруго выхватывали и выхватывали из колоды карты и стремительной струёй обдали ими полукружье стола.

– Ну артист, ну шулер! – восхищённо сказал Дуранов.

– Что-с? – не понял Поникаровский.

Дуранов наклонился к столоначальнику и, придавив тяжёлой волосатой лапой бледные пальцы худенького человечка, зашептал: «Сколько... за Власовское-то дело?... А? Папкевич, чай, поделился?... Дельце-то выгодное? А?..»

Поникаровский отшатнулся, чуть побледнел, молча зажевал губами, сказал на выдохе:

– Кхе!..

– Не юли, Поникаровский, перед кем комедь ломаешь!.. – для всех озорно крикнул Дуранов.

Наступило неловкое молчание. Дуранов насупился, запыхтел, карты не давались в руки. Поникаровский, слегка склонив голову и глядя исподлобья на широкую волосатую грудь хозяина, не находившего нужным как следует запахнуть халат, смиренно пролепетал:

– Готовый-с к услугам!..

И непонятно было: то ли он приглашал начать игру, то ли о чём другом.

Письмоводитель полиции Александр Матвеевич Логинов с открытой улыбкой постукивал картами по краю стола, щурился и вдруг невзначай сознался:

– Cus zilibre!¹⁵ – Он был философом.

– Экий ты, братец! – изумился поручик и дрыгнул под столом подбитым сапогом.

– Tutti quanti¹⁶, – поддал жару Поникаровский. В глазах игра и насмешка.

Дуранов опал с лица, поскуцнел, и один ус, постоянно топорщившийся, свис, как мартовская сосулька. Сказать правду, земских он не любил. Может, потому и не любил, что когда-то сам был земским исправником, споткнулся на какой-то взятке, завязался скандал, дошло до суда, дело замяли, но, увы, – отставка!..

– Тити-мити! – проворчал Дуранов.

С завистью смотрел он на чёрного акулёнка в обтянутом мундирчике. Да, прошло, прошло его грубоватое и простодушное времечко. Шло иное поколение с золотыми пуговицами, ломким взглядом и пугающими иноземными словечками. В присутствии ходят петушиной походкой в башмаках с жёлтыми пряжками, норовят говорить по-столичному, в прононс, и по всякому случаю ссылаются на недавно изданное пятнадцатитомное законоположение в тяжёлой чёрной коже. «А ну-кась, что тут глаголет нам сия статья?» – И ловко так, можно сказать, изящно, пальчиком снизу, – ковырк. И вот она, неумолимая, как рок, статья закона: ни обойти, ни объехать. Всё это хоть кого способно вогнать в оторопь...

– Бывалоча, как приедешь, плетьми выдерешь, и делу конец. Ни канцелярии, ни бумаг, и все довольны, – сказал сам себе Дуранов.

– Боже, уже вот и Благовещение прошло!..

– А морозец! Ишь, окно забрало!

– А ноне бумага всё стопорит... Агашка, кофий давай!

– Маменька, вы сидите, я распоряджусь, – заторопилась Анна Васильевна на кухню.

¹⁵ Искажённое от Cause celebre – сенсационное, замечательное судебное дело (франц.).

¹⁶ Здесь употребляется в смысле: «И прочее, и прочее» (франц.).

Тут были ещё два молодых человека: учителя уездного училища Александр Иванович Немцов и Дмитрий Иванович Летешин, любители поговорить о космогонии, политике или о ширине штрипок. Однако сегодня они не задавали своих хитрых вопросов – вроде тех, в которых и сами богословы не имеют единого мнения: например, в чём смысл странного и таинственного обряда обрезания, установленного Авраамом среди своего народа в скитании к земле Ханаанской?

Сегодня спор шёл о предопределении судьбы. Кто-то и самое судьбу, и самую жизнь уравнивал, а кто-то, наоборот, видел в них совсем разное...

– Опять же надобно иметь в виду земной магнетизм, невидимо влияющий на судьбы наши, то есть – планеты... Всё от них!..

– Чепуха! – отмахнулся Дуранов. Все знали, что со времени отстранения его от должности он в церковь не ходил и считался безбожником.

– Судьба, закон, всё одно... как это... дышло: куды повернешь, туды и вышло... Вы что, Флегонт Миронович, давеча вроде против сказать что-то хотели?

– Оно не то что против, а верно: не согласен я с вами, Александр Иванович, – твёрдо сказал Башмаков. – Смолоду мы чертаем жизнь свою наперёд и приуговляемся к ней разными способами – и вдруг, как говорят, в один прекрасный день...

– Из полковников попадаешь в государственные преступники! – не без тайного удовольствия съязвил Логинов.

– Ну, Ляксандр Матвеевич, право!.. – с укоризной сказала Степанида Алексеевна, тёща Дуранова, старушка тихая, набожная, пропахшая свечками и нюхательным табаком.

– Молокосос! Не вам бы говорить, не мне бы слушать! – Башмаков встал, и, цепляясь за половики, засеменил по комнате.

– Ах, простите, Флегонт Миронович!

Башмаков молча перебежал от стола к фикусу, от фикуса к столу. Остановился у окна, заглянул за плюшевую занавесь, потом уселся на небольшой табурет перед дверцей печи и долго ворошил и стучал кочергой по догорающим угольям.

Его не торопили.

– Вот извольте, господа, послушать одну историю, – наконец заговорил он, откашливаясь. – В достославном Италийском походе, когда в середине июня при Треббии мы разгромили армию Макдональда, наша артиллерийская бригада расположилась близ какой-то деревушки, на холме – ухо держали востро – впереди нас караулила армия Моро.

Жили мы в одной палатке с нашим капитаном Анатолием Штомовым. Высок, статен, лицом бел – был он откуда-то с Пензенской губернии. Отчаянная головушка! Однажды, будучи в наряде, я проверял наши секреты, поставленные впереди батарей, в долине. На старых виноградниках, едва ли не под стенами какого-то старинного францисканского монастыря. Начался рассвет. Туман, сырость. Признаться, продрог, спешу в лагерь, вижу, выходит из нашей палатки... ну, прямо-таки привидение. Что-то длинное, светло-серое. И не идёт, а совсем бесшумно так, как бы по воздуху, шагает. У меня аж мурашки по спине забегали: что за наваждение! И надо же так случиться, откуда ни возьмись – полковник наш с денщиком.

«Это что за козырь?!» – гаркнул он на весь лагерь. Привидение остановилось, и в этот момент из палатки выскочил мой капитан: одет, при сабле.

«Осмелюсь доложить, господин полковник, – лазутчик!»

«Взять!»

Мы с денщиком бросились к привидению. Но едва денщик прикоснулся к нему рукой, как оно завизжало таким пронзительным женским визгом, что мы едва ли не ослобенели от неожиданности. Привидение бросилось вниз, в долину, мы за ним.

Оно несло, будто на крыльях, перелетая канавы, виноградные лозы, изгороди. Я понял, что оно босое и хорошо тут ориентируется. И пока мы тяжело и неуклюже топали высокими сапогами позади, падая и поднимаясь, – вконец вымокшие от росы, грязные, ушибленные, задохнувшиеся, – наше привидение уже достигло монастырской стены. Вот уже оно на стене, на миг остановилось, повернувшись к нам... И тут раздался выстрел. Это к нам бежали солдаты из моего секрета. Привидение звонко захохотало и тут же исчезло, – только светлые одежды, как два ангельских крыла, взвихрились за ним и тихо опали за стену...

Полковник, видя, что мы тащимся одни, не стал нас ждать, но я слышал его слова капитану:

«Я не потерплю в полку мавританок!.. Под арест!»

Утром увидел я на походном топчане моего израильянина роскошный женский пояс ручной работы. Штомов, заметив мой взгляд, подмигнул: «Неприятельский трофей!..»

– И что, полковник исполнил угрозу?

– Тут, видите ли, дела повернулись так, что не до того было.

В тот же день мы снялись и погнались за Мором. В знаменитом сражении у Нови, когда чаша весов колебалась и его сиятельству князю Александру Васильевичу пришлось лично повести полки в атаку, конная рота капитана Штомова с малым прикрытием врезалась во фланг французов, и его единороги едва ли не в упор смели неприятельские орудия... Так-то! Суворов перед строем расцеловал его и приколот на мундир орден Святой Анны...

Слышал я, что будто бы происшествие сие дошло-таки до нашего главнокомандующего, и что будто бы Александру Васильевичу понравилась находчивость капитана, и он заразительно хохотал, повторяя: «Ну, лазутчик! Вот так лазутчик!..» Правда, не могу ручаться за это, наверное, но слухи таковы были.

Однако же всё это ещё присказка, а сказка-то впереди...

Вскоре, как известно, войска были возвращены в Россию. Слава и гордость сердца русского, наш Александр Васильевич, вроде как за нарушение Фридрихова устава, разработанного царём, и коим он не пожелал обременять свою армию, сызнова сослан был в деревушку свою, в то время как многие из офицеров оказались в Санкт-Петербурге.

– Флегонт Миронович, простите, что коли не так, но слыхала я, что будто бы вы состоите в родстве с Суворовым? – спросила хозяйка Анна Васильевна.

Башмаков пожал плечами, достал платок, помял его в вспотевших ладонях, вздохнул тяжело-тяжело.

– Как сказать? Нет у меня никакого родства! Нет! – И замолчал.

Подали кофий.

– Впрочем, верно, брат мой, Дмитрий Башмаков, был женат на княжне Вареньке Суворовой... Ну да что о том говорить!..

Зима 1800 года в Петербурге выдалась снежная. На Неве бега устраивали сапочные: рысаки в яблоках, сбруя в золоте, молодухи розовые в шубках!.. Но более всего нас поразили некий неожиданный маскарад столицы: это было как раз время успешного гонения на гражданскую одежду. Ботинки, жилеты, фраки, шляпы круглые и прочее – всё это объявлялось вне закона. Высочайше предписывались ботфорты, камзолы, кафтаны однобортные, с высоким стоячим воротником, треуголки...

Как-то ввечеру, помнится, после какой-то утомительной карточной игры и холостой пирушки, едва я встал с постели – голова разламывалась, на душе мерз-

ко, тошнит, – смотрю, в окно тростью стучат мне, тут же открывается дверь и влетает капитан Штомов.

«Флегоса, – говорит, – едем ко мне, нас ждут!»

«Ехать? Оставь меня, Анатолий! Я едва держусь...»

«Только-то!» – закричал Штомов. Загребастал меня в охапку и поволок на улицу. Право, я и глазом не успел моргнуть, как очутился в парных санках, лошади рванули, и мы понеслись вдоль Фонтанки. У моста на минуту заскочили в лавочку к общему приятелю нашему, горбатому сидельцу... Впрочем, нет-нет, мы умеренно, ну там по одной, ну по две... Право, не более!

Штомов жил где-то близ Коломны, неподалёку от Большого театра, – в котором, к слову сказать, мне единожды пришлось слушать в Итальянской опере божественную мадам Шевалье...

Да. Ну, приезжаем, в квартире – народ, всё больше военные, мало мне знакомые. Разве один поручик да штабс-капитан пионерного батальона. Человек шесть–восемь, пожалуй. Сидят, ходят, разговаривают, курят трубки. Меня сразу остановило какое-то неясное, смутное, но всё-таки заметное напряжение собравшихся; я бы сказал, некая скованность, какое-то ожидание, что ли. И разговор негромкий, с оглядкой, и загадочные полуулыбки... Едва мы вошли, как в комнате всё смолкло и все повернулись к нам. Но через секунду все оживились, маленький гусарский офицерик с чёрными усиками подбежал к Штомову, схватил за руку, обрадованно заговорил:

«Наконец-то! Скорее-скорее же!»

«Флегоса, что бы ты ни увидел и ни услышал – не удивляйся!» – успел мне шепнуть Штомов и куда-то исчез.

Минуту-другую спустя через комнату прошли какие-то люди в шубах с мягкими узлами и тоже скрылись за высокой белой дверью, что заметил я за маленькой портьерой.

«Башмаков, я рад вас видеть!» – подошёл ко мне штабс-капитан.

«Будьте любезны, объясните мне, что тут происходит?» – обратился я к нему.

«Как? Разве вы ничего не знаете? Позвольте, позвольте, но как же так!»

Тут опять я увидел шустрого офицерика с усиками, поспешно тащившего большой медный канделябр.

«Вы, – сказал он мне, на секунду остановившись подле, – вы будете... свидетелем!»

«Что-о?!»

«Анатолий просил», – добавил он и, прежде чем я успел ему что-то ответить, уже скрылся за белой дверью.

И в этот момент вбежавший лакей крикнул:

«Едут!»

По комнате прошло всеобщее оживление. Все находившиеся тут разом встали, кто-то бросился к прихожей и широко раскрыв двери. Там раздавались. Послышалась возня, вздохи и нежный, испуганный шёпот: «Ипполит!»

Наконец приехавшие вошли. Впереди шёл белокурый мальчик лет двенадцати в белых чулках и коротком зелёном кафтанчике. Он смотрел на всех открыто и весело и всем улыбался. За ним – высокий поручик с бледным лицом, державший под локоть девушку в белой кисейной накидке.

Поручик на миг остановился, едва заметно поклонился нам и, не задерживаясь, прошёл за мальчиком в белую дверь. И тогда все находившиеся в комнате устремились туда же.

Едва я переступил порог, как пахнуло ладаном. Довольно большая пустая комната была задрапирована тяжёлыми красными коврами. Может, оттого и всё тут казалось сумеречно-красным. Одинокий канделябр в три рожка едва освещал перед-

ний угол. В тусклых окладах Богородицы и Спасителя плескалось жёлтое пламя свечей; на тёмно-красном бархатном лоскутке, коим был накрыт поставец, лежали книги и большое медное распятие. Перед ним стоял поручик со своею дамою, всё так же державший её под локоть. Мы встали чуть позади. Какой-то служка суетился с тёмным подносом ли, тарелкой ли, не зная, видать, куда сие пристроить. Признаться, я всё ещё не мог взять в толк, что тут к чему. Все стоят тихо, благопристойно, разговора не слышать, чего-то ждут. Я же находил неприличным в этом положении приставать к кому-либо с вопросом. Наконец откуда-то сбоку, из-за ковра, как бы из самой стены, вышел высокий, представительный священник в богатой ризе. Правда, он был без бороды, да и стрижка коротка, ну да в те времена наши священники за границей не носили ни бород, ни волос длинных... И едва только он произнёс слово брачного обыска, как ошеломила меня скоропалительно мыслию горячий: «Так ведь то же венчание!..»

Смотрю сбоку на невесту: взор потупила, рука со свечой дрожит, бледные губы прикусила – сама не своя. Но в ещё больший трепет поверг меня голос батюшки, когда тот, возвысаясь над брачующимися, густо пророкотал:

«Имаши ли, Ипполит, произволение благое и непринужденное, и крепкую мысль пояти себе в жены сию Настасию, южезде пред тобою видиши?»

«Имам, святой отче.»

«Не обещался ли еси иной невесте?»

«Не обещался, святой отче.»

В голосе священника я узнал голос капитана Штомова!.. Да! Это был он! Теперь и под ризой я опознал его.

– О, господи! Грех-то какой! – всплеснула сухонькими ручками Степанида Алексеевна.

– Пикантно, однако же! – с удовольствием заметил Дуранов.

В комнате на минуту все оживились, задвигались, заговорили, но враз смолкли, едва Башмаков многозначительно кашлянул.

– А меж тем всё шло своим чередом.

Штомов солидно – я бы сказал, величественно – отправлял свою службу. Голос его то утробно гудел, то стихал в неге и умилении:

«О рабех божиих Ипполите и Настасии, ныне сочетающихся друг другу в брака общение, и о спасении их, господу помолимся.»

«О еже благословится браку сему, якоже в Кане Галилейстей...»

И ведь шпарит, мерзавец, свои ирмосы, даже не заглядывая в требник! «О лицемерец! О нечестивец! О диавол в образе человеческого, буде тебе ужас Кана Галилейская!» – думал я со страхом и с восхищением.

Ну, наконец, мальчик в зелёном кафтанчике подал нашему батюшке блюдо с обручальными кольцами, ну там, как положено, целование распятия и прочее. Молодые тут же уехали – тройка ждала их у крыльца, а мы – за сдвинутые столы... Смех, крик, звон бокалов с шампанским!..

Штомов, шельмец, после своего спектакля сбросив ризу, вышел к нам совершенно невозмутимый, будто бы со стороны зашёл и теперь с недоумением взирал на нас: что это мы тут шумим?

Однако же предчувствие меня не обмануло. На другой же день, наверное, половина Петербурга известилась об этом венчании...

– Да как же прознали?! – вскрикнул Летешин, вскакивая со своего стула и подбегая к печи, где сидел Башмаков. Видно было, что рассказ его захватил и взволновал. – Неужто кто из офицеров?..

– Всё проще. Мальчик рассказал...

– А невеста? Невеста-то кто была? – не унимался Летешин.

– Голубушка, Анна Васильевна, нельзя ли ещё кофию? – Башмаков повернулся к хозяйке, подавая ей пустую чашку.

– Агашка! – крикнул Дуранов.

– Ну, зачем, зачем, я сама принесу, – сказала Анна Васильевна, и, подхватив руками юбку, поспешила на кухню.

– Невеста? – переспросил Башмаков. – Невеста была дочерью одного богатого то ли откупщика, то ли промышленника, вернувшегося в Петербург из Варшавы. Поручик, недавний сослуживец наш (я, может, его раз или два всего и видал-то в полку), влюбился в Настеньку – ну, как мы тогда говаривали, под завязку. Она тоже души в нём не чаяла. А отец против. Не приглянулся ему бедный офицерик. Как быть? А так, как в те времена часто делали: бежать из дому, обвенчаться где-либо на стороне, а уж потом в ноги батюшке с покаянием. Может, так бы они и сделали, но на то тоже нужны были деньги, и немалые: не каждый священник возьмёт на себя риск на тайное венчание без родительского благословения. Ну, а тут Анатолий Штомов – как же не выручить товарища! Конечно, невеста никакого обмана тут не заподозрила, может быть, так бы всё и устроилось, но младший братец её – помните, мальчишка-то в зелёном кафтанчике? – он под величайшим секретом рассказал о сём своему гувернёру, ну а далее – известное дело... На другой же день откупщик прознал подробности и принёс жалобу императору.

– Эвон, дело-то как повернулось! – воскликнул Попов.

– Да, не хотел бы я очутиться на месте капитана, – заметил Поникаровский. Дуранов, обдав его презрительным взглядом, хмыкнул с усмешкой:

– Да-а, тут уж тебе не рас-с-с-чёт!

Башмаков встал, прошёлся по комнате, снова сел к печке, потирая свой тонкий, хрящеватый нос и вспотевшую широкую лысину.

– К вечеру на другой день, когда я приехал к Штому, квартира его была пуста. Никто ничего мне не мог сказать наверное. Только у полкового командира, наконец, немного прояснилось: где-то после обеда, когда Штомов ещё изволил почивать, к нему приехал фельдъегерь с корпусным адъютантом, ничего не объясняя, посадили в крытую карету и ускакали. «Что у вас вчера произошло?» – спросил меня полковник. Я рассказал. «Впрочем, всё это мне уже известно», – тихо сказал он. – «Боюсь, что капитану нашему не миновать Сибири». Дня два-три мы были в совершенном неведении. Потом стороною дошло до нас, что по повелению императора капитан Штомов отдан в монахи.

– В монахи!.. – раздалось сразу несколько удивлённых голосов.

– В монахи, – повторил Башмаков. – Рассказывали, что, когда Павлу доложили о сей проделке, он поначалу развеселился. Потом попросил графа Палена оставить бумагу жалобщика-отца и сам несколько раз перечитал её, – и тут вознегодовал страшно!

Не знаю, что лучше: Шлиссельбург или Сибирь – но и то, и другое уже приуговлено было нашему храброму капитану.

После сего Павел, выйдя из кабинета и проходя вестибюлем, увидел подле мраморной статуи Клеопатры некоего Коцебу, известного в те времена немецкого драматурга. Говорили, будто бы незадолго перед тем Павел высылал его в Сибирь, а потом вернул и наградил щедро. Охотно верю, ибо сие было в натуре нашего монарха. Да, так вот этот Коцебу нёс у него при дворе какую-то службу, что-то описывал...

Павел остановился подле статуи и долго смотрел на неё.

«Я полагаю, что всё-таки это прекрасная копия?»

«Несомненно, Ваше Величество!» – ответил Коцебу.

«Смотрите, в её подножие входят несколько сортов мрамора; каковы их названия?»

«Хорошо, я узнаю это.»

«Признаюсь вам, что я почасту останавливаюсь перед ней: меня восхищает её героическая смерть!»

«Осмелюсь высказать своё мнение, Ваше Величество, что ежели бы Август не пренебрёг её прелестями, то едва ли она лишила себя жизни.»

«Да?» – Император более внимательно посмотрел на Коцебу и вдруг спросил: – «Господин Коцебу, что вы скажете, если мой офицер самозвано присваивает себе священнический сан и отправляет требы?»

«Трудно ответить сразу, Ваше Величество, потому как подобные проступки столь редки... Но, коль скоро всё-таки это так, то, наверное, надобно признать в нём... наклонность к сему, ибо ведь не каждый сможет отправлять требы...»

«Прекрасная мысль!» – сказал император. – «Именно так!»

Участь Штомова была решена. На докладную записку легла резолюция царя: «В монастырь!»

Наступила пауза. Башмаков устало возился с платком; дворовая девка Агашка убирала кофейную посуду. И в этой нечаянной сумеречной тишине особенно заметно было тяжёлое, астматическое дыхание Дуранова.

– Позвольте, Флегонт Миронович, а уж не тот ли это Коцебу, что жил у нас в Кургане? – спросил Летешин.

– Коцебу – в Кургане? – удивился Попов.

– Представьте себе, поручик!

– Но каким образом?

– Не совсем прямым, через... Тобольск, – поправил Дуранов.

Тут все присутствующие обратились к Дуранову.

– Матушка, помнишь ли ты, как нам о том Евгений Андреевич Розен читал? Книжка-то была по-немецки, так он нам читал и тут же переводил...

– Батюшки! Так неужто нынешний-то рассказ это о нашем Фёдоре Карпыче? – до странности оживилась Степанида Алексеевна.

– Какой ещё Фёдор Карпыч! – едва сдерживаясь, почти закричал Летешин. – Август Фридрих фон Коцебу – вот его точное имя. У меня пьесы его есть...

– И-и, милый, заладил своё – Август, Август! Это, может, по-ихнему там, а мы ево тут Фёдором Карпычем величали...

– У меня пьесы!..

– Эка невидаль – пьесы! А я по утрам молоко ему таскала!..

Жили-то мы через улицу, насупротив Кузнецовых, у которых он съмал домик-то; ну, вот, бывалоча, матушка как подоит, так я и несу, пока ещё тёплое... А он меня Стёпкой звал. Обходительный такой, тихий. Всё больше у окошка сидел и книжки читал, али гулял все подле Тобола. Смотришь, а он идёт... В цветном халате, в тапках домашних... И книжка в руке. Остановится, почитает и далее идёт... Батюшки, а уж до чего обходительный был! Бывалоча, возьмет меня за руку, в глаза заглянет, спросит: «Штопка, ты о чём мештал?» – картаво так, ну так картаво, что прямо смех. И расхохочешься! Он спрашивает, а меня смех заводит... Да и то сказать: шешнадцатый только шёл, глупа была. Однава пригласил меня в комнату, открыл стол и достал оттудова зеркальце. Говорит: «Штопка, посмотри себя». Ну, я посмотрела... А он говорит: «Штопка, ты красавель!» И – вот те крест! – взял вот так обеими руками мою руку и поцеловал! Вот как! А подарок-то ево я и по сей день берегу...

Старушка, одушевлённая рассказом, помолодевшая, звонкая, как весенняя бабочка, враз снялась со своего кресла и выпорхнула в другую комнату, оттуда тотчас же заспешила обратно, боясь, что прервут, не дадут высказаться, али хуже того – отмахнутся.

– Вот, смотрите! – в сухоньких ладошках Степаниды Алексеевны тускло поблёскивало прямоугольное зеркальце в широкой медной оправе. Зеркальце пошло по рукам.

– Тут что-то написано, – склоняясь ближе к лампе, сказал Летешин. – Готика!..

– Читайте! – попросил Башмаков.

– Легко сказать... Буквы совсем стёрты. Вы, Степанида Алексеевна, видать, часто чистили его?

– Дык как – часто? Ну, вот когда перед праздником самовар чистишь, ну и рамочку чуток толчёным кирпичиком...

– Dominus vobiscum? – наконец прочитал Летешин.

– Это латынь, – сказал Башмаков. – «Да будет с вами господь».

– Матушка, а помните ли вы деда Афоню?

Дуранов пытался держаться, но смех захватывал его всё более и более, и он, наконец, захохотал в открытую, широко трясясь всем своим плотным телом и широкой, кудлатой головою.

– Батюшки!.. Ну как же дедушку Афоню не знать: он, чай, на войну ходил... Вот запоматовала, вот уж голова-то старая, запоматовала... Он оттоля эту, как её, ихнюю-то... Тьфу ты, прости меня, господи!.. Он оттоль... Лиду Гамильтошу привёз, вот!

– Боже, маменька, какую Лиду? – вступилась Анна Васильевна.

Дуранов совсем упал на стол, обхватив голову, зашёл в утробном, всхлипывающем визге. Ещё не зная, что к чему, но уже предчувствуя что-то необычное, начали, глядя на хозяина, похохатывать гости.

– Матушка!.. – прорываясь сквозь смех, пытался говорить Дуранов. – Матушка...а...а!.. Хи-и-и-и!.. Матушка...а...а!.. Хи-и-и-и!.. Ну расскажи ты им... Хи-и-и!.. Ну... про Лиду-то!.. Ха-ха-ха-ха!.. Мавра-то?!.. Бабушка Мавра-а-а!.. – наконец в изнеможении Дуранов махнул рукой, встал и, ещё захлёбываясь и дрожа смехом, неверною походкою пошёл на кухню, откуда ещё некоторое время доносились его затухающие рулады.

Меж тем Степанида Алексеевна была строга и невозмутима. Она с укоризной проводила глазами зятя и, пряча в ладошки своё драгоценное зеркальце, поджав сухонькие губки, заговорила:

– Что ж тут! Тута, каво ни коснись, каждого сумление возьмёт. Вот он, этот дед Афоня-то, как пришёл с войны – ну, в первое дело в переднем-то углу, под образами и повесь эту Лиду Гамильтошу...

– Маменька!.. – пыталась было остановить её дочь, но старушка уже не слушала её:

– Ну, человек, чай, с войны пришёл, народ собрался – цельная горница народа, и все глаза-то на неё пялят, особливо мужики-то.

Я как прослышала – тоже к им побёгла: жили-то супротив, чуток так наискось, через улицу, на Береговой. И впрямь, Лидка эта – красавица писаная! Платье, что те у царицы, жаром золотым горит, лицо белое с румянами, а глаза-то во-о-о-т какие: чёрные и пронзают сквозь. А шея-то – что у лебедушки, а в ушах серьги – как сосульки светятся. Глянула я – так и обмерла: прямо ангел небесный! Внизу что-то писано не по-нашему...

А тут, значит, вот что далее-то произошло. Бабушки Мавры-то поначалу дома-то не было. Прибегает – Афоне на шею! Слезы, радость для бабы... Ну, в запале-то от счастья глаза застило у Мавры-то, никаво, помимо Афони своё, не видит...

А ближе к вечеру – после гостей уж, когда жар-то первый спал, – слышим, шум у Кузнецовых. Покуда подумали, что да от чего, видим – несётся служивый в одних исподних портах прямо к нам, а за им Мавра с кочергой длинной.

«Алексей, – кричит Афоня, – выручай!»

Заскочил в сенцы, дверь на задвижку, а сам на истовку и за трубой притих. Мавра-то баба была в силе, да и годков-то ей тогда всего, может, тридцать али чуть поболее было – это уж потом мы бабкой-то её звать стали. Вот она как хватит кочергой в дверь, – запор в щепы!

«Где он, – кричит, – супостат аглицкий! Я ево вона сколь годов ждала, сколь горячих слёз выплакала, сколь молитв за него сотворила, а он, кобель...» – Тут старушка поперхнулась малость, зарозовела и виновато стихла.

– Да что она взъерепенилась-то? – спросил кто-то.

– Дык вить что? – Степанида Алексеевна поёжилась в кресле, развела ручками. – Знамо что. Афоня-то мужик видный собою был. На такова бабы-то, как пчёлы на мёд... – Она смущенно улыбнулась. – А тут нате: привёз партрет своей... ну, мамзельки! – решительно закончила она и тоже засмеялась, довольная собою.

– Да что же это за мамзелька? – сквозь хохот прокричал Летешин.

– То-то и оно, – успокоительно сказала старушка.

– Мавра-то разошлась, Афоню вниз требует, а тот лестницу втянул к себе, кричит батюшке мому, чтоб за исправником бежал. Я, говорит, человек казённый, я, говорит, царю служил, и она, говорит, не смеет меня притязать!

Исправником в ту пору у нас титулярный советник Степан Осипович Мамаев был. Дом-то, что Михайло Михайлович Нарышкин занимал, – ево дом-то он строил. Ну, приехал он, городничий тож. Мавра при начальстве-то поутихла. Слез Афоня – боже праведный! В саже, перьями обвален – там у нас на истовке-то!.. Стали разбираться. Повели Афоню на его подворье. Мавра-то впереди с кочергой на плече шагает, за ней – исправник в блестящих сапогах, а меж исправником и городничим – босой, придерживая порты, семенит Афонюшка и всё скороговоркой, скороговоркой, что-то всё объясняет начальству-то. Народищу на улице набежалось, как на пожар!

«Ну, где она?» – спрашивает исправник.

«Вон, в курятнике!» – указала Мавра.

Притащили супостатку, на чурбан к забору приставили, отошли малость, глянули – глаз не отвесь! Куды ни шагнёшь в сторону, а она за тобой глазищами-то своими так и водит, так и водит! Вот чертовка какая, – прости меня, царица небесная!

Посмотрел исправник, походил–походил, да и говорит: «Ну вот что, Афанасий: сам видишь, дело твоё плохо, супруга в ревности... Так и быть, из уважения к служивому – вот тебе целковый, забираю я твою раздору с глаз долой».

Батюшки!.. Как это прыгнет Афоня-то к партрету-то! Да как схватит ево обейми руками, да как завопит: «Не дам!..»

Ой, ой, что тут поднялось! Мавра-то, Мавра аж зашла вся в злорадстве! «Ага-а-а!.. Во-о-на!.. Смотрите, люди добрые! Смотрите! От родной-то жены!.. Клятвопреступник!.. Иуда Искаротиона! Не подходи! Во-о-на с маво двора!..» – А сама на крыльце стоймя стоит, волосы в растрёпе, рукава заскала и чёрной кочергой на Афоню указывает! Ой, страсти господни!..

Тут в это самое время, смотрю, народ у калитки раздался, кого-то пропускает. Смотрю, а это наш окружной судья пришёл... Фамилия у его такая чудная – не нашенская, говорили, что хведская; говорили, что его родитель ещё царём Пет-

ром в полон был взят, так вот с тех пор и жили они тута. Степенный был человек, правильный, никою зря не обидит, ни ославит... Вот запомнявала...

– Де Граве, Михаил Фёдорович! – подсказал Дуранов.

– Во-во! Он, значит, сам и пожаловал.

Грамотный был шибко, газету ему из Москвы присылали. Вот! Очки этак он надел, строго так посмотрел на всех, подзывает к себе Афоню с портретом. И всё это молча, молча. Посмотрел он на неё спереди, потом проверил – нет ли что на оборотной стороне, потом опять спереди... А потом как захохочет! «Ну что вы, право слово, на мужика напали? Мавра Яковлевна, бросай свою кочергу-то... Никакая это не Афонина мамзеля, а законнейшая жена английского лорда... Гамильтоша!»

– Английского лорда Гамильтона! – поправил учитель Немцов, поджимая от смеха тощий животик.

– Ну, так! – охотно согласилась старушка. – Это, говорит, известнейшая Лида...

– Не «Лида», маменька, – известнейшая леди Гамильтон! – почти с обидой, покрывая смех, закричала Анна Васильевна. – «Леди»! Понимаешь? Ну, навроде как у нас... «тётенька»!

– Ну, бог с ней, бог с ней, пушай тётенька! – Старушка заторопилась, боясь, что ей не дадут закончить, а конец уж был близок, а тут все шумят, все что-то говорят, а кому и что – не поймёшь. – Бросай, говорит, Мавра Яковлевна, кочергу: это, говорит, известнейшая леди Гамильтон, жена аглицкого лорда и... подружка знаменитого адмирала Нельсона! Не тваво Афоню, а, говорит, адмирала Нельсона она обожает!.. Так вить что вы думаете? Обиделась Мавра-то. А что, говорит, мой Афоня хуже тваво Нельсона?! Да я, говорит, за десять адмиралов моего Афоню не променяю!.. Вот оно как повернулось-то!..

Башмаков уже не сидел, он один ходил посредине комнаты, заложив руки за спину, в своём тёмно-синем, до неприличия засаленном сюртучке с протёртыми локтями, поминутно останавливаясь то перед школьными учителями, то перед карточным столиком, то перед креслом Степаниды Алексеевны, принимая живейшее участие в её рассказе.

– А Мавра-то, пожалуй, права! – наконец заговорил он, когда страсти улеглись и шум немного утих. – К тому времени, когда Нельсон познакомился с леди Гамильтон, он был уже без глаза и, кажется, без руки...

– Боже праведный, калека! – воскликнула старушка.

– Пожалуй, так. Но он, как и наш Суворов, не проиграл ни одного сражения!

– Пойдите, пойдите! А зачем это мы об Афоне-то заговорили? – спросил Поникаровский.

Все переглянулись. Никто ничего не понимал. Ну, вышло так, так что тут? Зачем?..

– Почему мы вдруг на Афоню перескочили? – снова спросил Поникаровский.

– Ах, да! – спохватился Дуранов. – Так вот: этот самый Коцебу в своей книжке пишет об этом самом портрете леди Гамильтон... Он висел в его комнате... А про хозяина своего, Афоню-то, только и помянул, что от него постоянно несло... луком! Вы представляете? К тому времени Кузнецов вышел в купцы третьей гильдии, а тут!.. На всю Европу ославил!.. До самой смерти не мог он простить своему постояльцу...

– Простить? – как-то нехорошо улыбнулся Башмаков. – Кому простить?

– Вы что, Флегонт Миронович? – Дуранов даже привстал.

– Зарезали Коцебу!

Женщины вскрикнули, кто-то вскочил – так неожиданно и жутко прозвучали слова эти.

– Неужто никто из вас о сем не слыхивал? – холодно спросил Башмаков. – Странно! О сем известии писали все европейские газеты... Столько толков было! Император Александр был неприятно шокирован, потому как Коцебу числился у него на службе.

– Когда же это произошло и кто убийца? – Поникаровский так и впился взглядом в Башмакова. Наступила полнейшая тишина.

– Убийца?

– Что вы так смотрите? Ну что? Мне интересно?...

– Вы дрожите? У вас озноб? – Башмаков положил руку ему на плечо.

Поникаровский поморщился, дёрнул плечом, и тут же от Башмакова его взгляд вскинулся на Дуранова. Тот прямо, немигающими тяжёлыми глазами смотрел на него и улыбался.

– Нервы, сударь, нервы! Вам нельзя вести... подобные дела, хотя, возможно, они и выгодны!

– Не понимаю-с! – резко сказал Пониковский. – Я – всего лишь столоначальник и соображаю с буквою закона-с! И только-с!

– Кто спорит? Я то ж и говорю... – тихо сказал Башмаков.

– Браво, Флегонт Миронович! – хлопнул ладошкой по столу Дуранов.

Наступило неловкое молчание. Каждый по-своему расценил слова Башмакова и реплику Дуранова, и все знали, о чём речь... Но никто не хотел говорить о деле.

Только письменоводитель полиции Логинов, выставив вперёд острый, с крупною бородавкой подбородок, высокомерно оглядел всех и недобро, как-то уж очень недобро, усмехнулся. И сделал это так явно, так на виду, что все тотчас же почувствовали в этом какое-то скрытое намерение. Напряжение нарастало с каждой секундой, но тут вновь послышался голос Степаниды Алексеевны:

– Батюшка, Флегонт Миронович, так как же Фёдор Карпыч-то? Я ведь свечку в церкви за упокой его ставила... Помнится, места себе не находила, на Тобол убежала – и там, на тропке за тальником, где Фёдор Карпыч книжки любил читать, ревела. А вот как убили... Нешто и правда зарезали бедного? – ещё не веря, ещё на что-то надеясь, подбирая кулачки к подбородку и заглядывая снизу на Башмакова, почти страдальчески заговорила она.

– Представьте... Тут вмешалась и политика, и литература – в лице некоего студента Карла Занда из Эрлангена.

Замыслив убийство, сей Занд оделся в народное платье и отправился из своего городка в Мангейм, где в то время жил Коцебу. Прямо с дороги, не мешкая, пошёл к своей жертве. К нему вышла служанка. Он с приятною улыбкою представился ей, сказав, что зовут его... дай бог памяти... – ага: Генрихом Митау. Да, так! Служанка сказала, что Коцебу сейчас нет дома, и попросила прийти часикам к четырём дня. И что вы думаете? Как потом стало известно, Занд преспокойно отправился осматривать достопримечательности Мангейма, потом его видели в гостинице, где он за общим обеденным столом жарко спорил о реформе Лютера и о прочем. Каково хладнокровие?.. Пообедал – и не спеша опять явился в дом литератора. Тут его провели в рабочий кабинет хозяина, куда через минуту вошёл и Коцебу. Занд учтиво поклонился ему и сказал в таких случаях общую любезность – вроде того, что, прибыв в Мангейм, считаю долгом засвидетельствовать... Потом неожиданно выхватил из левого рукава кинжал – и ударил Коцебу в левый бок! Вот и всё.

Помню, с интересом читал я потом показания юноши. Он говорил, что Коцебу не успел сказать ни единого слова и тут же упал на левый локоть, и только страшно вращались при этом глаза его... Он видел одни белки.

В самое мгновение убийства в другую дверь зашёл ребёнок... Представьте себе все, что сие злодейство было на его глазах. Ребёнок страшно закричал... Занд бросился вон из кабинета, дважды пытаясь при этом заколоть и себя, но безуспешно... На крики первыми прибежали лакей и дочь несчастного. На его руках Коцебу тут же и умер.

– Царствие ему небесное! – с жаром сказала старушка, крестясь.

– А что с Зандом?

– Ему отрубили голову. Казнь свершилась рано поутру на дороге, ведущей из Мангейма в Гейдельберг, при огромном стечении народа. Особливо оплакивали его женщины: он был красив и молод! И потом... – Башмаков запнулся, помолчал, добавил с раздумьем: – И потом, принять смерть за идею... – Он покачал своей старческой белой головою, как-то вкривь пожевал губами и замолчал совсем, как будто что-то придавило его.

И все сидели молча. Задумались. Вдруг что-то стукнуло. Где, что? Собравшиеся встрепнулись, удивлённо взглянув друг на друга.

Стук повторился. Теперь его слышали все. Он шёл откуда-то из-за боковой двери, но в то же время чувствовалось, что рождён этот звук не за дверью, а где-то дальше – может, за стеной на улице.

– Агашка! – крикнул Дуранов.

Агаша, свеженькая, румяная, подвижная, как колобок, лет двадцати, с большими и сильными мужскими руками, накинув шубейку, тотчас же выскочила вон, и слышно было, как она гремит у калитки железным запором. Затем послышался глухой говор, смех – и вот уже чьи-то тяжёлые шаги в сенях.

Пришёл Лбов Андрей Иванович, секретарь Земского суда.

– Чегой-то ты скребёшься под окнами-то, как домовой! – проворчала Степанида Алексеевна.

– На огонёк! На огонёк! Знаю, вечеряете, а калитка-то на запоре-с!

После шубы, в мундире, он казался моложе своих сорока – хотя уже не в меру раздобрел, раздался, как бы размяк: сизоватый подбородок плотненько так завис на стоячем воротнике, может, оттого и щёки казались размякшими и постоянно вздрагивали, как у лягушки. А вот глаза никак не вязались с этой добродушной физиономией: они жили отдельно – бесцветные и холодные, как мартовский ледок на протайке.

С приходом Лбова завязался общий разговор. Вспомянули недавние лошадиные торги; о слухах про рекрут – будто бы не будут принимать таких, у которых не хватает двух зубов в челюстях, и кривых на левый глаз; о делателях фальшивых денег; о журналисте окружного казначейства Иване Степановиче Киновском, коего батюшка Троицкой церкви пометил... как троеженца!..

– Господа, мы отвлеклись. Ну а как же всё-таки быть с предопределением судьбы? – послышался вдруг тонкий голосок молодого прожектиста Немцова, в целый вечер почти не принимавшего участия в разговоре и теперь заговорившего напористо и горячо. – Кто же скажет: рождается ли мы уже с намеченной некой программой, от коей, как бы мы ни хотели, нам не суждено уклониться, – или же, напротив, покидая материнскую колыбель, с первым же криком мы входим в мир случайностей и своей воли?..

– Любопытно, весьма: или воля божия, или – простите, Александр Иванович, – воля Немцова? Так-с понял я вас?.. – вкрадчиво спросил Лбов.

Не столько слова, сколько сам тон, уничижительный и высокомерный, возмутили Немцова, и он, едва сдерживая себя, в тон ему ответил:

– Любопытно и то, что вы так точно поняли мою мысль!..

– Хе-хе-хе! – в кулачок засмеялся Лбов, но тут же оборвал смех и тем же вкрадчивым полушёпотом сказал: – Вы категоричны, молодой человек, это нехорошо-с! Да-с! Нехорошо-с! Вы опасный человек-с!.. Хе-хе-хе!..

– Это вы опасны, Андрей Иванович! Что это за иезуитские приёмчики?.. Я вижу, что вы уже готовы предать меня анафеме за... богоборчество, а может быть, поставить под сомнение и вообще моё учительство!

– Хе-хе-хе! Очень даже любопытные мысли вы говорите! Не хотел бы я, да теперь вот непременно о том подумаешь!.. Горячи-с! Вперёд забегаете-с! Хе-хе-хе!

– А, между прочим, я поддерживаю Немцова! – на высокой ноте заговорил Летешин. – Прошу принять во внимание, что я это говорю не потому, что он мой коллега, а исключительно из уважения к истине. Вы вот, Андрей Иванович, изволили выразиться: или бог, или Немцов. Оставляя на вашей совести столь свободное толкование мысли Александра Ивановича, смею, однако, заметить, что обыденная наша жизнь даёт тысячи подтверждений... с одной стороны – как бы некой предопределённости наших поступков и взаимоотношений с ней, т. е. с жизнью, а с другой стороны – мы ощущаем все эти возникающие взаимоотношения как производное от *нашей* же личной воли, *нашего* желания, *нашего* мужества, *нашего* пристрастия и способностей и прочее, и прочее! Какова тут связь? Где причина и следствие? Вот, к примеру, живут два человека, одинакового рождения, одинаковых способностей и способов к жизни. Однако же один из них становится товарищем министра, а второй так и остаётся мелким чиновником в провинциальном суде?..

– Гм... Хе-хе-хе!.. – Лбов был достаточно хитёр и опытен, чтобы иначе реагировать на столь очевидный намёк: было известно, что его дальний родственник служит при Киевском генерал-губернаторе.

– Судьба-с! – подал голос Поникаровский.

– Ага! Так что же сие такое – судьба-то?

– Никому не дано проникнуть в промысел божий, – как само собой разумеющееся, мимоходом сказал Лбов.

– Промысел? – Летешин с прищуром посмотрел на Лбова. – Ну а как всё-таки быть с личной волей человека, Андрей Иванович? Или она как таковая не существует и в расчёт нам её брать не след?

– А что такое – личная-то воля? Я полагаю – мираж, не более-с! Я понимаю-с и признаю волю государя нашего али повеления их превосходительства, – но ваша «личная воля», милостивый государь, Дмитрий Иванович, мне неведома, да-с!

– Поразительно! Поразительно, что самую очевидную мысль вы способны извратить столь... непотребным образом!.. – Летешин пристально посмотрел в глубоко посаженные, бесцветные глаза Лбова и вдруг, понизив голос, спросил: – Уж не смётесь ли вы над нами, Андрей Иванович?

– Боже упаси! – с деланным испугом воскликнул Лбов. – Я, может быть, самый твёрдый приверженец всех этих ваших... э-э-э... префаций! Я, Дмитрий Иванович, правду говоря, вообще равнодушен к нашей сегодняшней молодёжи, да-с! По-слушаешь вот так, поговоришь – и будто в баньке попаришься: взбодришься, кровь вскипит-с, будто десяток годков с плеч долой! Хе-хе-хе!..

– Оно и видно, что в баньке! – сквозь зубы сказал Летешин. Сомнения не было – он потешался ими.

– Послушайте, Летешин, а может быть, вы наконец нам втолкуете, что к чему? – Письмоводитель полиции обращался к учителю, но смотрел при этом на Анну Васильевну: такова у него была манера говорить с человеком.

– Да-да! – поспешно подхватил Лбов. – В самом-то деле, Дмитрий Иванович, вы нам форменный допрос учинили-с! А вот извольте-ка сами ответить: как вы сами-то, любезнейший, объясните нам, что такое судьба?..

Все с явным интересом уставились на Летешина. Тот с некоторым раздумьем и растерянностью в лице поднялся от бокового столика, что был придвинут к глянцево-чёрному боку фортепиано, и какое-то время молча стоял, заложив руки за спину и вперив взгляд на остывающие уголья в печи. Он был высок, худ, а следственно, и костляв, и это было особенно заметно теперь, когда учитель стоял, слегка сутулясь и расставив ноги.

– Я... Я не знаю, – тихо сказал он.

– Эвон! – воскликнул Лбов.

– Не... Не знаю!.. – едва слышно повторил Летешин, погружённый в себя, с отстранённым взглядом, с неподвижным взглядом, с неподвижным, стылым лицом пророка. Так же отстранённо, никого не видя, ничего не замечая, с опущенною головою, он прошёлся по комнате и вдруг очутился перед Лбовым. Какое-то время он смотрел на него, молча и пристально, отчего Лбов потемнел лицом и поправился в кресле, но Летешин уже отошёл от него и, казалось, уже забыл совсем. Он открыл крышку фортепиано, взял несколько аккордов, потом так же внезапно захлопнул её и, вскинув голову, бросил в плюшевую темноту угла:

– Судьба – это жизнь, но... персонифицированная в каждом из нас. А посему, как и жизнь, она неподкупна и ничем не ограничена... И искать её надобно в самом себе... – Летешин вскочил и, подбирая худые длинные руки, бросился к карточному столику. – Спаситель наш... жестокий, миротворец, но он милосерд!.. Впрочем, искупление греха – ещё не путь к оправданию!..

Он снова замолчал, засунув мешавшие ему руки в глубокие карманы брюк, потом заговорил опять, но уже без рывков, спокойно:

– Судьбу не обойти, не объехать. Кому на роду написано, так то и будет. Следственно, судьба фатальна, так-с? А коль так, то мы бессильны в ней что-либо изменить. То есть наше сознание и воля бессильны перед Судьбой и не воздействуют на неё. Однако тут надо иметь в виду, что Судьба-то сама по себе складывается как следствие нашего же собственного поступка или поступка другого человека! И зависит она, прежде всего, как человек сам воспринимает чужое действие и как он реагирует на это действие. Ежели я, к примеру, испытываю какую-либо несправедливость, я могу на это реагировать двояко: или защищаться, отстаивать своё право, а могу и совсем не защищаться. Именно от того, какой путь я изберу: или характер терпеливого страдания, или борьбы, – этим и определится моя дальнейшая Судьба. В первом случае – отказ от борьбы, моё безволие определяет мою судьбу, а во втором – вступив на опасный путь борьбы, я фактически уже подчинился судьбе, но иной. И тут опять-таки вопрос стоит так: что избрать? Пассивность или терпение? Но в этом случае мы не только не используем, но, напротив, заглушаем нравственные силы, заложенные в человеке; мы как бы сознательно низводим его до положения обречённого. Борьба? Мужество? – Да! Ибо мужество выше скорбного терпения, если даже оно будет побеждено – суть не меняется, так как человек сознательно шёл на эту борьбу и предвидел возможность поражения. А посему и страдания мужественного человека – это его справедливая Судьба, и она тем предпочтительнее, чем более будет нести в себе... полноту жизни! Осознание своей судьбы, если это случится, непременно заставит ощутить потерю утраченной жизни, а культивация тоски об утрате может всколыхнуть такие глубинные пласты в душе человеческой, что человек после сего становится или пророком, или... преступником, или... бог знает кем!.. Судьба создается нашей природой!..

Летешин кончил. Несмотря на сдерживаемое спокойствие, его монолог был нервный и не ровен, но никто не проронил ни слова. Логинов, повернувшись на стуле, смотрел на учителя с простоватой улыбкой, полураскрыв толстые губы; Дуранов, казалось, был чем-то удивлен; Лбов лениво дремал, прикрыв ладонью гла-

за; Поникаровский затаился в себе; командир инвалидной команды тщательно подкручивал усы – было видно, что он ничего не понял; старик Башмаков, поблёскивая широким лбом, подошел к учителю и с чувством пожал ему руку.

– Может, ещё кофию сварить? – наконец спросила Анна Васильевна.

– Агашка! – крикнул Дуранов.

Летешин стоял подле фортепиано, с подчеркнутым вниманием перебирая плотные листы шопеновских сонат и мазурок – тут были в основном парижские издания Шлезенгера и Пробста. На Fis-dur'ном экспромте его привлекла надпись: A belle Tania – Alexandrine de Malvirade (Баронесса Александра Николаевна Мальвирад – сестра Свистунова, жившая во Франции).

– Что Татьяна Александровна? – спросил Летешин.

– Слава богу! – обрадовалась Анна Васильевна. – Третьего дни весточку получили из Тобольска. Машенька уже на ножках стоит, Пётр Николаевич на службе, а скатерть камчатая наша дошла... А всё одно – сердце болит... Кто пригладит, кто присоветует... А Таня-то! Таня, знаете ведь, романтичная... В нынешние-то времена трудно таким, построже надо бы...

Она говорила что-то ещё, на что-то жаловалась, на что-то надеялась. Летешин молча соглашался с ней, кивал, что-то даже отвечал, но уже почти не слышал её. Он как-то машинально раскрыл ноты, машинально сел к фортепиано...

Этот экспромт! О боже!.. Он играл его в тот день, когда из Бордо пришла эта посылка, а юная Таня, босая, с распущенными волосами, с охапкой росных ландышей, как голубая нимфа, влетела в открытую дверь комнаты и в порыве какого-то бешеного, переполнявшего её чувства бросилась ему на шею:

– Дмитрий! Дмитрий!.. Я люблю тебя!.. Я всех люблю, всех!.. О боже!.. Ты играй, играй, это божественно! Ах, как это хорошо! Это Шопен? Прошу тебя, Дмитрий, играй! Ты прости, ты не смотри на меня!.. Да что же это такое, Дмитрий?!

Он почувствовал на своих губах солёный привкус её слёз; наконец она разжала руки и обернулась. Там, в проёме двери, с улыбкой на устах и с смятением в глазах стоял Свистунов. Он был в высоких сапогах, в дорожном плаще и с ремненным хлыстом в руках. Таня резко бросилась к нему, упала перед ним на колени, обхватила его ногу в кожаном блестящем сапоге, прижалась лицом:

– Боже, прости, пощади меня за моё счастье! Я знаю – это сверх меры!.. Молчи, молчи, я точно знаю! За что мне это?! Господи, не оставь меня! Мне страшно! Я боюсь!.. О господи!.. Это же грех, грех – такое счастье!.. Должна же быть и расплата?!

Пётр Николаевич пытался поднять её, но она не хотела, она ухватила его руку и целовала её, и плакала, и смеялась, и говорила, и говорила слова большие, слова безумные, и ландыши с ещё не опавшей росой валялись у ног их, а у крыльца, кося в дверь фиолетовым глазом, переступала с ног на ногу ещё не распряжённая из тарантаса лошадь, и в ярком пучке скользящего солнечного света, у самой ножки рояля, кружилась нарядная бабочка!..

О небо!.. Как же он любил эту шестнадцатилетнюю девочку! Как любил!.. Чужую жену!.. И как боялся себя! Боялся хоть взглядом, хоть намёком оскорбить в себе это чувство, боялся выдать себя!.. Не дай-то бог!..

Летешин откинулся на высокую спинку стула и закрыл глаза. Длинные руки его едва не доставали до пола – они висели неподвижно, как плети. Он устал! Только теперь он ощутил, как устал сегодня... Он сидел так, разбитый музыкой и воспоминаниями, опустошённый, враз потухший и от всего отрешённый...

Агаша, кажется, внесла чашки с кофеом; откуда-то появилась длинная пеньковая трубка старика Башмакова; чей-то настойчивый голос не то что-то говорил, не то звал его...

– Дерзок!

«Что это? Кому это?» – равнодушно подумал Летешин.

– ...И нет в тебе смирения, господь не простит тебя!..

«Ага, наверное, это Лбов говорит, – снова подумал Летешин, – наверное, это мне...»

– Ханжа! – крикнул Немцов. Летешин вздрогнул: так неожидан и резок был этот крик.

– Фарисействуешь?.. А Боровлянская мельница?.. А подряд с киргизами? Простит ли тебя господь?!

– Господа, оставим, оставим это!

– Выкажем знаки приличия!

– Пожалте, Дмитрий Иванович...

– А? Что? Вы ко мне?

– Пожалте, вот... – почему-то шёпотом сказала Агаша, подавая ему чашку кофея, и при этом, как бы невзначай коснувшись его руки, быстро отдернула свою прочь, точно обожглась. Летешин с недоумением взглянул на девушку. Агаша смотрела на него круглыми, по-детски ясными, немигающими глазами, полными сострадания и любви; никто никогда не смотрел на него так, разве только мама!

– Что ты, друг мой?

– У вас жар, Дмитрий Иванович, – тоже шёпотом сказала она. – Вы бледны... И руки дрожат...

– ...и к тому же я не искусен в этом! – твёрдо говорил Дуранов.

– Совершенно согласен! – поддержал его командир инвалидной команды.

– Я, матушка Анна Васильевна, более десяти годов енотовую-то шубу носил, – объяснил Башмаков.

Шёл тихий, как бы необязательный, разорванный разговор, может быть, даже нарочно необязательный, мимоходный. И хотя многие старались выказать друг к другу повышенный интерес и внимание, чувство неловкости и нервной настороженности не покидало собственников: «Как бы нечаянно не сорваться, не захлестнуться!..» Вот почему, когда кто-то спросил Башмакова о дальнейшей судьбе Штомова, все дружно подхватили:

– Да, да! Что же случилось со Штомовым?..

– В самом-то деле, Флегонт Миронович, так и затерялся его след?..

– Как в воду канул. Были слухи, сказывали, что его отправили всё-таки в Сибирь: иные утверждали, что видели его в монастыре на Соловках, но, наверное, никто ничего не мог сказать.

Прошло, может быть, лет двадцать али более с того памятного дня; служил я на юге по-прежнему в артиллерии, и как-то по делам службы пришлось мне быть в Новоград-Волынский. Городок хоть и старинный, но небольшой, общества никакого. В первый ли, во второй день мне уже нечего было смотреть, и чтобы как-то скоротать осенний вечер, я спросил денщика принести мне от хозяина гостиницы, где я остановился, книг. Хозяин, глубокий старик пан Смирнатский, тотчас же пришёл и из рук в руки подал мне мягкий, лоснящийся свёрток, похожий на облезлую кошку. Когда развязали снурок, этот свёрток оказался растрёпанной книгой: право, не помню, то ли пятый, то ли шестой том мемуаров француза Генриха Жомини – я встречался с этим генералом вскоре после того, как он изменил Бонапарту и перешёл в русскую службу.

«Опять Жомини!» – Я расхохотался. Однако делать нечего, и я было совсем смирился с своей участью, как вдруг в дверь моего номера постучали и входит юное создание – дочь хозяина, пани Юлия – воплощённое смирение и кротость.

«Господин полковник, – говорит она, – вас просит к себе его преосвященство в монастырь!»

«В монастырь? Он что, меня знает?»

«Его преосвященство вас видели, когда вы гуляли по монастырю.»

«Прекрасно, – обрадовался я. – Не составите ли вы мне компанию, пани Юлия?»

«Я провожу вас», – просто ответила девушка. И при этом, как мне показалось, она мимолётом улыбнулась.

Какое-то смутное подозрение коснулось меня, однако я ничем не выказал своего беспокойства. У подъезда нас уже ждала мягкая парная коляска, обитая красным бархатом. Впрочем, монастырь был недалеко, и вот мы уже перед домом викарного епископа. Его преосвященство встретил нас на крыльце. Девушка соскочила, с ходу приложилась к холёной руке епископа, усеянной бриллиантовыми перстнями, и вот тут... Когда пани Юлия стояла на коленях и целовала ему левую руку, я заметил, как другой рукой он... ну, ласково, что ли; ну... фамильярно, что ли, – потрепал эдак её по упругой щёчке. Знаете ли, – такой жест?.. Преосвященный заметил, что я заметил, и как-то уж очень смело и открыто улыбнулся мне, приглашая во внутренние комнаты. А юная плутовка ожгла меня острым надменным взглядом и тотчас куда-то исчезла.

Мы прошли в его библиотеку. Признаться, она поразила меня своим богатством: в простенках – великолепные гравюры с картин Буше и Ланке, однако довольно фривольного содержания, но книги! Думается, что мне до сих пор ещё не приходилось видеть вместе такую россыпь человеческого ума и дерзания, заключённую в тёмные переплёты прошлых веков!

«Можно посмотреть?»

«К вашим услугам!»

Я протянул руку... Джозеф Пристли – об электричестве; роскошные издания флорентийца Вазари и немецкого искусствоведа Винкельмана; тома знаменитой французской энциклопедии!.. И, конечно, большое собрание по теологии: тут и Иосиф Флавий, и Филон Александрийский, и Евсевия. Впервые мне довелось держать в руках его «Дневник Иегесифа». Русских книг мало, всё больше французский, немецкий языки и латынь.

Разговорились о старине, о недавних раскопках в Помпее, о фресках Геркуланума; незаметно коснулись путешествия к Южному полюсу двух наших шлюпов под командованием Беллинсгаузена и Лазарева.

«Предприятие величайшего значения! Между прочим, я заказал Фаддею Фаддеевичу... тотемы австралийских и малонезийских племён... Грешен, имею слабость к предметам языческого культа.»

«Как, вы знакомы с Беллинсгаузеном?!»

«Не просто знаком, а накоротке... ещё с давних пор, по Санкт-Петербургу!» – И опять, как давеча на крыльце, он как-то значительно посмотрел на меня и вновь улыбнулся.

«Любопытно! – сказал я. – Так вы, ваше преосвященство, значит, в Петербурге жили?»

Он был высок, строен, лицом бел, русые волосы до плеч и такая же аккуратно постриженная борода. Говорил свободно, уверенно и неспешно.

«Приходилось!» – бросив на меня насмешливый взгляд, ответил епископ.

Поведение епископа весьма заинтриговало меня.

«Возможно, и общие знакомые у нас тут есть?» – попробовал я закинуть удочку.

«Весьма даже возможно! – охотно согласился он. – Знали ли вы, господин полковник, статского советника Гершензона?»

«Матвея Абрамовича, на Гороховой?.. Дочка его...»

«Премилая Руфиночка!..»

«Да, да, всё верно! – заплетающимся языком проговорил я. – Но откуда вы её знаете?»

«Ну и чем же завершился ваш с нею роман, господин полковник?»

Ну, вы понимаете, когда вам вот так, вдруг, выдают такие интимные подробности?.. Причём кто выдаёт?.. Я был, прямо скажу, шокирован и растерян. Видать, мой любезнейший хозяин быстро уловил моё состояние и, дабы не вдаваться в дальнейшее относительно Руфочки, тут же спросил:

«А не был ли знаком вам поручик Юрский?»

«Юрский? О, Юрский!.. Глупый проигрыш на мелок. Дуэль! Стрелялись на Петергофской дороге. Пулей Юрского у меня сорвало эполету – я выстрелил вверх!..»

«Так кто вы?» – нетерпеливо спросил я, вставая с дивана, где мы беседовали.

«Последний вопрос, господин полковник, – также поднимаясь с дивана, проговорил епископ. – Не скажете ли мне, что случилось с вашим сослуживцем... неким Штомовым? Так, кажется, фамилия этого шалопа?»

«Штомов?» – прошептал я.

Тут я, наверное, минуту-другую глядел на преосвященного, разинув рот, не в силах вымолвить слово. Лицо его враз как-то зашлось пятнами, наметились желваки, борода задрожала, и он, сглотнув подступившую к горлу слюну, срывающимся, знакомым мне голосом тихо сказал:

«Что, брат Флегоси, не узнаёшь?»

«Анатоль!» – вырвалось у меня. Мы бросились друг другу в объятия. Пожалуй, единственный раз я не стыдился слёз...

– Боже праведный!.. – перекрестилась Степанида Алексеевна. – Верно рекут: пути господни неисповедимы!..

– Да-а-а! – неопределённо сказал Дуранов.

– После первых сумбурных вопросов-ответов, – продолжал Башмаков, – мы, наконец, спохватились, перешли в кабинет.

Штомов приказал слуге принести шампанского, и уже за бокалом прохладного вина до глубокой ночи обсказывал мне превратности своей необычной жизни... Не смею утомлять вас, господа, подробностями, наверное, для вас вовсе и неинтересными: скажу только, что после пострижения его в монахи он, смекнув, что светская карьера для него закрыта напрочно, решил с свойственной ему дерзостью попытать счастья в духовной иерархии. Наделённый умом, получивший поначалу прекрасное домашнее воспитание, а потом – в шляхетском корпусе, он принялся за переводы богословских сочинений на русский язык. Особливо его привлекла герменевтика и патристика, чем вскоре и обратил на себя внимание владыки...

«А может, Анатоль, всё-таки жалеешь, что так вот обернулось?» – с какой-то мучительно и тайною надеждою спросил я его напоследок.

Он долго ничего мне не отвечал, рассматривая через искрящийся бокал вина жёлтое пламя свечи. Потом метнул на меня синими глазами, оправил бородку кулачком, отрицательно покачал головою.

«Нет, не жалею! Да и что жалеть? В наш рациональный и суровый век чистогана и наживы... Я даже не хотел бы быть вашим корпусным командиром! Зачем? Попы водят меня под руки, барыни целуют мои руки, а загляни в мой погреб –

от гольдвассера и сотерна до Schlossvein'a – едва ли найдёшь и у его высокопревосходительства!...»

Ветер, едва навеваемый поначалу, теперь усилился, и даже через двойные рамы и тяжёлые драпы слышен был железный скрежет и хлопанье оторванного листа у крыльца. Башмаков остановился перед тёмно-вишнёвым пятном настенных часов и долго щурил свои маленькие, белёсые, как у поросёнка, глазки, на чёрный графический круг циферблата.

– Однако же, – сказал он, – Анна Даниловна, чай, не заперла бы...

Накинув старую вытертую до рыжей основы шинелишку с чужого плеча, он не прощаясь направился к двери. Уже приоткрыв её, он вдруг остановился, бросил через плечо:

– Вот вам, господа, и ответ: судьба ли правит нами, мы ли впрягаем судьбу!..

**Пермякова
Екатерина Викторовна**

Член Союза писателей России и Курганского регионального Совета молодых литераторов. Автор поэтической книги «Полшага до весны» и книжки-малышки для детей «На секретном языке». Шеф-редактор детского журнала «Югоша», редактор альманахов «Курган. Текст».

Участник IV и V, VI Всероссийских совещаний молодых литераторов в Химках (2021–2023). В 2025 году была мастером Межрегионального литературного семинара имени Ю. М. Каплунова (Каменск-Уральский).

Лауреат всероссийских и международных премий: «Хрустальный родник», «Россия – земля моя», «Муза», «В начале было слово», «Степные всполохи» и др. В 2021 году по итогам третьего Международного поэтического конкурса «Золотой Grand Германии / Germania goldener Grand – 2021» была отмечена дипломом «За мастерство». Публиковалась в журналах и альманахах «Странник», «Невский альманах», «Александръ», «Формаслов», «Бельские просторы», «Чаша круговая», «Тобол», «Волга – XXI век», «Веретено», «Мурзилка» и др. Стихи звучат на «Радио России – Курган», детском «Чудо-радио FM» (г. Москва). Живёт в Кургане.

Козьяча мати

В тесном сарае пахло прелой травой. Окон здесь не было, зато днём через большие щели ветхой постройки сюда протискивались нитевые лучи солнца. Вот и сейчас они старались нарушить полумрак.

Мне было двенадцать. Каждые летние каникулы я проводила в гостях у бабушки и дедушки. Они жили в частном секторе, расположенном на окраине маленького городка Украины. Их дом – вернее, полдома – был почти невидим с переулка: от пытливых глаз зелёные стены скромно прятались за величавой шелковицей, раскидистыми абрикосами и глухим забором. В одной части дома жили мои старики, в другой – бабушка Настя, родная сестра деда. И у тех, и у других было своё хозяйство, которое доставляло немало хлопот. Зато скучать не приходилось, да и на месте сидеть тоже...

Я услышала шум. Заглянув вглубь душного сарая, было трудно что-либо различить: стоял жаркий день, и после нахождения на ярком солнце тьма казалась густой и устрашающей. Внезапно послышался странный шорох, и звуки заставили меня шагнуть в неизвестность.

Под старой подошвой тканевых тапочек хрустнула солома. Пройдя чуть вперед наощупь, я рукой уперлась в чей-то упругий, тёплый бок. Передо мной стояла коза. Спустя секунды я смогла разглядеть её: безрогая, с потёртым ошейником, она была привязана к деревянному столбу. Шерсть, местами грязная, иногда подёргивалась, смахивая надоедливых мух. От свежей травы почти ничего не осталось, а подстилка под копытами имела жалкий вид. Животным заведовала бабушка Настя, поэтому кроме хозяйки сюда заходили крайне редко.

Коза, увидев меня, насторожённо замерла. Ускользящий луч осветил миндалевидные глаза, сделал их прозрачными и ещё больше выделил особенность прямоугольных зрачков. Коза громко заблела. Ощущалось явное беспокойство и смятение животного. Тогда я затаила дыхание и прислу-

шалась: где-то рядом раздавались довольно резкие, но одновременно жалобные голоса, похожие на детские. Я вынырнула из душного сарая и поняла, что странные звуки доносятся со стороны огорода. Ещё минута – и я оказалась там. Огород наполовину зарос травой, в другой части виднелась зреющая клубника, огуречные плети, густой орешник и ряд зелёного мака. Под ветвистой яблоней стоял сколоченный из досок ящик. В нём кто-то упорно стучал в деревянные стенки. Ящик был небольшим, крепким, с решёткой на крохотном окошке. Любопытство взяло верх, и я наклонилась, чтобы заглянуть внутрь. Прозвучал глухой удар, и между прутьев показалась нежная розовая мордочка, а потом и вторая.

– Козлята! – воскликнула я. Малыши, услышав голос, стали настойчиво отзываться и ещё сильнее толкаться в тесном жилище. Кто же посадил их сюда и зачем? Волна щемящей жалости и детского негодования подкатила к горлу, в груди залокотало. Я обошла ящик, с торца нашла дверку, плотно закрытую на ржавую щеколду. В голове возникла только одна мысль – выпустить козлят на волю. Скрипнул металлический запор, и из ящика тотчас выглянули две смешных головки. Уставившись на меня любопытными, ясными глазами, они на мгновение остановились. Я осторожно позвала козлят к себе, наблюдая за их милой неловкостью и шаткой походкой. Да они новорождённые! И правда: худые, смешные, с прилизанной шерсткой, малыши только учились ходить.

Козлята наконец-то выбрались на волю и прибились к моим ногам. Своим тельцем они ощутили тепло и потихоньку успокоились. Вдруг я подпрыгнула: один козлёнок впился мягкими губами в мою ногу. Похоже, найдёныши были голодными. Но почему они здесь, а не со своей мамой?

Мне захотелось немедленно отнести малышей к козе. Но я понимала, что козлята чужие, и без разрешения бабушки Насти делать этого не стоит. Старушка жила своим особенным укладом. Я мало её видела: ещё до рассвета худой, сгорбленный силуэт уже спешил в поле за свежей травой. За плечом привычно торчали торба, мешковина и коса, замотанная в старые тряпки. Работы всегда было много, поэтому хозяйство часто оставалось без присмотра. Вот и сейчас, по всей видимости, она закрыла козлят в ящике, чтобы потом, поздно вечером, прийти и накормить. Но закат ещё не скоро, а слушать пронзительные крики было невыносимо. Мне захотелось громко расплакаться... Тогда я твёрдо решила накормить малышей, даже если потом наказания мне не избежать.

На время вернув козлят в ящик, я поспешила к крыльцу дома. Бабушка убиралась в комнате и не заметила моего появления. Прощмыгнув на веранду, я тайком взяла из буфета большую эмалированную кружку и блюдце. Затем быстро побежала к сараю...

В городе, где я родилась, девочки часто завидовали мне. «Везёт: каждое лето ты едешь туда, где жарко и много спелых фруктов!» А ещё они с большим удивлением слушали рассказы про коз. «Как ты их не боишься, они ведь бодаются?» – спрашивали подружки. «А чего бояться? Схватил за рога руками – и все дела!» В то время я считала себя очень храброй. Правда, мне просто повезло: с рождения я бок о бок росла с этими животными, поэтому страха не было и в помине...

Вновь погрузившись в сумрак сарайных стен, я осторожно приблизилась к козе. В руке была крепко зажата кружка. «Сначала нужно, чтобы коза тебе доверилась, – говорила моя бабушка, – а для этого замени грязную подстилку на чистую, покорми, да и просто ласково поговори. Иначе молока не даст». На моё счастье, животное оказалось спокойным. Я принесла козе свежей травы и, пока она ела, тихонько водила ладонью по упругим бокам, бормоча: «Козя-козя-козя...» Когда волнение исчезло, я под села ближе и принялась доить. Опыт, полученный прошлым летом, вдруг пригодился сейчас: вспоминая плавные движения сильных бабушкиных рук, я перебирала пальцами и с упоением слушала мелодию льющегося в кружку молока. Сердце ликовало: скоро козлята будут сытыми!

Набрав кружку почти до краёв, я погладила козу по голове и угостила яблоком в знак благодарности. Внутри клокотало и пело: самое трудное позади! Теперь нужно было накормить малышей. Я пришла в огород и вновь открыла дверку ящика. Козлята в одно мгновение оказались около моих ног. Налив в блюдце ароматного молока, я аккуратно обхватила одного козлёнка под нежный живот, притянула к себе и ткнула мордочкой в белую пенку. Он попытался вырваться, но почувствовав на языке молочную сладость, сообразил, что нужно делать. Малыш начал жадно

пить. Другой козлёнок прижался к братцу и громко закричал. Я отвела первого козлёнка в сторону и предложила блюдце второму. Козлята успокоились. Теперь оставалось только наблюдать за ними и вовремя подливать молоко. В те моменты, наверное, не было человека счастливее меня.

На следующий день я пришла снова – сначала утром, потом в обед. «Где ты пропадала?» – за ужином с добрым прищуром спросила бабушка. Набравшись смелости, я рассказала всю правду. А бабушка только рассмеялась, её морщинки в уголках глаз затанцевали, и она с улыбкой сказала: «Ты – козяча мати!¹⁷»

До последнего дня каникул я проводывала козлят. За месяц они заметно окрепли и подросли. Уезжая от стариков, в поезде я вспоминала летние дни. И не ощущалась грусть, что впереди осень: ведь у меня будет что рассказать в школьном сочинении о лете под названием «Козяча мати».

Помощница

Утром на кухне привычно стучала посуда. Комнаты постепенно наполнялись сладким ароматом горячего рулета с маком и варениками с вишней. Закипала вода для чая, а в кружке на столе уже белело свежее молоко для дедушки. На улице начиналась жизнь: кричали петухи и козы, возле будок после ночного сна потягивались собаки, в огороде дружно гудели шмели. С густых яблонь бойко падали на крышу дома спелые плоды, скатывались по шиферу, гулко отзываясь на земле.

Бабушка открыла старенькие ставни, и в дом робко проскользнул солнечный свет, пересчитал стоящие в серванте праздничные фужеры и мирно свернулся в углу комнаты. Зарождался новый день – время, когда не было тревог, только ощущение свободы и безграничного счастья. Так начинались мои каникулы.

Я открыла глаза и спросонья потянулась. Койка, высокая и упругая, пахнущая свежим бельём, лениво захрустела. Нежась на нескольких слоях матрасов и одеял, я представляла себя принцессой. И наверняка где-нибудь в глубине под накрахмаленной простыней таилась горошина...

– А где дедушка? – спросила я у бабушки, резво заскакивая на кухню. Захлебнувшись вкусными запахами, я ощутила сильный голод, и, наспех помыв руки, отправилась к столу. Под тканевой салфеткой уже стояла широкая миска горячих булочек, свежей клубники и абрикосов. Бабушка заварила для меня ароматный чай.

– Дедушка собирается на сенокос, – ответила бабушка.

– Как, уже? Ведь солнце только-только взошло!

– Катюша, за травой нужно отправляться с первыми лучами солнца. Позже в поле станет слишком жарко, воздух начнёт обжигать, поэтому в обед лучше находиться дома в тени и прохладе.

У меня вдруг возникло досадное ощущение, что пройдёт ещё минута – и я пропущу что-то очень важное. Поэтому наспех проглотила завтрак и побежала в сарай. Дедушка уже выкатывал свой велосипед с примотанной к раме косой.

– Я с тобой! – Мой звонкий голос внезапно всполошил и без того беспокойных кур, вызвав бурю недовольства. Уже через пять минут я стояла около своего велосипеда и с важным видом ковыряла пальцем пузатый звонок. Бабушка заботливо повязала мне на голову косынку и дала бутылку с водой.

Закрутились педали, и мы вынырнули из тенистого двора. Под колёсами нагретая грунтовая дорога упруго отзывалась и была гладкой, словно спина огромного кита. Сонный переулочек пустовал, с одной стороны окружённый гаражами, а с дру-

---

¹⁷ Козяча мати (укр.) – козья мать.

гой – мелькающими дощатыми заборами, из-за которых приветливо махали ветвями-руками тучные деревья.

Мы повернули направо и выехали на ровную, широкую дорогу, покрытую бетонными плитами. Мне сразу захотелось разогнаться, ощутить усталость и силу встречного ветра, щедро пропитанного пахучими травами. Но дедушка ехал осторожно и не спеша, поэтому я покорно следовала за ним.

Замелькали душистые поля. Они вольготно разлеглись по обе стороны дороги. То и дело выныривали озорные макушки подсолнухов, кусты картошки и всходы посевного рыжика, из которого в местных краях делали душистое масло. Мы свернули вниз с дороги и остановились. Пока дедушка доставал и расправлял холщовые мешки, я носилась от одной травинки к другой, разглядывала диковинные соцветья, беспокойных букашек и поднимала девичье лицо к утреннему солнцу. Пока я занималась «важным» делом, дедушка начал косить траву. Сильной, уверенной рукой он совершал размашистые движения, оставляя позади себя пухлые, зелёные ряды.

Я взяла мешок и начала набивать его свежей травой. Стебельки то и дело щеко-тали запястья, я морщила нос и смеялась. Дедушка докосил траву и стал мне помогать. Мы завязали два тугих мешка – один поменьше, другой большой, величиной с человека. Последний дедушка с трудом перекинул через свой багажник, следя, чтобы концы равномерно свисали по разные стороны велосипеда, и надёжно закрепил. Очередь дошла до меня. Пока дед примерял груз, в душе я ощущала себя совсем взрослой, которой поручили очень важное задание. Ещё бы! Когда мой мешок оказался на багажнике, я взялась за руль велосипеда и поняла, что теперь ехать придётся гораздо медленнее и аккуратнее.

Напоследок дедушка нарвал охапку полевых цветов: каждый раз, возвращаясь с поля, он уже много лет традиционно дарил их бабушке.

Солнце начинало припекать, и мы отправились домой. Каждая кочка чувствовалась гораздо острее, чем прежде, благодаря мешку, который вольготно развалился позади седла. Первый раз в жизни я везла такую тяжёлую поклажу!

Мы снова выехали на дорогу из бетонных плит. Их стыки под колёсами ритмично повторяли: «Та-дам, та-дам, та-дам...» Вдруг мой велосипед стал наклоняться в левую сторону. Медленно, но верно я начала падать на бок. Ещё минута – и я уже болтала в воздухе ногами, смотря правой педалью в небо. Всё дело было в мешке, который настырно слазил с багажника и тянул за собой.

– Дедушка! – громко закричала я. Он остановился, посмотрел назад и громко захохотал. Вот те раз!

Дед развернулся и подъехал ко мне. Затем крепко схватился за велосипедную раму и потянул на себя. Я изумилась крепким старческим рукам, за мгновение поставившим меня на ноги. Дедушка поправил мешок, ещё раз убедился в надёжности креплений, и мы отправились в путь. Оставшиеся километры мы проехали без происшествий.

Калитка отворилась, и мы в буквальном смысле ввалились во двор. Собаки при виде хозяина радостно завизжали, усердно виляя хвостом и подпрыгивая что есть сил. Бабушка выглянула из дома и улыбнулась, заметив цветы, торчащие из дедушкиной сумки...

Вскоре мы сели за обеденный стол. Как раз подоспел свежий борщ со свиной и нежные голубцы со сметаной. Будучи ужасно голодной, я съела всё, что положила мне бабушка. Не осталась в стороне и забавная история с мешком: я долго смаковала случай и радовалась, когда мой рассказ вызывал смех у родных стариков.

После сытного обеда все отправились смотреть телевизор, а я в дальней комнате забылась глубоким дневным сном. Жара медленно начала отступать...

**Казымова
Елена Николаевна**

Член студии Кетовского литературного объединения «Тобол». В 2025 г. отрывок из книги «Око времени. Из рода Рыси» опубликован в журнале «Родник». С 2023 г. – автор публикаций на электронных ресурсах «Литрес», с 2025 г. – на сайте «Proza.ru». Окончила Курганский педагогический институт, факультет иностранных языков и Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, факультет коррекционной педагогики. Преподавала на кафедре управления образованием в Институте развития образования и социальных технологий, в Курганском государственном университете на кафедре психологии. В Департаменте образования Курганской области работала в управлении по надзору и контролю в сфере образования.

Автор более 70 научно-методических публикаций по коррекционной педагогике. Ветеран педагогического труда. Увлекается краеведением. «Око времени. Из рода Рыси» – первое художественное произведение автора в жанре исторической фантастики, основанное на историко-археологических фактах о быте древних людей, населявших территорию современной Курганской области. В «Тоболе» публикуется впервые.

Встречи бывают разными (отрывок из книги «Око времени. Из рода Рыси»)

Группа охотников в меховых куртках с капюшонами, меховых штанах и тёплых унтах стояла на краю укутанного снегом поселения. На месте землянок высились снежные сугробы, и только тоненькие столбики дыма, поднимающиеся ввысь, да расчищенные дорожки указывали на то, что здесь находятся жилища людей.

– Умеешь ходить на снегоступах? – спросил Артёма Ирт, протягивая настоящие охотничьи лыжи. Короткие, широкие, подбитые лосиным мехом, они отлично скользили по снегу и не позволяли скатываться назад.

– На таких – нет. У нас другие... – мальчик загнулся, – лыжи. На них много ходил, – Артём рассматривал нечто, похожее на скиборды. – Наверное, и на таких справлюсь, – ответил, примеряя снаряжение. – Только вот без палок будет сложно, – проворчал он себе под нос.

– Вот и ладно, – усмехнулся Корт, высокий плечистый мужчина с окладистой бородой и пышными усами. – Ищем кормовой след, не отставай, – и двинулся по едва заметной лыжне к такому же заснеженному лесу.

Следом пристроились два его младших брата, сын с племянниками и Артём. За плечами у каждого висел мешок, а в руке было зажато копьё. Прошло не более двадцати минут, как бородач остановился.

– Почему кормовой? – спросил шепотом мальчик, подъехав к Карту.

– Так расстояние между отпечатками копыт почти в два раза короче, чем на гонном. Смотри, вот здесь лоси кормились: ветки ивняка обгрызены и помёт свежий. Двое их, корова с телёнком. От места кормёжки далеко уйти не должны. Зимой они мало ходят, жир берегут.

– А почему корова?

– Потому что у коровы след мельче, чем у бы-

ка, и круглее, – удивился непонятливости парня мужчина.

– Ясно, – Артём потряс головой. – Корова – это лосиха. А как ты понял, куда они пошли? – спросил и тут же ответил сам: – А-а, вот же: снег из ямки копытом выбит, и полоска на снегу: она ногу опускает, когда идёт! – восторженно выдохнул он.

– Правильно, – усмехнулся охотник. – А ты не так плох, как кажешься. Ирт, – позвал он сына, – обходи с ребятами справа, гони на нас, мы с подветренной стороны ждать станем. – И, кивнув Артёму – мол, иди с ними, – остался с братьями на месте.

– Слушай, Ирт, а ничего, что снег скрипит под снегоступами? – Артём шёл вторым в цепочке подростков.

– Ничего. Мы же обходим их по дуге, они услышат нас и пойдут в сторону отца, другого пути нет, – ответил парень и, велев одному из братьев остаться, продолжил путь.

Расставив пятерых загонщиков полукругом, Ирт достал рог и затрубил. Низкий тягучий звук нарушил тишину леса. И тут же все застучали палками по деревьям, закричали. Закричал и Артём, поддавшись общему азарту, и направился в сторону охотников.

Какое-то время он молча продирался через кусты. Наконец, выбравшись на опушку, окружённую вековыми соснами, чуть не уткнулся носом в здоровенную узкую голову с длинным рылом. Огромный, с полтонны, кабан с острыми, как ножи, клыками сверлил его злобными глазами-бусинами. Это был настоящий вепрь. Мощная броня из толстой кожи, покрытой жёсткой щетиной, стоящий дыбом гребень на спине. Человек и зверь замерли друг против друга: человек – от страха, зверь – перед атакой. Уши кабана начали медленно прижиматься к голове, и Артём, внезапно поняв, что сейчас его как бабочку нашьпилят на острые клыки, разозлился и без замаха ткнул копьём, которое нёс на плече, прямо в морду монстра. И – поди ж ты – попал в глаз.

Вепрь мотнул головой. Копьё вырвалось из рук мальчика, больно хлестнуло по груди и отлетело в сторону. Наконечник обломился. Разъярённый зверь, обливаясь кровью, метался между деревьями, ничего не видя и не слыша. Затаившись за могучей сосной, Артём боялся пошевелиться, всё тело тряслось, как в лихорадке, тишину леса нарушали только злобный визг и звук взрываемого копытами снега. Внезапно шум стих. Несколько долгих секунд мальчик стоял неподвижно, затем решился выглянуть из-за дерева и... пропустил момент атаки. Мощный удар свиньячьего рыла словно тараном вонзился в бок, но не отбросил. Человек повис на окровавленных клыках, с легкостью проткнувших меховую куртку и только чудом не задевших тело. Хотя нет: спина очень даже почувствовала костяной холод. Кабан на секунду замер, не понимая, видимо, что произошло, затем со всей дури долбанул башкой о ствол сосны, пытаясь стряхнуть наглого человечешку, оказавшегося чуть уже размаха его сабельных зубов.

– Попытка не засчитана... – застонал от боли в голове Артём и потерял сознание. Тогда зверь мощным рывком вскинул голову вверх, и обмякшая от первого удара тушка соперника безвольно мотнулась и отлетела под ближайшее дерево. Человек не шевелился, и кабан не спешил его добивать. Но вот мальчик открыл глаза и попытался оценить ситуацию: лежит на боку, за кустами метрах в пяти застыл противник. Артём попытался осторожно встать, но, не удержавшись, застонал от боли, а вепрь, будто ожидавший этого сигнала, ринулся вперёд. Откуда что взялось? В единый миг мальчик взвился в прыжке, ухватившись за толстую ветку, а хозяин поляны лишь задел головой за снегоступы. Лыжи улетели, чуть не оторвав ноги – благо лишь ремешки от удара порвались, – а Артём с трудом подтянулся и уселся на ветке, тяжело дыша. Кабан, преодолев в прыжке несколько метров, встал как вкопанный, мгновенно развернулся и, опустив голову вниз, в одну секунду оказался у сосны, на которой сидел нарушитель его спокойствия.

– Вот я дурак! Надо было сразу лыжи снять. Настоящий охотник, ёлки-палки! – усмехнулся Артём нелепости ситуации. – Ну, что, одноглазый Джо? – уже нисколько не боясь, а дрожа лишь от волнения, крикнул он. – Не достать тебе меня? Облобался? – Он залился нервным смехом, трогая рукой набухающую на затылке шишку. – Да-а, если бы не шапка...

А кабан не спешил уходить. Он постоял какое-то время, затем начал методично ударять корпусом по сосне. Дереву ничего не грозило, а вот ветка, на которой сидел мальчик, стала раскачиваться и через некоторое время потрескивать.

«Таким макаром этот монстр меня скоро вниз сбросит», – Артём лихорадочно искал выход и не находил. Все нижние ветки были сухими, его вес они точно не выдержат, как держалась эта – ещё вопрос. Лихорадочно расстегнув рюкзак, Артём вынул верёвку, сплетённую сестрой, и попытался обхватить ею ствол, но опора была шаткой и никак не удавалось соединить концы, да и удары зверюги мешали. В результате горе-охотник завязал узел и сделал в несколько оборотов петлю, в которую засунул ногу. И только закончил, как ветка обломилась и рухнула на голову зверя. Артём чуть не свалился следом, чудом перенёс вес на верёвочное кольцо и схватившись руками за сучок, торчащий рядом.

Холод уже начал пробираться под одежду, а секач всё не уходил. Перестав биться о дерево и просто улёгшись в снег, он время от времени поднимал голову и смотрел на обидчика налитым кровью глазом. Из второй глазницы торчал костяной осколок.

– У тебя что, мозга нет? – закричал мальчик. – Или он такой крохотный, что копё не достало? Когда ты наконец содхнешь?!

Артём от отчаяния плюнул в морду зверя. Тот даже не шелохнулся, продолжая сверлить врага ненавидящим взглядом.

«Где же Корт? Неужели они меня здесь бросят?» – Артём поменял в петле начавшую немать ногу. – «А я ещё хочу вернуться домой. Когда-нибудь...»

Посмотреть, ранил его зверь или нет, мальчик не мог, но на боку, похоже, набухал здоровенный синяк. Рёбра, скорее всего, сломаны не были, и он решил, что ещё легко отделался.

«Ну что же делать?» – Замёрзшие пальцы ног с трудом шевелились, да и пальцы рук уже плохо слушались. – «Если он не уйдёт, я просто свалюсь ему на голову...»

Вепрь ещё несколько раз задира морду.

«Да, бить в голову или брюхо такую тушу бессмысленно. Достать до сердца? Это надо пробить жёсткую шкуру, затем толстый слой мяса и попасть между рёбер, – Артём усмехнулся. – А это надо бить снизу – ну, чтобы между рёбер... А эта сволочь вон какая прыткая... А у меня нож ни разу не железный...»

Артём с тоской взглянул на небо. Солнце ещё не село, но высокие деревья задерживали свет, стали сгущаться сумерки, полетели первые снежинки. «Значит, надо ударить и дожимать со всей силы, – продолжал размышлять мальчик. – Но вот куда?»

Кабан снова поднял голову.

«Живучий, зараза». Артём в очередной раз попытался переступить в петле, но окоченевшие ноги не послушались, и он промахнулся. Всё произошло в один миг: зверь вскочил, а Артём немислимым образом извернулся в воздухе и упал на горб свина. Тот, не понимая, что происходит, стал бешено мотать головой, оглушая окрестности противным визгом, и вскоре болтающийся на шее противник расцепил непослушные пальцы и улетел в кусты. Быстро достав нож, Артём приготовился сражаться, но подняться не удалось. Кабан тараном вломился в гущу подлеска и уже готов был всадить клыки в бок лежащему на снегу человеку, как тот ужом скользнул в сторону и воткнул в ухо замершего на секунду зверя каменный клинок. «До-жи-мать», – тело Артёма действовало на автомате. Он прильнул к врагу, обхватил ногами шею и уцепился левой рукой за один из клыков.

– До-жи-мать!.. – Хрипя от натуги, Артём давил и давил на рукоятку ножа. – Только бы наконецник выдержал, только бы не сломался, – шептал мальчик. Нако-

нец ноги кабана подогнулись, и он стал медленно заваливаться на бок. Победитель с трудом оторвал онемевшую кисть от оружия и отвалился в другую сторону.

Сколько времени прошло – Артём не знал, только уже наступила ночь, а на изломанных прутьях лежать было, мягко говоря, некомфортно. Насилу разогнув заочевшее тело, мальчик посмотрел на возвышавшуюся рядом гору мяса. «Почему мяса?» – Мозг отказывался соображать. «Потому, что ты хочешь есть», – прагматично заключил кто-то внутри.

Найдя присыпанный снегом рюкзак, Артём сгрыз лепёшку и кусок холодной варёной оленины, положенный Агной в дорогу, и огляделся: «Куда же идти?»

Тёмные стволы сосен свечами тянулись ввысь. Их кроны волнами ходили от ветра, который не мог пробиться вниз, а только с силой раскачивал верхушки.

«Значит, остаюсь здесь до рассвета, а там разберёмся. Утро вечера мудренее...»

Смахнув со спины кабана снежинки, Артём улёгся на тушу и мгновенно уснул, как бы сказала бабушка, сном праведника.

Снилось, что бежит он по зимнему лесу, снегоступы легко скользят по снегу, а вокруг тишина. Вдруг навстречу выскакивает огромный одноглазый секач с рукояткой ножа, торчащей из уха, останавливается напротив и взволнованным голосом говорит: «Вставай, замёрзнешь».

Артём рывком вскочил, скривившись от боли в заочевшем теле. Было раннее утро. Вокруг него стояли охотники и с изумлением осматривали тушу кабана. Снег ночью, так и не разойдясь, прекратился, и следы сражения были хорошо видны.

Корт молча подал знак мужчинам заняться добычей, а сам подошёл к мальчику и крепко обнял. Так же не говоря ни слова, мужчины сложили первый трофей молодого охотника на волокуши и отправились в обратный путь. Артём, ничего не понимая, плёлся следом, еле передвигая ноги и опираясь на обломок копыя. Его снегоступы нашли и помогли привязать к обуви.

Жители селища, увидев процессию, побросали свои дела и побежали навстречу. Заплаканная Арина выскочила из землянки, повисла на шее у брата и вдруг потеряла сознание. Артём подхватил сестру, не дав упасть, и тяжело осел на землю, принявшись растирать щёки девочки снегом.

Наконец малышка очнулась и принялась колотить брата кулачками по груди:

– Никогда, слышишь, никогда не умирай, иначе я сама тебя убью!.. – и горько разрыдалась, уткнувшись в плечо Артёма. Мальчик грустно улыбался, не сопротивляясь ударам. А вокруг продолжали хлопотать люди.

КОРАБЛИК ДЕТСТВА

*Виноградова
Нина Николаевна*

Лауреат литературных конкурсов, член Кетовского литературного объединения «Тобол».

Родилась в с. Рынки Петуховского муниципального округа в 1955 г. Окончила Октябрьскую восьмилетнюю, затем Петуховскую среднюю школу. Писать стихи начала в 14 лет. Занималась в литературном объединении «Радуга» при районной газете «Заря».

Проживает в с. Падеринском Кетовского муниципального округа Курганской области.

В «Тоболе» публикуется впервые.

Наша горка

Мама, папа, я, Егорка –
Мы с семьёю строим горку.
Папа наш за всем следит,
Нами сам руководит.
Он лопатой снег бросает,
Горка наша вырастает.
Мама правит ей бока –
Будет горка высока.
Папа – мастер на все руки,
Он избавит нас от скуки.
Нам с братишкой дал приказ:
Принести дырявый таз.
Не боимся мы мороза,
Пропустите снеговоза!
Приспособили мы таз,
Похвалила мама нас.
Подошла к концу работа,
Прокатиться нам охота,
Папа строго запретил,
Он с ведром раз шесть ходил.
Нарезал потом ступеньки,
Помогли ему маленько.
Вскоре всех позвал домой.
Будет горка ледяной.
Утром гладкой стала горка,
Был в восторге наш Егорка,
Добрый выдался мороз,
Не подвёл ночной прогноз.

Вот так гости!

Нас вчера подружка Зина
Позвала на именины.
Даша с Леной, две сестрёнки,
Подарили ей котёнка,
Вера – куклу, Таня – книжку,
Валя – плюшевого Мишку,
Я – альбом, карандаши, –
Все подарки хороши.
Нас за стол всех посадили,
Очень вкусно накормили,
А потом играли, пели,
Ещё мультики смотрели.
Развернули все подарки –
Вере стало куклу жалко.

«Я возьму её с собой!» –
И одна ушла домой.
Тётя Света все конфеты
Предложила нам забрать
И пойти во двор гулять.
Во дворе играли в прятки,
Доедали шоколадки.
После Зинину собачку
Накормили сладкой жвачкой.
От конфет свои бумажки
Побросали Жучке в чашку.
А потом пошли домой,
Все довольные собой.

Мой щенок

Наконец-то мама с папой
Подарили мне щенка.
Я всё время трогал лапы,
Гладил тёплые бока.
Он лизал мои ладошки
И повизгивал слегка.
Я насыпал в миску крошки
И добавил молока.
Он лакал так торопливо,
Хвостиком смешно махал,
На меня смотрел пугливо,
Я лишь счастливо вздыхал.
Мама строго наказала,
Чтоб кормил его немного,
Расстелила одеяло
Чуть подальше от порога.
«Здесь щенок твой будет спать,
И здесь можешь с ним играть».
Целый день играли в прятки,
И я ползал, как щенок,
Он кусал меня за пятки,
Я расстаться с ним не мог.
Мы с моим дружкой устали
И, закончив все дела,
У порога сладко спали,
Пока мама не пришла.

Вместе с папой на природе...

Вместе с папой на природе
Жжём ботву мы в огороде.
Снег на солнце быстро тает,
Ручеёк бурлит, играет.
Я кораблики пускаю,
Их на волю отпускаю
Прямо в море-океан –
В наш глубокий котлован.
Вслед за ними я бегу,
Жаль, расстаться не могу.
В котлован спускались гуси
Нашей бабушки Маруси.
Стали крыльями махать.
Как кораблики достать?
Я рукою потянулась
И, конечно, поскользнулась.
Вот и я теперь плыву,
Только громко я реву.
Папа охнул, вмиг примчался
И в воде со мной «купался».
Еле вытащил меня,
Мокрый весь был, как и я.
Я, конечно, заболела,
Ничего почти не ела
И под музыку капли
Пролежала две недели.
Папа спас меня тогда –
Не забуду никогда.

ЮБИЛЕИ

Николай Покидышев

Курганскому региональному отделению Союза писателей России – 60 лет

История Курганской писательской организации началась в 1965 году, когда Секретариат Правления Союза писателей РСФСР принял решение о создании в Курганской области писательской организации. Сообщение об этом пришло за подписью руководителя Союза Леонида Соболева.

По уставу организация могла быть создана, если в области проживает не менее пяти членов Союза писателей. В то время такого количества писателей у нас не было, поэтому на жительство в Курган были приглашены из Челябинска Яков Вохменцев и Николай Глебов. Курганская писательская организация объединила пятерых профессиональных писателей: Якова Вохменцева, Ивана Коробейникова, Николая Глебова, Василия Еловских, Ивана Дзержинского.

Первым руководителем был избран Яков Терентьевич Вохменцев, который стоял у руля творческого союза почти десять лет, вплоть до ухода на пенсию в конце сентября 1974 года и много сделал для активизации литературной жизни в Кургане и области.

С 1974 по 1998 год руководителем Курганской областной писательской организации неизменно избирался Иван Павлович Яган. В 1999–2003 годах ответственным секретарём был Валерий Сергеевич Меньшиков, затем вновь И. П. Яган, а с 2008 года – Владимир Иванович Филимонов. С 2019 года Курганскую областную писательскую организацию возглавляет Сергей Аркадьевич Кокорин. Почти ежегодно в писательскую организацию вливаются новые члены творческого Союза. За всё время существования Курганской писательской организации в ней состояло более шестидесяти литераторов. Сегодня в составе областной организации Союза писателей России 31 человек.

Главной задачей писательской организации было и остаётся повышение литературного мастерства молодых, их воспитание на лучших традициях русской литературы. Проводятся семинары молодых литераторов, литературные декады и даже месячники, в которых принимают участие писательские бригады в 10–12 человек. Огромный спрос, как и прежде, ощущаем мы на печатное и устное слово писателя.

В свою очередь такое общение даёт писателям богатый материал для творчества. Книги курганских писателей, изданные за 60-летний период существования творческого союза, в различных издательствах составляют миллионы экземпляров. По инициативе писательской организации с 1993 года стал издаваться литературно-публицистический альманах «Тобол». Издававшийся несколько лет журнал «Сибирский край» сейчас, к сожалению, не выходит. С 2014 года в Кетово издаётся литературный журнал-сборник «Родник», который на сегодня уже по факту стал межмуниципальным, в нём печатаются также авторы из соседних регионов.

В 2017 году создана Ассоциация литературных объединений Курганской области с целью координации деятельности литобъединений по пропаганде художественной литературы, продвижению произведений местных авторов и совместному проведению мероприятий.

Многие писатели – члены Союза являются лауреатами губернаторской литературной премии имени В. Ф. Потанина и городской премии «Признание», а также многих Всероссийских и международных литературных конкурсов.

Члены Курганской областной писательской организации ведут большую общественную работу и возглавляют литературные объединения. Виктор Фёдорович Потанин является членом Высшего творческого Совета Союза писателей России. Марина Танаева ведёт литстудию «Пробуем перо» при Курганском технологическом колледже. Заместитель председателя писательской организации Николай Покидышев возглавляет Клуб любителей поэзии «Сонет» при Центральной городской библиотеке имени В. В. Маяковского. Александр Рухлов ведёт школу молодого литератора «Шинель» при Областной библиотеке имени А. К. Югова. Екатерина Пермякова в соцсетях ведёт страницу Курганского регионального отделения СПР. Председатель писательской организации Сергей Кокорин возглавляет Кетовское литобъединение «Тобол», Ассоциацию литобъединений Курганской области и является главным редактором журнала «Родник». Николай Анощенко, являясь заместителем председателя писательской организации, ведёт большую общественную работу, был делегатом 17-го внеочередного съезда СПР, на котором принят новый Устав организации, председателем Союза был избран Владимир Мединский. Съездом, при поддержке Президента РФ, был взят курс на повышение социальной значимости Союза писателей России.

По итогам работы съезда прошло общее собрание Курганского регионального отделения СПР, на котором принят новый Устав, переизбран председатель (С. А. Кокорин) и Правление КРО на новый срок. В соответствии с новым Уставом введена должность директора регионального отделения. Им стала Бабушкина Ольга Юрьевна. Кроме этого, она является главным редактором журнала «Тобол».

Работают с молодёжью и активно ведут общественную работу писатели: Надежда Ефремова, Виктор Воинков, Валерий Портнягин, Ольга Дружкова, Владимир Филимонов, Александр Моргунов, Андрей Ветров, Анастасия Меньщикова и другие. Продолжает работу Каширинский литературно-краеведческий музей под руководством Андрея Белоусова.

Юбилейный для писательской организации 2025 год является также годом юбилея Победы в Великой Отечественной войне. Этот год объявлен Президентом РФ Годом Защитника Отечества, поэтому писатели активно включились в патриотическую работу с молодёжью. Посвящены юбилею Победы номера вышедших литературных журналов «Тобол» и «Родник».

Члены писательской организации проводят множество творческих встреч в образовательных учреждениях, библиотеках, оздоровительных лагерях.

По инициативе писателей Администрация Кетовского района присвоила имя писателя-фронтовика П. З. Кочегина Шмаковской сельской библиотеке, а члены ЛО «Тобол» переиздали его книгу «Под хмурым небом».

Зауральские писатели помогают солдатам, воюющим на Донбассе, не только тем, что пишут патриотические стихи, статьи и очерки, посылают в библиотеки вернувшихся в состав России регионов книги и журналы, но и участвуют в организации материальной помощи, посылая деньги, продукты и вещи бойцам СВО.

Главный вопрос, который (по мнению Союза писателей России) необходимо решить на сегодняшний день литературному сообществу Зауралья, – увеличение тиража двух литературных журналов: «Тобол» и «Родник». Эта задача важна, потому что названные журналы являются единственными литературными периодическими изданиями Зауралья. В них публикуются произведения зауральских писателей, направленные на гуманизацию, просвещение, повышение интеллектуального уровня, воспитание патриотизма, моральную поддержку бойцов СВО, побуждение людей к размышлению, что идёт на пользу любому обществу в любой ситуации. Именно поэтому их должна получать каждая библиотека, и в первую очередь школьная.

Зауральские литераторы (как, впрочем, и все российские писатели) надеются, что начавшиеся реформы нашего Союза дадут положительный результат. Подписанный Президентом РФ Указ о передаче Союзу писателей России издательства «Художественная литература» подтверждает это.

Содержание журнала «ТОБОЛ» № 46 (2025):

Ольга Бабушкина	
Слово главного редактора.....	3

ПОЭЗИЯ

Николай Покидышев	
Сны	4

Владимир Филимонов	
Однокласснику Коле Пономарёву.....	16
На 70-летие Ивана Ягана	16
Однокласснице Ане Зубаревой	17
Прощание	17
Однокласснику Пете Бирюкову	17
Памяти Бориса Ивановича Новикова, основателя журнала «Сибирский край»	18
Геннадию Воронину, Заслуженному работнику культуры РФ	19
На 75-летие Николая Аксёнова	19
Люде Ф.	20
Незрячему баянисту на Центральном рынке.....	20
Валерию Портнягину в год его 70-летия	21
Однокласснику Пете Емельянову	22
Татарочке из с. Шарипово	22
Ольге М.	23

Инвер Шеуджен	
Выйду в поле, время закатное	24
Я брожу по ночному городу	24
Когда небо прольётся дождём	25
Согрев дыханьем лиры след	25
Глаза ласкает позолота.....	26
Как в молодости горячи объятья	26
Небо на ладони, шапки гор седые... ..	27
Закончилась войны эпоха	27
Два друга.....	28
Ты слышишь ли меня, солдат	28
Прострелено сердце	29

Николай Аноценко	
«Пока зима не началась...».....	30
«По жёлтому платью скучая...»	30
«Я пережил по возрасту Рубцова...»	30
О стихах Алексея Еранцева	31
«“Я вас любил...” От Пушкина до Бродского...».....	31
«Гулкий голос Японского моря...»	32
Прощёное Воскресенье	32
«Под гул колёс и стыков перебой...»	33

<i>Сергей Кокорин</i>	
Поэтический сборник Анастасии Менщиковой	
«Пока не поздно».....	34
<i>Анастасия Менщикова</i>	
Молитва.....	37
Цените близких!	37
Послевкусие	38
<i>Роман Башкардин</i>	
«Летний вечер разлился	
по зыбким ладоням реки...»	143
«По янтарному свету солнца...»	144
«Сердце августа. Солнце – астрово...».....	144
Выборгу.....	144
«Март – это первый цветок,	
сумрак весенних дорог...»	145
<i>Анатолий Арестов</i>	
«И ветер с утра не прохладный, не жаркий...»	146
Грач-кудесник.....	146
Путь-дорога.....	146
Костерок.....	147
<i>Елена Колесникова</i>	
Павшим	148
Единственное небо	148
«До самой своей золотой сердцевинки...»	149
«Туман такой, что показалось мне...»	149
<i>Екатерина Грушихина</i>	
Русь моя, сердобольная сказка	150
Умчу на электричке с Павелецкого.....	150
На подмосковной даче в Востряково	151
Я родилась в далёком октябре.....	151
Старуха дремлет на крылечке	152
<i>Кристина Денисенко</i>	
Вековыми песками Кафы.....	153
Я тебя излечу, мой храм.....	154
Светлая осень.....	154
Детище Петра	155
Жираф.....	156
ПРОЗА	
<i>Виктор Потанин</i>	
На родном крыльце	39
<i>Владимир Марфин</i>	
Детский дом «Интурист»	44
<i>Валентина Астафьева</i>	
Ангел-хранитель.....	56
<i>Валерий Портнягин</i>	
Иван да Марья	71
<i>Марьям Исакова</i>	
Паровозный маршрут	73

<i>Виталий Носков</i>	
Отрывок из романа «Кровь твоих сыновей...»	157
<i>Сергей Кокорин</i>	
Артист	164
Слепой дождь.....	166
День дурака.....	168
<i>Алексей Куренёв</i>	
Галилея.....	174
Не баг, а фича	176
<i>Георгий Ефимов</i>	
Грибной полустанок.....	185
Ксюса.....	186
Утро	187
<i>Татьяна Коростелёва</i>	
Быванье на родине.....	190
Гнёздышко	191
ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ	
<i>Виктор Булдашов</i>	
Стальная магистраль на Целину.....	79
<i>Сергей Виниченко</i>	
Сын за отца. Атрибуция одной фотографии	87
ИСКУССТВО	
<i>Юрий Побритухин</i>	
Живопись – это мой единственный способ жить.....	96
<i>Светлана Кулакова</i>	
Время в лицах. О портретах Бориса Синицына (к 90-летию художника)	109
<i>Елена Бердникова</i>	
Выстоявшая. К юбилею художницы Фаины Ивановны Ланиной.....	113
200-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ ПОСВЯЩАЕТСЯ	
<i>Владимир Ага</i>	
Курганские декабристы на Сенатской площади	123
<i>Александр Бондаренко</i>	
«Принадлежал к числу исключительных натур...» ...	137
<i>Александра Васильева</i>	
Курганская семья декабриста Бриггена	193
<i>Борис Карсонов</i>	
Вечер у Дурановых (фрагмент из книги «Узник гатчинского сфинкса»).....	204
КОРАБЛИК ДЕТСТВА	
<i>Екатерина Пермякова</i>	
Козяча матери.....	224
Помощница	226

<i>Елена Казымова</i>	
Встречи бывают разными (отрывок из книги «Око времени. Из рода Рыси»)	228
<i>Нина Виноградова</i>	
Наша горка	232
Вот так гости!	232
Мой щенок	233
Вместе с папой на природе...	233
ЮБИЛЕИ	
<i>Николай Покидышев</i>	
Курганскому региональному отделению Союза писателей России – 60 лет	234

